ИСТОРИЯ
и
АРХЕОЛОГИЯ
ДРЕВНЕГО
КРЫМА

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО КРЫМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ · 1957

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *П. Н. Шульц*

Печатается по постановлению Крымского филиала Академии наук Украинской ССР

Редактор *Е. В. Максимов.*

Техредактор *Е. Н. Розенцвейг.* Корректоры *Н. К. Сытник* и *Н. А. Попова.*

БФ 02011. Зак. № 345. Изд. № 306. Тираж 4000. Формат бумаги 70×90¹/₁₆. Печ. листов 24,57. Учетно-издат. листов 23,5. Бум. листов 10,5. Подписано к печати 14.I 1957 г. Цена 15 руб. 60 коп.

Типография Издательства АН УССР, Киев, Репина, 2.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В послевоенные годы в Крыму систематически проводились широкие археологические исследования первобытной, древней и средневековой истории Таврического полуострова.

Объединеиная сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР в мае 1952 г. подвела итоги выполненным работам, вскрыла ряд ошибок и недостатков в освещении истории Крыма, наметила пути к их исправлению и определила программу дальнейших исследований.

Сессия рекомендовала Крымскому филиалу шире развернуть работу по публикации монографий, научно-популярной исторической литературы, равно как и по созданию хрестоматий и сборников по истории Крыма [1].

Выполняя это решение, отдел истории и археологии Крымского филиала, преобразованный в настоящее время в отдел античной и средневековой археологии Института археологии Академии иаук УССР, подготовил два выпуска Трудов по истории и археологии Крыма. В этих Трудах публикуются по преимуществу статьи, написанные на основе докладов, прочитанных на сессиях по истории и археологии Крыма, систематически созывавшихся филиалом, начиная с 1948 г. Именно поэтому представленные статьи в известной мере суммируют иаучные работы по археологии первобытного, древнего и средневекового Крыма, проводившиеся ие только сотрудиками филиала, но и специалистами Москвы, Ленинграда, Киева и краеведами Крымской области.

В настоящий, первый выпуск Трудов вошли статьи по первобытной и древней археологии Крыма. Во второй выпуск войдут статьи по археологии и истории средневекового Крыма.

До сих пор по археологии Крыма публиковались преимущественно результаты исследований наиболее крупных античных и средневековых цеитров Таврического полуострова: Боспора и Херсонеса. В настоящем сборнике центр тяжести перенесен иа исследования истории местных племен и народностей древнего Крыма, на изучеиие их поселений, могильников,

---

[1] Решеиие Объединеииой научной сессии Отделеиия истории и философии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма, Симферополь, 1952, стр. 7, п. 25.

антропологического материала в предгорных, горных и отчасти степных районах, так как именно круг этих вопросов недостаточно еще освещен в научной литературе.

Почти во всех статьях публикуется материал археологических исследований послевоенного времени. Сборник отражает направление археологических работ отдела истории и археологии филиала, в значительной степени подчиненных разработке вопроса о роли местных племен и народностей в истории древнего и средневекового Крыма, являвшегося неотделимой частью Северного Причерноморья.

Сборник включает в себя 5 разделов:

1. Публикация материалов по первобытной археологии Крыма эпох палеолита, неолита, бронзы и перехода к железу (статьи О. Н. Бадера, К. Ф. Соколовой, В. В. Веселова, Х. И. Крис, В. В. Бобина).

2. Публикация материалов по скифо-сарматской археологии (статьи П. Н. Шульца, В. П. Бабенчикова, Н. Н. Погребовой, А. П. Манцевич, Т. Н. Троицкой, О. И. Домбровского, Э. И. Соломоник, Е. В. Веймарна).

3. Публикация материалов по античной археологии Крыма (статьи Г. Д. Белова, Н. В. Пятышевой, М. А. Наливкиной, И. И. Бабкова).

4. Публикации по вопросам археологической технологии — реставрации и консервации археологических памятников (статья О. И. Домбровского).

5. Публикация археологических заметок информационного, краеведческого характера о новых или недостаточно изученных памятниках (статьи А. А. Щепинского, М. К. Зиновьева, Г. А. Никитина). В заметке А. П. Припускова ставится недостаточно исследованный вопрос об использовании зольных подстилок в скифских сооружениях.

В ряде статей подняты новые и мало разработанные еще вопросы, имеющие иногда дискуссионный характер, например о фракийском происхождении некоторых изделий из драгоценных металлов, найденных в скифских курганах (статья А. П. Манцевич), и о времени проникновения славян в Крым. Этот вопрос, затронутый в статье Е. В. Веймарна об Инкерманском могильнике в связи с находкой там сосудов типа полей погребений, получит более широкое освещение во втором выпуске Трудов отдела, посвященном истории и археологии средневекового Крыма. Для решения этого вопроса необходимо продолжить успешно начатые в Крыму раскопки поселений и могильников времени поздней античности и раннего средневековья; потребуется также и критическое изучение всех относящихся к данной проблеме письменных источников.

Следует указать, что редакция не может согласиться с некоторыми, недостаточно обоснованными выводами отдельных статей. Например, в статье В. П. Бабенчикова о некрополе Неаполя скифского отрицается влияние искусства Боспора на стенные росписи склепов Неаполя, а сами изображения в склепах трактуются как мемориальные. В статье А. П. Манцевич, поднимающей назревший вопрос о связях Скифии с Фракией, роль последней в сбыте изделий художественной торевтики в Скифию, повидимому, переоценена. Несколько преувеличивается роль скифов в истории

Херсонеса в статье Н. В. Пятышевой. Спорным является утверждение Г. Д. Белова о том, что население эллинистического Херсонеса на одну треть было таврским.

Редакция считает, что обмен мнениями по ряду затронутых в статьях спорных вопросов будет способствовать уточнению существенных проблем истории древнего Крыма.

Привлеченный в сборнике материал наглядно свидетельствует об органической связи и чертах общности культур древнего Крыма с культурами степной Украины и Северного Кавказа в эпохи палеолита, бронзы и железа. Эти связи прослеживаются в статьях В. В. Бобина, П. Н. Шульца, Э. И. Соломоник, Е. В. Веймарна, К. Ф. Соколовой и других авторов.

Включение Крымской области в состав Украинской ССР создает новые возможности для более углубленного и широкого сравнительного изучения археологических и антропологических материалов Приднепровья, степей Украины и Крыма и для проведения объединенных экспедиций и сессий. На территории Украинской ССР в настоящее время сосредоточены почти все античные городища Северного Причерноморья. Это обязывает отдел расширить также свою тематику в сторону изучения античных памятников, которыми так богат Крым.

Редакция

ВОПРОСЫ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ

О. Н. Бадер

НЕКОТОРЫЕ ПАМЯТНИКИ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ГОРНОГО КРЫМА

Большинство широко известных палеолитических памятников Крыма находится преимущественно в западной половине полуострова, где и проводились основные археологические работы.

Археологическое исследование восточного Крыма, начатое в 1879—1880 гг. К. С. Мережковским [1], было продолжено в районе яйлы только в 1914 г. А. С. Моисеевым и Е. И. Висниовской [2] и особенно широко развернулось в этой части полуострова после Октябрьской революции, когда здесь работали С. И. Забнин [3], Г. А. Бонч-Осмоловский с сотрудниками [4], а в окрестностях Феодосии — Н. С. Барсамов [5] и Е. И. Висниовская.

Слабая археологическая изученность восточного Крыма побудила Крымскую палеоантропологическую экспедицию Института антропологии МГУ (1935—1939 гг.) [6] сосредоточить свое внимание на поисках и иссле-

---

[1] К. С. Мережковский, Отчет о предварительиых исследоваииях камеиного века в Крыму, Известия Русского географического общества, т. XVI, в. 2, 1880; его же, Отчет об аитропологической поездке в Крым в 1880 г., Известия Русского географического общества, т. XVII, 1881; C. de Mérejkowsky, Station moustérienne en Crimée, «L'Homme», Paris, № 10, 1884.

[2] А. С. Моисеев, Предварительиый отчет о иаходках следов камеиного века на Яйле и иа Южиом берегу Крыма, ИТУАК, № 57, 1920; его же, Научная деятельность Ялтиискогo естествеиио-исторического музея за 1918—1921 гг. (археология и геология), Записки Ялтиискогo естествеиио-исторического музея, № 1, 1922; его же, Камеиный век иа Крымской Яйле, «Природа», № 7—12, 1923.

[3] С. Забиии, Находки камениого века в Крыму, ИТУАК, № 54, 1918, стр. 101 сл.

[4] Г. А. Боич-Осмоловский, Итоги изучеиия крымского палеолита, Труды II междуиародиой коифереиции АИЧПЕ, в. V, 1934; его же, Грот Киик-Коба, Изд-во АН СССР, 1940; его же, Пещериые стоянки в Крыму, Вестиик АН СССР, № 5, 1933; С. А. Трусова, Раскопки в пещере Аджи-Коба в 1933 г., СА, V, 1940.

[5] Н. С. Барсамов, Феодосийский археологический музей, «Крым», № 1(6), в. 2, 1928.

[6] О. Н. Бадер, Карасубазарский райои, Археологические исследоваиия в РСФСР, 1934—1936 гг., АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 255—257.

дованнн памятников палеолита в этом районе. Задачей настоящей статьи и является предварительная публикацня материалов первого полевого сезона экспедицнн (1935 г.), когда проводились разведочные работы [1]. Четыре последующнх года работ экспедицнн уже нашлн свое отражение в печатн [2].

В результате разведки 1935 г. к 450 пещерам, гротам н убежнщам под скалами, обследованным за 10 лет Г. А. Бонч-Осмоловским, прибавилось еще 270, из чнсла которых 10 гротов н навесов дали древние находки кремня, правда, нногда незначительные.

Обследованные пещеры н навесы располагаются в окрестностях следующих деревень и местностей Белогорского и Зуйского районов: Лесная (Тау-Кипчак), Охотничье (Тау-Бураган), Межгорье (Баксан), Овражки (Койнаут), Казанлы, Пчелиное (Куртлук), Озерное (Верхнний Тайган), Свободное (Молбай), Тама, Нижний Тайган, Карасевка (Карасу-Баши), Головановка (Баши), Ульяновка (Султан-Сарай), Алексеевка (Сартана), Айлянма, Мсябн н Красноселовка (Ени-Сала). Маршруты экспедицин окончены на южном берегу, в Приветном (Ускут) [3].

В работах 1935 г., помимо автора, прнняли участне А. В. Збруева, Е. И. Висниовская и студенты кафедры антропологии А. И. Кац и С. А. Шлутер.

Опнсываемые ннже памятники подразделяются на две группы: а) стоянки в гротах и под навесами скал, б) стоянки под открытым небом.

СТОЯНКИ В ПЕЩЕРАХ, ГРОТАХ И ПОД НАВЕСАМИ СКАЛ

1. *Чагарак-Коба* (к северу от д. Овражки, Зуйского района, приблизительно в 0,5 *км* к западу от р. Бурульчи).

Сухая пещера, расположенная на левом склоне балкн Берекет, нмеет широкий вход, обращенный на юго-запад. Шнрина входа 10 *м*, высота в средней части до 2,32 *м*. У северного края пещеры в потолке имеется сквозное отверстне (отсюда название пещеры: Чагарак, что значит труба).

Прн шурфовке пещеры, кроме кремневого отщепа на поверхности находящейся перед ней площадки н двух осколков кремня на ее полу, во втором шурфе, в глубнне грота в слое однородного комковатого желтого суглинка на глубине от 0,40 до 1,20 *м* были обнаружены 43 мелких фраг-

[1] М. Левин, Московский иаучно-исслед. иистнтут антропологии, АЖ, № 3, 1936; О. Н. Бадер, Некоторые итоги изучеиия эпипалеолита Крымской Яйлы, Тезисы доклада иа объединеииой сессии секции археологии Иистнтута археологии, аитропологии и этиографии АН СССР и Института доклассового общества ГАИМК, 3 июня 1936, Изд-во АН СССР, 1936.

[2] О. Н. Бадер, Результаты работ Крымской палеолитической экспедиции Московского института антропологии в 1936 г., СА, V, 1940; его же, Новая мустьерская стояика в Крыму, Бюллетень Четвертичной комиссии АН СССР, № 6—7, 1940; его же, Новые данные по палеолиту гориого Крыма, Бюллетеиь комиссии по изучению четвертичиого периода, № 6—7, 1940; его же, Исследоваиие мустьерской стояики у Волчьего грота, КСИИМК, в. VIII, 1941.

[3] Полиые отчеты о проведеиных в 1935 г. работах хранятся в Институте аитропологии МГУ и в ИИМК АН СССР.

мента дробленых костей, принадлежавших пещерной гиене и, возможно, сайге.

Находка остатков древней фауны и сильная раздробленность костей дали основания предполагать наличие остатков стоянки мустьерского возраста, что было подтверждено раскопками грота в 1936—1937 гг. [1].

Пользуемся случаем опубликовать более полную таблицу рисунков кремневого инвентаря из Чагарак-Коба (рис. 1). На ней представлено

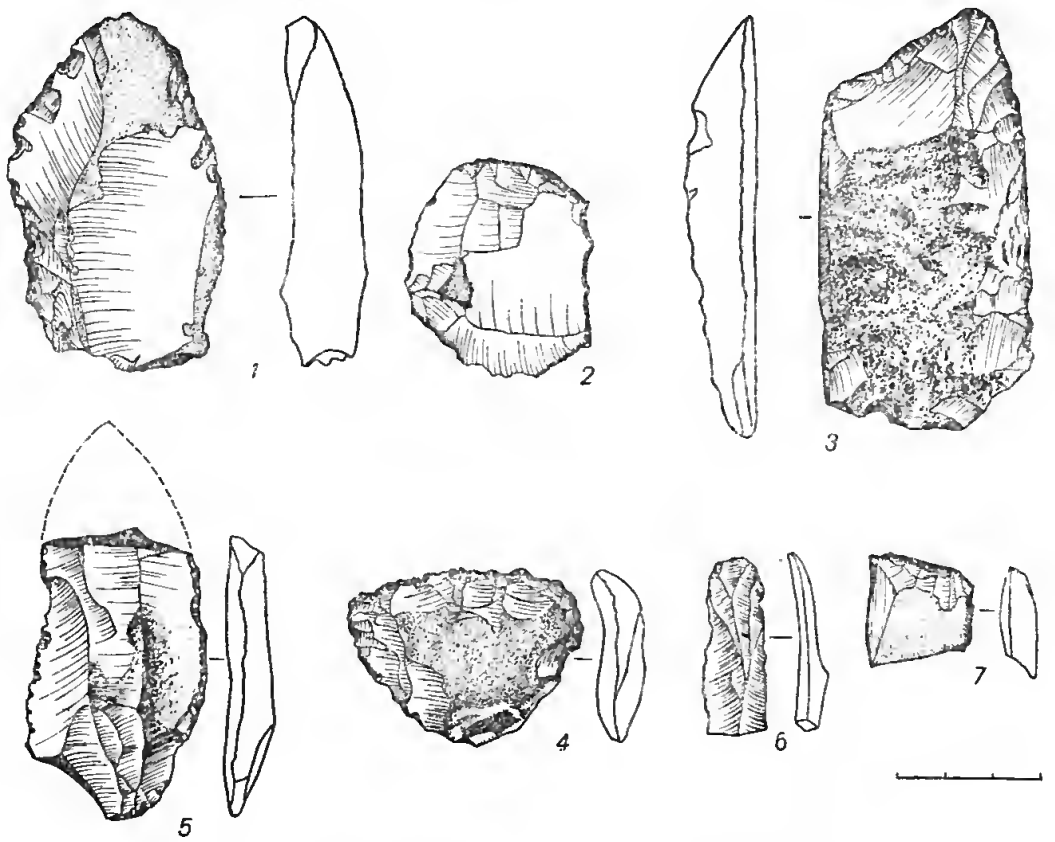


Рис. 1. Кремиевые изделия из пещеры Чагарак-Коба.

скребловидное орудие на широком отщепе с частичной обработкой одного края (рис. 1, 2), обломок скребла (рис. 1, 7), сильно патинизированный, широкий и тонкий отщеп с гранями широких, плоских сколов на спинке (рис. 1, 1) и со следами сработанности на тонких, острых краях.

Фауна из Чагарак-Коба изучена В. И. Громовым [2], которому принадлежат также все приводимые в статье фаунистические определения. Она пред-

---

[1] См. Бюлл. Комиссни по изуч. четверт. периода, в. 6—7, 1940.

[2] В. И. Громов, Остатки фауиы нз пещеры Чагарак-Коба, Бюллетень комиссии по изучеиию четвертичиого периода, № 5, 1939; его же, Палеоитологическое и археологическое обоснование стратиграфин коитинеитальных отложеиий четвертичного периода иа территории СССР, Труды Института геологических наук, в. 64, Геологнческая серия (№ 17), М., 1948, стр. 223, 232 сл.

ставлена костными остатками шерстистого носорога, дикой лошади, осла, волка, медведя, пещерной гиены, пещерного льва, лесной кошки, зайца-беляка, большого тушканчика и грызунов. Присутствие сайги раскопками не подтвердилось.

2. *Грот в урочище Буран-Кая* (к северу от д. Овражки, у мельницы и фруктового сада). Расположен на юго-восточном конце обрывающейся к долине р. Бурульчи скалистой гряды Буран-Кая, на правом берегу реки (рис. 2). Обращен на юго-запад, совершенно сухой; в плане треугольной формы, очень невелик (глубина всего около 4 *м*, ширина входа — 5,80 *м*), но достаточно высок (более 2 *м*). Перед гротом находится широкая открытая площадка, полого спускающаяся к речной низине.

Слой гравия, подстилающий культурные отложения грота, позволяет увязать историю образования грота с изменениями режима р. Бурульчи в ледниковое время [1].

При шурфовке культурные остатки обнаружены лишь в первом верхнем слое (серовато-желтый суглинок с большим количеством камня, глубина до 0,50 *м*); единичные случайные находки были сделаны во втором слое (плотный, крупнозернистый песок коричнево-желтого цвета, с небольшим количеством камня, глубина от 0,50 до 0,80 *м*).

В «культурном слое» найдено 89 кремней и столько же осколков костей. Кремень темносерых и коричневых тонов, хорошего качества. Это — отщепы, ножевидные пластинки и один типичный для крымского азиля скребок на коротком отщепе с довольно массивным, округлым рабочим краем (рис. 3, *4*). Ниже преобладают различной величины отщепы, ножевидные пластинки представлены единичными экземплярами. Найдены два кремневых вкладыша — один сегментовидный, другой в форме вытянутого треугольника (рис. 3, *6*, *7*). Крупный скребок на массивном отщепе имеет круто ретушированный, округлый рабочий край и с другого конца, со стороны брюшка, — резцовый скол, образовавший режущее лезвие (рис. 3, *1*). Еще один скребок (рис. 3, *2*), меньших размеров, на коротком, массивном отщепе, дублированный; один рабочий край округлой формы, с довольно отлогой ретушью; другой — почти прямой, ретуширован круто. Четвертый скребок — на широкой, более тонкой пластине, с полого ретушированным округлым рабочим краем, сломанным в правой части (рис. 3, *3*). Имеются также и скребок на широком отщепе (рис. 3, *8*) и весьма характерный узкий отщеп, массивный и ребристый. Некоторые осколки имеют следы вторичной обработки.

Из культурного слоя определены кости благородного оленя и, повидимому, косули. По материалу раскопок был установлен гораздо более полный список фауны [2], включающий бизона, сайгу, благородного оленя, дикого

---

[1] Н. И. Николаев, Материалы к геологии палеолита Крыма и связанные с ним некоторые общие вопросы четвертичной геологии, Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел геологии, т. XVIII (2), 1940.

[2] В. И. Громов, ук. соч., стр. 232 сл.

Рис. 2. Грот в урочище Буран-Кая. Левее видна верхняя часть навеса с остатками того же возраста.

кабана, дикую лошадь, осла, лисицу (?), медведя, пещерного льва и рысь (?).

Здесь же найдены раковины съедобных наземных моллюсков и один фрагмент двустворчатого морского моллюска (устрицы). Находка остатков морского моллюска лишний раз указывает на связь поселений северных предгорий с морским побережьем.

Находки позволяют отнести грот к числу азильских памятников с архаичным каменным инвентарем[1]. Ряд авторов (М. В. Воеводский,

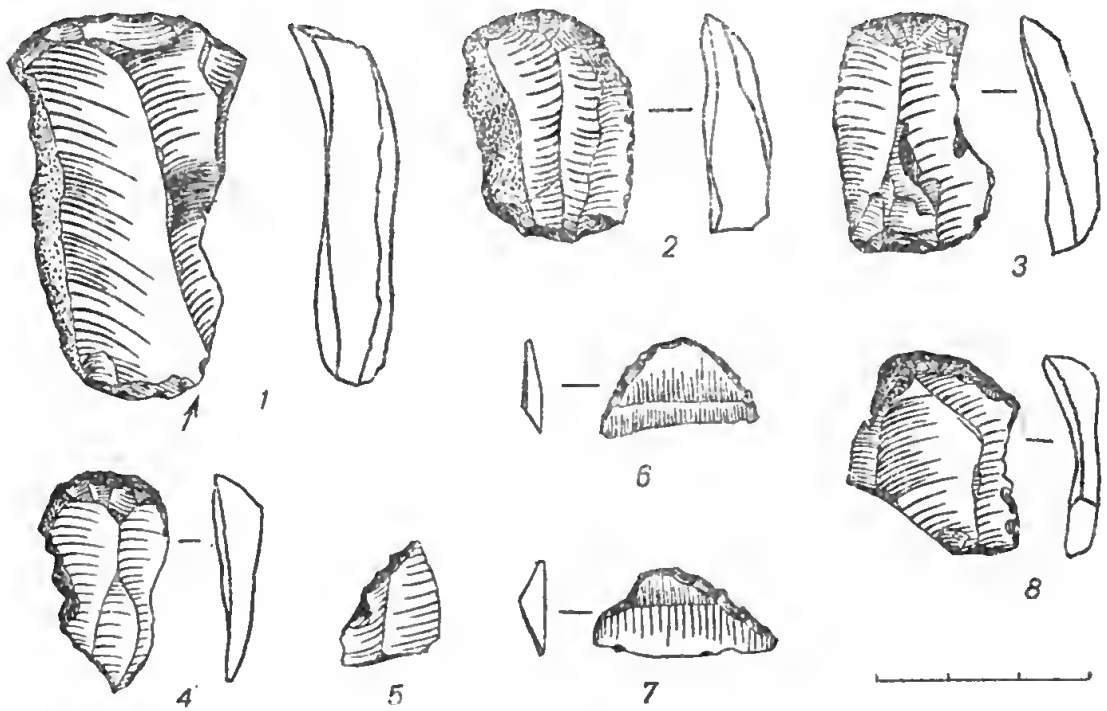


Рис. 3. Кремневые изделия из грота Буран-Кая.

В. И. Громов) при перечнях памятников крымского азиля отводит гроту в урочище Буран-Кая хронологически первое место.

3. *Большой навес в урочище Буран-Кая* (в нескольких десятках метров от предыдущего грота вниз по р. Бурульче). Представляет собой очень высокий, длинный, открытый навес с несколько покатым к северу полом. Под навесом протекает Бурульча (рис. 4), навес открыт на юго-запад, к реке.

На поверхности была найдена кремневая ножевидная пластинка. В пробном шурфе в средней части навеса на глубине 0,75 *м* обнаружился скалистый пол. Толща отложений состоит из однородного, серовато-желтого суглинка с большим количеством известняковых камней, идентичного верхнему слою соседнего грота.

[1] О. Н. Бадер, Новые данные по палеолиту горного Крыма, Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7, 1940.

Рис. 4. Большой навес в урочище Буран-Кая.

В 1938 г. навес был вторично обследован. В верхнем гротовидном расширении на поверхности обнаружено много костей, кремневый нуклеус и осколки. В нижней части навеса подъемный материал встречается до самого его конца.

Культурные остатки отмечены по всей толщине слоя. Здесь собрано 28 кремневых предметов и 9 фрагментов костей животных. Кремень того же качества, что и в соседнем гроте. И здесь представлены почти исключи-

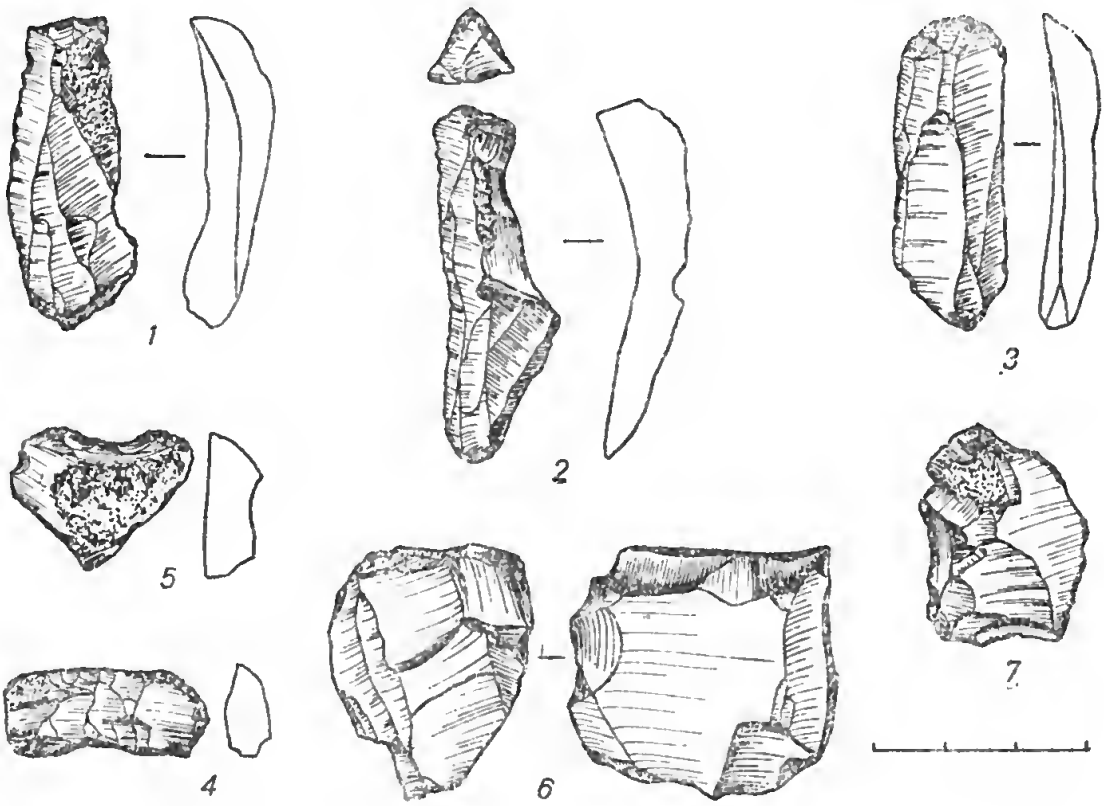


Рис. 5. Кремневые изделия из стоянки большого навеса в урочище Буран-Кая.

тельно отщепы. Один из них крупный (12×6,5 *см*), с коркой с одной стороны. Имеется также несколько орудий: скребок на конце нешироком, но массивной пластины (рис. 5, *3*), с довольно плоской ретушью на округлом рабочем крае; массивный, узкий отщеп с крутой, отвесной ретушью на конце (рис 5, *1*), со стороны брюшка — правильная, вогнутая, тонко отретушированная выемка; ребристая пластина с очень крутым скребковым концом (рис. 5, *2*); небольшой, массивный вогнутый скребок на отщепе (рис. 5, *5*), массивный нуклеус (рис. 5, *6*) и несколько обломков со следами ретуши (рис. 5, *4*, *7*).

Из животных здесь представлен лишь благородный олень.

Стоянка датируется тем же временем, что и соседний грот (ранний азиль).

4. *Кильсе-Коба* (находится в урочище Буран-Кая, приблизительно в 0,25 *км* ниже предыдущих по течению р. Бурульчи, на правом ее берегу). Расположена у основания скалистого массива Буран-Кая, в центральной его части. Представляет собой небольшой, высокий, обращенный на запад, сухой грот около 5 *м* глубиной и 3,5 *м* шириной.

У входа заложен первый шурф, давший такие слои: 1) суглинок комковатый, серо-желтого цвета, с камнями (до глубины 0,50 *м*); 2) суглинок серый, с камнями (от 0,50 до 0,65 *м*); 3) суглинок розоватый, со следами действия огня (от 0,65 до 0,75 *м*); 4) суглинок серый с камнями (от 0,75 до 0,90 *м*), аналогичный второму слою; 5) известняковый щебень в сером суглинке (от 0,90 до 1,60 *м*); 6) известняковый щебень в желтом суглинке от 1,60 *м* и до скалы, которая лежала на глубине 1,80 *м*, а в юго-западной части шурфа на глубине до 2,50 *м*.

В первом слое, на глубине до 0,40 *м* от поверхности, встречены обломки поздней керамики и кости барана и коровы.

В нижнем горизонте первого слоя и во втором слое находки отсутствуют. В третьем, в четвертом и в верхнем горизонтах пятого слоя, на глубине между 0,65 и 1,20 *м*, найдены 25 предметов из кремня, 97 обломков костей животных и обломок сосуда. Последний (шестой) слой оказался стерильным.

Второй шурф, заложенный в нижней половине склона, кроме двух обломков поздней керамики, зубов барана, лошади и крымского марала в верхнем слое (комковатый коричневый суглинок с камнями), других находок не дал.

Наконец, в третьем шурфе в конце склона никаких находок не обнаружено.

Переходим к характеристике второго, нижнего горизонта первого шурфа. Небольшой фрагмент сосуда темного цвета, как и кость барана, вероятно, не связаны с найденными кремнями. Эти находки, за исключением пяти экземпляров, — из коричневато- и желтовато-серого кремня, представлены почти исключительно ножевидными пластинками, некоторые из них имеют следы сработанности по краю. Найдена характерная пластинка со скошенным краем, довольно круто отретушированным.

Описанный кремневый инвентарь вполне типичен для памятников времени тарденуаза.

Упомянутые пять предметов сделаны из другого сорта кремня, темносерого цвета, вполне аналогичного кремню из двух соседних азильских памятников в южном конце урочища Буран-Кая. Среди них нет ни одной хорошей ножевидной пластинки. Здесь имеется сломанное массивное, круто отретушированное с двух сторон острие архаичного типа, напоминающее «острие граветт» из верхнего слоя Сюрени I [1].

Остатки фауны из второго слоя (благородный олень, дикий кабан и, возможно, сайга) вполне соответствуют характеру кремневого инвентаря.

[1] Г. А. Бонч-Осмоловский, Итоги изучения крымского палеолита, Тр. II межд. коиф. АИЧПЕ, в. V, 1934, табл. VI, 3.

Это дает основания для предположения о наличии в гроте нижнего горизонта, одновременного гроту и навесу Буран-Кая (ранний азиль).

5. *Шпан-Коба.* Навес находится на краю Долгоруковской Яйлы, против седловины между горой Тырке и вершиной Карабн-Яйлы и Каратау. Расположен на левом берегу балки Чаукетау («галочий лес»). Чаукетау — одна из западных балок у верховьев р. Бурульчи. На юге видны гора Тырке и правее — Демерджи-Яйла.

Вертикально обнажающийся на высоту около 8 *м* выход известняка, длиной свыше 60 *м*, в южном конце образует удобный навес длиной до 15 *м* (рис. 6); он особенно глубок в центральной части, где под его защитой находится пространство около 5 *м* глубиной, после чего вглубь скалы идет прочно заложенный мелкими и крупными камнями вход в низкую (менее 1 *м*) пещеру около 5 *м* шириной и свыше 5 *м* длиной. Скалистое дно навеса находится на глубине 1,50 *м* от его современного пола.

Навес совершенно сухой, обращен на восток, перед ним удобная площадка, огибаемая ручьем, а в 0,75 *км* от навеса вверх по ручью имеется источник [1].

Разведочный шурф в средней части навеса позволил зафиксировать следующие слои: 1) до глубины 0,38 *м* — песчанистый, рыхлый суглинок буро-коричневого цвета, с большим количеством мелких камней; 2) от 0,38 до 0,53 *м* — серо-желтая глина, плотная, с камнями; 3) от 0,53 до 0,96 *м* — суглинок буро-коричневый, влажный, с большим количеством камней, с примесью углистых пятен и с интенсивными углистыми скоплениями в нижнем горизонте слоя; 4) от 0,96 до 1,53 *м*, т. е. до скалы, — серовато-желтая, плотная, влажная глина, также с включением камней.

В первом слое найдено 10 изделий из кремня и мелкие осколки костей. Залегающая ниже глина не дала находок. В третьем слое найдено 14 кремневых изделий и 16 фрагментов костей, принадлежавших кабану и косуле. В нижнем слое желтой глины найдено только 10 фрагментов костей, среди них — крымский марал и кабан (?).

В верхнем слое кремень серого цвета с коричневатым оттенком. Имеется один плоский скребок сегментовидной формы на отщепе (рис. 7, *1*) и четыре ножевидные пластинки (рис. 7, *2—4*). Во втором культурном слое имеются обломки семи тонких ножевидных пластинок из обычного серого кремня, широких и узких (рис. 7, *5—9*).

Кремневые находки из верхнего слоя микролитического облика — тарденуазского или неолитического времени; находки из второго слоя скорее всего относятся к тарденуазскому или мурзак-кобинскому времени. Находки костей животных из четвертого слоя могут быть еще более древними. Пока, до производства здесь более полных исследований, более точная датировка невозможна.

---

[1] Шпан-Коба в 1925 г. была обследована С. А. Трусовой. Материал ее разведки не опубликован. Шпан-Коба отмечена на карте Г. А. Бонч-Осмоловского в его сводной работе, см. Г. А. Бонч-Осмоловский, Тр. II Конфер. АИЧПЕ, т. V, стр. 219, рис. 114, рис. 1, № 58.

Рис 6. Навес Шпан-Коба.

Шпан-Коба является памятником, ценным для раскопок и, по всей вероятности, очень значительным по площади. Его исследование должно ориентироваться не только на пространство, укрытое навесом, но и на заложенную камнями пещеру и на открытую площадку перед навесом.

Кратко остановимся еще на нескольких пещерах, давших при обследовании незначительные находки кремня.

6. *Навес Орта-Джилга* (приблизительно в 2 *км* от д. Нижний Тайган, на левой стороне балки Орта-Джилга). Высота навеса 1,5 *м*, глубина 3—4 *м*, ширина 15—20 *м*.

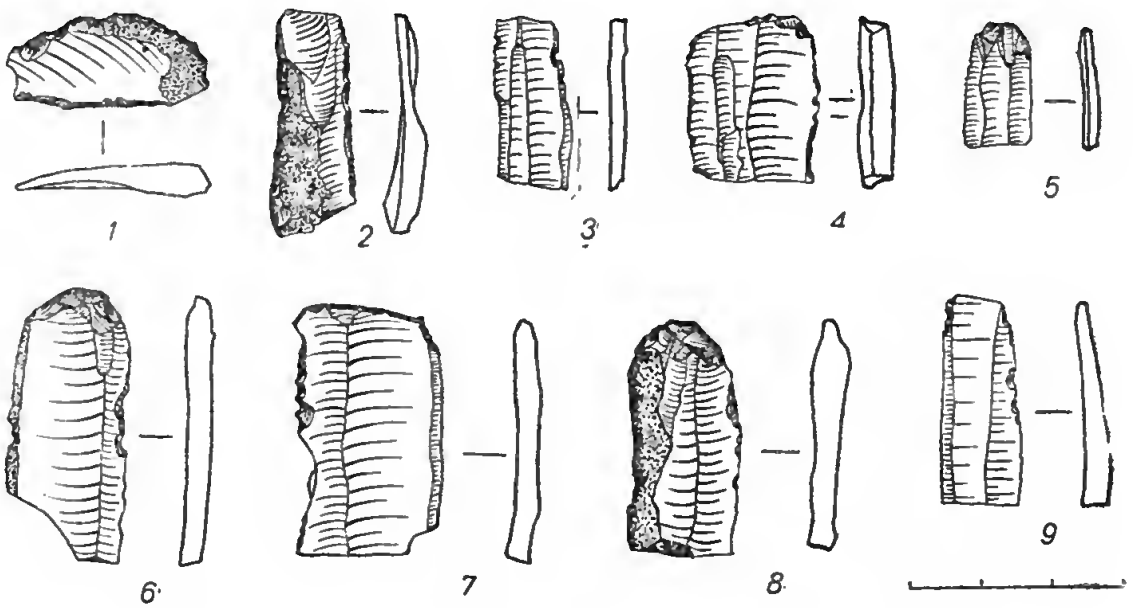


Рис. 7. Кремневые изделия из стоянки навеса Шпан-Коба.

В шурфе в слое перегноя мощностью в 15 *см*, лежащем на скалистом дне, на глубине 5 *см* найден небольшой скребок из темносерого кремня с коркой, довольно массивный, подчетырехугольной формы, с крутой ретушью с трех сторон.

7. *Сеферек-Коба* (в 2 *км* от д. Карасевки, на западном склоне живописной долины) — высокий, широкий и достаточно глубокий грот-навес полукруглой формы в плане, сухой, хорошо обогреваемый солнцем. Перед гротом сильно наклоненная к долине широкая площадка.

Вскрытый в навесе пробным шурфом слой желтого суглинка не дал находок. Под гротом, на площадке найдено на поверхности пять кремневых изделий, ниже, на дне балки,— еще четыре.

Три из них представляют собой бесформенные, массивные отщепы и шесть — отщепы с более или менее ясно выраженными следами преимущественно крутой скребковой ретуши. Цвет кремня — серый. Грот нуждается в дополнительной шурфовке.

8. *Чумбай-Коба I* (4—5 *км* к северу от д. Пчелиное) — небольшой грот, открытый на юго-восток. Ширина его 5,30 *м*, глубина 3,50 *м*, наибольшая высота (у входа) — 2,50 *м*.

Перед входом расположена небольшая покатая площадка.

В шурфе, заложенном в центре грота, в слое известнякового щебня на глубине 0,55 *м* (скальное дно на глубине 1 *м*) найден массивный неправильной формы кремневый отщеп.

9. *Кадерлец-Коба* (близ д. Пчелиное) — большой, широкий, но очень неглубокий скалистый навес, расположенный над вторым навесом меньших размеров. Обращен на северо-северо-восток. На поверхности найден маленький четырехугольный отщеп со следами скребковой ретуши и обломок нуклеуса тарденуазского облика, массивный, с ретушированным и сильно сработанным краем. Кремень светлосерого цвета.

Два шурфа, заложенные в наиболее глубоких частях навеса, выявили темный слой перегноя 0,30 *м* мощности, без находок, лежащий непосредственно на скалистом дне.

Находки в последних четырех пунктах (6—9) вследствие своей незначительности не могут быть сколько-нибудь точно датированы. Однако их связь с мезолитическим временем вероятна[1].

Осколки кремня — различного характера и в разном количестве — найдены экспедицией еще в пяти пещерах, а именно: в Джин-Коба I, близ д. Казанлы, Ибашке-Коба и Шан-Коба (нижняя) близ д. Пчелиное, Гугерджин-Коба между деревнями Голововка и Карасевка и под навесом № 1 в урочище Таз-Кая близ д. Ульяновка. Во всех пяти случаях находки кремня встречаются вместе с поздними находками (керамика, кости домашних животных и т. д.) и, видимо, относятся к различным периодам палеометалла.

СТОЯНКИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ[2]

10. В узкой балке со скалистыми обнажениями *близ мельницы у д. Овражки*, у соединения ее с долиной р. Бурульчи (та же балка, в которой расположена Чагарак-Коба) найден кремневый отщеп.

11. *К северу от д. Межгорье*, у подножья горы Конграт, с юго-западной ее стороны найдено восемь изделий из серого, частью сильно патинизиро-

---

[1] К этому же времени, повидимому, должны быть отнесены две пещеры с остатками фауны, обнаруженными в пробных шурфах, а именно:

а) небольшой грот близ Чагарак-Коба (район д. Карасевка). В слое желтоватого суглинка — остатки раздробленных костей, среди них кости благородного оленя;

б) пещера Кулугун-Коба, над крутым склоном Орта-Сырта. В мощном слое желтой вязкой глины — осколки раздробленных костей, среди которых остатки благородного оленя.

Отметим попутно одно местонахождение остатков четвертичной фауны в северной части с. Межгорье, где при рытье ямы в фруктовом саду найдена очень крупная кость животного.

[2] Стоянками условно названы все открытые экспедицией местонахождения кремней на поверхности, не связанные с гротами или навесами.

ванного кремня. Средн ннх — обломок орудия со скребковой ретушью, скребок с округлым рабочим краем на конце ножевидной пластинки и боковой резец на небольшом отщепе (6×10 *мм*).

12. *На поле между горами Аргином и Конгратом,* по левому берегу ручья, собрано шесть изделий из серого, патинизированного кремня (четыре отщепа, массивный кусок кремня с гранями сколов и скребок на коротком, очень массивном отщепе).

13. *На холме Джой-Тубе,* близ Аргина, и на его южном склоне, в непосредственной близости от родника, вместе с культурными остатками скифского времени собраны 12 кремней более древнего временн (отщепы, в большинстве грубые и массивные).

14. *На равнине между д. Карасевка и ущельем* с пещерами (Сеферек-Коба и др.), вдоль дороги и по ее сторонам на довольно значительном пространстве, собрано 11 кремневых изделий (нуклевидный обломок, миниатюрный отщеп со следами ретуши, обломок ножевидной пластинки и др.).

15. *Между Сеферек-Коба и истоком р. Биюк-Карасу,* в долине между гор вдоль дороги собраны единичные осколки кремня.

16. *На левом берегу р. Биюк-Карасу,* невдалеке от пещеры, из которой река вытекает, на ровном пахотном поле д. Карасевка собрано семь осколков кремня без следов обработки.

17. *Между пещерой — истоком р. Биюк-Карасу и Гугерджин-Коба,* на бугре, в размыве почвы обнаружено семь кремней (в большинстве, мелкие отщепы).

18. *Между деревнями Головановка и Карасевка,* на высоком правом берегу р. Биюк-Карасу, приблизительно в 2 *км* от ее истока, между перевалом дороги из Голованонки в Карасевку и перекрестком дорог из Карасевки на Красноселовку и Баши-Тама, на значительном пространстве собрано 28 предметов из серого и желтоватого кремня (массивные и плоские отщепы, нуклевидные обломкн, небольшой и неправильный массивный скребок и др.).

19. *На той же равнине,* между Голованонкой и истоком р. Биюк-Карасу, несколько ниже н дальше по дороге в д. Красноселовку, справа от дороги, на заброшенном участке пашни собрано 237 предметов из темносерого, серого и желтоватого кремня. В большинстве — это массивные н плоские отщепы. Имеется несколько нуклевидных обломков и до 20 обломков мелких ножевидных пластнок. Более 10 отщепов и ножевидная пластинка имеют более или менее систематическую скребковую ретушь.

Имеется также миниатюрный скребочек подчетырехугольной формы и довольно крупное, снльно патинизированное орудие удлиненной формы, на массивном отщепе, обработанное по обоим краям довольно крутой ретушью.

20. *Возле д. Тама,* по дороге в д. Красноселовку, в долине собрано 32 предмета из серого и желтовато-серого кремня (в большинстве — массивные отщепы).

21. *У самой д. Пчелиное,* с западной ее стороны на полях собрано несколько осколков кремня.

22. *У табачного поля*, по дороге из д. Пчелиное в д. Казанлы, в 2 *км* ст д. Пчелиное, в долине с размытой местами поверхностью, собрано 28 предметов из серого кремня, частью сильно патинизированных (нуклевидные куски кремня с коркой и массивные отщепы, в отдельных случаях несущие следы вторичной обработки).

23. *У самого перевала дороги из д. Пчелиное в д. Казанлы*, со стороны д. Пчелиное, на размывах возле дорогн собрано 14 предметов из серого кремня, аналогичных предыдущим. Среди находок имеется обломок тонкой и узкой ножевидной пластины и часть сломанного с двух концов орудия (наконечника стрелы?).

24. *Недалеко от д. Казанлы, вдоль дороги в д. Пчелиное*, на размывах отлогого левого склона балки — ущелья Айрты — собрано несколько кремневых осколков.

25. *На Караби-Яйле*, несколько менее 1 *км* к югу от пещеры Аджи-Коба, в урочище Колбаш, на равнине, в размывах у пересеченя дороги с небольшой начинающейся балкой — тальвегом найдено три отщепа нз сероватого кремня. Один из нних имеет следы скребковидной ретуши.

На Караби-Яйле, в окрестностях метеорологической станции обнаружено шесть местонахождений (№ 26—31).

26. *Местонахождение 1-е*, на расстоянии около 3,25 *км* к востоку от станцин на небольшом бугре между двумя низинами. На размывах почвы собрано пять осколков светлосерого, сильно патинизированного кремня, в одном случае — со следами вторичной ретуши. Среди них — две ножевидных пластинкн.

27. *Местонахождение 2-е*, в 0,25 *км* на юго-запад от первого, также на бугре. На размыве найдено несколько осколков кремня и большой, сильно окатанный кусок песчаника, выходы которого на Яйле отсутствуют.

28. *Местонахождение 3-е*, на северо-северо-запад от станции, приблизительно в 200 *м* от нее, на склоне к широкой низине, близ дна последней. На размыве найден кремневый отщеп с систематической скребковой ретушью по вогнутому краю.

29. *Местонахождение 4-е*, на том же склоне, на юго-запад от предыдущего. На размыве собраны единичные осколкн кремня и большой кусок сталактита. Пещер рядом нет.

30. *Местонахождение 5-е*, на расстоянии около 250 *м* на юго-юго-запад от станцни, на пологом склоне, у дороги на Казанлы н Белогорск, к северу от нее, на глубоком размыве собраны шесть предметов из кремня. Тонкая ножевидная пластинка, типичная для тарденуаза, из серого кремня. Остальные пять предметов — из молочно-белого, насквозь патинизированного кремня. Из них три — неправильных, небольших отщепа. Интересно довольно крупное, массивное орудие, обитое вдоль одного края крупными сколами, подправленными по режущему краю более мелкой обивкой, которое производит впечатленне грубого нуклевидного орудия или скребла (рис. 8, *1*). Второе орудне на более плоском и меньших размеров отщепе с довольно грубой обивкой, образующей вогнутый скребущий нлн скобля-

щий рабочий край (рис. 8, 2). С обратной стороны и по другому краю иезначительиые следы обивки.

Заложенные здесь же два пробиых шурфа культуриых остатков не дали. По всей вероятиости, перед нами совершеииио разрушеииая иебольшая стояика. Собраииые здесь орудия близки к мустьерским. Ближайшая мустьерская, быть может, пещериая, стояика Аджи-Коба иаходится всего в 5 *км*, иа краю Караби-Яйлы.

31. *Местонахождение 6-е.* На расстояиии около 1 *км* от стаиции по иаправлеиию к сталактитовой пещере, в иизиие, иа размывах иайдеиа узкая иожевидиая пластинка из серого кремия.

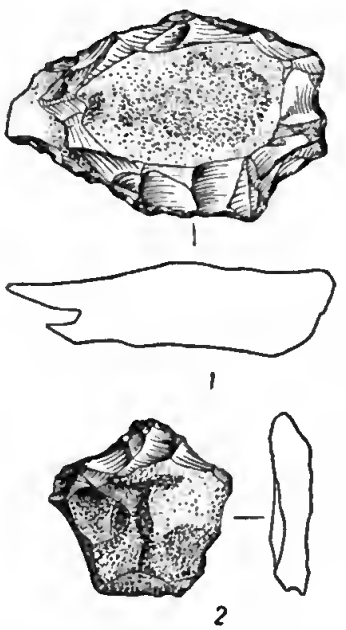


Рис. 8. Кремиевые изделия из открытой стоянки № 33 иа Караби-Яйле.

Все 22 описаииых местоиахождеиия под открытым иебом представляют собой памятиики, без сомиеиия, сильио разрушеииые и ие имеющие хорошо выражеииого горизоита культуриых остатков. Все же почти все местоиахождеиия дали ие только орудия, отщепы со следами обработки, ио и серии осколков, являющихся результатом выделки здесь кремиевых орудий.

Условия расположеиия открытых стояиок и иа Караби-Яйле и в предгорьях в общем одииаковы. Оии располагаются обычио в долииах между гор (десять стояиок), иа ровиых площадях (пять), иа склоиах широких балок (две), редко иа буграх (три) и еще реже в узких балках (одиа).

Осиовиая масса открытых стояиок отиосится ко времеии тардеиуаза и иеолита. Имеются осиоваиия и для отиесеиия иекоторых иаходок к более древиему времеии (например, иаходки в пуикте пятом у метеорологической стаиции Караби-Яйла).

По аиалогии с микролитическими стояиками западиых яйл и Чатыр-Дага, стояики Караби-Яйлы и северных ее предгорий, обиаружеииые в 1935 г., вместе со стояиками, открытыми здесь раньше К. С. Мережковским, А. С. Моисеевым и Г. А. Бонч-Осмоловским, следует рассматривать как результат времеииых, сезоииых (летиих) остаиовок здесь иебольших групп охотиików иа благородиого олеия, кабаиа, косулю и иекоторых других животиых [1]. Кратковременность пребываиия иа иих человека следует ие только из характера стояиок, ио и из иеобычайиой густоты их расположеиия как иа Яйле, так и в северных предгорьях (иапример, в райоиах Карасевки, Головаиовки, Пчелииого).

Следует отметить, что в широкой полосе крутых, сильно пересеченных, лесистых склоиов, иесмотря иа массу расположеииых там пещер, стояики отсутствуют. Помимо иеудобств склоиов для жизии человека, это, по всей

[1] О. Н. Бадер, Некоторые итоги изучения эпипалеолита Крымской Яйлы.

вероятности, объясняется преимущественным распространением охотничьих животных в соответствующих зонах предгорий и на плоскогорье Яйлы и их сезонными перекочевками [1].

К ДАТИРОВКЕ КРЫМСКОГО АЗИЛЯ

В заключение остановимся на датировке грота Буран-Кая, который был первоначально отнесен нами к крымскому азилю, с указанием на его наиболее ранний среди памятников этого круга возраст [2] и на черты сходства по инвентарю с палеолитическим навесом Сюрень I [3]. Не исключена возможность еще более раннего, мадленского возраста грота Буран-Кая.

Известно, что при относительно хорошей изученности палеолита Крыма здесь до сих пор не открыто памятников солютрейского и мадленского времени. Г. А. Бонч-Осмоловский предполагал, что они должны быть в Крыму, но еще не открыты [4].

Однако в настоящее время можно считать выясненным, что верхнепалеолитические памятники Крыма, соседних с ним районов Северного Причерноморья и черноморского побережья Кавказа принадлежат к обширной группе памятников Средиземноморья, известной в специальной литературе под именем капсийской, средиземноморской или средиземноморско-африканской [5]. Капсийская культура, как известно, отличается отсутствием последовательно сменяющихся этапов: орньяк — солютре — мадлен, характерных для европейской приледниковой верхнепалеолитической культуры.

До сих пор единственным общепризнанным верхнепалеолитическим памятником Крыма является навес Сюрень I с его девятиметровой толщей отложений, содержащих три различных очажных слоя с культурными остатками, отнесенными Г. А. Бонч-Осмоловским целиком к орньяку. Но уже сам исследователь отмечал чрезвычайное разнообразие типологического состава инвентаря этой стоянки [6]. Оба нижние слоя, в которых встречаются некоторые архаические мустьерской формы орудия, могут относиться к орньякскому времени, но по характеру инвентаря они сближаются с ранними стоянками черноморских побережий Кавказа типа пещер Гельгулис-клдэ и Таро-клдэ [7].

Верхний слой Сюрени I не дает ни типично орньякских, ни солютрейских, ни мадленских форм и принадлежит к средиземноморскому варианту

---

[1] Нельзя согласиться с Н. И. Николаевым (см. ук. статью «Материалы к геологии палеолита Крыма...»), который объясняет это явление отсутствием на склонах основной гряды удобных пещер.

[2] О. Н. Бадер, Результаты работ Крымской палеолитической экспедиции.

[3] О. Н. Бадер, Новые данные по палеолиту горного Крыма.

[4] Г. А. Бонч-Осмоловский, Итоги изучения крымского палеолита.

[5] П. П. Ефименко, Первобытное общество, К., 1953; С. Н. Замятнин, О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, Труды Института этнографии, нов. серия, т. XVI, 1951; С. Н. Замятнин, Новые данные по палеолиту Закавказья, СЭ, 2, 1935.

[6] Г. А. Бонч-Осмоловский, Итоги изучения крымского палеолита.

[7] П. П. Ефименко, Первобытное общество, К., 1953.

поздиейшего этапа верхиего палеолита. В этом слое орудия, близкие мустьерским, совершенно исчезают, зато заметно увеличивается число микролитических орудий, в особеииости микропластинок с притуплеииыми краями; использоваиие кости для изготовлеиия орудий и украшений стаиовится обычиым, осваивается ие известиая раиее техиика сверлеиия кости, иа роге и кости появляется гравировка.

Исследователь Сюрени I в качестве ближайшей аиалогии верхнему слою справедливо приводит пещеру Девис-Хврели [1], которая на самом деле ие прииадлежит поздиеорииьякской культуре, ио весьма типична для коица палеолитического времеии грузиискоro Причериоморья и даже содержит сегментовидные микролиты.

Веским аргумеитом против отиесеиия верхнего слоя Сюреии I к раиией фазе верхиего палеолита, т. е. к ориньякскому времеии, служит и сравиительиый аиализ фауиы. Для этого слоя, пользуясь классификационной схемой крымских стоянок Г. А. Боич-Осмоловского [2], следует отметить, по сравнению с иижним слоем, отсутствие мамонта, пещериой гиены, пещерного медведя, которого замеияет медведь бурый, исчезиовеиие песца, появлеиие бобра. Эти различия в фауие млекопитающих, как и в ориито- [3] и в ихтиофауие [4], свидетельствуют о заметиом потеплеиии, обусловлеином отступанием рисских материковых льдов, а также и об измеиеиии гидрологического режима крымских рек в сторою их обмелеиия.

Таким образом, все говорит о иеобходимости датировать верхиий слой Сюреии I концом верхнего палеолита, т. е. рисс-вюрмским межледииковым или вюрмским веком, черты которого, хорошо выражеиные на севере, в Крыму ие могли отражаться резко.

Вериемся к датировке грота и иавеса в урочище Бураи-Кая. Присутствие в гроте пещериого льва, из азильских памятиików известного только в Сюреии II, и в особениости бизоиа, в азильских стоянках Крыма (исключая Замиль-Коба) ие представлеииого вовсе, придает фауне из Буран-Кая архаичные черты, отличающие ее от местиой азильской.

Как известно, бизои представлеи в огромиом количестве на стоянке у Амвросиевки в Приазовье, являющейся самым северным памятииком средиземиоморско-африкаиского типа в Европе [5]. Быки же были излюблеиным сюжетом позднепалеолитических изображеиий Камеиной Могилы [6].

Архаичные черты мы видим и в кремиевом иивеитаре, отличающемся грубостью иожевидных пластии, иаличием крупиых коицевых скребков иа широких пластинах (рис. 3, *1*), приближающихся к типу скребков из верх-

---

[1] Г. А. Бонч-Осмоловский, ук. соч.

[2] Там же.

[3] А. Я. Тугаринов, Птицы Крыма времеии вюрмского оледеиения (по материалам раскопок крымских пещер), Труды советской секции АИЧПЕ, I, 1927.

[4] М. И. Тихий, Рыбы из палеолита Крыма, «Природа», № 11, 1928.

[5] С. Н. Замятини, О возникновеиии локальных различий в культуре палеолитического периода, Труды Института этнографии, нов. серия, т. XVI, 1951.

[6] О. Н. Бадер, Древние изображеиия иа поголках гротов в Приазовье, МИА, № 2, 1945.

него слоя Сюрени I [1]. Характерна массивность и чрезвычайно крутая ретушь некоторых концевых скребков (рис. 3, 2). Присутствие в Буран-Кая сегментовидных вкладышей не может здесь, в Крыму, датировать памятник мезолитом: этот тип геометрических микролитов появляется в Средиземноморье и Причерноморье еще в верхнепалеолитическое время.

Обследовавший грот Буран-Кая геолог Н. И. Николаев высказался за его вюрмский возраст [2].

Подводя итоги, мы склонны относить грот, а вероятно, и навес Буран-Кая ко времени мадлена более северных областей, видя в их инвентаре и фауне черты перехода к азильской или шан-кобинской стадии (М. В. Воеводского). Позднепалеолитическая культура обладала в Крыму до самого конца некоторыми ориньякскими традициями, что и послужило для Г. А. Бонч-Осмоловского поводом для отнесения к ориньяку всех трех слоев стоянки Сюрень I. К такой культурно-стратиграфической оценке грота Буран-Кая, видимо, готовы присоединиться С. Н. Замятнин, С. Н. Бибиков и П. П. Ефименко [3].

Для разрешения проблемы крымского мадлена особенно необходимы раскопки большого навеса Буран-Кая и Качинского навеса, известного еще по работам Мережковского и гипотетически относимого к мадленской эпохе. Коренной пересмотр периодизации этапов верхнепалеолитической культуры Крыма необходим для дальнейшего плодотворного ее изучения.

Г. А. Бонч-Осмоловский, ук. соч.

[2] Н. И. Николаев, ук. соч.

[3] С. Н. Замятнин, О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, Труды Института этнографии, нов. серия, т. XVI, 1951; С. Н. Бибиков, Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве поздпепалеолитических обществ Крыма, Уч. зап. ЛГУ, № 85, 1949; П. П. Ефименко, Первобытное общество, К., 1953.

К. Ф. Соколова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КУРГАНА ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАХЧИСАРАЙСКОМ РАЙОНЕ

В 1952 г. Крымским филиалом АН СССР совместно с Музеем пещерных городов был раскопан большой курган эпохи бронзы (руководитель раскопок Е. В. Веймарн).

Курган находился на территории совхоза «Коминтерн», Бахчисарайского района, на левом берегу р. Качи, между второй и третьей грядами Крымских гор. Нижняя часть насыпи кургана, высотой 2,05 *м*, сложена из местного камня, верхняя часть насыпи, высотой примерно 1,50 *м*, состояла из земли. Общая высота кургана 3,55 *м*.

По определению А. А. Иессена и А. А. Формозова, курган относится к первой половине II тыс. до н. э. Тип погребения в кургане ямный, но отдельные находки принадлежат к так называемой катакомбной культуре. В центре кургана, в яме, имеющей по дну размеры 1,80×1,20 *м*, при глубине 1,90 *м* от древней дневной поверхности почвы, находился костяк мужчины в возрасте не менее 60 лет (рис. 1).

Судя по расположению костей, умерший был погребен в сидячем положении; поверх костяка и вокруг него обнаружено большое количество краски — охры. Возле левой руки найден бронзовый нож катакомбного типа (рис. 2), около ступней — характерный кремневый наконечник стрелы с выемкой в нижней части (рис. 3), под пяткой левой ноги находилось бронзовое четырехгранное шильце, сильно коррозированное, квадратное в сечении (рис. 3). Подобное шильце, но большего размера и плохой сохранности найдено возле таза (рис. 3). Невдалеке от черепа лежали две каменные терки неправильных округлых форм.

Под северной полой кургана, в 10 *м* от центрального погребения находилось второе погребение, коллективное (рис. 4 и 5), содержавшее пять костяков — два женских (№ 1, 5), два детских (№ 2, 3) и один мужской (№ 4). Первый женский костяк (№ 1) лежал на правом боку с подогнутыми ногами. К женскому костяку примыкал детский (№ 2), женщина как

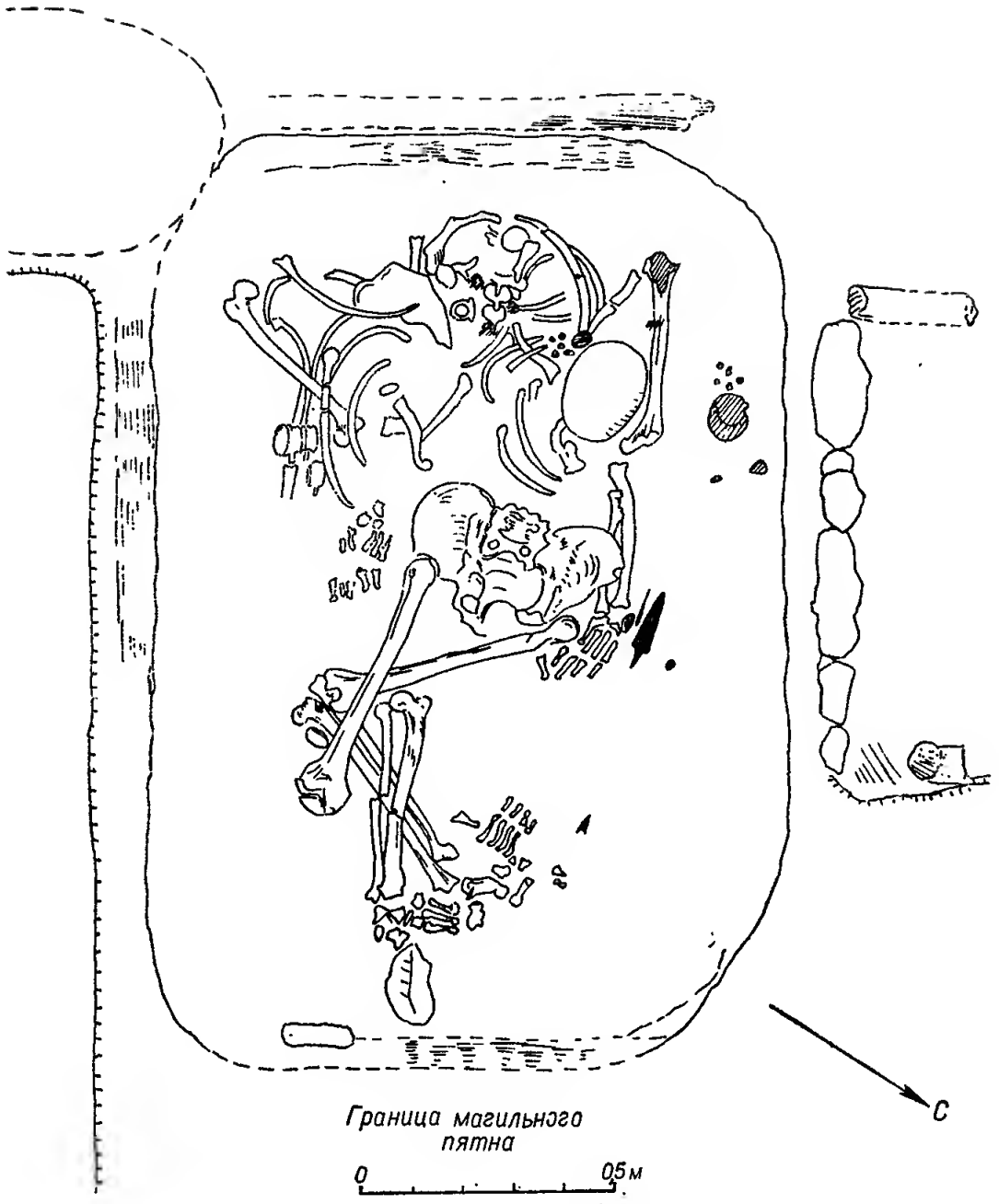


Рис. 1. План центрального погребения.

бы обнимала ребенка правой рукой. Второй женский костяк (№ 5) лежал на левом боку, также с подогнутыми ногами (рис. 5), умершая тоже как бы обнимала сбеими руками ребенка (№ 3). Положение обоих детских костяков скорченное. В ногах женских и детских костяков находился костяк мужчины (№ 4), положение которого свидетельствует о том, что умерший был погребен в сильно скорченном положении на правом боку. На черепе этого костяка имеются следы удара острым крупным орудием, что свидетельствует, повидимому, о ритуальном убийстве. Следов охры в коллективном погребении не обнаружено. Вещей в могиле найдено очень мало: два небольших горшочка лепной работы (рис. 6), две каменные круглые терки (рис. 7) и три обломка кремня неопределенной формы. В северной части могилы находилось скопление древесного угля.

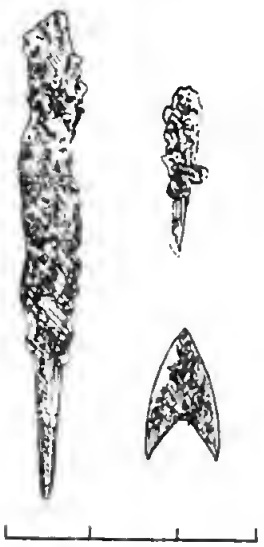


Рис. 2. Рис. 3.
Вещи из центрального погребения.

Яма этого коллективного погребения была выложена плоскими камнями, а под костяками обнаружен слой мелкой гальки. Размеры ямы (1,25×0,83 *м*[1] при глубине 0,80 *м*) меньше, чем центральной. Судя по находкам и единой каменной засыпке, оба погребения одновременны.

В земляной насыпи кургана находилось пять впускных погребений, относящихся к первым векам нашей эры. Места трех погребений, костяки которых не сохранились, установлены по отдельным находкам. Наиболее интересная находка во впускных погребениях — серебряное круглое зеркало (могила № 3). В четвертом погребении находился костяк мужчины в вытянутом положении, головой на юго-запад и со скрещенными ногами. Череп оказался раздавленным. Около костяка найдена железная пряжка, инкрустированная золотом. В пятом погребении от костяка сохранилось лишь несколько фрагментов.

Таким образом, во впускных погребениях целых черепов не оказалось. Из погребений эпохи бронзы нами исследовано четыре крайне фрагментированных черепа: мужской череп из центрального погребения, два женских и один мужской череп из коллективного погребения.

Череп из центрального погребения (рис. 8) характеризуется долихокранной формой, продольный диаметр черепа — 210 *мм*, поперечный 144 *мм*, черепной указатель 68,6. Кости основания черепа не сохранились, и поэтому высота базион-брегма не установлена. При осмотре череп произвел

[1] Размеры даны по дну могильной ямы.

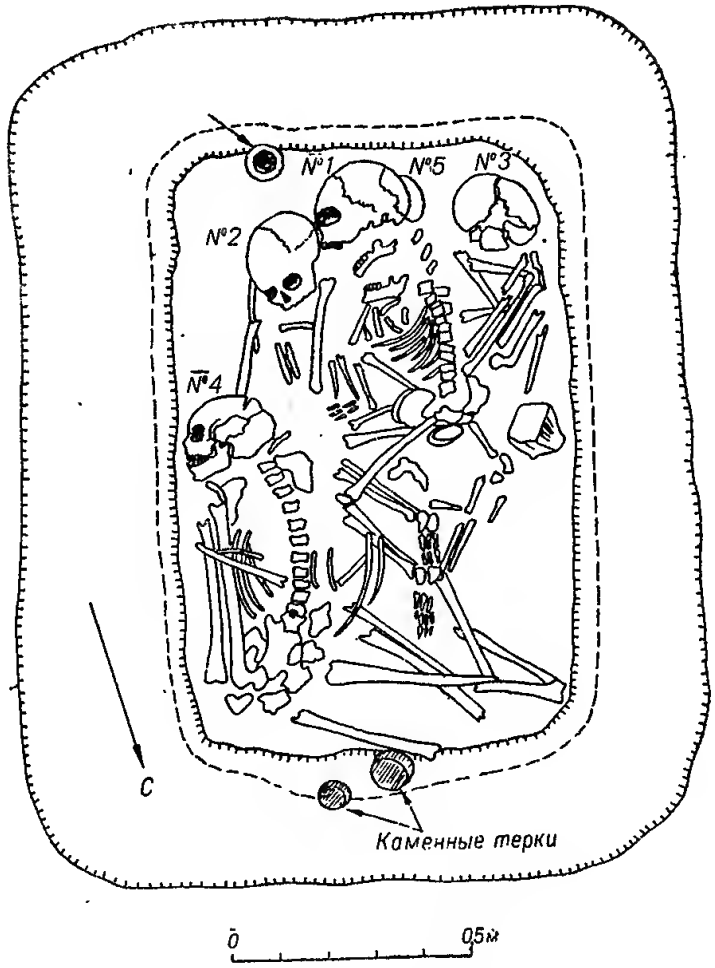


Рис. 4 План коллективного погребения (костяки № 1—5).

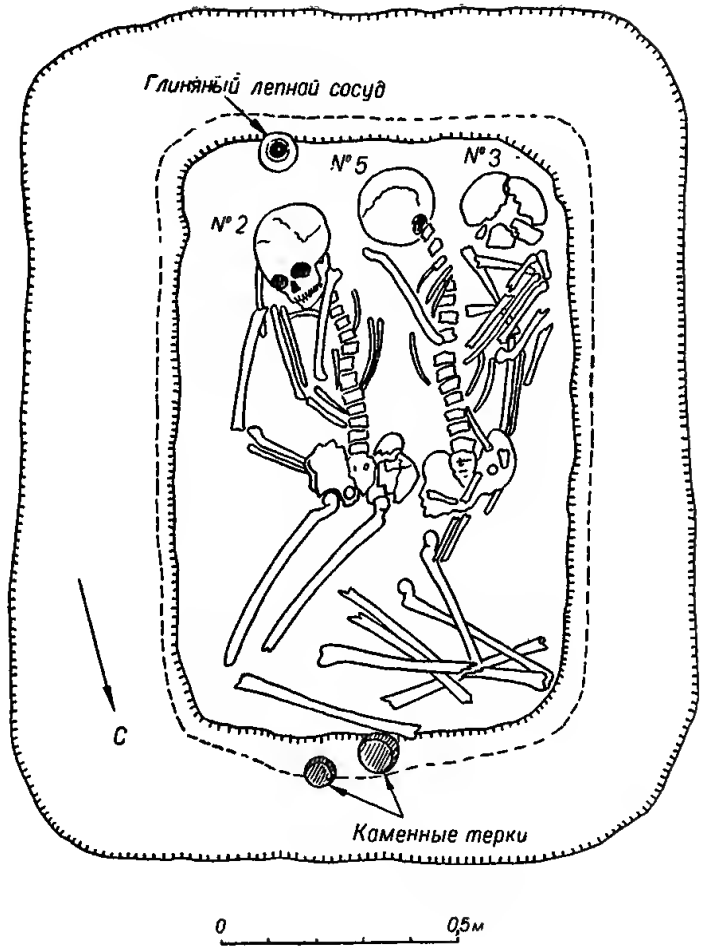


Рис. 5. План коллективного погребения (костяки № 2, 3, 5).

впечатленне низкого. Высота порион-брегма равна 112,4. Степень развнтия надбровных дуг сильная, по Мартину она отмечается баллом 5. Наклон лба около 78°; ннжний край грушевнднного отверстия fossa praenasales, передне-носовая ость по снстеме Брока равна 5. Характерной особенностью костяка является его масснвность и высокий рост (около 180 см).

Мужской череп № 4 из коллективного погребения (рнс. 9) характеризуется также долихокранной формой, продольный диаметр черепа равен 192 *мм*, поперечный 135 *мм*, черепной указатель 70,3 *мм*, высота черепа базион-брегма 132 *мм*, скуловая ширина 139 (?), высота лица 70 *мм*, глазницы низкие, степень развития надбровных дуг сильная, наклон лба — 70° (?), более сильный, чем на черепе из центрального погребения, нос выступающий.

Рис. 6. Лепной сосуд из коллективного погребения.

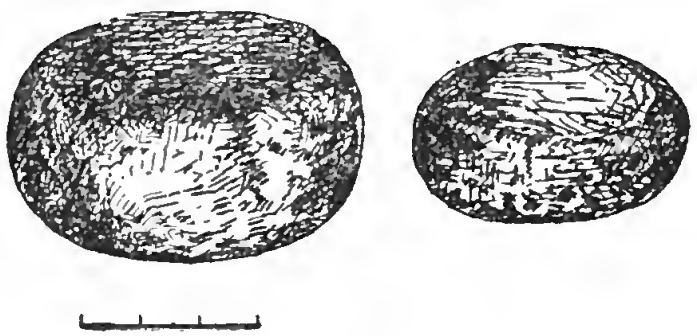


Рис. 7. Каменные терочники из коллективного погребения.

Череп женского костяка (№ 1) характеризуется долнхокранной формой; продольный диаметр 187 *мм*, поперечный 138 *мм*, черепной указатель—73,8 *мм*, лоб средне-наклонный, угол наклона лба около 80° (?), надбровные дуги развиты средне, передне-носовая ость по степени развнтия равна 3, нижний край грушевидного отверстия антропинной формы (рис. 10).

При осмотре другого женского костяка (№ 5) было отмечено, что признаки, характеризующне пол, нечетко выражены. Череп его характеризуется большим продольным диаметром, равным 195 *мм*, малым поперечным диаметром — 134 *мм*, черепным указателем 68,7, высотой базион-брегма 135 *мм*. Рельеф черепа развит сильно, надбровные дуги по Мартину отмечены баллом 4, лоб сильно наклонный, глубина собачьей ямки равна 6 *мм*, передне-носовая ость по системе Брока равна 4, нижний край грушевидного отверстия антропинной формы.

Как мужские, так и женские черепа не вызывают сомнения в принадлежности их к европеоидной группе. Судя по близкому сходству данных черепов между собой, можно считать как женские, так и мужские — принадлежащнми одному этническому типу.

Длинноголовый, широколицый тип, с наличием сходных морфологических признаков — сильно развитым надбровьем, сильно или средне наклон-

ным лбом, низкими глазницами, сильно выступающим носом — установлен Г. Ф. Дебецом [1] и Т. А. Трофимовой [2] при исследовании скорченных и окрашенных костяков эпохи бронзы из Среднего Поднепровья. Черепа этой формы известны и из других районов Восточной Европы, например из Нижнего Поволжья, в погребениях древнеямной и срубнохвалынской культур.

Г. Ф. Дебец рассматривает черепа этой формы, как очень древние, генетически связанные с формами верхнего палеолита и пережиточно сохранившиеся в эпоху бронзы и даже в скифо-сарматское время.

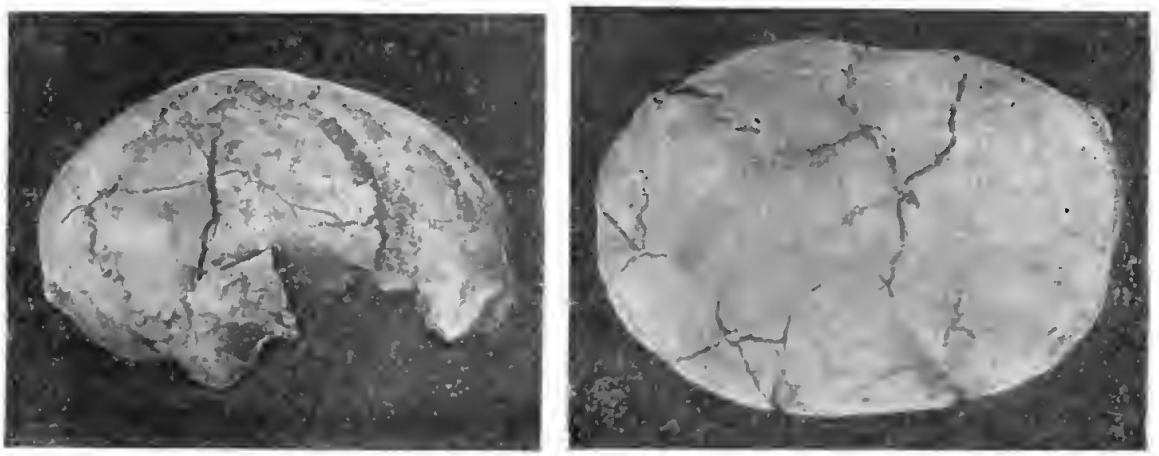


Рис. 8. Мужской череп из центрального погребения.

Черепа из кургана эпохи бронзы Бахчисарайского района имеют сходство с долихокранными черепами эпохи бронзы, хранившимися в Херсонском музее и исследованными Г. Ф. Дебецом, а также с черепами, найденными в кургане у слободки Романовка, в Одессе [3]. Анализируя типы погребений этого кургана, В. А. Городцов [4] установил, что брахикранные и мезокранные черепа сосредоточиваются в катакомбных погребениях, а долихокранные — в ямных и в ящичных [5]. Черепа из Бахчисарайского района имеют сходство с долихокранным типом ямных погребений. Сходный тип черепов прослеживается в Причерноморье и в более позднее время в курганах и могильниках не только скифских, но и сарматских и, как пережиточная форма, сохраняется вплоть до раннего средневековья. Т. А. Трофимовой [6] установлен этот пережиточный тип среди погребений древлян,

[1] Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, Черепа из раскопок Хвойко, Изд. АН СССР, 1948, стр. 97—102.

[2] Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, СЭ, 1949, № 1, стр. 91—132.

[3] Д. К. Третьяков, Остатки человеческих скелетов из кургана на слободке Романовка в Одессе, 300, т. XXXII, 1915.

[4] В. А. Городцов, Классификация погребений Одесского кургана, Отчет Исторического музея за 1915—1917 гг.

[5] Г. Ф. Дебец, ук. соч., стр. 101.

[6] Т. А. Трофимова, ук. соч., стр. 119.

Рис. 9. Мужской череп из коллективного погребения (№ 4).

Рис. 10. Женский череп из коллективного погребения (№ 1).

дреговичей, радимичей, полоцких кривичей и ряда других племен X—XIV вв. Черепа этого типа отмечены у некоторых групп приильменских словен, у чуди, у ижоры [1], в Латвии и Скандинавии. Т. А. Трофимова [2] устанавливает ареал распространения этого типа, охватывающий территории Среднего и Верхнего Поднепровья и Прибалтики.

За последние годы черепа, близкие по форме к черепам, исследованным указанными авторами, обнаружены на территории Крыма не только в Бахчисарайском кургане, датируемом первой половиной II тысячелетия до н. э., но и в могильниках Инкермана и Черноречья [3] первых веков нашей эры и возле «Сахарной головки» (раннее средневековье) (табл.).

Вопрос о том, является ли данная форма местной, связана ли с населением Поднепровья или же с населением, проникшим сюда из районов Северного Кавказа или из Нижнего Поволжья, может быть освещен лишь в результате изучения нового материала, обнаруженного в зоне Симферопольского водохранилища.

Размеры черепов из кургана эпохи бронзы в Бахчисарайском районе

Признаки	Мужские		Женские	
	Центральное погребение	Коллективное погребение	Коллективное погребение	
1. Продольный диаметр	210	192	195	187
8. Поперечный диаметр	144	135	134	138
17. Высотный диаметр	—	132	135	—
5. Длина основания черепа	—	106	—	—
20. Высотный диаметр (от порион)	112,4	117,1	117,3	115,5
9. Наименьшая ширина лба	104	91	92	91
10. Наибольшая ширина лба	129	113	111	101
11. Ушная ширина	120	—	122	122
12. Ширина затылка	115	—	105	112
45. Скуловой диаметр	—	139?	—	—
40. Длина основания лица	—	104	—	—
48. Верхняя высота лица	—	70	—	—
43. Верхняя ширина лица	—	105	—	—
46. Средняя ширина лица	—	96	—	—
60. Длина альвеолярной дуги	58	61	62	—
61. Ширина альвеолярной дуги	64	64	68	—
62. Длина нёба	46	48	51	—
63. Ширина нёба	41	41	42	—
55. Высота носа	—	51	—	—

[1] Е. В. Жиров, Древние ижорские черепа, СА, II, 1937.
[2] Т. А. Трофимова, ук. соч., стр. 119.
[3] К. Ф. Соколова, Об антропологических материалах из раскопок Инкермана, Рукопись хранится в архиве КФ АН УССР.

Продолжение табл.

Признаки	Мужские		Женские	
	Центральное погребение	Коллективное погребение	Коллективное погребение	
54. Ширина носа	27	25	27	—
51. Ширина орбиты от mf.	—	—	—	—
51а. Ширина орбиты от d.	—	38	—	—
52. Высота орбиты	—	31	—	—
Надбровье (1—6)	5	4	4	3
Fossa canina (*мм*)	—	5,5	6	—
Нижний край грушевидного отверстия	Fossae praen.	Antr.	Antr.	Antr.
Передне-носовая ость (1—5)	5	4	4	3
8 : 1 Черепной указатель	68,6	70,3	68,7	73,8
17 : 1 Высотно-продольный указатель	—	72,1	69,2	—
17 : 8 Высотно-поперечный указатель	—	94,3	100,7	—
9 : 8 Лобно-поперечный указатель	72,2	65	68,7	65,9
40 : 5 Указатель выступания лица	—	98,1	—	—
48 : 45 Лицевой указатель	—	50,4	—	—
52 : 51а. Орбитный указатель	—	81,6	—	—
54 : 55 Носовой указатель	—	49,0	—	—
32. Угол лба nas. met.	78?	70?	72?	80?
72. Угол лица	—	—	—	—
75(1) Угол носа	—	—	—	—

В. В. Веселов

СТОЯНКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ БЛИЗ ПОСЕЛКОВ КАМЕНКА, ГЛЕЙКИ И МАЯК

1. *Стоянка у пос. Каменка.* В октябре 1952 г. в восточной частн Керченского полуострова, в ложбине, расположенной между восточной окранной поселка Каменка н северо-западной окранной поселка Опасное, автором были обнаружены следы стоянкн эпохн бронзы. Эта стоянка находнтся на расстояннн примерно 1 *км* от береговой лннии древнего залива (пойма между сс. Опасное и Жуковка).

Прн осмотре ям военного времени было найдено много обломков лепной посуды (рнс. 1), кремневых отщепов н дробленых костей жнвотных. Древний культурный слой залегает на глубнне от 0,40 до 0,60 *м* от поверхностн. По распространенню находок можно предполагать, что террнторня стоянки занимала площадь в 2,5—3 *га*.

На стоянке подобраны фрагменты лепной посуды черного, серого и желтовато-серого цвета. Некоторые обломкн с орнаментом: елочно-гребенчатым, волнистым, насечками и пр. Многие сосуды с внутренней поверхностн покрыты штрнховкой. Преобладают плоскодонные горшкн, встречались и сосуды баночных форм. Попадаются венчикн прямые н сильно отогнутые. Глнна с белымн вкрапленнями. Большннство фрагментов покрыто слоем нзвесткового налета.

На стоянке найдено более 40 кремневых отщепов разной величнны вплоть до очень миниатюрных (цвет кремня: черный, серый, желтый н сургучный), а также двусторонне обработанный кремневый нож (найден в одной из ям; рис. 2, *а*). Часто встречаются обломки костей домашнего крупного н мелкого рогатого скота, н в то же время, несмотря на блнзость моря, костей рыб н створок моллюсков (мнднй) в культурном слое не обнаружено.

На стоянке подобрано продолговатое каменное орудне нз крепкого песчаника. Повидимому, это несверленный боевой молот, который подвязывался к деревянной рукояти (рис. 3).

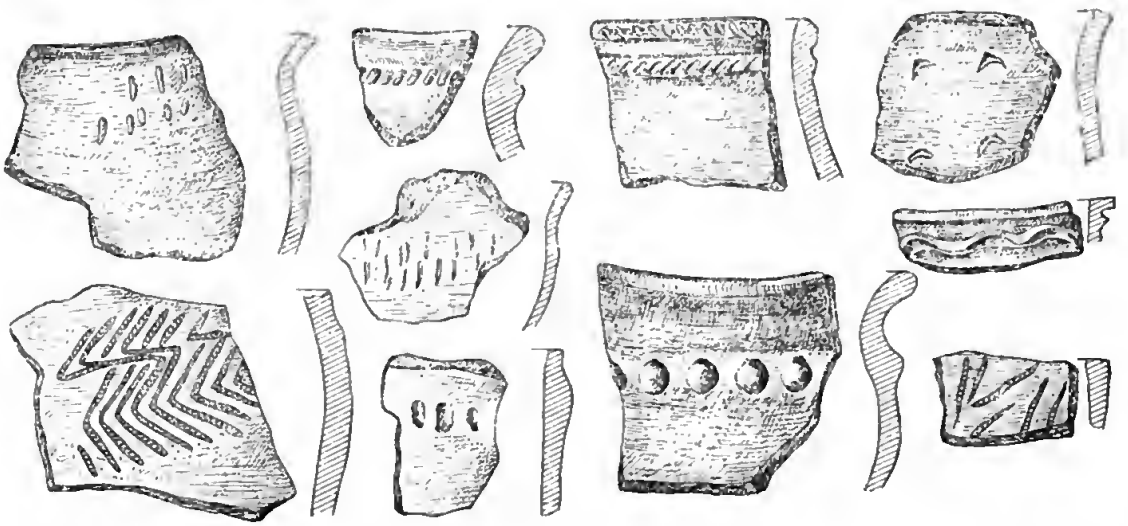


Рис. 1. Фрагменты лепной посуды, найденные на стоянке близ пос. Каменка.

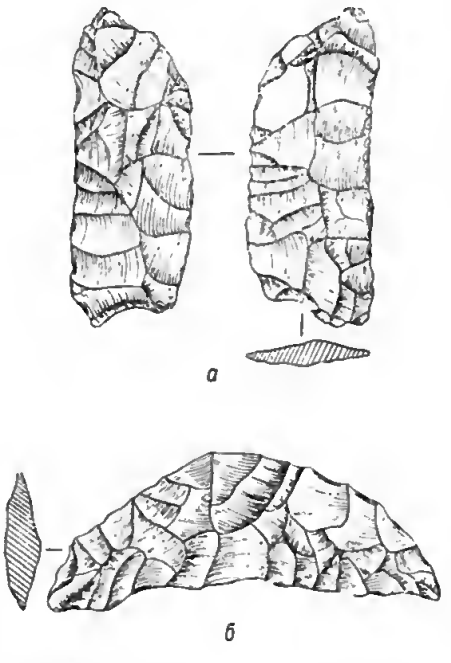


Рис. 2. Кремневые орудия, найденные на стоянке близ пос. Каменка (*а*) и Маяк (*б*).

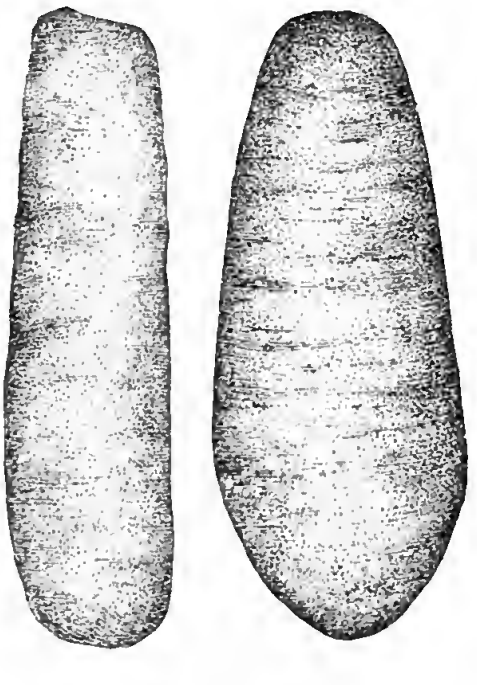


Рис. 3. Каменное орудие, найденное на стоянке близ пос. Каменка. Песчаник.

Попадаются известняковые камни со следами действия огня. Возможно, эти камни принадлежали кладке примитивных домашних очагов. Характер жилищ можно выяснить лишь путем раскопок.

В отличие от других памятников Керченского полуострова стоянка не перекрыта культурными слоями позднейших времен.

Рис. 4. Броизовое тесло и обломки керамики, найденные в районе карьера Глейки.

На южной границе стоянки заметен пролегающий поперек ложбины с юга на север невысокий расплывшийся земляной вал (высота 0,5—0,8 *м*, ширина в основаиии 4—6 *м*).

2. *Стоянка на территории карьера Глейки.* На территории карьера Глейки под тонким культуриым слоем аитичного времени найдены фрагмеиты грубой лепной посуды эпохи бронзы с характериой штриховкой по внутренней поверхности (рис. 4, *б*). Там же, в карьере, при разработке камня в декабре 1950 г. было иайдеио плоское бронзовое тесло (рис. 4, *а*). Оио относится ко II тысячелетию до н. э. и, бесспорно, как и другие медные и бронзовые орудия, было завезено в Крым. Аналогии ему имеются и на Северном Кавказе [1] и на территории Украины [2].

В древнем культурном слое этого же карьера был найден камень со следами сверленого отверстия (возможно, каменный молот).

---

[1] А. А. Иессеи, Прикубаиский очаг металлургии и металлообработки в коице медно-броизового века, МИА, № 23, 1951, стр. 92, рис. 21, 7; стр. 118, рис. 54.

[2] И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, К., 1951, табл. XVIII, 5—7.

В одной из кухонных ям в золе обнаружено много костей животных и рыб, створок мидий, крупных фрагментов лепной посуды. Стенки посуды снаружи черные, лощеные, а внутри розоватого цвета. Глина желтая с белыми включениями. На некоторых фрагментах — двойной веревочный орнамент зигзагом и поясок из двух параллельных углублений. На одном обломке венчика — налепы в виде плоских горошин (рис. 5, *б*). Среди обломков лепной посуды интересен фрагмент глиняной плоской ложки (рис. 5, *а*), на левой грани закругления прослеживается сношенность, по-видимому, от частого трения ложки о внутреннюю поверхность горшка.

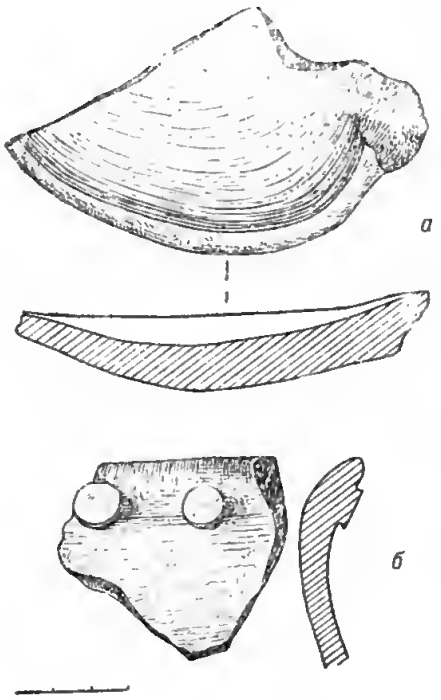


Рис. 5. Фрагменты лепной посуды, найденные на стоянке близ карьера Глейки:
а — обломок глиняной ложки, *б* — край горшка с налепными горошинами.

Есть основание предполагать, что на территории карьера Глейки сначала существовало небольшое поселение эпохи бронзы, затем — поселение античного времени, а позже — раннего средневековья.

3. Поселение у пос. Маяк. В 1953 г. в седловине двух холмов, расположенных между поселками Маяк и Жуковка, при осмотре грунта, выброшенного из котлована, было собрано много фрагментов грубой лепной посуды, костей домашних животных, несколько кремневых отщепов, а также кусок минерала в изломе красноватого цвета (реальгар ?). При рытье котлована были извлечены целый, серповидной формы, двусторонне обработанный кремневый нож (рис. 2, *б*), фрагмент грубой лепной посуды и половина шлифованного каменного боевого топора. Топор был сделан из кристаллического камня серого цвета (рис. 6, *а*).

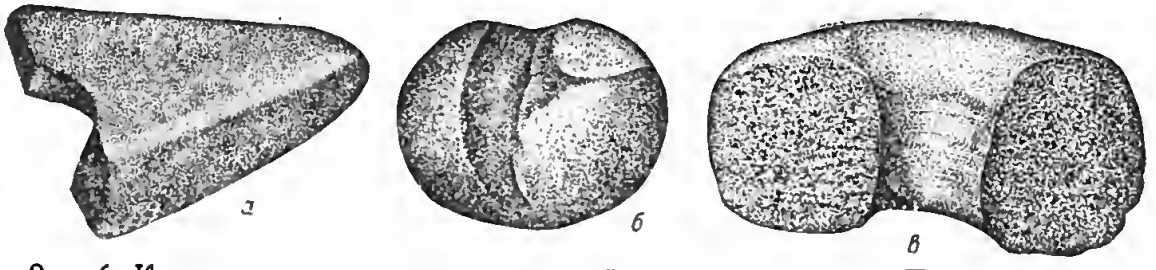


Рис. 6. Каменные шлифованные орудия, найденные на городище Порфмий и на стоянке близ пос. Маяк.

Культурный слой прослежен на глубине 0,40—0,80 *м* и, повидимому, распространен на площади до 1,5 *га*. Местами он насыщен золой.

На северо-восток от этого местонахождения, в пределах пос. Маяк, на-

ходятся остатки городища античного времени. Судя по подъемному материалу, это городище возникло позже других, расположенных у Керченского пролива, и служило, подобно городищу на Темир-Горе, одним из опорных пунктов Боспорского царства, преграждавших подступы к Пантикапею со стороны Азовского моря.

Интересно также отметить, что в четырех известных автору случаях стоянки эпохи бронзы на Керченском полуострове (Каменка, Глейки, Маяк и Темир-Гора) расположены в седловинах между холмами, т. е. в местах, защищенных от действия северо-восточных ветров.

* *
*

Кремневые орудия и отщепы встречаются во многих местах восточной части Керченского полуострова: в районе Темир-Горы, близ завода им. Войкова (Мирмекий), близ Синягина, Опасного, Каменки, Оссовина, Жуковки, Глейки, Маяка, Капкан и др.

На горе Митридат (г. Керчь) также найдены кремневые орудия. На территории городища Порфмий (Жуковка) в яме найдены 2 каменных орудия, часть шлифованного каменного молота из кристаллической горной породы зеленоватого цвета с белыми вкраплениями (рис. 6) и часть, повидимому, каменной булавы (рис. 6, *б*). На восточной окраине пос. Капканы, в степи, найден хорошо обработанный кремневый наконечник стрелы.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что земли полуострова восточнее Керчи, в частности у самого узкого места пролива, там, где находилась киммерийская переправа, упомянутая Геродотом, еще в доскифский период были довольно густо заселены.

Х. И. Крис

ПОСЕЛЕНИЕ КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАЛКЕ АШЛАМА-ДЕРЕ

Большинство поселений кизил-кобинской культуры до сих пор исследовано явно недостаточно. Известно много пунктов, где найдена лепная простая и лощеная, частью орнаментированная керамика кизил-кобинского типа; некоторые из этих пунктов являются остатками поселений, где обнаружены ямы, наполненные золой, фрагментами лепной керамики, костями животных и другими культурными остатками. Однако до сих пор нет единой точки зрения на назначение этих ям: иногда они рассматриваются как очажные, в других случаях как мусорные, наконец, существует предположение, что эти ямы связаны с культом огня.

Такие расхождения во мнениях объясняются прежде всего тем, что упомянутые ямы не исследовались в хозяйственном комплексе, т. е. в связи с жилищем человека [1]. Да и сами жилища нам известны лишь в общих чертах: в имеющихся описаниях, например, не указаны размеры землянок [2]. Исследование поселений кизил-кобинской культуры в историческом плане затрудняется и тем, что подавляющая часть археологических материалов не опубликована, а то, что издано, представлено краткими информациями.

Из сказанного следует вывод о необходимости проведения на поселениях кизил-кобинской культуры больших археологических стационарных работ по типу раскопок Уч-Баша, а также аналитической обработки всех накопленных ранее материалов.

Археологические разведки в горных районах юго-западного Крыма обнаружили ряд пунктов с керамикой кизил-кобинского типа. Так, в районе г. Бахчисарая зафиксировано много местонахождений лепной лощеной посуды (вдоль северного и южного склонов долины, в которой расположен

[1] Исключением являются раскопки раннетаврского укрепленного поселения в Уч-Баше (С. Ф. Стржелецкий, Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа, Автореферат диссертации, М., 1954, стр. 11 сл.).

[2] СА, IX, стр. 285.

Бахчисарай; к юго-востоку от Бахчисарая в 3 *км* на плато Беших-Тау, в балке Кая-Арасы, ведущей от горы Беших-Тау в долину р. Качи).

Относительная густота поселений с керамикой кизил-кобинского типа в окрестностях Бахчисарая не представляет собой явления исключительного, но, наоборот, находит полную аналогию в районе Симферополя, Красногорска (б. Нейзац) и Инкермана, где на небольшой территории известны целые группы поселений с керамикой кизил-кобинского типа.

В 1946 г. в тальвеге балки Ашлама-Дере, расположенной между двумя плато — Чуфут-Кале и Орта-Кая, в окрестностях Бахчисарая, краеведами Н. П. Кацуром и Я. А. Дубинским было обнаружено поселение кизил-кобинской культуры с зольными ямами и лепной простой и лощеной керамикой. Вдоль склонов промоины, в балке, на протяжении 300 *м*, часто встречались фрагменты лепной посуды и кремневые отщепы; в вертикальных обрезах промоины резко выделялись темные зольные пятна на фоне белого мергеля; они находились на разной глубине — от 1 до 4 *м* от современной поверхности. Во время двухдневной разведки, проведенной Музеем пещерных городов в 1946 г., эти зольные пятна, являющиеся остатками частично сохранившихся ям, были зачищены. В них найдено много фрагментов керамики, угольки, кости животных, а в промонне — каменная круглая терка с пестиком, кремневые отщепы (некоторые со следами ретуши), обломки точильного камня и предмета из мергеля ромбической формы с отверстием в центре [1].

Из пяти исследованных наиболее интересными оказались две ямы (рис. 1). Они находились рядом. Одна из них, глубиной в 0,65 *м*, круглая в сечении (диаметр 1,25 *м*), несколько расширялась книзу. В стенках ямы на одном уровне с ее подошвой с одной стороны обнаружено отверстие в грунте в виде трубы, расширяющейся в сторону ямы. В яме находилось большое количество обломков лепной керамики и почти целые сосуды, а на дне — фрагменты огромных плоскодонных горшков, куски недогоревших дров и глиняной обмазки, что дало повод видеть в этом сооружении гончарную печь. На расстоянии 0,5 *м* к югу от предполагаемой гончарной печи находилась яма бочкообразной формы, наполненная сероватой землей и угольками. Глубина ее достигала 1,20 *м*. Сечение круглое, дно плоское, бока слегка расширяющиеся. Здесь, среди завала камня, обнаружено небольшое количество обломков посуды, угольки, часть каменного сверленого топора.

На площади поселения собрано более тысячи фрагментов лепной керамики. Можно думать, что для изготовления сосудов применялась ленточная или жгутовая техника, чаще всего косой излом черепка (спутник жгутовой техники) наблюдается в придонной части сосудов. В глине имеются крупные и мелкие частицы примеси. Обжиг неравномерный и производился, вероятно, при сравнительно невысокой температуре. Чаще всего в изломе

[1] Дневник и отчет находятся в архивах ИИМК АН СССР и в Бахчисарайском музее. Краткое упоминание об этих работах в статьях П. Н. Шульца: Тавро-скифская экспедиция в 1946 г. («Советский Крым», № 5, Симферополь, 1947, стр. 68); «Работы Тавро-скифской экспедиции» («Памятники искусства», в. 2, М., 1947, стр. 29).

цвет черепка черный, в редких случаях он прокален насквозь докрасна, а иногда — прокален с поверхности на незначительную толщину. Обработка поверхности сосудов различна: наряду с тщательным лощением встречается и слабая сглаженность на сосудах с бугристой неровной поверхностью.

По размерам и назначению керамический комплекс Ашлама-Дере можно разделить на три основных группы:

1. Горшки с более или менее выпуклыми боками и отогнутым наружу венчиком (рис. 2). Дно плоское или уплощенное.

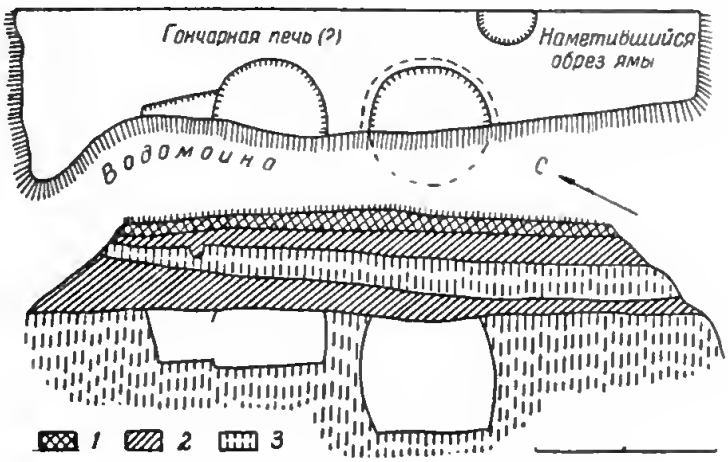


Рис. 1. План и разрез разведанного участка поселения Ашлама-Дере.

1 — почвенный слой; *2* — серый мергель; *3* — белый мергель.

2. Черпаки с ручками — напоминают по форме кубки; горшки и в редких случаях миски, отличаются от последних малыми размерами. Дно уплощено (рис. 3).

3. Миски с широким устьем, прямо срезанной закраиной и массивными ручками для подвешивания сосуда. Форма дна плоская.

Что касается формы сосудов и характера профиля, керамика Ашлама-Дере включает два преобладающих типа: горшок и миску. Малые сосуды с ручками, именуемые черпаками, по своим формам занимают как бы среднее место между горшками и мисками. Ручки имеются не только на черпаках, но и на мисках. Назначение ручек различно: некоторые, имеющие сквозные отверстия, служат для подвешивания сосуда, другие — для переноса сосуда.

Не только форма и размеры сосудов, но даже обработка поверхности отдельных фрагментов позволяют говорить о различном назначении сосудов, на что указывал Г. А. Бонч-Осмоловский: «Лощеные черепки принадлежат искусно сделанным небольшим круглодонным или бомбовидным сосудам, употреблявшимся, повидимому, в виде столовой или праздничной посуды. Большие же горшки с грубой поверхностью и плоским дном служили, по всей вероятности, для различных хозяйственных надобностей» [1].

[1] Г. А. Бонч-Осмоловский, Доисторические культуры Крыма, «Крым», № 2, М., 1926, стр. 91.

Рис. 2. Сосуды из поселения кизил-кобинской культуры Ашлама-Дере.

Приводим описание реставрированных сосудов. К первой и наиболее многочисленной группе относятся плоскодонные горшки, часто огромных размеров (диаметр до 0,66 *м*), формы которых точно не выяснены, так как они восстанавливаются неполностью. Почти все они без лощения. Орнамент в виде рельефного валика с несимметрично расположенными концами, один из которых спускается книзу (рис. 2, *1*, *2*).

Своеобразен по форме большой тонкостенный лощеный сосуд (рис. 2, *3*). Диаметр устья 0,18 *м*, наибольший диаметр корпуса 0,42 *м*, высота 0,40 *м*. Несмотря на большие размеры, толщина его стенок не превышает 7 *мм*, в то время как остальные крупные простые сосуды без лощения имеют толщину стенок 10—12 *мм*. Горло представляет собой конический раструб, венчик срезан прямо. Горло плавно переходит в сильно выпуклые округлые плечики, дно уплощенное. В наиболее выпуклой части расположен рельефный орнамент в виде трех параллельных вертикальных валиков, длина которых 13 *см*. По форме и орнаменту напоминает сосуд из каменного ящика погребений эпохи бронзы в Северной Осетии [1], но отличается от него по размерам. На внешней поверхности лощение очень тщательное, на внутренней — среднее. Цвет неоднородный, нижняя часть до плечиков — черная, верхняя — желтовато-бурая.

К группе плоскодонных лощеных горшков относятся сосуды средних размеров (рис. 2, *5*, *6*), с отогнутым наружу венчиком, четко выраженной шейкой благодаря намечающемуся уступчику в месте сопряжения шейки и плечика сосуда. Бока округло-выпуклые. Дно уплощенное, без резкой грани при переходе в тулово. На плечике одного сосуда (рис. 2, *6*) сохранились следы пяти налепов уплощенно-округлой формы. Все они расположены на плечиках и группируются следующим образом: на одной стороне три рядом, два других расположены на большом расстоянии друг от друга, симметрично по отношению к группе из трех налепов.

На коричневато- и розовато-бурой внешней поверхности сосудов и на внутренней у венчика — хорошее лощение, на остальной части внутренней поверхности лощение менее тщательное.

К этой группе сосудов по своим формам примыкают кубки малых размеров с венчиком, отогнутым наружу, округлыми боками, уплощенным, а иногда и почти круглым дном с углублением в центре. В наиболее выпуклой части тулова имеются конические налепы с округлыми вершинами, чередующиеся с наклонными насечками (рис. 2, *4*). Внешняя поверхность у венчика и внутренняя покрыты лощением. Цвет серовато-бурый.

В особую группу выделяются черпаки — сравнительно небольшие сосуды с ручками и уплощенно-округлым дном. Высота одного черпака (рис. 3, *1*) 4,6 *см*, а наибольший диаметр 6 *см*. Венчик слабо отогнут наружу, бока умеренно выпуклые. Дно уплощенно-округлое с вдавлением в центре. Верхним концом ручка прикрепляется к венчику, подымаясь выше его, а нижним — к наиболее выпуклой части тулова. Сосуд не орнаментирован.

[1] Е. И. Крупнов, Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии, Труды ГИМ, в. VIII, 1939, стр. 44, рис. 1.

На внешией и виутреиией поверхиостях слабое лощеиие. Цвет серовато-бурый.

Другой черпак иесколько больших размеров (рис. 3, 2): высота — 10 *см*, иаибольший диаметр — 12 *см*, имеет совершеиио аналогичную форму. Его внешияя поверхность буровато-розовая, внутреиняя — черная.

В особую подгруппу выделяются черпаки иа массивиом поддоие (рис. 3, 3). Петлеобразная ручка соединяется с веичиком сосуда, подымаясь выше его. Лощение иа внутреиией и внешией поверхиостях серовато-бурого цвета

Рис. 3. Сосуды из поселения кизил-кобинской культуры Ашлама-Дере.

К третьей основной группе отиосятся широкие миски с прямо срезаиной закраииой. Сосуды этой группы ие поддаются реставрации из-за фрагментарности. Однако отдельные обломки веичиков и стеиок позволяют определить характер профиля сосудов, диаметр веичика и приблизительиую высоту. По пропорциям миски резко отличаются от горшков. Диаметр веичика в 3 или 2,5 раза больше высоты. Группа мисок занимает особое место в керамическом комплексе Ашлама-Дере по обработке поверхиости: и виутреияя и виешияя поверхиости ровиого черного цвета очеиь тщательно вылощеиы.

Керамика Ашлама-Дере отличается сравиительио бедным орнаментом: поле сосуда лишь местами украшеио вдавлеиным или рельефиым узором, миогие сосуды совсем ие орнаментированы. Самый распространеиный орнамеитальиый мотив — рельефиый горизоитальиый валик с иесмыкающимися концами, один из которых спускается ииже плечиков, отклоияясь от гори-

зонтального направления. В отдельных случаях вместо валика сосуд опоясывается на границе шейки и плеча горизонтальной вдавленной полосой. В редких случаях встречается орнамент из заштрихованных треугольников со смыкающимися углами оснований и опущенными книзу вершинами; иногда свободное поле между заштрихованными треугольниками заполняется круглой неглубокой ямкой. На некоторых фрагментах сохранился рельефный орнамент из бугорков, уплощенных или конических, с закругленными вершинами. На одном сосуде имеется чередование конических бугорков с косыми вдавлениями. Косые параллельные вдавления иногда составляют самостоятельный орнамент. В подъемном материале есть фрагменты с ямочным орнаментом, в двух случаях сосуды имеют сквозные отверстия в стенках.

Форма сосудов и орнамент чуть ли не единственные элементы, по которым можно приближенно датировать поселение Ашлама-Дере. Последнее имеет много общего с определенной группой поселений кизил-кобинской культуры. Небольшая проведенная нами разведка не дает материала для точной датировки памятника.

Из поселений кизил-кобинской культуры (в Инкермане — материалы 1940 г. [1], над Балаклавой [2], у деревни Новые Шули [3], близ Белогорска [4], около Симферополя [5] и в Уч-Баше [6]) керамика Ашлама-Дере находит наиболее близкие аналогии в материале нижнего участка таврского поселения в Инкермане (раскопки 1940 г.). Имеются общие черты с поселениями близ Балаклавы и на скале Уч-Баш.

Керамика нижнего участка Инкерманского поселения, по определению А. А. Иессена, может быть датирована VII в. до н. э. Поэтому полагаем, что поселение в балке Ашлама-Дере относится приблизительно к VIII—VII в. до н. э. Оно, судя по характеру керамики, явно предшествует верхнему участку Инкерманского поселения (раскопки 1948 г.), которое нами датируется VI в. до н. э. [7].

Таким образом, предложенная нами датировка поселения приблизительна и не имеет пока других обоснований, кроме сравнительного материала. Дальнейшее исследование приведет к расширению его хронологических рамок.

Поскольку площадь поселения велика, а культурный слой значителен, можно предположить, что жизнь на поселении продолжалась длительное время.

---

[1] С. Ф. Стржелецкий, Раскопки в Инкермане в 1940 г., СА, IX, 1947, стр. 283, сл.; Х. И. Крис, Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане, КСИИМК, в. 58, 1955, стр. 35 сл.

[2] Материалы научной сессии Крымского филиала АН СССР по истории Крыма, 1949, 1948 г., Архив КФ АН УССР.

[3] КСИИМК, в. XIV, 1947, стр. 129 сл.

[4] П. Н. Шульц, Таврo-скифская экспедиция в 1947 г., КСИИМК, в. XXVII, стр. 66.

[5] О. Д. Дашевская, Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры, КСИИМК, в. XXXIX, 1951, стр. 110 сл.

[6] С. Ф. Стржелецкий, Очерки истории Гераклейского полуострова в эпоху бронзы и раннего железа, автореф. дисс., М., 1954, стр. 10.

[7] Х. И. Крис, ук. соч., стр. 44; ее же, статья в настоящем сборнике, стр. 53.

Х. И. Крис

РАННЕТАВРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ИНКЕРМАНЕ

(по раскопкам 1948 г.)

В 1940 г. в Инкермане были обнаружены могильник III—IV вв. н. э. и раннетаврское поселение. Обследование этих памятников производилось Государственным Херсонесским музеем совместно с Бахчисарайским музеем пещерных городов. На поселении было открыто восемь хозяйственных ям и большая землянка [1].

В 1948 г. Инкерманская экспедиция Музея пещерных городов Крыма, Крымского филиала АН СССР и Государственного исторического музея (руководитель Е. В. Веймарн) произвела раскопки Инкерманского могильника и раннетаврского поселения [2].

В этом же году у небольшого железнодорожного мостика между рабочим поселком в Инкермане и Каламитой, в 300 *м* северо-восточнее раскопок 1940 г., в вертикальном обрезе восточного кювета было обнаружено зольное пятно. При его расчистке оказалось, что это наполовину разрушенная дорогой зольная яма, напоминающая по размерам и содержимому ямы раннетаврского поселения, обследованного в свое время С. Ф. Стржелецким.

Работами 1948 г. на раскопе площадью в 510 $м^2$ обнаружено 15 ям с керамикой кизил-кобинского типа и погребение со скорченным костяком. Древний слой поселения в юго-восточной части вскрытой площади был перерезан поздней полуземлянкой с материалами второй половины XVIII в. (русскими монетами, пуговицами и т. п.). Обнаруженные на поселении ямы были вырублены в делювиальной нуммулитовой глине, подстилающей почвенный слой. Верхний уровень ям совпадал с нижней границей почвенного

---

[1] С. Ф. Стржелецкий, Раскопки в Инкермане в 1940 г., СА, IX, 1947, стр. 283 сл. Находки из раскопок поступили в Музей пещерных городов.

[2] В 1950 г. раскопки поселения были продолжены. См. Х. И. Крис, Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане, КСИИМК, в. 58, 1955, стр. 35—43.

слоя, толщина которого равна 40—50 *см*. Попытки определить горизонт «дневной поверхности» не дали желаемых результатов[1].

Условно за уровень поселения можно принять верхние границы ям и залегающие в нижней части почвенного слоя отдельные находки (фрагменты лепной керамики и створки раковин — мидий). Этот уровень совпадает с границей почвенного и глинистого слоя и находится на глубине 40—50 *см* от современной поверхности.

Исследованные на территории поселения в 1948 г. пятнадцать ям по своей форме делятся на три типа (рис. 1)[2].

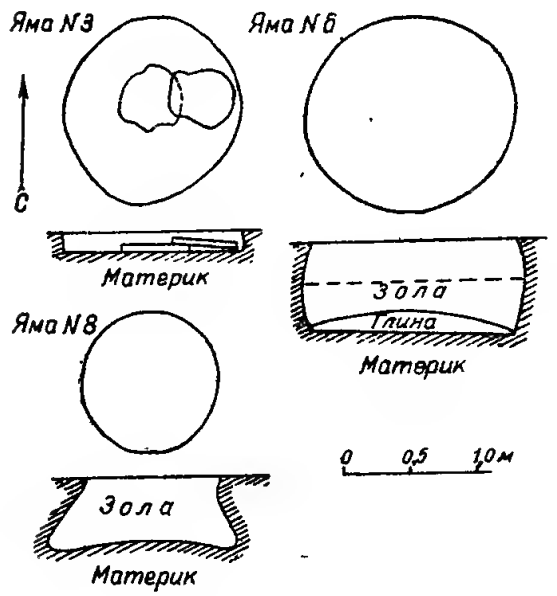


Рис. 1. Типы хозяйственных ям.

1. Неглубокие цилиндрические с вертикально-отвесными стенками и плоским дном.

2. Бочкообразные: бока слегка расширяются, достигая на середине глубины ямы наибольшей величины в диаметре, и вновь сужаются к основанию; дно плоское.

3. Колоколовидные, резко расширяющиеся к дну боками. Дно неровное, покатое, углубляется у стенок.

Цилиндрические ямы находились в северо-западном углу раскопа. Размеры различны: диаметр от 1,40 до 1,60 *м*, глубина от 0,1 до 0,3 *м*. Наполнены золой, содержавшей фрагменты лепной керамики, кости животных и птиц, створки съедобных моллюсков. В двух ямах найдены уплощенные известняковые плиты со следами действия огня; возможно, это очажные камни (рис. 1, яма 3). Форма и размеры цилиндрических ям и их содержимое позволяют предположить, что это очажные ямы. Наиболее типична для этой группы яма № 3, где найдено 202 створки раковин мидий и фрагменты лепных грубых сосудов, использующихся для приготовления пищи.

Бочкообразные ямы находились на всей вскрытой площади поселения. Размеры: диаметр от 1,5 до 1,6 *м*, глубина 0,30—0,80 *м*. Заполнение их различное. Одни заполнены золой, другие рушеной глиной. В некоторых

[1] Трудность распознавания погребенной поверхности может быть связана со следующими причинами: а) культурный слой поселения в исследуемом месте был недостаточно интенсивен; б) нуммулитовая глина обладает цементирующими свойствами, и залегающие на ней органические остатки плохо сохраняются; в) поздняя запашка в этой части поселения и виноградники по склону могли нарушить древний культурный слой.

[2] Деление ям на три типа на основании формы является лишь первой попыткой их классификации. В сочетании с другими признаками (например, характером заполнения) это деление поможет выяснить их назначение.

имелись две прослойки: верхняя зольная и нижняя, от 5 до 15 *см*, из рушеной глины. Обе прослойки содержали идентичные культурные остатки, причем в золе их было значительно больше, чем в глине. Наличие двуслойности в ямах указывает на то, что они дважды использовались и, возможно, с разной целью. Так, например, над ямой № 10, почти на уровне ее верхнего края, находилась группа камней со следами действия огня, а между камнями и в непосредственной близости от них — фрагменты керамики, створки мидий, угольки. Все это походило на открытый очаг, под которым оказалась глубокая (80 *см*) яма, заполненная коричневатой землей. Дно и стенки внизу как будто были слабо обожжены. Это дало повод предположить, что яма предназначалась для хранения зерна.

В северо-западной части ямы № 7 (половина ямы была разрушена окопом) на высоте 20 *см* от ее подошвы находилась прослойка из обожженной глины толщиной в 8—10 *см*. Верхняя плоскость ее была тщательно сглажена. Аналогичные находки одинаково интенсивно заполняли зольный слой под глиняной обмазкой и над ней. Назначение прослойки из обожженной глины пока остается неясным. Может быть, она образовалась вследствие обвала обожженной поверхности стенки ямы.

Колоколовидные ямы открыты в восточной части раскопа. Диаметр их 0,9—1,10 *м*, глубина 0,50—0,65 *м*. Они до основания заполнены золой. Находки того же характера, что и в описанных выше ямах.

Вопрос о назначении ям различных типов на поселениях кизил-кобинской культуры, неоднократно обсуждавшийся археологами, пока остается открытым. Большинство исследователей склоняются к мнению об их хозяйственном назначении [1], однако некоторые предполагают, что они связаны с культом огня и очага [2].

Как указывалось выше, три ямы раннетаврского поселения в Инкермане содержат два слоя. Не имея пока достаточных данных для решения вопроса о первоначальном назначении ям, можно предположить, что вторично они использовались для свалки мусора. При расчистке ямы № 2 прослежено, что основная масса фрагментов, притом наиболее крупных, находилась в верхнем зольном слое по краям у стенок. Такое явление наблюдается при свалке мусора, когда мелкие части задерживаются, а крупные скатываются. В яме № 6, помимо большого количества фрагментов керамики и других культурных остатков, найдены кости животных и птиц как обожженные, так и необожженные.

Раскопки 1948 г. не дали фактов, свидетельствующих о погребальном назначении ям на изучавшемся поселении. Из 15 ям ни одна не содержала костей человека или жертвенных животных.

В восточной части северного обреза площадки было обнаружено погребение в простой грунтовой могиле с костяком в скорченном положении (рис. 2). Оно находилось на глубине 25—30 *см* от предполагаемого уровня

[1] О. Д. Дашевская, Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры, КСИИМК, в. XXXIX, 1951, стр. 110.

[2] КСИИМК, в. XIV, 1947, стр. 130.

поселения, следовательно, могильная яма была неглубокой. Положение костяка: на спине, головой на восток. Кисть левой руки под головой, правая согнута в локте и ее фаланги — в области живота. Кости таза сохранились плохо, ноги сильно согнуты в коленях, стопы не сохранились. В погребении не найдено никаких вещей. Общая его длина 1,15 *м*. Контуров могильной ямы из-за свойств грунта проследить не удалось. Яма была вырублена в слое нуммулитовой делювиальной глины до каменистого материка. Костяк лежал на тонком слое глины, который едва ли можно объяснить как специальную, преднамеренную подстилку, настолько слой незначителен. Из-за полного отсутствия в погребении инвентаря невозможно решить вопрос об его датировке. Может быть, погребение предшествовало поселению.

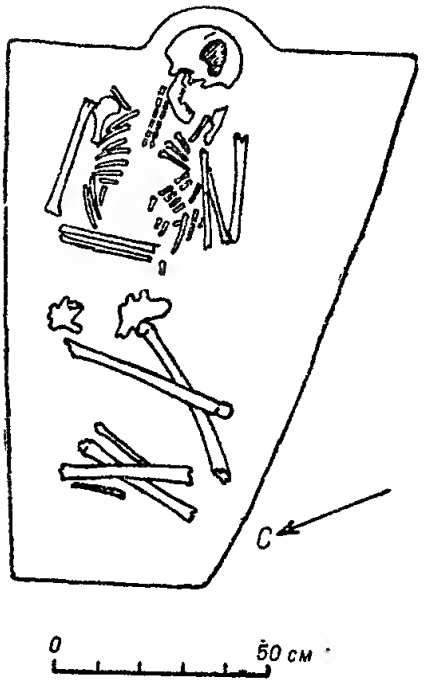


Рис. 2. Погребение на территории раннетаврского поселения.

Основная масса находок обнаружена в ямах. Лишь небольшое их количество найдено вне ям, на границе почвенного и глинистого слоя. Подъемный материал очень незначителен. Больше всего керамических находок, они имеются во всех без исключения ямах (в яме № 6 — 485 фрагментов, в яме № 9—284). Обломкам посуды сопутствуют створки мидий, устриц, садовой улитки. Костный материал, предварительно осмотренный И. Т. Глобенко, дал неожиданные результаты. Преобладают кости птиц — орлов, грифов, которых употребляли в пищу (эпифизы костей обглоданы). Второе место занимает косуля, затем овца. Крупный рогатый скот (корова?) представлен четырьмя обломками костей.

Можно предполагать также присутствие костей собаки. На основании предварительных данных, представляющих, возможно, и случайные количественные соотношения, нельзя прийти к окончательным выводам о специализации хозяйства. Что же касается состава фаунистических остатков, то он включает большинство видов, обнаруженных на других поселениях кизил-кобинской культуры. Отсутствие костей лошади, свиньи и малое количество костей крупного рогатого скота, возможно, является следствием далеко неполных работ на поселении. Кроме того, в ямах найдены обломки зернотерок, каменный пестик, обломки точильных камней, керамического пряслица, железный предмет в виде удлиненной пластинки.

В подъемном материале имеется обломок бронзового втульчатого наконечника стрелы листовидной формы. Отсутствие втулки и нижней части пера позволяет дать ему лишь общую датировку — в пределах VII—VI вв. до н. э.

Особого внимания заслуживают несколько фрагментов античных амфор, впервые встреченных вместе с керамикой кизил-кобинского типа. Этот факт

важен для датировки поселения. Нельзя предположить, что обломки амфор попали в ямы позже, чем остальное их содержимое, так как они находились в нижних слоях и на подошве. В этой связи нужно отметить, что на исследованном в 1948 г. участке материалов других эпох, за исключением русской полуземлянки второй половины XVIII в., не оказалось. Один из фрагментов амфоры (из ямы № 13) имел форму правильного треугольника, специально выточенного из стенки сосуда, вершины которого были округлены.

Всего в ямах найдено 1570 фрагментов лепной керамики, которую в основном можно разделить на две группы: 1) грубую с шероховатой поверхностью, почти неорнаментированную, и 2) лощеную черную или серую, иногда розовато-бурую с резным орнаментом, изредка с белой пастой. Лощеные сосуды тонкостенные, небольших размеров, сделаны из менее грубой глины, чем толстостенные с шероховатой поверхностью.

Грубые с шероховатой поверхностью фрагменты относятся к плоскодонным горшкам со слабо выступающими округлыми боками без выраженного плечика и шейки, венчик слабо отогнут наружу. Встречаются сосуды малых размеров с шероховатой грубой поверхностью (рис. 3). К сосудам с грубой поверхностью относятся фрагменты мисок с широким устьем и плоским дном.

Лощеная орнаментированная керамика, среди которой встречаются и крупные и малые сосуды, отличается большим разнообразием форм: сосуды с туловом, напоминающим форму репы, и цилиндрической шейкой со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 4) украшены двойным рядом заштрихованных треугольников и ямками по плечику; сосуды с шаровидным туловом, цилиндрической шейкой и своеобразным орнаментом в виде вертикальных резных линий, пересеченных косыми насечками (форма дна неизвестна, рис. 5); сосуды в виде кубков с высокой шейкой и венчиком, резко отогнутым наружу, и округлым, слегка вдавленным дном (рис. 6), орнаментированные резными заштрихованными треугольниками и вертикальными параллельными линиями.

Имеется много фрагментов лощеных сосудов крупных размеров с резным орнаментом, цилиндрическими рельефными выступами и маленькими ручками с отверстиями для подвешивания. У открытых мисок с широким устьем край имеет форму плоского широкого кольца, перпендикулярного поверхности стенок. Орнамент на чашах отсутствует. Особого внимания заслуживают формы донышек. Наряду с плоскими и округлыми, с вдавлением в центре, имеется фрагмент дна лепного лощеного сосуда на поддоне с кольцеобразной подставкой.

Керамика из раскопок 1948 г. имеет много черт, присущих керамике поселений кизил-кобинского типа, но занимает по ряду признаков особое место среди них (богаче и разнообразнее ее формы и орнамент, имеются сосуды на кольцеобразной подставке, встречаются фрагменты амфор, отсутствует характерный для керамики других поселений рельефный валик в виде «змеи», опоясывающей сосуд).

Сравнивая керамику из раскопа 1948 г. с керамикой участка, исследованного в 1940 г., можно также отметить большое различие этих комплексов, которое, однако, не идет дальше перечисленных выше отличительных признаков, выделяющих наше поселение из других поселений кизил-кобинской культуры.

Нахождение фрагментов древнегреческих амфор позволяет определить эту часть поселения как наиболее позднюю по сравнению с раскопанной в

Рис. 3. Плоскодонный лепной горшок.

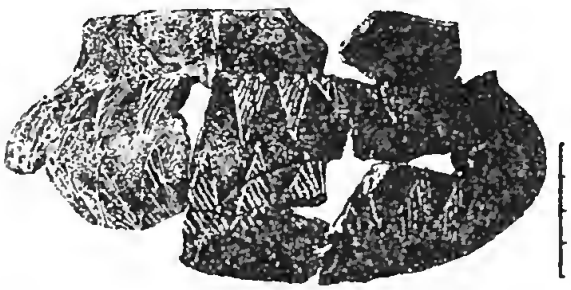


Рис. 4. Лепной лощеный сосуд

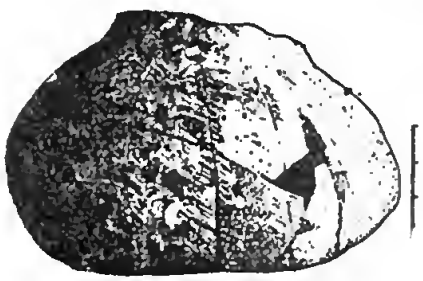


Рис. 5. Лепной шаровидный сосуд с лощением.

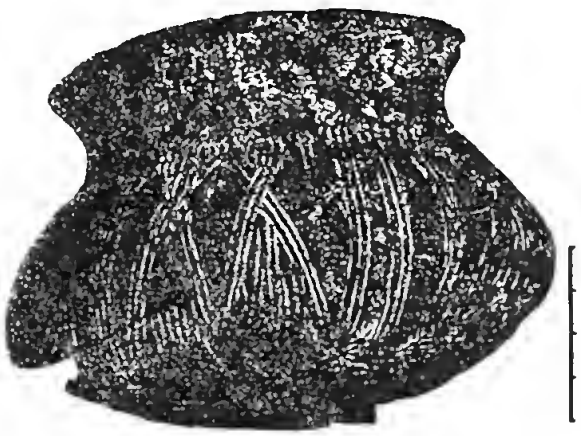


Рис. 6. Лепной лощеный кубок.

1940 г. Такому предположению не противоречит топография поселения. Вполне естественно допустить, что это одно большое поселение, которое разрасталось снизу от источника вверх по склону.

Керамику из участка 1940 г. А. А. Иессен датировал VII—VI вв. до н. э. Это дает основание отнести участок поселения, раскопанный в 1948 г., к VI в., чему не противоречат находки бронзового наконечника стрелы раннескифского типа, железной пластины и обломков греческих амфор [1].

[1] Исследования 1950 г. подтвердили эту датировку (см. Х. И. Крис, Раскопки раннеставрского поселения в Инкермане в 1950 г., КСИИМК, в. 58, 1955, стр. 35 сл.).

На основании предварительных данных можно лишь в самых общих чертах говорить о характере Инкерманского раннетаврского поселения, как принадлежащего оседлому земледельческо-пастушескому населению. Охота, судя по значительным костным остаткам диких животных и птиц (косуля, гриф), а также и собирательство (раковины устриц и мидий) продолжали занимать в хозяйстве известное место. Наряду с бронзовыми изделиями (наконечник стрелы), уже применялись железные (пластинка).

Обнаруженное здесь погребение в скорченном положении характерно для обрядовых форм эпохи бронзы. Как известно, этот древний погребальный обычай сохранялся у тавров и в античное время; как уже отмечалось, отсутствие инвентаря в погребении затрудняет его датировку. Может быть, оно предшествовало поселению.

Материалы раскопок поселения, его местоположение в районе, издавна заселенном таврами, дата (VI в. до н. э.) и принадлежность к позднему этапу кизил-кобинской культуры позволяют определять его как раннетаврское.

В. В. Бобин

ЧЕРТЫ СХОДСТВА КУЛЬТУР ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВРЕМЕНИ ПЕРЕХОДА ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ

Крым и Северный Кавказ, особенно западная его часть, имеют много общего в своем ландшафте. Обе эти области были заселены человеком в глубокой древности, о чем свидетельствуют открытые как в Крыму, так и на Северном Кавказе археологические памятники.

В данной статье рассматриваются памятники Крыма и Кавказа, относящиеся к первой половине I тысячелетия до н. э.

На Кавказе поселения и могильники этого времени были исследованы в конце прошлого столетия А. С. Уваровым [1], а также Э. Шантром и П. С. Уваровой в районах горной Осетии, Кобани, в окрестностях Кисловодска и других пунктах [2]. В последующее время они изучались С. Н. Замятниным [3], А. А. Иессеном [4], Е. И. Крупновым [5], Е. П. Алексеевой [6] и др.

В 1940 г. Е. И. Крупнов копал Нестеровский могильник. Погребальный инвентарь и некоторые черты обряда связывают этот могильник с поздней ступенью кобанской культуры; небольшая же группа предметов (витая шейная гривна, бронзовые спиральные серьги, биконические височные подвески, пастовые цветные бусы) имеет прямые аналогии с инвентарем таврских каменных ящиков Байдарской долины Крыма. «...Смешение куль-

---

[1] А. С. Уваров, Мегалитические памятники в России, «Древности», т. VI, в. 3, М., 1876, стр. 269—290.

[2] E. Chantre, Recherches anthropologiques dans le Caucase, T. II, texte et atlas, Lyon, 1886; П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа, МАК, VIII, М., 1900.

[3] С. Н. Замятнин, Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске, Археологические работы Академии на новостройках в 1931—1933 гг., т. I, ОГИЗ, 1935, стр. 213 сл.

[4] А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947. стр. 29, 75—76.

[5] Е. И. Крупнов, Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи, Труды ГИМ, в. XVII, Арх. сбор., М., 1948, стр. 25—32.

[6] Е. П. Алексеева, Поздекобанская культура центрального Кавказа, Уч. зап. ЛГУ, № 85, 1949 г.

турных элементов прослеживается и по другим памятникам центральной полосы Северного Кавказа (могильники у Кисловодска, Кескема, Пседахи Моздока, Исти-Су и др.), но Нестеровский могильник из всей этой группы особенно выделяется выразительностью скифских черт и наличием элементов, указывающих на какую-то связь с таврской культурой горного Крыма»[1].

Уже раскопки 1879 г., проведенные Д. Д. Филимоновым в Байдарской долине, выявили не только характерные особенности культуры этого населения, но и сходство обнаруженных предметов с находками на Северном Кавказе[2].

Это же подтвердили раскопки Н. И. Репникова в той же Байдарской долине в 1907 г.[3], а также и раскопки Д. А. Крайнова в долине р. Качи, в пещере Таш-Аир в 1935—1939 г.[4].

Касаясь предложенной Н. И. Репниковым классификации этих древностей[5], которые он, а затем и Г. А. Бонч-Осмоловский[6] были склонны признать принадлежавшими таврам, следует отметить, что остатки святилищ, составляющие, по Н. И. Репникову, четвертую группу таврских памятников (например, «Лесное святилище», открытое в горах над Ялтой А. Л. Бертье-Делагардом[7]), находят себе близкие параллели в «святилищах» Северного Кавказа. Нами в 1936—1937 гг. в ущелье р. Гуначхир в Теберде найдено подобное «святилище». В пещере обнаружено большое количество жертвенных сосудов доскифского времени, в другой пещере — множество целых черепов животных с сохраненными рогами — оленей, быков, коз и др. На поляне у этих пещер была обнаружена кладка камней в виде амфитеатра.

В последние годы многочисленные новые памятники интересующего нас времени были открыты Тавро-скифской экспедицией Крымского филиала АН СССР[8], а также исследованы при раскопках в районе Керчи, в Киммерике, в Тиритаке, в Мирмекии, в Илурате[9] и в Нимфее[10].

---

[1] Е. И. Крупнов, Северокавказская археологическая экспедиция, КСИИМК, в. XVII, 1947, стр. 104.

[2] Указатель по Историческому музею, 1893, стр. 451—454, Экспозиция находок Филимонова 1879 г.

[3] Н. И. Репников, Каменные ящики Байдарской долины, ИАК, в. 30, 1909, стр. 127 сл.

[4] Д. А. Крайнов, Стоянка Таш-Аир в Крыму, Археологическая сессия Ученого совета ГИМ 19—22 марта 1941 г., изд. ГИМ, М., 1941, Экспозиция находок Крайнова в Историческом музее, ТА I, $\frac{80214}{2066}$.

[5] Н. И. Репников, Предполагаемые древности тавров, ИТОИАЭ, I, 1927, стр. 137 сл.

[6] Г. А. Бонч-Осмоловский, Доисторические культуры Крыма, «Крым», № 2, М., 1926, стр. 94.

[7] А. Л. Бертье-Делагард, Случайная находка древностей близ Ялты, ЗОО, XXVII, Протокол 19—27, Одесса, 1907, стр. 19—27.

[8] П. Н. Шульц, Тавро-скифская экспедиция, КСИИМК, в. XXVII, 1949, стр. 64 сл.

[9] В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 30 сл.

[10] В. М. Скудиова, Скифские памятники из Нимфея, СА, XXI, 1954, стр. 306 сл.

В общем итоге в Крыму зафиксировано 76 поселений эпохи бронзы и раннего железа. Таврские могильники, состоящие из так называемых каменных ящиков, обнаружены в 52 пунктах [1]. Не только характер каменных ящиков и их инвентарь, но и керамические находки из поселений Крыма эпохи бронзы и начала железа, как это подчеркивалось Е. И. Крупновым [2] на материале из ящиков и И. Т. Кругликовой [3] на материале поселений эпохи бронзы в Киммерике, имеют много общих черт с одновременными памятниками Северного Кавказа.

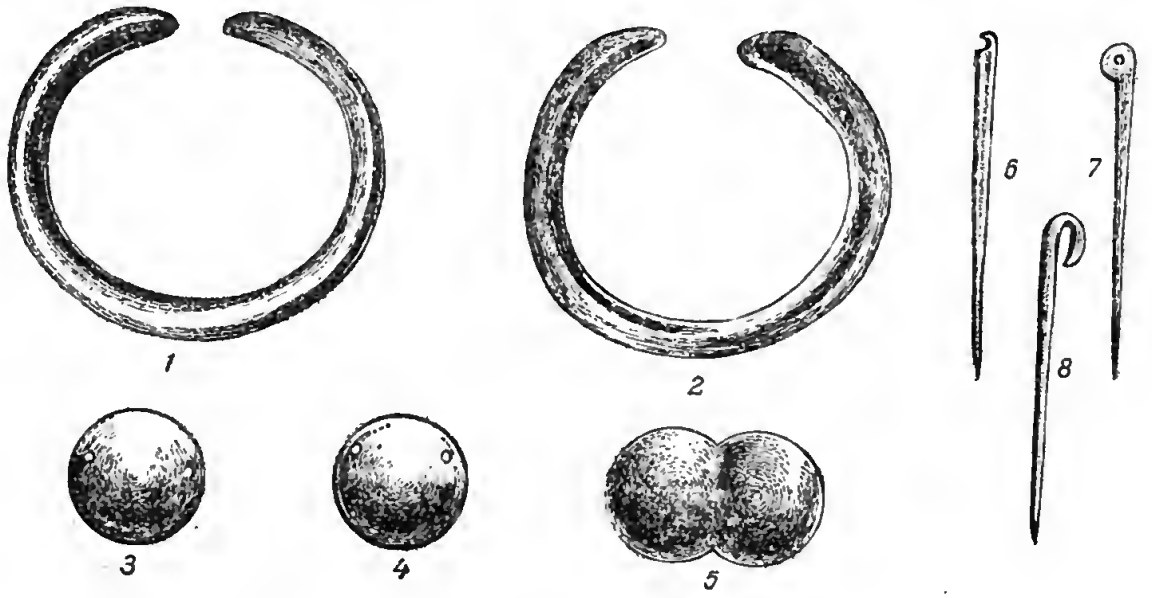


Рис. 1.

1, 2 — браслеты бронзовые; *3, 4, 5* — бляшки броизовые; *6, 7, 8* — проколки.
1, 3, 6 — из раскопок В. В. Бобиица (Кисловодский могильиик); *2, 8* — из раскспок Н. И. Репникова (Крым, Байдарская долиица) 1908 г.; *4, 7* — из раскопок С. Н. Замятиииа (Кисловодск) 1933 г.; *5* — из раскопок Филимоиова (Крым, с. Байдары) 1879 г.

Весьма важно выяснить, какими путями могло сообщаться между собой то местное население, которое жило в горах и предгорьях Крыма и Северного Кавказа? По этому поводу уже у Геродота есть следующее указание: «Замерзает море и весь Киммерийский Боспор, так что живущие по сю сторону рва скифы толпами переходят по льду, переезжают по нему в повозках на другой берег к синдам» [4].

Обычно Черное море около берегов Крыма не замерзает. Однако целый ряд сообщений, приводимых, в частности, А. Ашиком [5], свидетельствует о том, что море у берегов и тем более Керченский пролив в прошлом неред-

---

[1] С. Ф. Стржелецкий, Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раниего железа, Автореферат диссертации, М., 1954, стр. 6 сл.
[2] Е. И. Крупиов, ук. соч., стр. 104.
[3] И. Т. Круглнкова, Раскопки Киммерижа, КСИИМК, в. 51, М., 1953, стр. 132 сл.
[4] Геродот, IV, 28, перевод Ф. Г. Мищеико, М., изд. Кузиецова, 1885, стр. 309.
[5] А. Ашик, Боспорское царство, Одесса, 1848, ч. I, стр. 19.

ко сковывались льдом. Летом же р. Кубаиь, впадавшая в древности одним из своих протоков в Керчеиский пролив, открывала прямой водный путь в плодородиое Прикубаиье и Северный Кавказ [1]. Несомиеиио также, что паселеиие Крыма и Кавказа общалось и через степи, огибая Азовское море.

В последнее время иа Северном Кавказе ряд экспедиций обиаружил поселения и могильники раниескифского времени, относящиеся к VII—V вв. до и. э., могильиый инвеитарь которых имеет черты кобаиской культуры, а также одиовремеиио содержит элемеиты, сходиые с культурой крымских тавров.

В подтверждение элементов общиости этих культур можио привести иаходки из раскопок Кисловодского могильиика, обиаружеииого во время построй-

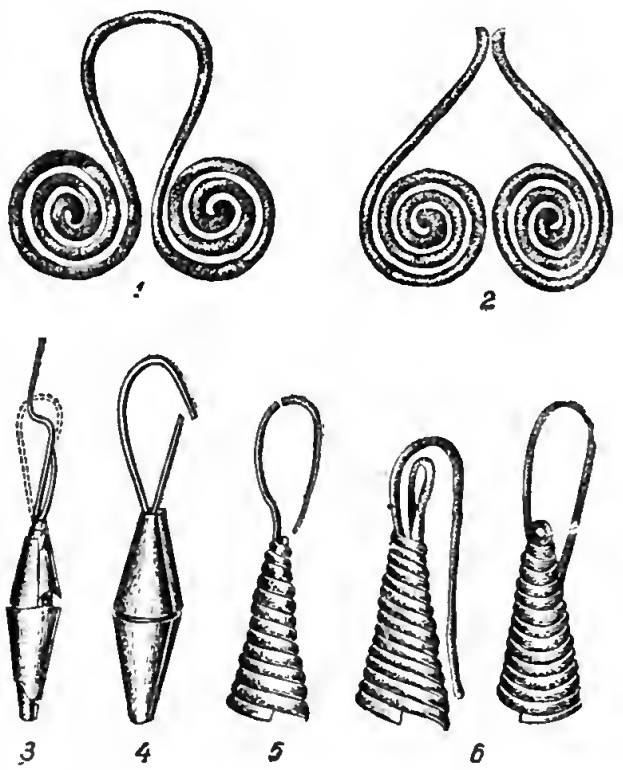


Рис. 2.

1, 2 — броизовые спиральные подвески (очковидные); *3, 4* — броизовые биконические височиые привески; *5, 6* — спиральиые коиусовидиые подвески. *1, 3, 5* — из раскопок Е. И. Крупиова (Северный Кавказ, Нестеровский могильиик, 1940 г.); *2, 4, 6* — из раскопок Н. И. Репникова (Крым, Байдарская долииа, 1907 г.).

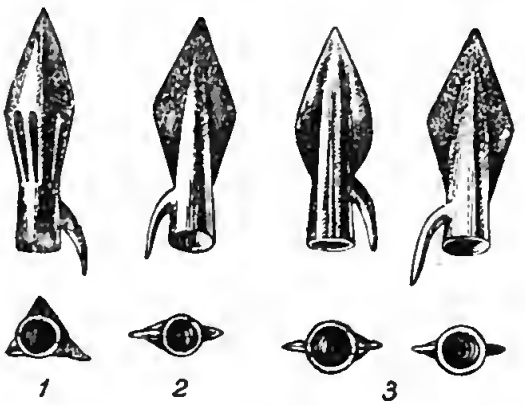


Рис. 3.

1, 2, 3 — иаконечиики стрел. *1* — из раскопок В. В. Бобина (Кисловодский могильиик, 1946 г.); *2* — из раскопок Н. И. Репиикова (Крым, Байдарская долииа. 1908 г.); *3* — из раскопок Е. И. Крупиова (Северный Кавказ, Нестеровский могильник).

ки саиатория им. Горького [2]. Этот могильник до сего времеии еще иедостаточио обследоваи.

На Бараиовской горе, на территории саиатория им. Горького, были иайдеиы погребения типа камеииых ящиков, которые были составлеиы из

---

[1] В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 26.

[2] С. Н. Замятиии, ук. соч., стр. 213. Дальнейшие охраиные раскопки на Кисловодском могильиике проводились нами в 1937, 1946, 1951 и 1955 гг. и Е. И. Крупновым в 1956 г.

впущенных в землю плит, перекрытых сверху также плитами из местного песчаника; они содержали скорченные костяки. Инвентарь погребений — различные бронзовые предметы: браслеты из толстого, а иногда и тонкого прута, проколки с ушком и иглы, круглые гривны из массивного прута, пронизки из скрученной проволоки, наконечники стрел раннескифского типа, железные ножички, точильные камни, зернотерки и лепные простые и лощеные сосуды, по преимуществу миски.

Рис. 4. Бронзовый наконечник стрелы и проколка (Кисловодск, 1955 г.).

Бронзовые наконечники стрел ранних типов, железные ножи позволяют отнести могильник к VII—VI вв. до н. э. [1].

Сходство бронзовых изделий VII—VI вв., найденных в Крыму и в Кисловодском могильнике (рис. 1), говорит само за себя. Те же черты общности могут быть прослежены и на материалах Нестеровского могильника (рис. 2).

Может быть, наконечники стрел Нестеровского могильника и Байдарской долины, датирующиеся VII—VI вв. до н. э., несколько более ранние, чем наконечник из Кисловодска (рис. 3), где на территории санатория им. М. Горького при расчистке древней стены нами найдены бронзовый наконечник стрелы с шипом раннего типа (VII в. до н. э.) и бронзовая проколка с петлеобразным ушком (рис. 4).

Другие предметы из могильников, например, оселки, пряслица, железные и костяные наконечники дротиков, зернотерки из Кисловодского могильника и из Крыма (Байдарская долина), из раскопок раннетаврского поселения близ Балаклавы и из раскопок Д. А. Крайнова (пещера Таш-Аир, 1938 г.) также имеют несомненные общие черты.

Что касается керамических комплексов, то аналогий здесь привести можно очень много. Характерные фрагменты керамики из кисловодских находок, украшенной резным орнаментом из треугольников и полосок, нанесенных по лощеной поверхности сосудов, аналогичны фрагментам из Байдарской долины и из пещеры Таш-Аир (рис. 5).

Количество сопоставлений можно было бы значительно увеличить. Черты общности в инвентаре особенно выпукло прослеживаются на бронзовых изделиях.

Е. И. Крупнов, сопоставляя свои находки в погребениях в каменных ящиках Каменомостского могильника, относимые им к VIII—VII вв. до н. э., с кисловодскими находками Попова, Замятнина и нашими, указы-

[1] С. Н. Замятнин занижает дату могильника, относя его «к началу I тысячелетия до н. э.», см. С. Н. Замятнин, ук. соч., стр. 225.

вает не только на сходство инвентаря, но и на тождественность погребального обряда. Е. И. Крупнов подчеркивает, что встречающиеся перекрытия каменных ящиков курганными насыпями еще более расширяют область сравнений и уводят нас, с одной стороны, в Дагестан — к кругу могильников Каякентско-Хорочаевской культуры, а с другой — к таврским погребениям горного Крыма[1]. В этой связи следует отметить, что в урочище Малмуз и у с. Скели, Байдарской долины, каменные ящики находились

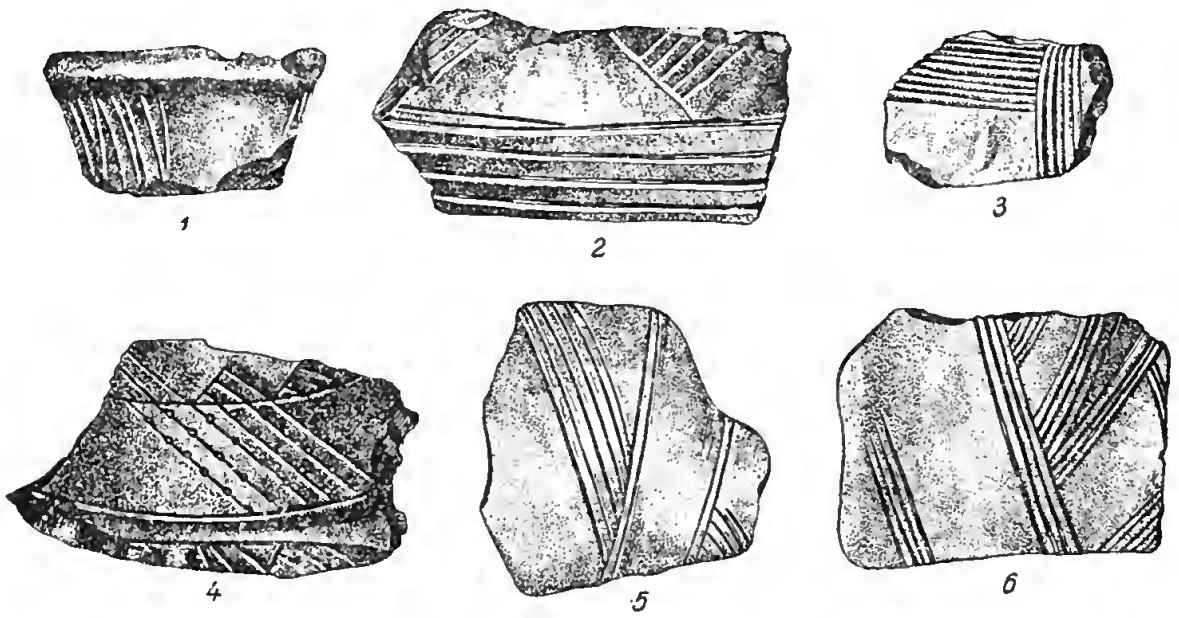


Рис. 5. Обломки глиняных сосудов.

1, 2, 3, 4 — из раскопок В. В. Бобина (Кисловодск, 1946 г.); *5* — из раскопок Н. И. Репникова (Крым, Байдарская долина, 1908 г.); *6* — из раскопок Д. А. Крайнова (Крым, пещера Таш-Аир, 1938 г.).

под небольшими курганными насыпями. Сопоставляя находки на Северном Кавказе и в Крыму времени перехода от поздней бронзы к началу железа, можно сделать следующие выводы:

1. И на Северном Кавказе и в горном Крыму в это время были распространены погребения в каменных ящиках, с костяками в скорченном положении. В одном ящике производились иногда и повторные захоронения. Ящики сооружались из поставленных на ребро плит, обычно обложенных камнями. Над ними иногда возводилась небольшая насыпь.

2. Инвентарь погребений в ящиках Крыма и Северного Кавказа обнаруживает черты значительного сходства — бронзовые украшения в иных случаях совершенно тождественны: пронизки, бляшки, проколки, булавки, бусины, наконечники стрел и т. д.

3. Керамика как простая, так и лощеная и в Крыму и на Северном Кав-

[1] Е. И. Крупнов, Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., Ученые записки КНИИ, V, Нальчик, 1950, стр. 256.

казе также имеет сходиый характер (геометризованный резиой ориамеит), посуда изготовляется вручную, без гончарного круга, выделка сравнительио хорошая. В посуде имеются локальиые особеиности, иапример, остроребериые миски Кисловодского могильника ие имеют прямых аиалогий в Крыму.

4. Зернотерки, точильиые камни, пряслица тождествеиины и в крымских иаходках и в Кисловодском поселении. В культурных слоях как крымских, так и кавказских поселеиий иачальной поры железа находятся кости коровы, козы, овцы, свииьи, собаки, лошади. Пастушеско-земледельческое население северо-кавказских и крымских гориых районов этого времени и предгорий, судя по остеологическим и археологическим иаходкам, имело немало общего и в своем обществеиио-хозяйствеином развитии.

В связи с этим иеобходимо поставить вопрос о дальнейшем углублеиии изучеиии элементов материальной культуры, способа захороиения и аитропологических даиных иаселеиия Крыма и Сверного Кавказа времеии перехода от броизы к железу и начальиой поры железа. Культура населения Сверного Кавказа и Крыма этого времеии уже при первом сравиении иаходок и погребальиого обряда обиаруживает черты сходства. Объясиение даиного явления иадо искать в обмене и культуриых взаимосвязях, а может быть, и в этиическом родстве. Разумеется, в изучаемых культурах, наряду с общими чертами, имеются и локальиые отличия. Такое сравиительиое изучеиие уточнит вопросы торговой, культуриой и этиической взаимосвязи иаселения Крыма и Сверного Кавказа в древиости.

ВОПРОСЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

П. Н. Шульц

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО *(1945—1950 гг.)* *

Раскопки Неаполя, главного города государства поздних скифов, в послевоенное время проводились в течение шести лет, с 1945 по 1950 г. Раскопки дополнялись разведочными обследованиями скифских городищ и селищ. Работы эти осуществлялись Тавро-скифской экспедицией, организованной в 1945 г. ИИМК АН СССР и ГМИИ[1]. С 1948 г. экспедиция проводилась Крымским филиалом АН СССР совместно с названными выше учреждениями[2]. Участие в ее работах принимали музеи Крыма, а также Институт археологии АН УССР и Академия архитектуры УССР.

Главной задачей экспедиции являлось уточнение вопроса о государстве и культуре поздних скифов для дальнейшего выяснения их значения в истории племен и народностей юга СССР.

Разведочные обследования скифских селищ и городищ проводились в предшествующие годы преимущественно в предгорном Крыму и на западном побережье Крыма.

В 1951—1952 гг. Северокрымская историко-археологическая экспедиция Крымского филиала АН СССР и Института археологии АН УССР обследовала археологические памятники в зоне Северо-Крымского кана-

---

* Статья представляет собой переработанный и дополненный текст доклада, прочитанного автором на конференции ИИМК АН СССР по скифо-сарматской археологии в 1952 г. См. статью Н. Н. Погребовой, Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР, 1952 г. сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», изд. АН СССР, 1954, стр. 11, 1426 сл.

[1] П. Н. Шульц, Раскопки Неаполя скифского, Общее собрание АН СССР 10—13 июня 1947 г., М., 1948; его же, Тавро-скифская экспедиция, ИАН, Серия истории и философии, т. IV, в. 3, 1947, стр. 275 сл.

[2] А. Н. Карасев, Раскопки Неаполя скифского в 1948 г., ВДИ, № 4, 1950, стр. 179 сл.; его же, Раскопки Неаполя скифского в 1949 г., КСИИМК, в. XXXVII, 1951, стр. 161 сл.; его же, Раскопки Неаполя скифского в 1950 г., КСИИМК, в. XLIX, 1953, стр. 78 сл.

ла. Исследоваиия экспедиции показали, что скифские укреплеиия отсутствуют иа обследоваиной территории в сеыериых и центральиых районах степного Крыма [1].

Возможно, что скифские городища будут обнаружеиы в пределах еще необследованиых участков предгорной [2] и степиой территории, иа морском побережье и в устьях и долинах рек, ио уже сейчас достаточно ясно, что скифские города, укреплеиия и селища концентрируются по преимуществу в предгорием Крыму, по второй и третьей гряде Крымских гор, вдоль долии рек и балок и древних путей, занимая обычно высоты, а также вдоль западного и северо-западного побережья Крыма [3] (рис. 1). Скифские городища Таврического полуострова должиы быть сопоставлеиы и изучены в тесиой связи с городищами поздних скифов на Нижием Диепре, Буге и в райоиах, примыкающих к Буго-Днепровскому лиману [4]. Последние нельзя исследовать изолироваиио, в отрыве от скифских городищ Крыма, рассматривая их как торговые фактории Ольвии (В. И. Гошкевич) или как сарматские городища [5].

В результате проведеииых в Крыму работ можно утверждать, что городище иа юго-восточной окраиие Симферополя, иаиболее крупиое из известных нам скифских городищ Крыма, представляет собой остатки Неаполя, главиого города позднескифского государства, восприиимавшегося греками как полис, о чем свидетельствует наименоваиие города, иаходившегося, судя по декрету в честь Диафанта, в середиие полуострова. Страбон упомииает Неаполь как одиу из трех крепостей, построеииых Скилуром (Страбон, VII, 4, 7). В упомяиутом декрете Неаполь и другой скифский

---

[1] П. Н. Шульц, О комплексных исторнко-археологических и палеогеографических исследованиях в северном Крыму, Изв. Крым. отдела географ. об-ва Союза ССР, в. 2, Крымиздат, 1953, стр. 115 сл.

[2] В 1954 г. Горным археологическнм отрядом Крымского филиала АН УССР (руководитель Е. В. Веймари) обиаружено два скифских городища в Бахчисарайском райоие, одно — около д. Заячье (б. Сакав) близ долины р. Альмы, второе — около д. Красиая Заря (б. Ак-Шеих) близ долины р. Качи. В 1955 г. П. Н. Шульцем обслсдоваио иеучтеиное ранее городище иа р. Бурульча близ д. Долиновка (б. Сарай-Эли).

[3] П. Н. Шульц, О работах Евпаторийской экспедиции, СА, III, 1937, стр. 252 сл.; его же, Отчет о работах Евпаторийской экспедиции, Археологические исследования в РСФСР 1934—1936, М.—Л., 1941, стр. 265 сл. Высказаниое нами в свое время предположеиие («Сов. Крым», № 2, С., 1946, стр. 98) о якобы трех обороиительных лиииях в расположенни скнфских укреплеинй в Крыму (иа Перекопе — ров и вал и по долинам рек Салгира и Альмы) дальиейшими исследованиями не подтвердилось.

[4] В. И. Гошкевич, Древнне городища по берегам иизового Днепра, ИАК, в. 47 1913; Ф. М. Штительмаи, Городища, поселения и могильинки Бугского лимаиа, Автореферат каид. дисс., М., 1952; Н. Г. Елагиина, Населеиие Нижиего Поднепровья во II в. до н. э. — IV в. и. э., Автореферат канд. дисс., М., 1953; Б. Н. Граков, Камеиское городище, МИА, № 36, 1954.

[5] Даииые о городищах и поселеииях Нижнего Диепра, Буга, Черноморского побережья от устья Буга до Одессы сообщеиы иам Ф. М. Штительмаи и А. А. Фурчис. См. также статью Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой, Об этнических и культурных различиях в степиых и лесостепиых областях Европейской части СССР в скифское время (сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 72 сл.).

город Хабей названы «царскими крепостями»[1]. Раскопки городища последних лет подтвердили, что Неаполь являлся городом-крепостью, в котором, как это выяснил еще Бларамберг, находились статуя Скилура, рельеф

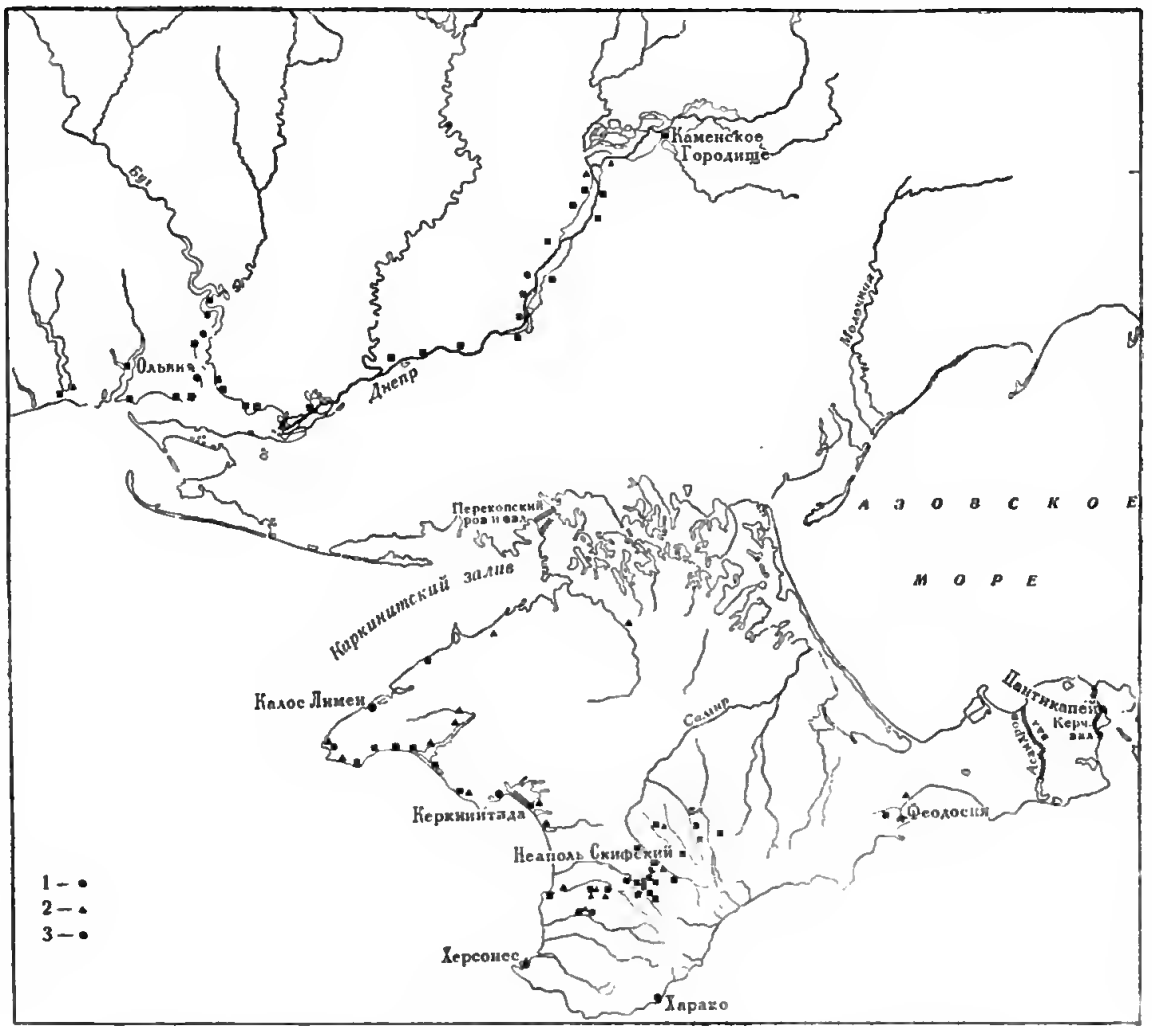


Рис. 1. Скифские городища и селища Крыма и низовий Диепра.

1 — скифские городища; *2* — скифские селища; *3* — античные города.

с изображениями Скилура и Палака и ряд посвятительных надписей на древнегреческом языке[2]. Все эти данные позволяют считать вопрос о местоположении Неаполя решенным[3].

---

[1] IosPE, I², № 352.

[2] П. Н. Шульц, Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака, КСИИМК, в. XII, 1946.

[3] Сомнения в том, что скифское городище у Симферополя действительно Неаполь, высказанные О. Д. Дашевской (Скифские городища Крыма, Автореферат канд. дисс., М., 1954, стр. 5 сл.), мне представляются неосновательными.

О ПОСЕЛЕНИИ КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОКОЛО ГОРОДИЩА НЕАПОЛЬ СКИФСКИЙ

Еще в дореволюционное время исследователи Неаполя обращали внимание на то, что в районе некрополя и в культурных слоях города встречаются каменные шлифованные и кремневые орудия. Дюбуа де-Монпере в 1834 г. отметил, что в одной из раскопанных им по соседству с Неаполем могил «найдены были кремневые скребки, относящиеся к каменному веку» [1]. В 1888 г. кремневые орудия были обнаружены при раскопках земляных склепов и подбойных могил в районе Петровской балки [2]. В 1926 г. при

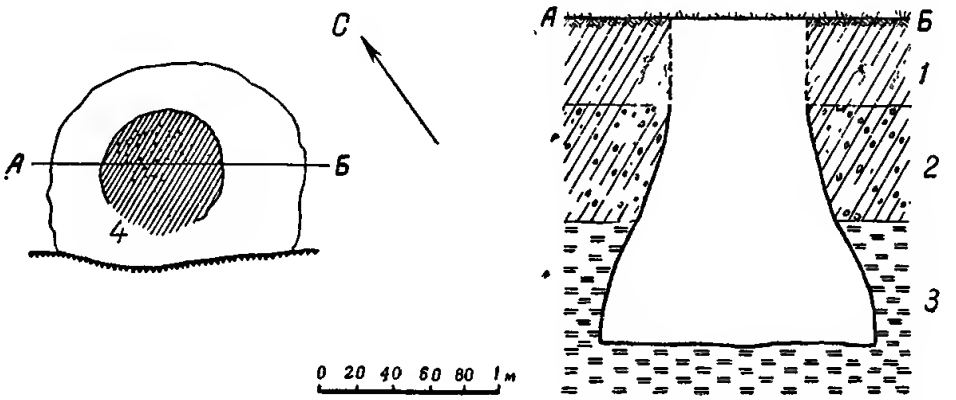


Рис. 2. План и разрез ямы хозяйственного назначения из Симферопольского поселения.

1 — гумусный слой, *2* — культурный слой, *3* — глина, *4* — пятно пыли с известняковой крошкой.

охранных раскопках на городище, а также во время раскопок 1950 и 1954 гг. на территории Неаполя были найдены каменные шлифованные орудия [3].

У подножия городища, у Алуштинского шоссе, еще в 1947 г. открыто большое поселение так называемой кизил-кобинской культуры. Найденный здесь О. Д. Дашевской в 1949 г. и опубликованный ею костяной псалий раннескифского типа с тремя отверстиями [4], датирующийся VII—VI вв. до н. э., свидетельствует о том, что данное поселение продолжало существовать в раннескифское время. Аналогичные псалии встречаются в раннескифских курганах Приднепровья [5].

---

[1] Dubois de Montpereux, Voyage autour de Caucase et en Crimée... Paris, 1839—1843, t. VI, стр. 386 сл.

[2] ИТУАК, № 7, 1889, стр. 53 сл.

[3] В 1954 г на городище были проведены охранные раскопки. В нижних горизонтах обнаружено два каменных шлифованных орудия.

[4] О. Д. Дашевская, Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры, КСИИМК, в. XXXIX, стр. 113, рис. 33, *3*.

[5] Б. Н. и В. И. Ханенко, Древности Приднепровья, т. III, К., 1900, табл. XLVIII, № 528.

Хозяйственные ямы на поселении, повидимому служившие для хранения зерна (рис. 2), наличие зернотерок, кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и свиней свидетельствуют о том, что здесь жило оседлое пастушеско-земледельческое население.

Нельзя не обратить внимания на сходство керамики из Симферопольского поселения (рис. 3, *а*, *б*, *в*) с керамикой, встреченной в ямах Нимфея (рис. 3, *г*, *д*) [1] и на Киммерике [2] в слоях VI в. до н. э. и в более ранних. Вместе с тем нельзя не отметить тождества этой керамики с посудой ранних слоев таврского укрепленного поселения на горе Кошка (рис. 3, *е*, *ж*). Это позволяет сделать предварительный вывод о наличии общих черт в культуре нашего поселения с предполагаемой культурой поздних киммерийцев на Керченском полуострове (догреческие слои Киммерика) и в особенности ранних тавров предгорных и горных районов и южного берега (Кошка).

С другой стороны, обращает внимание наличие общих черт в кизил-кобинской керамике с предскифской керамикой Поднепровья [3], некоторых районов Северного Кавказа [4], Нижнего Дона [5] и Поднестровья, включая и лесостепные районы. Особенно интересно наличие элементов общности кизил-кобинской культуры Крыма с чернолесской культурой лесостепного днепровского правобережья [6].

Симферопольское поселение кизил-кобинской культуры, очевидно, связанное в наибольшей степени с ранними таврами, является доказательством того, что местность, непосредственно примыкающая к городищу, была уже заселена задолго до возникновения Неаполя. Поселение по предложенной нами хронологической классификации [7] относится к третьему, последнему этапу развития кизил-кобинской культуры.

Однако между поселением (VII—VI вв. до н. э.) и возникновением здесь скифского города (III в. до н. э.) существует хронологический разрыв, который, может быть, заполнится при дальнейших исследованиях. Исчезновение многих аналогичных поселений кизил-кобинской культуры в

---

[1] М. М. Худяк, Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее, Сб. «Археология и история Боспора», Симф., 1952, стр. 75 сл., рис. 1—3.

[2] И. Т. Кругликова, Раскопки древнего Киммерика, там же, стр. 60 сл., рис. 1а; ее же, Памятники эпохи бронзы из Киммерика, КСИИМК, в. XLIII, 1952, стр. 112, 116, рис. 37, 38.

[3] И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, К., 1951, табл. VI, рис. 5.

[4] Е. И. Крупнов, Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., Уч. зап. Кабардинского научн-исслед. институтa, т. V, Нальчик, 1950. стр. 248, рис. 43, стр. 253, рис. 52.

[5] Т. Н. Книпович, Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской, ИГАИМК, в. 104, 1934, стр. 170 сл., рис. 52.

[6] А. И. Тереножкин, Скифская Днепровская правобережная экспедиция, КСИИМК, в. XXXVII, 1952; его же, Археологические исследования близ Смелы в 1952 г., КСИА, в. 3, К., 1954, стр. 71 сл., табл. 1; рис. 6—11; Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 98, рис. 4.

[7] П. Н. Шульц, О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма, Тезисы доклада на сессии по истории Крыма, Симф., 1952, стр. 6 сл.

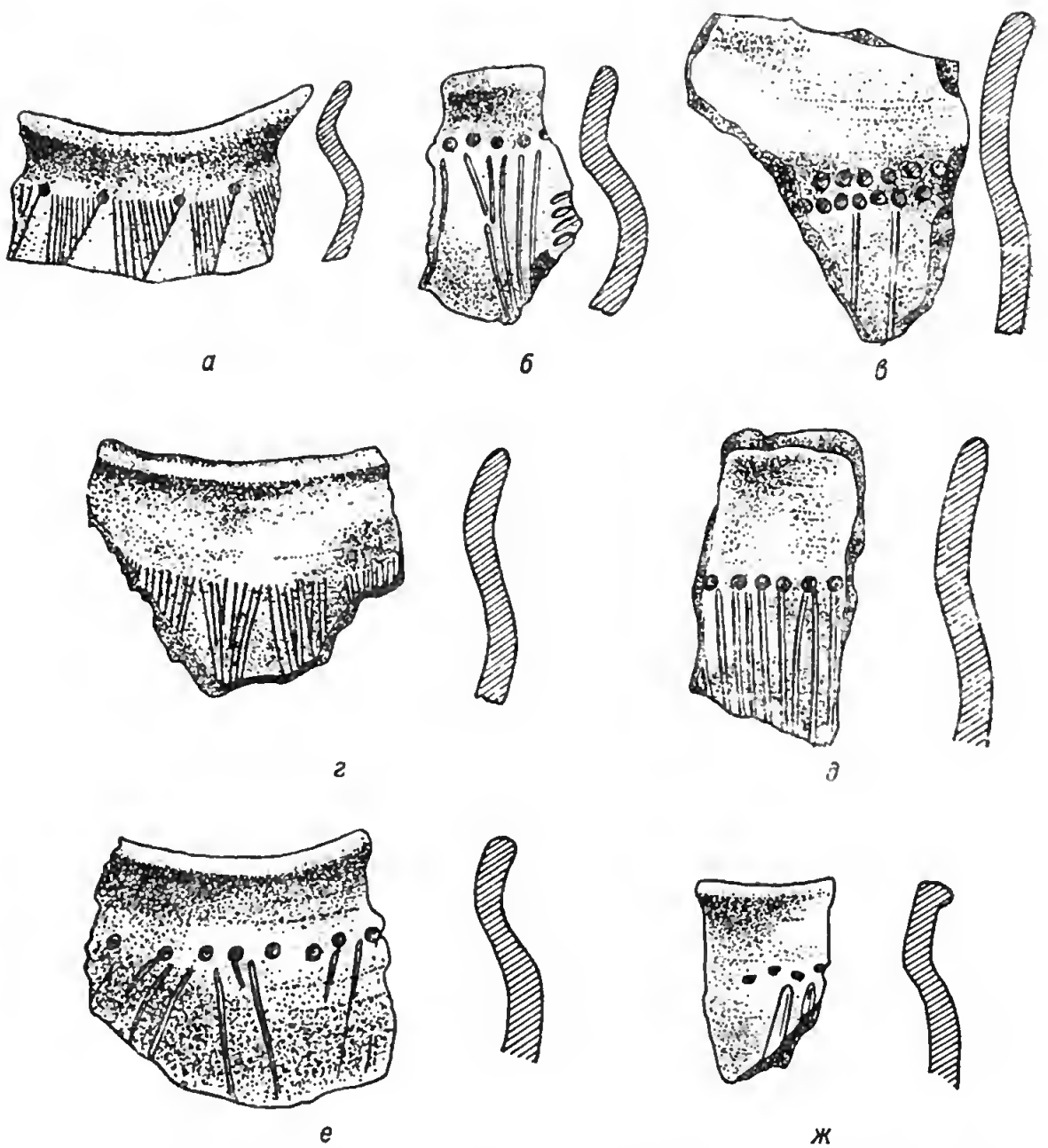


Рис. 3. Обломки лепных лощеных сосудов с резным орнаментом (VII—VI вв. до н. э.):
а, б, в — из Симферопольского поселения; *г, д* — из Нимфея; *е, ж,* — из ранних слоев таврского поселения на горе Кошка.

предгорьях и степях Крыма в раннескифский период, возможно, связано с двумя обстоятельствами: во-первых — и главное, с проникновением в Крым скифских кочевых скотоводческих племен; эти племена могли оттеснить «кизил-кобинцев» в горы и на южный берег, частично ассимилируя их, и прервать общность их культурно-исторического развития с доскиф-

скими местиыми племеиамн Поднепровья и Подиестровья; во-вторых, с частичным переходом пастушеско-земледельческого населеиия кизил-кобнисной культуры иа кочевые формы быта. Этот переход к кочевому скотоводству мог быть связаи с ростом поголовья скота, развитием коиеводства и средств передвижеиия, превращением скотоводства в осиовную форму хозяйства и необходимостью поиска иовых пастбищ и их смеиы в зависимости от времеин года. Очень возможио, что выход части «кизил-кобиискоro» иаселеиия в степи был вызван, в первую очередь, ассимиляцией тех или иных его групп кочевыми скифскими племенами [1].

К сожалению, могильника, связанного с Симферопольским поселеиием, обнаружить пока ие удалось. Может быть, к нему относились каменные ящики, иаходившиеся иа Керменчике, у Симферополя [2], и впускные погребеиия с посудой кизил-кобиискоro типа в курганах долиины Салгира [3]. В районах, примыкающих к Симферополю, да и иа территории самого города встречаются остатки поселеинй, курганы и погребеиия эпохи бронзы, по времени предшествующие Симферопольскому поселеиию кизил-кобинской культуры [4]. Отметим, что иа окраине Снмферополя, в поселке Жигулина Роща, в коице 1951 г. В. Маликовым была иссследоваиа могила, блнзкая по своим формам катакомбным погребениям эпохи броизы: положение костяка вытяиутое, головой иа северо-запад; у правого плеча — кости быка и броизовый изогиутый одиолезвийиый нож [5]. Даиное погребеине свидетельствует о том, что формы катакомбиых захоронений эпохи бронзы имели место в райоиах, примыкавших к территорнн Неаполя. Напоминм, что керамика катакомбиой культуры в поздиих ее вариаитах представлеиа в Крыму в доскифских слоях в Киммерике (на двух участках), в поселениях эпохн броизы близ Чалки в Отузской долине, иа Гераклейском полуострове (поселения № 62 и 68), в устье Салгира, иа берегу Керчеиского пролива у д. Камеика, а также и в крымских курганах эпохи броизы [6]. Что касается памятииков периода поздией броизы, то оии представлеиы в окрестиостях Симферополя коллекциями кремиевых орудий и керамики, а также броизовым кельтом, храиящимся в Областном краеведческом музее [7]. Археоло-

---

[1] Характерио, что в степях Крыма, в курганиых погребениях VI—V вв. до и. э., встречаются сосуды с резиым ориамеитом, геиетически связанные с керамикой кизилкобиискоro типа (Т. Н. Троицкая, Скифские курганы Крыма, Изв. Крым. отд. Географического общества Союза ССР, в. 1, Симф., 1951, стр. 91; ее же, Скифские погребеиия в курганах Крыма, Автореф. каид. дисс., Симф., 1954, стр. 5 сл.).

[2] С. А. Семеиов-Зусер, Таврские мегалиты, Харьков, 1940, стр. 140, прим. 3. Одии из ящиков был раскспаи Уваровым в 1853 г. (Пропилеи, IV, стр. 526 сл.).

[3] П. Н. Шульц, А. Д. Столяр, Курганы эпохи бронзы в долиие Салгира, КСИИМК (печатается).

[4] Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимиазии, Симф., 1890, стр. 34 сл.; Архив ЛОИИМК, 1924, № 109.

[5] Ближайшие аиалогии ему дают иожи Трои середииы II тысячелетия до н. э. (H. Schliemann, Ilios, Leipzig, 1881, стр. 566, рис. 965, 966).

[6] П. Н. Шульц и А. Д. Столяр, Ук. соч.

[7] В. А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре, РАНИОН, в. II, 1929, стр. 46 сл., табл. 1.

гнческое обследование н раскопкн на территорнн Симферопольского водохранилища в 1953—1954 гг. подтвердилн сравнительную заселенность долины Салгнра на территорнн, близкой к Неаполю, в неонноды бронзы и начала железа [1].

Весь привлеченный материал позволяет сделать вывод о том, что скнфы, проникшие в предгорья Крыма, в частности и в долину Салгира, застали здесь более илн менее значительное, по преимуществу раннетаврское, оседлое население, занимавшееся пастушеством и земледелием.

ОСНОВНЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ НЕАПОЛЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1945—1950 гг.

Раскопки последних лет показали, что Неаполь возннк как город и был укреплен стеной еще в III в. до н. э. Находкн конца IV в. попрежнему единичны. Для выяснения хронологии строительных периодов на исследованной территорин у центральных городских ворот наиболее точные данные дает оборонительная стена. Древнейшая стена, в южном ее участке [2], имела сравнительно небольшую толщину в 2—2,5 *м* (рис. 4, *и*); сложена она нз рваного камня; между внутренним и внешнпм панцырямн забутована мелким камнем [3] и известняковым щебнем от так называемой наскальной корки.

К этой древнейшей стене Неаполя [4] относится камень с прямоугольным пазом для установкн стояка от петлевых двустворчатых ворот, возннкшнх здесь еще в III в. до н. э. [5]. К этому же времени (III в. до н. э.) относится древнейшее общественное сооружение с двумя выступами, может быть портиками, перед центральнымн городскими воротами. Датировка этого па-

---

[1] А. А. Щепинский, Археологические разведки в долине реки Салгира, Изв. Крым. отд. Географ. об-ва Союза ССР, в. 3, 1954.

[2] А. Н. Карасев, Раскопки Неаполя скифского в 1949 г., КСИИМК, в. XXXVII, стр. 163 сл., рис. 53, *1*.

[3] Близкие приемы дают стены скифских городищ Нижнего Днепра, в частности акрополь Камеиского городища (Н. Н. Погребова, Раскопки Камеиского городища в 1952—1953 гг., Тезисы доклада, прочтеиного иа VII конференции Института археологии АН УССР, Рукопись в архиве ИА АН УССР) и Гавриловского городища (К. А. Бредэ, Отчет о раскопках Гавриловского городища в 1950 г., Рукопись в архиве ИА АН УССР); его же, Раскопки 1951 г. иа Гавриловском городище, КСИА, в. 6, К., 1956, стр. 33—36.

[4] Вопрос о генезисе скифской камеиной фортификации с ее характериыми строительными приемами еще ие выясиеи. Не решен вопрос, где раньше появились каменные обороиительиые стены, в скифских ли укреплениях Днепра (акрополь Камеиского городища) или же в Крыму. Не исключеиа возможиость, что в процессах возиикиовеиия скифских камеиных обороиительиых сооружеиий в Крыму, помимо влияиия греческой фортификации, сыграли известиую роль таврские обороиительиые стеиы, наиболее древние образцы которых представлеиы в раниетаврских укреплеиных поселеииях в Уч-Баше (IX—VIII вв.) и Таш-Джаргаие. Особеииости скифской фортификации и строительиой техиики (циклопический характер кладки из рваиого камия иа глиие, сужеиие стеи кверху, что приводит к иаклоиу паицырей, система иаращиваиия поясов) хорошо выясиеиы в приведеиных выше работах А. Н. Карасева.

[5] КСИИМК, в. XXXVII, стр. 164, рис. 54 а

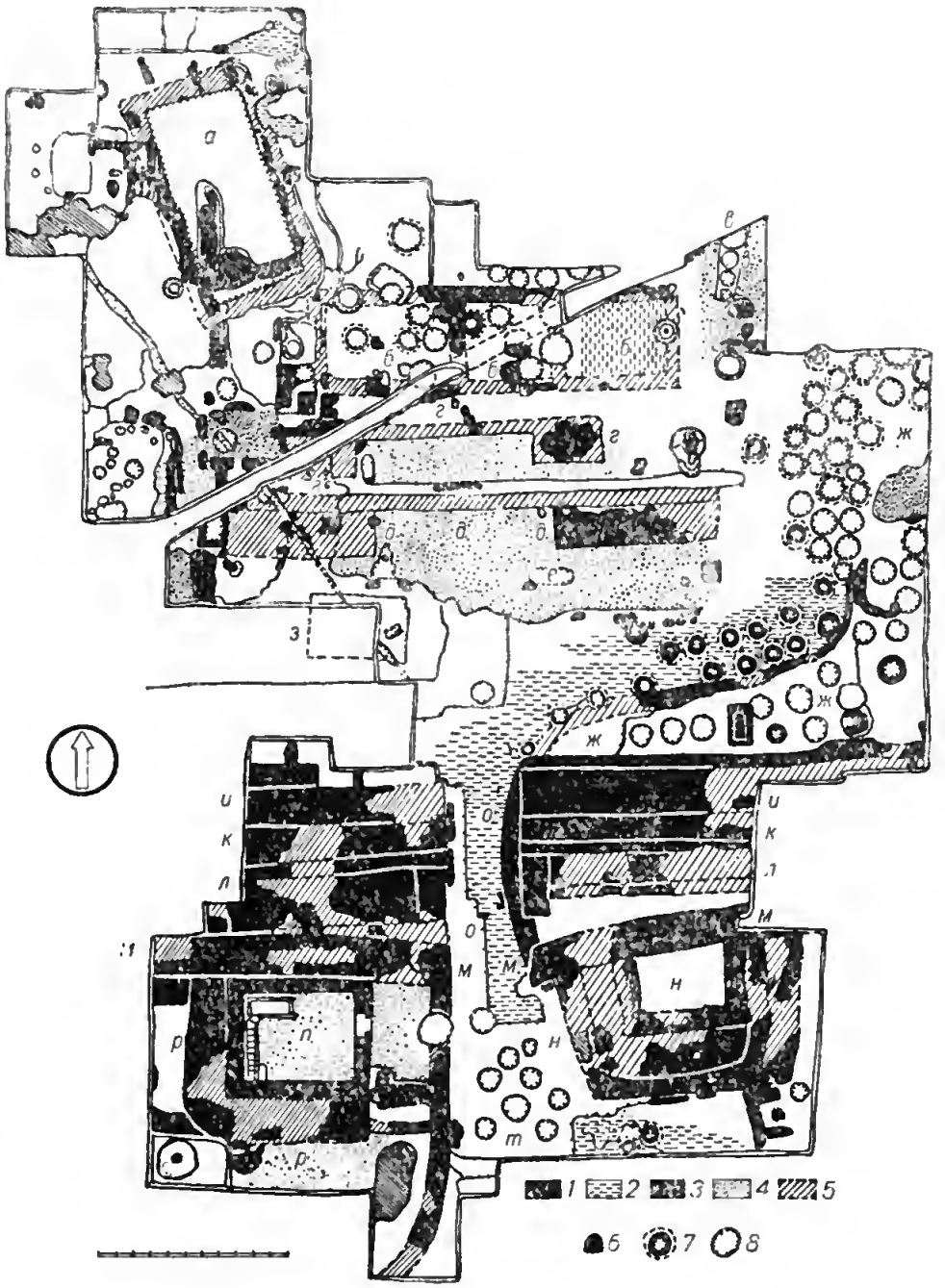


Рис. 4. Сводный план раскопок Неаполя у центральных ворот (1945—1950 гг.). Составлен А. Н. Карасевым:

а — здание с полуподвалом (III—II вв. до н. э.); *б* — остатки длинного здания с тремя помещеннями (II в. до н. э.); *в* — пифосы; *г* — остатки общественного сооружения с портиками (III в. до н. э.); *д* — остатки общественного сооружения с портиками (II в. до н. э.); *е* — погребение аланского военачальника (рубеж II—III вв. н. з.); *ж* — зерновые ямы у центральных ворот (первые века нашей эры); *з* — следы траншей Бларамберга и Уварова; *и* — остатки стены I строительного периода (III в. до н. э.); *к* — остатки стены II строительного пернода (II в. до н. э.); *л* — остатки III строительного периода (конец II в. до н. э.); *м* — «протейхизма», II — строительиый период; *н* — восточная башня у центральных городскнх ворот (II в. до н. э. — II в. н. э.); *о* — пролет центральиых городских ворот; *п* — мавзолей (коиец II в. до н. э.); *р* — панцырная облицовка мавзолея (конец II или I в. до и. э.); *с* — основаиие юрты (III в. до н. э.); *т* — поздние зерновые ямы (III—IV вв. до н. э.); *1* — каменные кладки; *2* — вымостка из мелкого камня; *3* — завалы камня; *4* — вымостка из каменной крошки; *5* — границы выборкн камня; *6* — печи н очаги; *7* — зерновые ямы; *8* — зерновые ямы с обрушившимися верхними частями.

мятника хорошо определяется клеймами синопской черепицы III в. до н. э[1]. От сооружения сохранились лишь обрывки кладок и выемки в грунте от выбранного цоколя (рис. 4, *г*).

Второй строительный период и соответствующий ему более мощный культурный слой относится ко II в. до н. э. В это время южная оборонительная стена Неаполя значительно укрепляется дополнительным поясом и достигает 6,5 *м* толщины (рис. 4, *к*). Для ее защиты от стенобитных орудий, в силу того, что ров в скале вырубить было невозможно, сооружается передовая предохранительная стена — протейхизма (рис. 4, *м*). У центральных ворот, с восточной стороны, впритык к протейхизме возводится четырехугольная башня с помещением внутри (рис. 4, *н*).

К этому же времени относится большое длинное здание с каменным цоколем и сырцовыми стенами, крытое черепицей (рис. 4, *б*). Оно было расположено в городе севернее упомянутого общественного сооружения с двумя выступами, параллельно городской стене, против центральных ворот. Исследованы остатки трех помещений здания. В двух из них в северной стене имелись дверные проемы, в центре помещений находились очаги; в третьем, восточном помещении, без очага, стены были покрыты штукатуркой и расписаны. Многочисленные фрагменты расписной штукатурки близки по технике и орнаментации позднеэллинистическим росписям Боспора (рис. 5). К востоку, от здания были открыты четыре пифоса (рис. 4, *в*), расположенные в один ряд с юга на север.

В этот же период в городе, на площади, вымощенной белой известняковой крошкой, против ворот возводится второе общественное парадное сооружение с двумя портиками, облицованным квадрами из мшанкового известняка (рис. 4, *д*). Портики имели прямоугольные столбы — колонны с дорическими капителями. Одна из капителей из известняка сохранилась

---

[1] Клейма определены Б. Н. Граковым. Сомнения, высказанные В. Д. Блаватским (Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, стр. 28) о возникновении Неаполя как укрепленного города в III в. до н. э., вызваны тем, что он не видел все находки из Неаполя, относящиеся к раннему времени, в частности и черепицу. При этом В. Д. Блаватский совершенно напрасно ссылается в этом вопросе на И. Б. Зеест, которая, ознакомившись с амфорами, черепицами, пришла к достаточно определенному выводу: «Наиболее ранние находки привозных предметов связаны с появлением в Неаполе импорта с начала III в. до н. э. Это группа синопской и херсонесской черепицы, наиболее ранние из найденных родосских клейм (III в. до н. э.)... Надо думать, что в начале III в. до н. э. Неаполь представлял собой значительный укрепленный город скифского государства...» (И. Б. Зеест, К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора, МИА, № 33, М., 1954, стр. 72). Ссылка у В. Д. Блаватского на Страбона (VII, 4, 7), считавшего, что Неаполь и другие упомянутые им скифские укрепления построил Скилур, вряд ли может служить доводом против возникновения Неаполя как города еще в III в. Скилур, несомненно, значительно укрепил Неаполь, что и явилось, очевидно, причиной суждений Страбона. На самом деле город возник, как показывает археологический материал, раньше. На необходимость внесения корректива в свидетельство Страбона справедливо указала Э. И. Соломоник в своей статье «О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья» (Сб. «Археология и история Боспора», Крымиздат, 1952, стр. 116).

(рис. 6, *а*). Судя по обломкам мраморных и бронзовых статуй (рис. 6, *б*, *в*) и других скульптурных изделий, известнякового рельефа и греческой надписи, обиаруженных около руин портиков, можно предполагать, что эти статуи и рельефы стояли в портиках [1]. В восточиом портике, очевидно, иаходилась небольшая статуя, от которой сохраиился лишь обломок мраморного пьедестала с частью надписи, восстанавливаемой как посвящение Евмена Деметре [2] (рис. 6, *г*). У западного портика в 1950 г. обнаружен мраморный обломок кисти руки, судя по положеиию пальцев, державшей

Рис. 5. Обломки расписной штукатурки из третьего помещеиия длиного здаиия (II в. до н. э.).

древко копья (рис. 6, *в*). Кисть принадлежала иебольшой женской статуе греческой работы времеии поздиего эллииизма. Статуя, повидимому, воспроизводила Афиу с копьем в руке. В непосредствеиом соседстве с западным портиком, к югу от иего, проходила траншея, где в 1827 г. И. П. Бларамбергом были найдеиы иадписи Посидея, в частности посвящеииые Афине Линдийской [3]. Здесь же в 1827 г. были обиаружеиы два рельефа, один из мрамора, другой из известияка, с изображениями скифских царей и пьедестал от статуи Скилура [4]. Очевидио, все эти памятиики стояли имеиио в западиом портике.

Таким образом, второе парадное обществеииое сооружеиие, существовавшее, судя по иаходкам, при Скилуре и Палаке, было обращеио своим фасадом к центральиым городским воротам и имело в архитектурном аисамбле даиного участка города особое политическое и культовое назначение (статуи и рельефы с изображениями скифских царей, статуи божеств с посвятительными надписями и т. д.).

[1] Об этом в статье А. Н. Карасева, КСИИМК, в. XLIX, стр. 82 сл.

[2] Э. И. Соломоник, ук. соч., стр. 120, рис. 5. Более подробное обосноваиие этого восстаиовлеиия даио в рукописи Э. И. Соломоиик, Эпиграфические памятники Иеаполя скифского (Архив КФ АН УССР).

[3] IosPE, 1^2, 1916, № 671, стр. 506.

[4] IosPE, 1^2, 1916, № 668, стр. 504 сл.

К югу от портика, на расстоянии не более 25 *м* от него, за пределами стен города впритык к протейхизме был возведен мавзолей. Он был предназначен, по всей вероятности, для погребения в нем скифского царя, его родных и приближенных [1].

Второй строительный период, таким образом, исторически связан с временем деятельности Скилура и его отца. Имя отца Скилура, как предполагал В. В. Латышев, упоминалось, но не сохранилось в надписи на известняковой плите под статуей Скилура [2]. К началу этого строительного периода относится и деятельность Посидея. Завершается данный период к концу царствования Скилура, когда после его смерти был сооружен мавзолей с каменной, повидимому, царской гробницей.

Третий строительный период относится к концу II в. до н. э., ко времени правления сына Скилура Палака и войн скифов с Херсонесом и понтийскими войсками, возглавленными полководцем Диофантом [3]. Стены Неаполя в это время, благодаря третьему поясу (рис. 4, *л*), достигают максимальной толщины (8,5 *м*). Башня укрепляется вторым панцырным поясом. Толщина ее стен достигает 4 *м*. В начале третьего строительного периода, может быть во время войн скифов с Херсонесом, мавзолей Неаполя с юга и запада также укрепляется мощным панцырным поясом из рваных камней и приобретает характер привратной башни, фланкирующей центральные ворота с западной стороны.

Второй и третий строительные периоды, таким образом, относятся к эпохе расцвета государства поздних скифов, когда Неаполь превратился в город-крепость, в резиденцию скифских царей, укрепленную мощными стенами и башнями.

К I в. до н. э. относятся слои, свидетельствующие о временном ослаблении строительной деятельности города после поражения, нанесенного скифам понтийскими войсками и Херсонесом. Четвертый и пятый строительные периоды, напротив, характеризуются вторичным усилением строительства (I и II вв. н. э.).

Восточная башня в это время укрепляется третьим и четвертым панцырными поясами. Стены ее достигают 5 *м* толщины. У пилонов сооружаются новые двустворчатые дубовые ворота иной конструкции, чем древние, не на петлях, а на «пятах», опиравшихся на камни с «подпятниками» [4]. Пролет центральных ворот также перестраивается.

Вдоль улицы у городских стен создается крупное зернохранилище общественного характера (рис. 7). В раскопанном участке открыто 60 зер-

---

[1] П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, Изд. «Искусство», М., 1953; Н. Н. Погребова, Находки в мавзолее Неаполя скифского. «Памятники искусства», № 2, М., 1947; ее же, Мавзолей Неаполя скифского, КСИИМК, в. XXI, 1947.

[2] IosPE, 1^2, 1916, № 668.

[3] IosPE, 1^2, 1916, № 352.

[4] П. Н. Шульц, Тавро-скифская экспедиция в 1947 г., КСИИМК, в. XXVII, 1949, стр. 58, рис. 23 в.

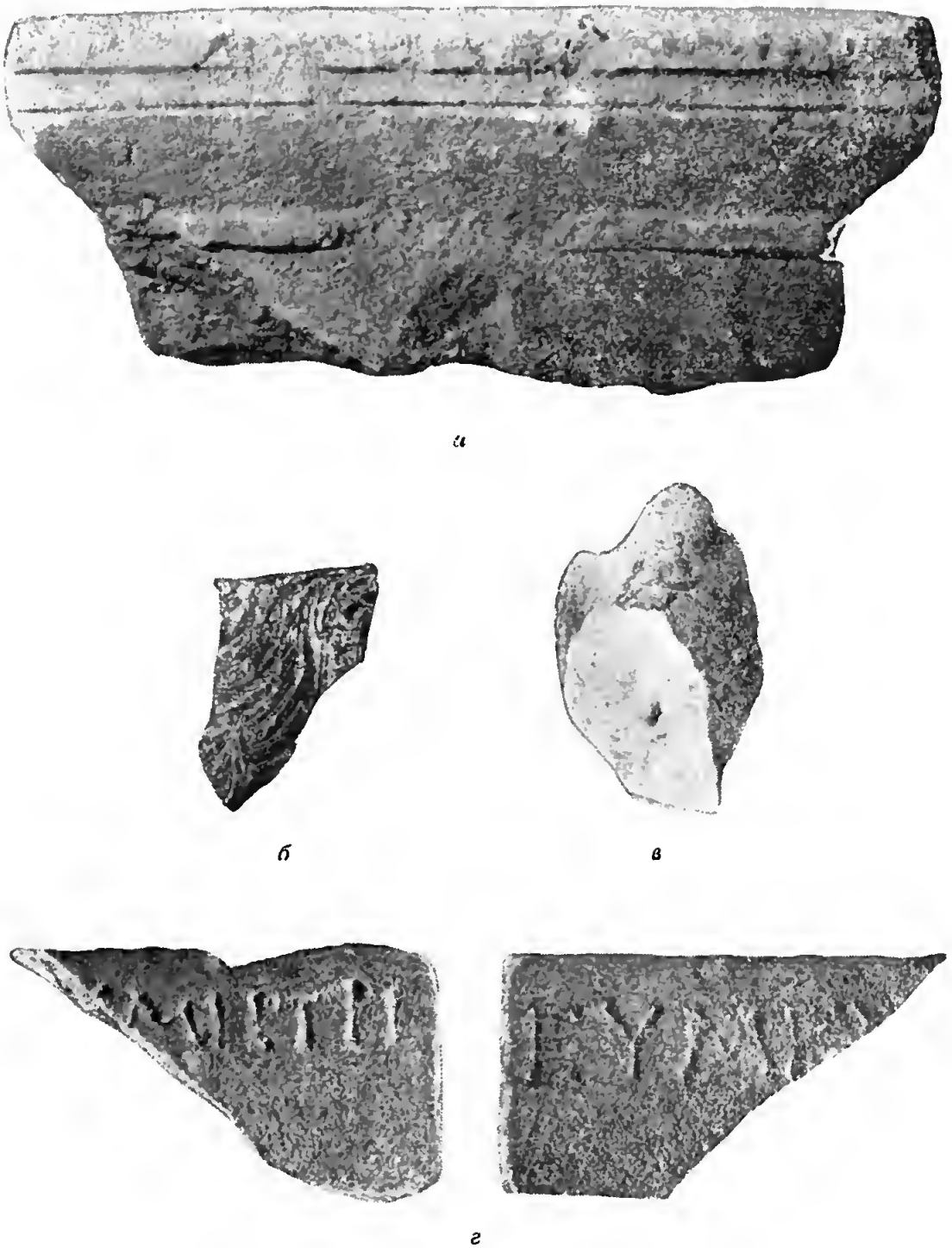


Рис. 6. Находки около общественного сооружения с портиками (II в. до н. э.):

а — дорическая капитель от прямоугольного столба. Известняк; *б* — фрагмент скульптуры. Волосы. Бронза; *в* — обломок кисти руки женской статуи. Мрамор; *г* — обломок пьедестала с надписью. Мрамор.

новых ям (рис. 4, *ж*), наиболее крупные из них вмещали до 4 тонн зерна. Это, повидимому, лишь небольшая часть прнстенного зернохранилища [1].

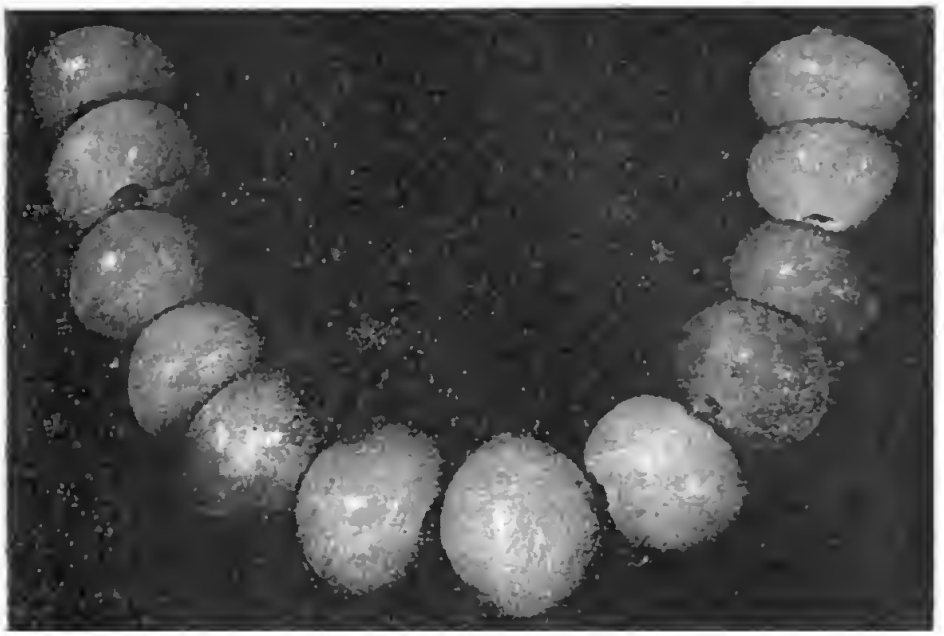
Четвертый и пятый строительные периоды связаны со временем деятельности скифских царей Фарзоя и Инисмея, когда скифы вновь подошли

Рис. 7. Остатки зернохранилища у центральных городских ворот (первые века и. э.).

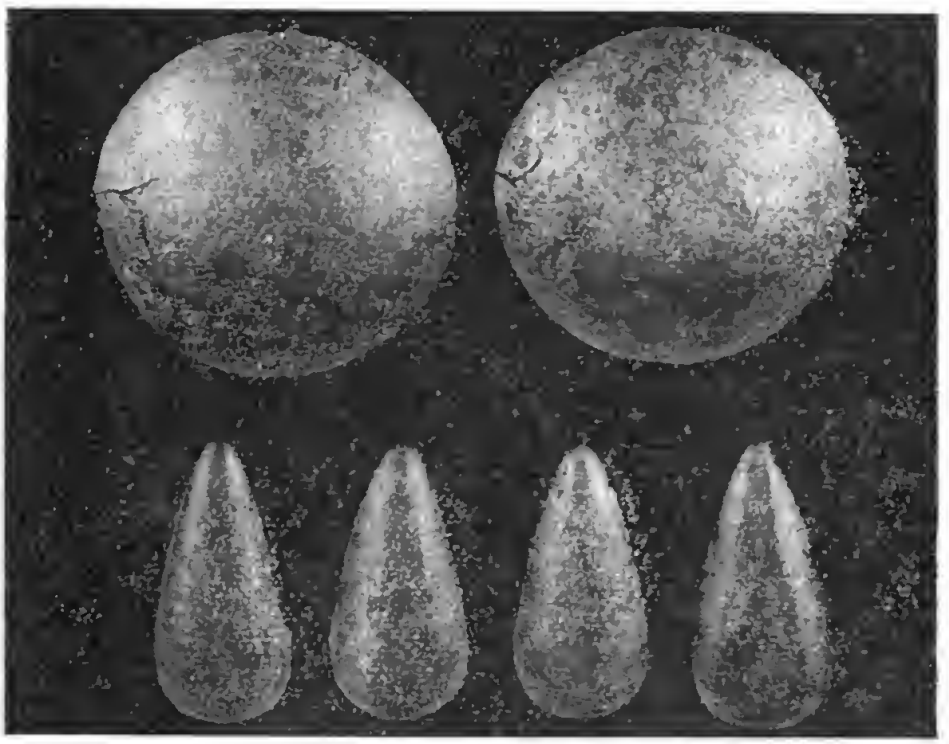
к стенам Херсонеса (шестидесятые годы I в. н. э.) и неоднократно угрожали Боспорскому царству (I—II вв. н. э.) [2]. Это время вторичного расцвета

Крупный комплекс зерновых ям был встречен у восточного участка южной стены Неаполя при охранных раскопках на городище в 1926 г. (2-я конференция археологов СССР в Херсонесе, Севастополь, 1927, стр. 26 сл., рис. 11). Зерновые ямы у оборонительной стены встречены В. И. Гошкевичем при раскопках позднескифского городища близ с. Казацкое на Нижнем Днепре (ИАК, в. 47, стр. 118 сл., табл. V). Традиционный обычай создания зернохранилищ у городских стен наблюдается в Крыму и позже, в период раннего средневековья в так наз. пещерных городах Крыма, в частности в Эски-Кермене (ИГАИМК, т. XII, в. 1—8, стр. 129 сл., рис. 21).

[2] Об этом у Б. Н. Гракова. Термин «χώρας» и его производные в надписях Северного Причерноморья, КСИИМК, в. XVI, 1947, стр. 87.



а



б

Рис. 8. Конский набор из могилы аланского военачальника (рубеж II—III вв. н. э.):

а — халцедоновые бусы; *б* — бронзовые бляхи, обтянутые золотой фольгой.

государства поздних скифов, когда были созданы в Неаполе замечательный склеп № 9 и другие склепы со стенной живописью.

Поздиейшие слои относятся ко времени упадка города и усиленной сарматизации культуры его жителей (III—IV вв. н. э.), начало которой наметилось значительно раньше. Жилища этой поздией поры, как правило, крайие невелики и бедны. Они сооружены из мелкого рваного камия иа грязи и из самана. К рубежу II и III вв. отиосится разрушеиие мавзолея и центральных ворот. Красноречивым свидетельством их последней защиты является каменный заклад, подиравший в пролете створки дубовых ворот, от которых сохранились остатки дерева и крупные железиые кованые гвозди. Именно в это тяжелое для Неаполя время на городской площади у ворот около разрушенного парадного здания было совершено погребение аланского военачальника и четырех коней. Здесь же в одиой из зерновых ям был погребен мужчина с конем. Судя по положеиию костяка, труп мужчииы был посажен в нишу, специально вырублеиную для этой цели в стенке ямы. К этим же годам относится последняя из надписей Северного Причерноморья, упоминающая скифов (193 г. н. э.). Она иайдена в Танаисе и рассказывает о победе Савромата II над скифами и сираками и о присоединении к Боспорским владениям Таврики [1]. Сын Савромата II, царь Рискупорид III (211—227 гг.), именовал уже себя «царем всего Боспора и тавроскифов» [2].

Рис. 9. Золотая подвеска в виде палицы Геракла, инкрустированиая цветиым стеклом (рубеж II—III вв. и. э.).

Чрезвычайио иитересен конский убор, найденный в погребении аланского военачальника: железный налобник, посеребренный и позолоченный с изображением конских голов по сторонам острия и набор бронзовых блях, обтянутых листовым золотом, украшавших, очевидно, седло и чепрак (рис. 8, *б*). Совершеиио аналогичные наборы обнаружены в разных районах Боспора, в Керчи и Анапе и характерны для погребеиий местиой аланской знати [3]. В погребении находилось также 12 крупных халцедоновых бус (рис. 8, *а*) и золотая серьга с подвеской в виде палицы Геракла, инкрустироваиная цветиым стеклом (рис. 9). Не исключена возможность, что могнла аланского военачальника, захоронение коней и мужчины с коием в зерновой яме связаны с победами Савромата II иад скифами [4].

---

[1] IosPE, II, № 423.

[2] В. В. Шкорпил, Новоиайдеиные боспорские иадписи, ИАК, в. 63, стр. 112. Надпись свидетельствует, что в это время поиятие «тавро-скифы» было ие киижиой выдумкой, ио отражением реальиой действительиости, может быть, процессов ассимилироваиия тавров скифами.

[3] ЗОО, т. I (1848), стр. 617 сл.; ДБК, т. II, СПб., 1854, табл. XXXI; Г. И. Спасский, Босфор Киммерийский, М., 1846, стр. 144 сл.; ОАК за 1881 г., стр. IV сл.; ЗОО, т. XXI (1892), стр. 271 сл., табл. Б.

[4] Характерно, что имеино в это время увеличивается ввоз боспорских гоичарных изделий в Неаполь (И. Б. Зеест, ук. соч., стр. 76).

Экономический, политический и культурный упадок города в III—IV вв., ярко отразившийся в археологических памятниках, подготовил его гибель в IV в., может быть, связанную с нашествием в Крым гуннов [1].

К раннему средневековью относятся отдельные черепки посуды салтово-маяцкого (тепсеньского) типа, найденные в Неаполе на различных

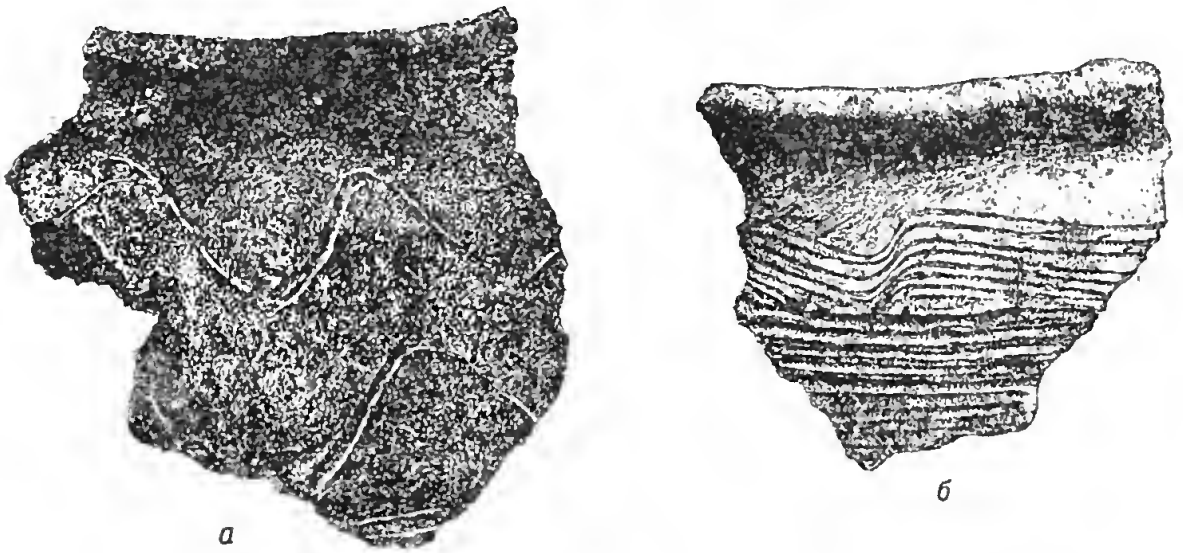


Рис. 10. Обломки горшков салтово-маяцкого типа (VII—X вв.) из Неаполя. (*а*) и долины Салгира (*б*).

участках города и некрополя (рис. 10), а также в поселении этой культуры, обнаруженном поблизости в долине Салгира [2]. Признаков культурных слоев средневекового поселения на территории городища пока не замечено.

---

[1] Предположение В. В. Кропоткина о том, что гибель Неаполя относится к III в. до н. э. и связана с проникновением готских дружин в Крым («Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья», Автореферат диссертации, М., 1953, стр. 12), мало вероятно, так как в Неаполе и в других скифских городищах Крыма найдено немало вещей, в частности амфор и поздних краснолаковых сосудов IV в. н. э. Охранные раскопки Неаполя в 1954 г. дали значительное количество обломков амфор IV в. Аналогичные амфоры того же времени найдены и в других скифских городищах Крыма, в частности при раскопках городища близ с. Заветное (Альма-Кермен), произведенных Е. В. Веймарном в 1954 г. К сожалению, И. Б. Зеест не смогла еще ознакомиться с этим новым материалом, чем и вызвано отсутствие в ее статье упоминаний о наиболее поздних амфорах IV в. О. Д. Дашевская присоединилась к ошибочному предположению В. В. Кропоткина о том, что якобы готы окончательно разрушили Неаполь и другие скифские поселения Крыма (О. Д. Дашевская, ук. соч., стр. 15). Материалы Неаполя и других скифских городищ Крыма опровергают это предположение. В наибольшей степени исследованные скифские города и укрепления Крыма (Неаполь, Альма-Кермен) прекратили свое существование в IV в. н. э.

[2] А. А. Щепинский, Археологические разведки в долине Салгира, Изв. Крым. отд. Географ. о-ва Союза ССР, в. 3, 1954, стр. 90.

ХОЗЯЙСТВО, ТОРГОВЛЯ И НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ПОЗДНИХ СКИФОВ ПО ДАННЫМ РАСКОПОК НЕАПОЛЯ

Основой хозяйства поздних скифов, в том числе и жителей Неаполя, судя по раскопкам, было земледелие и скотоводство, при этом земледелию принадлежала решающая, главная роль. Если Каменское скифское городище определяется Б. Н. Граковым как город ремесленников [1], то этого пока еще нельзя сказать про Неаполь. Скорее, это город землевладельцев и владельцев стад, торговцев, дружинников; здесь, конечно, концентрировались и ремесленники, но вряд ли последние количественно доминировали. В Неаполе еще не встречено остатков ремесленных мастерских, на наличие таковых указывают лишь отдельные находки (шлак, льячки для металла, отходы керамического производства и др.). Из литературы известно о находках зерен пшеницы, ячменя и проса [2]. Исследование остатков соломы и отпечатков зерна в саманных кирпичах из Неаполя позволило установить, что наряду с просом и ячменем была распространена полба-двузернянка [3]. Раскопками Е. В. Веймарна на скифском городище близ с. Заветное в 1954 г. в зерновых ямах также обнаружены остатки пшеницы, ячменя и проса.

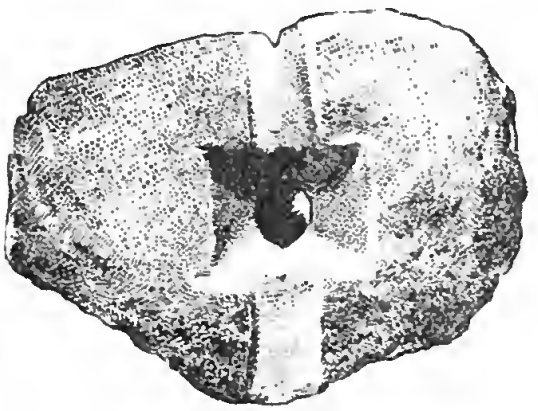


Рис. 11. Прямоугольный верхний жерновов-толкач из Неаполя.

Размол зерна производился жерновами-толкачами (образцами для них послужили греческие жернова) и зернотерками местного типа. В отличие от греческих прямоугольных жерновов-толкачей скифские имеют обычно неправильные очертания (рис. 11). На территории Неаполя обнаружены остатки высеченной в скале давильни для винограда. Найденные в культурном слое угли от виноградной лозы позволяют предполагать, что в окрестностях города разводился виноград, а в самом городе имело место виноделие [4].

В составе стада, судя по преобладающему количеству среди остеологического материала костей лошади, ведущая роль принадлежала конскому поголовью. В своей содержательной работе о домашних и диких живот-

---

[1] Б. Н. Граков, Каменское городище, МИА, № 36, М., 1954, стр. 115, сл.; его же, Литейное и кузнечное ремесло у скифов, КСИИМК, в. XXII, стр. 43; Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию, М., 1944, стр. 49.

[2] А. И. Маркевич, К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя, ИТОИАЭ, т. III, 1929, стр. 8, 14.

[3] Исследования самана произведены научным сотрудником отдела ботаники Крымского филиала АН УССР А. Г. Ильиной.

[4] Об этом в работе Н. А. Троицкого, Растительный покров Неаполя скифского (Рукопись в архиве КФ АН УССР).

ных по костным остаткам из Неаполя скифского В. И. Цалкин[1] дает следующие процентные соотношения количества костей для различных видов животных: лошадь — 38,4%; мелкий рогатый скот — 29,4%; крупный рогатый скот — 25,1%; свинья — 7,0%; осел — 0,1%.

Совершенно другие соотношения, приведенные в той же работе, дает костный материал из столицы Боспора Пантикапея. На Боспоре костей лошади значительно меньше, чем костей крупного и мелкого рогатого скота[2].

Это различие соотношений связано, вероятно, с тремя обстоятельствами: 1) мясо лошадей широко употреблялось скифами в пищу, чего не было в обычае у греков; 2) часть населения Неаполя, очевидно, образовалась из скотоводов-кочевников (у них было развито коневодство), перешедших на оседлый образ жизни; 3) Неаполь являлся городом-крепостью, в котором концентрировались конные дружины и скифская знать, владевшая боевыми конями.

Малый процент костей дикнх животных свидетельствует о том, что охота для жителей Неаполя утратила значение общераспространенного промысла и превратилась по преимуществу в спортивную забаву знатн[3].

У позднних скифов, насколько позволяют судить материалы как Неаполя, так и другого скифского городища близ совхоза «Красный», завершался процесс отделения ремесла от земледелия. Наиболее интересны в этом отношении остатки гончарных печей на скифском городнще «Красное», исследованные О. И. Домбровским[4].

Эти печн принадлежали гончарной мастерской, повидимому, I в. н. э., что свидетельствует о процессах выделения гончарного ремесла у поздних скифов в самостоятельную отрасль производства. В печи обжигалась посуда скифских форм, выполненная на круге, явно производившаяся на сбыт[5].

---

[1] В. И. Цалкин, Домашние и дикие животные из скифского Неаполя, СА, XX, 1954.

[2] В. Д. Блаватскнй, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 98; О костных остатках животных в Мирмекии и Тиритаке, см. В. Ф. Гайдукевич, МИА, № 25, 1952, стр. 220.

[3] В. И. Цалкин, Новые данные к истории фауны Крыма, ДАН, т. LIX, № 3, 1948, стр. 605 сл.

[4] Советский Крым, № 2, 1946, стр. 107, рис. 1—3; О. И. Домбровский, Керамическая печь на скифском городище «Красное», в настоящем сборнике.

[5] О. Д. Дашевская пишет, что применение крымскими скифами гончарного круга якобы «не подтверждается изучением керамики» (ук. соч., стр. 10). Эта ошибка связана с тем, что О. Д. Дашевская не имела возможности ознакомиться с материалами раскопок на городище «Красное» 1945 г., в частности с обломками скифских сосудов, выполненных на круге с характерными налепными ручками. Скифские чашки и другие сосуды, выполненные на круге, встречались в скифских курганах Крыма (Т. Н. Троицкая, Скифские курганы Крыма, стр. 92; ее же, Скифские погребения в курганах Крыма, стр. 14 сл.). Т. Н. Троицкая справедливо подчеркнула, что все эти находки являются «подтверждением наличия у скифов в это время развитого гончарного ремесла» (стр. 92). Признаки гончарных печей обнаружены и на скифском городище в устье Альмы. Местная посуда, выполненная на круге, встречалась в небольшом количестве при раскопках Неаполя, в частности в 1950 г. В 1951 г. О. Д. Дашевская, доследуя раскоп О. И. Домбровского на городище «Красное», также обнаружила скифский сосуд, выполненный на гончарном круге. Следует, однако, отметить, что образцов позднескифской гончарной посуды в Крыму найдено еще мало.

Все более и более широкое применение железа и пашениого земледелия, переход от простых и составных орудий к слсжиым, от лепки посуды вручиую к гоичарному кругу, от прнменеиия зернотерки к жернову, от примитивиых глииобитных сооружений — юрт и земляиок — к сооружениям из сырца и камия, от кладок из рваиого камня к постройкам из отесанных квадров, от земляиых и соломенных крыш к покрытию из черепицы, от земляных валов и рвов к каменным стенам с башнями — свидетельствуют о завершении того переворота в производстве, который способствовал укреплению и расцвету позднескифского государства.

Возникновение у скифов элементов товарного производства, являвшееся результатом роста производительных снл и разделения труда между земледелнем и скотоводством, а затем между земледелием и ремеслом и соответственного перехода от домашних форм ремесла к ремеслу, производящему иа сбыт, сопровождалось в условнях позднескифского государства ростом не только виешней, но и внутренней торговли.

Судя по находкам в Неаполе античных монет, снльно потертых, с признакамн длнтельного хождения[1], а также и по чеканке в Ольвин монет с изображениями скифскнх царей — натуральный обмеи, продолжавшнй еще преобладать у поздних скифов, начал дополняться денежным обращеннем.

В Неаполе и его окрестностях обнаружены монеты от эллиннстического времени до начала III в. н. э.[2] (рнс. 12). Моиеты IV в. и. э. пока не встречены.

Несколько античных монет найдено в Альминском приморском скифском городнще, из них одна херсонесская (второй половнны II—первой половнны III в. н. э.) и одна римская времеин Адрнана. Остальные еще не определены. Рнмскне и херсонесские монеты II—III вв. найдены Е. В. Веймарном на скифском городище Альма-Кермен близ с. Заветиое в 1954 г.

Монет собственной скифской чеканкн в Неаполе пока не обнаружеио, следовательно, здесь имело место еще слабо развитоё денежное обращение с нспользованием чужих моиет[3]. Любопытно, что в Неаполе ольвийских монет пока не найдено, тогда как монеты Херсонеса и Боспора встречалнсь. Надо заметить, что и на скифскнх городищах и селнщах Нижнего Приднепровья монеты встречаются крайне редко[4].

Торговля поздиих скифов осуществлялась, вероятно, в основном путем натурального обмена, через посредничество Ольвии, Херсоиеса и Боспора. Кроме того, по западному и северо-западному побережью Крыма имелись, помимо Керкииитиды и Калос-Лимеиа, скифские приморские го-

[1] Л. П. Харко, Монеты, найденные в Неаполе скифском, Рукопнсь в архиве КФ АН УССР; П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, стр. 30, рис. 15.

[2] ИТУАК, № 7, 1887, стр. 47; П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, стр. 30, рнс. 15; О. Д. Дашевская, Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя скифского, ВДИ, № 2, 1951, стр. 135, рнс. 5; ОАК, 1890, стр. 124 и 148—149; Архнв ЛОИИМК, 1890, № 174, л. 1—2; В. В. Кропоткин, Топографня рнмских и раниевизантнйскнх монет на территорнн СССР, ВДИ, № 3, 1954, стр. 162.

[3] Это обстоятельство подчеркнуто в упомянутой работе Л. П. Харко.

[4] Б. Н. Граков, Каменское городище, стр. 145 сл., табл. VIII, стр. 235.

рода и укрепления, наиболее крупным из которых является Альминское, в устье реки Альмы[1]. Во II в. до н. э. и в первых веках нашей эры города Керкинитида и Калос-Лимен, прежде зависимые от Херсонеса, находились уже в руках скифов[2]; в это же время Ольвия, как об этом свидетель-

Рис. 12. Поздние монеты из Неаполя:

а — денарий Септимия Севера из земляного склепа, *б* — бронзовая херсонесская монета из жилых кварталов (конец II — III в. н. э.).

ствует чеканка в ней монет с изображениями Скилура, Фарзоя и Инисмея, была также зависима от скифского государства[3]. Поэтому торговля поздних скифов, вероятно, осуществлялась не только через греческие, но и

---

[1] Советский Крым, № 5, 1947, стр. 66 сл.

[2] Об этом свидетельствуют декрет в честь Дюфанта (IosPE, 1^2, № 352), а также данные Арриана (Перипл Понта Евксинского, § 30, 31).

[3] А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 137, табл. XXXIII, 22—28.

через скифские и зависимые от скифов прнморскне пункты, куда, мнпуя Херсонес и Пантикапей, греческне купцы могли прнвозить свои товары.

Особенно интенсивно в III и II вв. до н. э. шла торговля с Родосом, на что указывает значительное количество найденных в Неаполе амфорных ручек с родосскими клеймамн. Последние преобладают средн обнаруженных здесь клейм [1]. Встречаются в Неаполе черепицы с сннопскими клеймамн; херсонесской черепицы значительно меньше. На амфорных ручках, найденных в Неаполе, имеются в небольшом количестве клейма книдские, косские, сннопскне, херсонесскне. Обломков амфор с двуствольными ручками без клейм, косских, херсонесских н других довольно много. Обломков чернолаковой посуды раннеэллнннстнческого временн очень мало. Чаще встречаются так называемые мегарские чашки, значнтельно больше краснолаковой керамикн первых веков нашей эры. Средн привозной керамнкн безусловно доминируют остродонные амфоры, что говорит о шнроком ввозе вина и оливкового масла [2]. Довольно много разнообразных херсонесскнх сосудов. Привоз боспорской керамнки значнтельно увеличивается во II—III вв. н. э.

Археологические материалы наглядно нллюстрируют имущественное и социальное расслоение средн жителей города. Об этом свндетельствуют контрасты между богатыми каменнымн, крытыми черепнцей домами Неаполя со следамн стенной роспнси — с одной стороны, и маленькимн бедными полуземлянкамн и юртами — с другой. Не менее ярко это выражено и в некрополе. Наиболее богатые погребення обнаружены в мавзолее. В фамнльных вырубленных в скале склепах, иногда со стенной росписью, также хоронилн знатных, что подтверждается наличнем около склепов, как и в мавзолее, конских захороненнй. К сожалению, все каменные склепы оказалнсь разграбленнымн. В земляных склепах н, в особенности, в подбойных грунтовых могилах хоронилн рядовое население [3]. Характерной чертой этнх погребенний, в отлнчне от погребений мавзолея, является отсутствие, за еднпственным исключением, оружня в мужских захоронениях.

К сожаленню, нн археологическнй матернал, ни письменные источники не дают еще возможности решить вопрос о классовой структуре и об основных формах эксплуатацнн у позднпх скнфов. Неясен еще и характер полнтического устройства скифского государства с центром в Крыму. Мы не знаем, какнмн способамн присванвалось зерно правящими классами у скнфского земледельческого населения, как создавались те запасы, которые концентрнровалнсь в зернохранилнщах скнфской столицы: являлась ли таким способом дань, собнраемая государством, нлн же форма крупного землевладення с порабощением сельских общинников, нлн же, наконец,

---

[1] И. Б. Зеест, К вопросу о торговле Неаполя и ее зиачеиии для Боспора, МИА, № 33, 1954, стр. 72 сл.

[2] И. Б. Зеест, ук. соч., стр. 71 сл.

[3] В. П. Бабенчиков, Новый участок иекрополя Неаполя скифского, ВДИ, № 1, 1949, стр. 111 сл.; его же, статья в иастоящем сборнике.

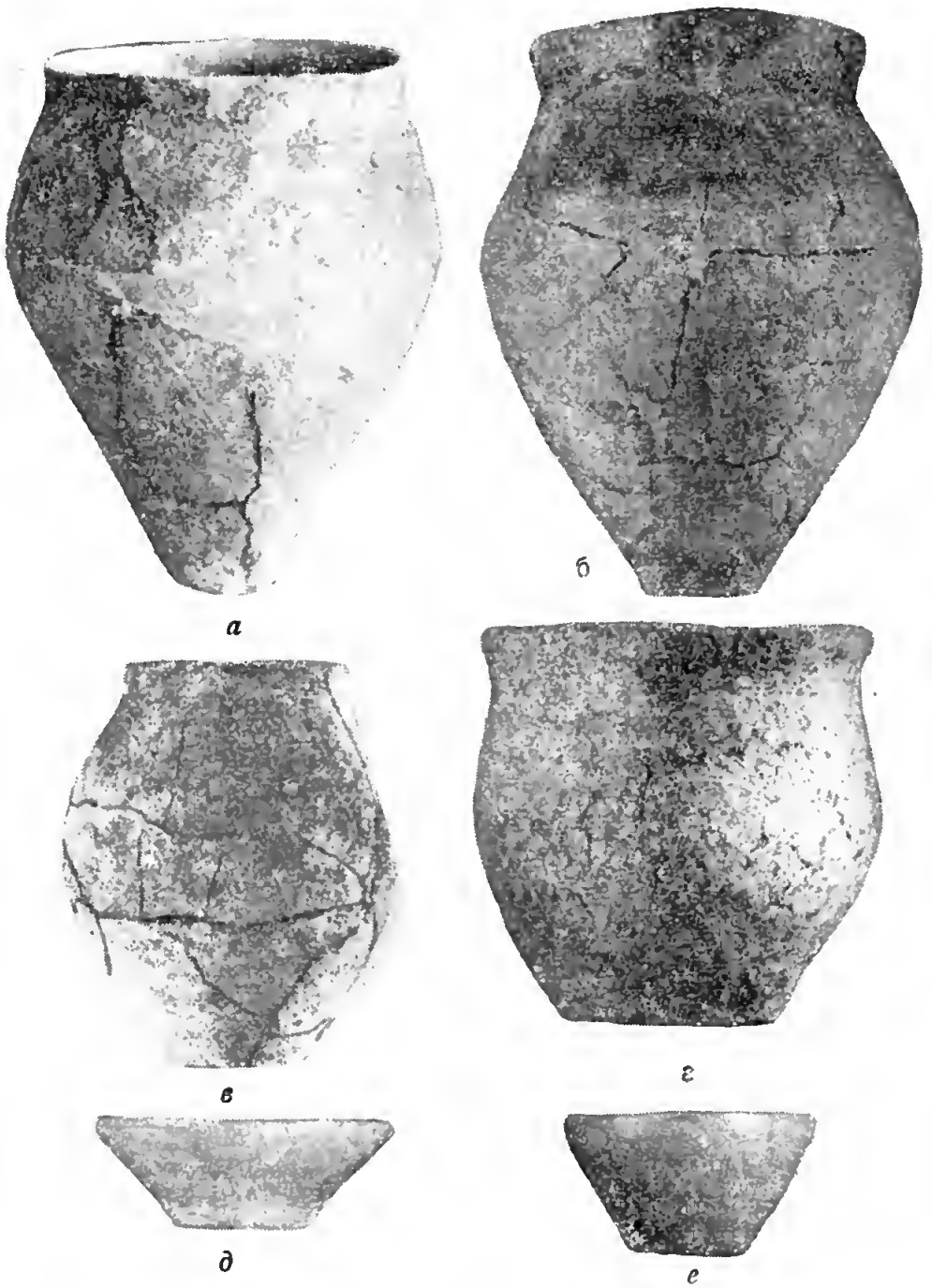


Рис. 13. Лепные сосуды из Неаполя:

а — большой горшок из жилого комплекса (первые века нашей эры), *б* — большой горшок из жилого комплекса (II—III вв. н. э.), *в* — горшок (первые вска нашей эры), *г* — горшок (I—II вв. н. э), *д, е* — чашки (последние века до нашей эры).

использованне рабов для обработкн земли. Возможно н сосуществованне этих форм эксплуатацин, прн доминированнн одной нз них.

Мы еще не знаем, руками ли рабов, свободных горожан илн подневольного сельского населення сооружались мощные стены н башни Неаполя, чьнми руками ломался и доставлялся камень для возведения этих стен, какая рабочая снла использовалась для сооружения в конце I тысячелетия до н. э. крупных земляных плотнн, запруд для устройства расположенных террасами водоемов в балке у юго-восточной окраины скифской столицы [1].

Решенне всех этнх вопросов еще впереди. Можно лишь предполагать, что в общественном строе поздних скифов сосуществовали по крайней мере трн уклада: преодолевалнсь и отмнрали пережиткн общественных форм, унаследованных от первобытно-общнннного строя, в частностн, от военной демократии, доминнровали, вероятно, формы примнтнвного рабовладення, которые еще не приобрели, повиднмому, в полной мере характера антнчного рабства, и нмел место, вероятно, принуднтельный снстематическнй сбор дани натурой у земледельческого населения (Страбон, VII, 4, 6).

Предстоящие исследования скифских городнщ и селищ помогут уточнить вопрос о взанмоотношениях города и сельских поселений [2]. Земледелне и скотоводство, которым заннмалнсь по преимуществу жнтели этнх поселений, составлялн относительно прочную хозяйственную опору позднескифского государства, которое просуществовало, несмотря на ряд временных затруднений и пораженнй, не менее шестн веков [3].

О прочности скифского государства свидетельствует то обстоятельство, что оно сравнительно быстро и не раз восстанавливало свои снлы после поражений, нанесенных ему понтийскнми н херсонесскнми войсками, а позже римскими легионами Плавтня Сильвана и войскамн Боспора. Об этом

---

[1] Скифские погребения, обнаруженные в насыпи средней, основной земляной плотины, датируются I в. до н. э. — III в. н. э. и свидетельствуют, что последняя была возведена в предшествующие века, может быть, в период расцвета скифского государства во II в. до н. э. Центральная плотнна, задержнвая сток воды для создания водоема, одновременно служнла основанием для проходнвшей по ней дороги из Неаполя в долину Салгира. Верхняя плотнна сохранилась хуже. Это древнейшее из нзвестных в Крыму водохраннлище расположено по двум террасам склона второй гряды.

[2] Наиболее нитересным позднескифским сельскохозяйственным комплексом в Крыму является открытое в 1954 г. Н. П. Кацуром городище близ с. Заячье, Бахчисарайского района, с прилегающими к нему двумя селищами н полямн-делянками, обнесенными каменными оградами. Городище, расположенное на скалистом холме, окаймленном изгибом глубокой балки, заннмает небольшую площадь, не более 2500 $м^2$. Оно ограждено стенами и на перешейке защищено двумя большими башнямн. Это своего рода хорошо укрепленная сельскохозяйственная усадьба, к которой тяготеет значнтельная сельская округа с селищамн, небольшими усадьбами сельского типа, загонами для скота и делянками полей.

[3] Предположение П. Н. Третьякова (ВИ, № 10, 1950, стр. 17) о том, что скифское государство по своему типу прнближалось к непрочным военно-адмннистративным объединениям древностн н средневековья (в частностн конгломератным империям Кира и Александра), нам представляется неправильным. Справедлнвые замечання по этому вопросу сделаны Б. Н. Граковым (см. Каменское городище, МИА, № 36, 1954, стр. 31).

говорит также непрерывность культурных наслоений Неаполя, в которых мы не видим признаков катастрофических разрушений даже для времени диофантовых войн. Напротив, процесс культурно-исторического развития города поражает своей органичностью и отсутствием резких переломов в изменениях его культурного облика от блестящей поры Скилура, с характерными для этого времени эллинистическими влияниями, к поздней поре, когда печать сарматизации сказалась в обиходе жителей, в частности, в погребальном обряде и инвентаре [1]. Характерно, что лепная керамика, образующая основной фонд археологических материалов Неаполя и других скифских городищ Крыма на протяжении многих веков, сохраняет поздескифский характер (рис. 13), хотя и имеет, в особенности в первые века нашей эры, примесь сарматских черт.

НЕАПОЛЬ КАК ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ ПОЗДНИХ СКИФОВ

Длительное экономическое и государственное развитие скифских племен на территории Северного Причерноморья, включая и Крым, сопровождалось не только формированием скифской народности, но и расцветом скифской культуры, вступившей в новый этап своего развития. Культура поздних скифов, как в районах Нижнего Днепра, где по его берегам возникли многочисленные скифские города и укрепления, образовавшие своего рода западную линию обороны поздескифского государства (рис. 1), так и в центре «Малой Скифии» Страбона, то есть и в Крыму, находилась в тесной взаимосвязи с античной цивилизацией греческих городов Северного Причерноморья, в частности Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства, испытывая на себе ее влияние. Это сказалось наиболее ярко в использовании в скифском государстве греческой письменности для мемориальных надписей на греческом языке под статуями и на надгробиях, для посвятительных надписей и других памятников [2]. Но на монетах скифских царей Фарзоя и Инисмея, чеканенных в Ольвии (по А. Н. Зографу, конец I — начало II в. н. э.), наряду с греческими легендами, в отдельных случаях применялись так называемые скифо-сарматские знаки, может быть в данном примере, знаки царского рода, к которому принадлежал изображенный [3]. Сходные по характеру знаки встречаются и на скифских надгробиях Крыма и Нижнего Днепра, в частности, на надгробиях со скифского городища близ совхоза «Красный» (рис. 14, *а*, *г*) и из Козырок [4]. Встречены они в предгорьях Крыма, например, на стене вырубного склепа около скиф-

---

[1] П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, М., 1953, стр. 44 сл.

[2] IosPE, 1^2, 1916, № 668—673; Э. И. Соломоник, Эпиграфические памятники Неаполя скифского, Рукопись в архиве КФ АН УССР.

[3] А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 137 сл., табл. XXXIII, *22—28*.

[4] ОАК, 1909—1910, стр. 100, рис. 145; В. И. Гошкевич, Летопись музея, в. 6, Херсон, 1912, стр. 11, рис. 6; И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, К., 1951, стр. 72, рис. 24; Э. И. Соломоник, статья в настоящем сборнике.

ского городища «Красногорское» (рис. 14, *в*) и на серебряной пряжке из того же склепа (рис. 14, *е*). Особый характер носит знак в росписи склепа № 1 в Неаполе, введенный в своеобразную «рамку» (рис. 14, *б*).

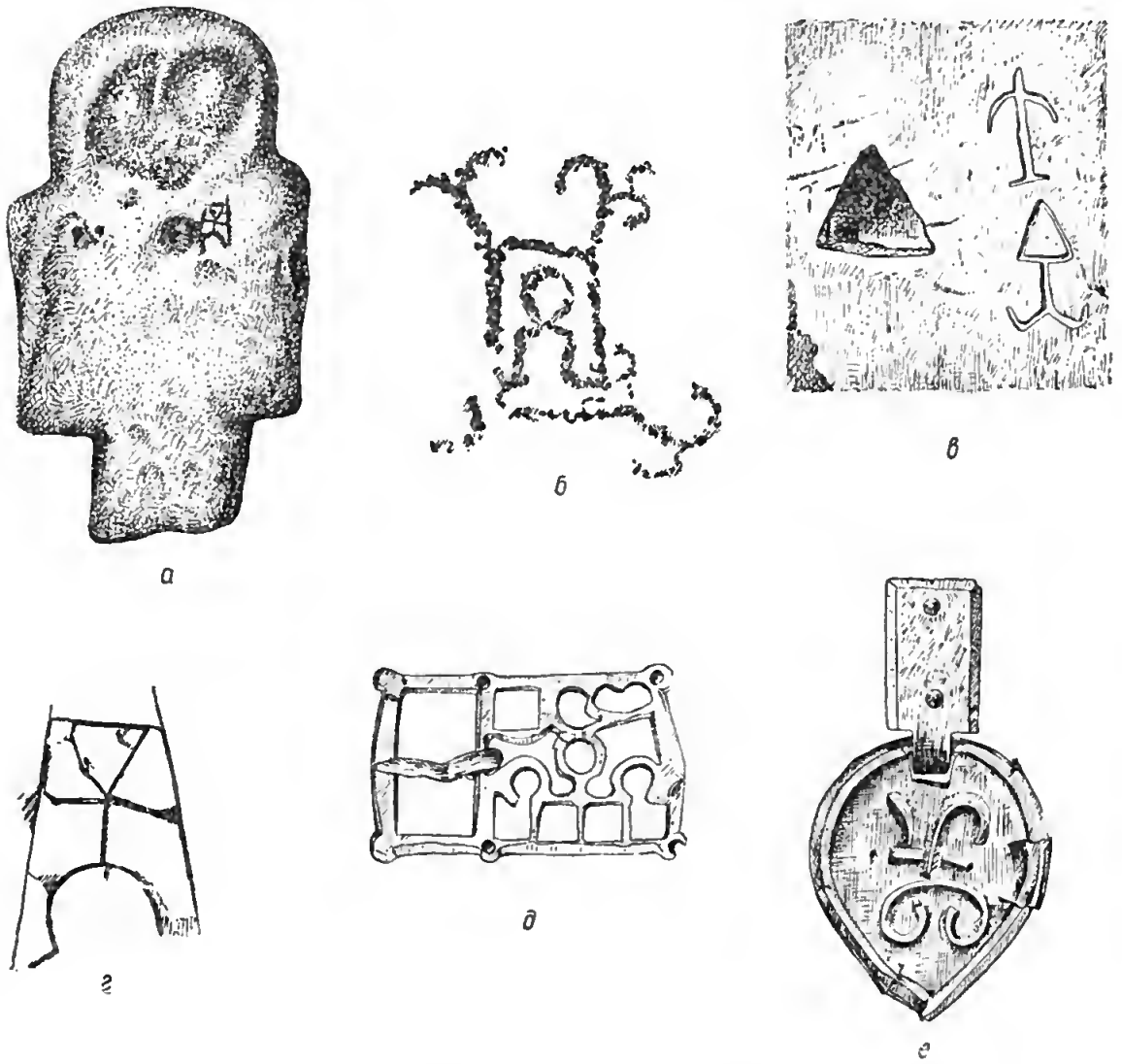


Рис. 14. Скифо-сарматские знаки в предгорьях Крыма:

а, г — надгробие из скифского городища «Красное» с вырезанным на нем знаком. Известняк; *б* — знак в расписном склепе № 1 Неаполя; *в* — знак в склепе близ скифского городища у с. Красногорское; *д* — знак на бронзовой пряжке из Чернореченского могильника; *е* — знак на серебряной пряжке из склепа близ с. Красногорское.

Большой интерес представляют многочисленные скифо-сарматские знаки, расположенные отдельными группами в ряд на стенах пещер в скалах Ак-Кая близ г. Белогорска (б. Карасубазар) [1]. В многослойных белогор-

[1] П. Н. Шульц, Тавро-скифская экспедиция в 1947 г., КСИИМК, в. XXVII, стр. 65 сл.; Э. И. Соломоник, Отчеты о работе по исследованию скифо-сарматских знаков Северного Причерноморья за 1952—1954 гг., Рукописи в архиве КФ АН УССР.

ских пещерных стоянках имеются явные признаки позднескифского культурного слоя.

Наличный материал, принимая во внимание недостаточную его изученность, позволяет сделать предварительный вывод о том, что не только сарматы, но и поздние скифы применяли так называемые скифо-сарматские знаки.

Возможно, что дальнейшие исследования скифо-сарматских знаков, в особенности расположенных в строку, дадут возможность рассматривать их как зачатки местной письменности [1].

Раскопки послевоенных лет опровергают представление о Неаполе как об эллино-скифском городе, высказанное уже давно и поддержанное в свое время Ростовцевым. Наиболее типичные памятники столицы поздних скифов — оборонительные стены, башни, ворота, жилые дома, дороги-улицы, погребальные сооружения — имеют в основном самобытный характер. Греки — Посидей, Евмен и другие — жили в Неаполе и занимали в нем, вероятно, важные посты, в особенности Посидей, разбивший пиратствующих сатархеев [2]. Это, естественно, налагало известный отпечаток на характер скифского города. Наряду с преобладающей скифской, в нем, конечно, слышалась и греческая речь. Но в антропологическом материале Неаполя, как это установлено Г. Ф. Дебецом [3], примесь средиземноморского этнического элемента, представленная по преимуществу в женских черепах из погребений в мавзолее, хотя и имела место, но не была значительной.

Судя по имеющимся антропологическим данным, подкрепляемым анализом лепной керамики, город был скифским на всем протяжении своего развития как по этническому составу, так и по культуре. Мы вправе на основании всего имеющегося материала рассматривать Неаполь как центр культуры поздних скифов, приобретавший здесь уже городской характер. Это наиболее ярко сказалось в его своеобразной архитектуре, скульптуре и стенной росписи склепов.

В ранние периоды культура города, как это уже подчеркивалось, испытала сильное эллинское влияние. Это сказалось, в частности, в строгой планировке сооружений по странам света, параллельно городской стене, что особенно заметно на участке у центральных ворот. Эти воздействия проявились и в использовании греческой письменности для официальных надписей, и в наличии портретных рельефов с изображениями скифских царей, и в применении рустованной кладки и кладки «кордонами на ребро, плитами на образок», а также в использовании многих элементов боспорской торевтики, деревянной резьбы (саркофаг мавзолея) и приемов росписи по штукатурке в домах (рис. 5).

---

[1] Строчное размещение знаков наиболее хорошо представлено на одном из камней, найденном в Ольвии в 1948 г.

[2] IosPE, 1^2, № 672.

[3] Г. Ф. Дебец, Антропологические материалы Неаполя скифского, Тезисы доклада, прочтенного на пленуме ИИМК АН СССР в 1949 г., Рукопись в архиве ИИМК АН СССР и в архиве КФ АН УССР.

Если в ранние периоды истории Неаполя, в особенности в эпоху его первого расцвета, доминировали эллинские влияния, то, напротив, в период вторичного расцвета города преобладает уже воздействие сарматской культуры. Город изменился и по своему этническому составу. Проникновение сарматского этнического элемента сказалось в антропологическом материале Неаполя. Появляются признаки сарматского влияния и в погребальном обряде (разбитые зеркала) и в инвентаре могил (мечи сарматского типа и т. д.). Однако сарматская посуда в жилых помещениях и в погребениях встречается лишь как исключение.

В обиходе жителей Неаполя и других скифских поселений Крыма на протяжении более чем шести веков мы наблюдаем устойчивые формы лепной скифской посуды (рис. 13) — простые и лощеные горшки разнообразных форм и размеров, без орнамента, простые и лощеные миски, реже — кувшины; для культовой посуды характерны позднескифские лощеные и простые курильницы, в отличие от остальных видов посуды, обычно орнаментированные [1]. Типичной особенностью позднескифской лепной керамики Крыма, как последних веков до нашей эры, так и первых веков нашей эры является почти полное отсутствие орнамента при относительно широком распространении черного, красного, коричневого, желтого и серого лощения. В этом заключается одно из основных ее отличий от керамики скифских городищ Нижнего Днепра.

В краниологическом материале, как показали исследования Г. Ф. Дебеца и К. Ф. Соколовой, доминирует антропологический тип, близкий нижнеднепровским скифам, что свидетельствует об устойчивости основного контингента скифского населения Неаполя. Примесь таврского этнического элемента крайне незначительна: среди многочисленных погребений предположительно обнаружен лишь один скорченный костяк I в. н. э., который может быть отнесен к таврам. Черепа средиземноморского облика, как уже было отмечено, немногочисленны [2].

Поэтому тенденция, имевшая место в дореволюционной литературе и частично еще сохранившаяся по настоящее время, трактовать Неаполь и другие скифские города Таврического полуострова как города «тавро-скифов», а государство поздних скифов как «тавро-скифское» [3] не получает подкрепления в материале. В равной мере нельзя принять и упомянутое выше желание видеть в Неаполе город «наполовину греческий, наполовину варварский» [4], а в скифском государстве — «государство греко-скифское» [5]. Имеющийся материал этому противоречит. Нет также никаких оснований

[1] Т. Н. Троицкая, Скифские курганы Крыма, Изв. Крым. отд. Географич. об-ва Союза ССР, в. 1, 1951, стр. 98, рис. 6; П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, М., 1953, стр. 33, табл. XXI, рис. 16.

[2] Г. Ф. Дебец, Антропологические материалы Неаполя скифского, Рукопись статьи в архиве КФ АН УССР.

[3] В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 531, 533.

[4] Б. Граков, Скіфи, К., 1947, стр. 32.

[5] С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, № 3, 1938, стр. 49 сл.

оценивать культуру Неаполя и скифских городищ Крыма как сарматскую, хотя она и получила свой расцвет в период преобладания сарматских племен и сарматской культуры в степях Северного Причерноморья.

Нельзя согласиться и с попытками трактовать скифское государство как царство эллинистического типа[1]. В государстве скифов отсутствует характерное для эллинизма развитое рабовладение античного типа, нередко осложненное элементами восточных форм рабства, связанное с ростом крупного землевладения и рабовладельческих эргастерий. В нем незаметно, при наличии монархии и царской власти, тех специфических форм государственного устройства развитой рабовладельческой формации эллинистического типа, которые так характерны, в частности, для Боспора. Материально-техническая база скифского государства не имеет характерных для эллинизма черт. Техника поздних скифов была отсталой по сравнению с техникой эллинистических царств. Скифское государство, в отличие от эллинистических монархий, не возникло на основе завоеваний чужих территорий. К тому же греческие элементы не так уж сильно в нем выражены. Вот почему отнесение скифского государства к монархиям эллинистического типа не может быть принято.

Позволю себе несколько замечаний по вопросу о культурном наследии, оставленном скифскими племенами.

Одной из примечательных сторон культуры поздних скифов, наиболее ярко представленной в памятниках Неаполя, является несомненное наличие в ней элементов, получивших дальнейшее развитие в культуре раннеславянских племен Восточной Европы и частично сохранившихся в качестве пережитков в русском, украинском и белорусском народном художественном творчестве. Мы имеем в виду тот круг мотивов, на котором в свое время сосредоточил внимание В. А. Городцов в своей статье «Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве»[2].

Приведем несколько примеров. В склепе № 1 Неаполя на стене в условной манере воспроизведена фигура, повидимому, богини с распростертыми руками и своего рода «лучами» или рогатым головным убором на голове. Слева от богини изображен в той же условной манере вздыбившийся крылатый конь или грифон (рис. 15, *а*). Вероятно, и с правой стороны, где роспись утрачена, также был изображен аналогичный крылатый конь (воспроизведен на рисунке 15, *а* предположительно, условным контуром). Перед ними, очевидно, традиционный мотив богини с крылатыми конями по сторонам. Склеп датируется находками II—III вв. н. э. Ближайшую аналогию этому мотиву дает глиняный обожженный штамп для лепешек или хлебцев из Илурата, относящийся, примерно, к тому же вре-

---

[1] К этому склоняется К. К. Зельин в своей работе «Основные черты эллинизма» (Всемирная история, т. II, ч. IV, гл. V, § I; ВДИ, № 4, 1953, стр. 149, 153, 154).

[2] Труды ГИМ, в. 1, М., 1926, стр. 7 сл.

мени (рис. 15, *б*)[1]. На штампе изображена в условной манере богиня с раскинутыми в стороны руками, причем из левой руки у нее произрастает ветвь. Вокруг головы знакомые нам по склепу № 1 «лучи» или же рогатый головной убор. Над правой рукой — птица. По сторонам — крылатые кони или грифоны.

Дальнейшее развитие этого образа в древнеславянском и русском народном творчестве прослежено в работах В. А. Городцова[2], Б. А. Рыбакова[3], Л. А. Динцеса[4] и Н. Н. Воронина[5]. Б. А. Рыбаков связывает образ богини, часто воспроизводившийся в русских народных вышивках (рис. 15, *в*, *г*), с западнославянской «Живой» и восточнославянской «Берегиней» — богиней природы, земли и плодородия. Мотив, распространенный в скифской и сарматской среде, получил, очевидно, дальнейшее развитие среди славянских племен и сохранился, как декоративный мотив, в русском народном искусстве.

Второй пример. Две ниши склепа № 9 Неаполя скифского воспроизводят постройку, повидимому, с двускатной крышей, на коньке которой мы видим украшение, имевшее, вероятно, значение оберега в виде копья, по сторонам которого изображены головы коней, обращенные мордами наружу (рис. 16, *б*). Трудно сказать, воспроизводится ли здесь вырезанное из дерева завершение конька крыши или глиняный «акротерий». Мотив копья и геральдически расположенных голов коней, обращенных мордами то наружу (ниши № 2 и 3), то внутрь (ниша № 4), вполне естественен в скифской и сарматской среде. Конь, копье и стрела, так тесно связанные с бытом древних степных племен, прочно вошли в культовые представления скифов. Копья водружались и в погребениях и на вершинах курганов[6], оберегая, наряду с черепами и костяками коней, и как бы обслуживая погребенных.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что резные деревянные копья и стрелы вплоть до настоящего времени являются доминирующим мотивом украшения хат с двускатными крышами на Украине, что особенно характерно для ее лесостепных и северных районов. Этот же мотив широко распространен в сельских постройках Крыма и Таманского полуострова, куда он, повидимому, занесен с Украины. Стрелы на коньках крыш встречаются и в центральных черноземных областях, их можно видеть и

---

[1] В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина, К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья, СА, XV, 1951, стр. 185, рис. 15; А. В. Грач, К вопросу о позднем этапе «тавро-скифских» культовых представлений, СЭ, № 4, 1952, стр. 174—181, рис. 1.

[2] В. А. Городцов, Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве, Труды ГИМ, в. 1, 1926.

[3] Б. А. Рыбаков, Древние элементы в русском народном творчестве, СЭ, 1948, № 1, стр. 90.

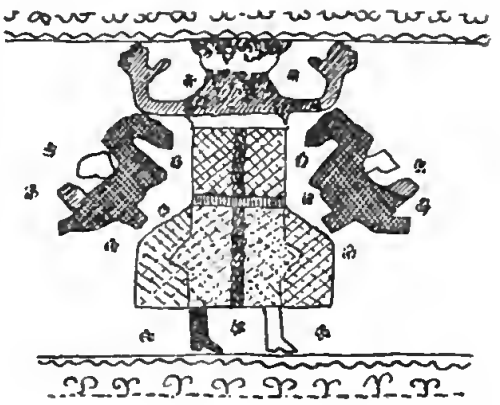
[4] Л. А. Динцес, Русская глиняная игрушка, 1936.

[5] Н. Н. Воронин, К характеристике древнейшего зодчества восточных славян, КСИИМК, в. XVI, 1947, стр. 97 сл.

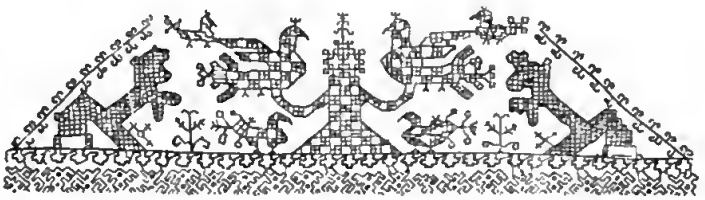
[6] ИАК, в. 65, стр. 116. О скифском обычае втыкать копье в могильную насыпь см. Т. Н. Книпович, Танаис, М., 1949, стр. 48.

а

б



в



г

Рис. 15. Мотив крылатых коней и богини в изображениях скифо-сарматской эпохи и в русском народном искусстве:

а — деталь росписи склепа № 1, Неаполь (II—III вв. н. э.); *б* — глиняный штамп из Илурата (II—III вв. н. э.); *в, г* — детали русской крестьянской вышивки (по В. А. Городцову).

севернее, например, в Псковской, Новгородской и Ленинградской областях. Этот мотив, вероятно, был унаследован от древних степных племен Восточной Европы славянским населением соседних лесостепных районов, проникая и дальше на север. Как пережиток он до сих пор сохранился в русской и украинской народной архитектуре.

Изображение коньков, венчающих крышу, излюбленный мотив в русской, белорусской, литовской, латвийской и эстонской народной деревянной архитектуре. Однако сочетание изображений копья с головами коней, по-

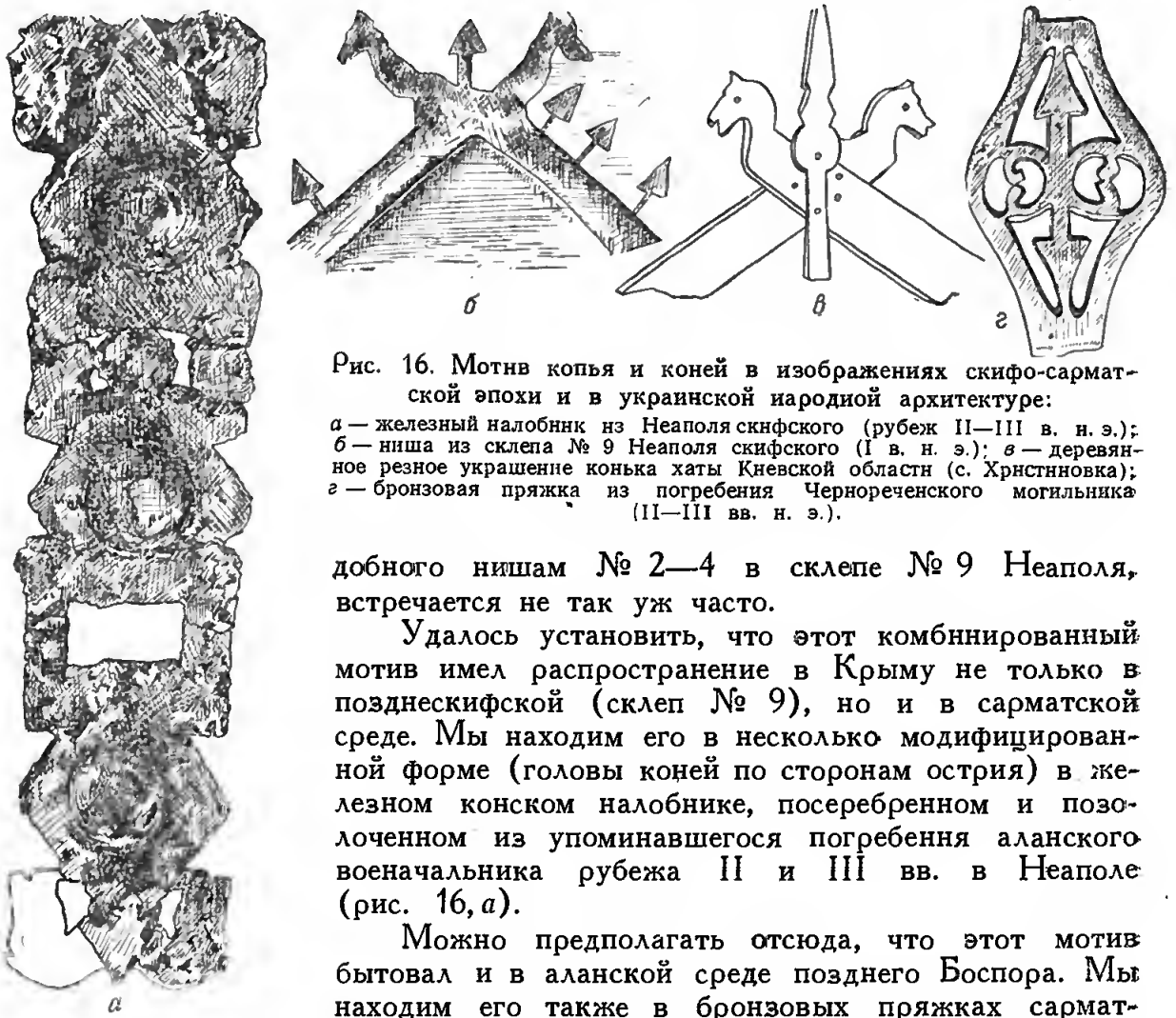


Рис. 16. Мотив копья и коней в изображениях скифо-сарматской эпохи и в украинской народной архитектуре:
а — железный налобник из Неаполя скифского (рубеж II—III в. н. э.); *б* — ниша из склепа № 9 Неаполя скифского (I в. н. э.); *в* — деревянное резное украшение конька хаты Киевской области (с. Христиновка); *г* — бронзовая пряжка из погребения Чернореченского могильника (II—III вв. н. э.).

добного нишам № 2—4 в склепе № 9 Неаполя, встречается не так уж часто.

Удалось установить, что этот комбинированный мотив имел распространение в Крыму не только в позднескифской (склеп № 9), но и в сарматской среде. Мы находим его в несколько модифицированной форме (головы коней по сторонам острия) в железном конском налобнике, посеребренном и позолоченном из упоминавшегося погребения аланского военачальника рубежа II и III вв. в Неаполе (рис. 16, *а*).

Можно предполагать отсюда, что этот мотив бытовал и в аланской среде позднего Боспора. Мы находим его также в бронзовых пряжках сарматского характера, вероятно, боспорского производства, из Чернореченского могильника близ Инкермана, в погребении II—III вв. н. э. (рис. 16, *г*). Ближайшие аналогии этим пряжкам имеются на Боспоре[1].

[1] ОАК, 1891, стр. 53, рис. 29. В средневековое время мотив копья, обрамленного завитками, применялся для железных наверший стягов на Северном Кавказе, в частности в районах Кабарды (ОАК, 1897, стр. 44, рис. 123). Б. А. Рыбаков сопоставил данный стяг с тамгой Мстислава Удалого Тмутараканского (СА, VI, 1940, стр. 242, рис. 41, 42).

Среди резных деревянных украшений коньков хат, изучавшихся В. А. Самойловичем, научным сотрудником Академни архитектуры УССР, в Житомирской, Кневской, Черниговской и других областях Украины, наряду с копьем и стрелой широко распространены головы коней, обрамляющие копье (рис. 16, *в*).

Приведенный нами образец резного деревянного завершения коньков крыш из Кневской области (с. Христиновка) [1] дает поразительную по близостн аналогню изображенню коньков по сторонам копья в склепе № 9. Может ли эта блнзость быть случайной? В. Д. Блаватский счнтает, что сочетанне голов коней с копьем — «бродячий мотнв», вознпкающий независимо в разных местах и в разное время [2]. На наш взгляд, это мало вероятно. Если головы коней действительно «бродячий мотив», то здесь мы имеем более сложное сочетание копья, голов коней и конька крыши. Скорее всего это не случайное совпадение, а вклад позднескнфских архитектурных мотивов в народную архитектуру восточных славян. Данный мотив, представленный в Неаполе н бытовавший, несомненно, н в других центрах сарматской и скнфской культуры, в частности, на Нижнем Днепре, передаваясь из поколення в поколение, сохранился в украинском быту вплоть до наших дней. Киевская и Черниговская области в своей народной дерсвянной резьбе, в частности в резных и раскрашенных балках «сволоках», дают ряд поразительных аналогий орнаментальным мотнвам поздних скифов, наиболее ярко представленным в склепе № 9 [3].

Количество подобных примеров можно было бы значительно увеличнть и дополнить, в частностн материалами по орнаментацин склепов Неаполя. Но и то немногое, что в рамках настоящей статьн привлечено, в увязке с материалами В. А. Городцова, Б. А. Рыбакова, Л. А. Динцеса и Н. Н. Воронина позволяет сделать вывод, что культура поздних скифов, тесно связанная с культурой сарматскнх племен, имеющая много общих черт в Крыму н на Нижнем Днепре, внесла свой вклад в процессы формирования культуры восточного славянства. Внесен ли этот вклад через соседившне со скнфами поднепровские славянские племена лесостепной полосы или иным путем — покажет дальнейшее исследование.

Нами привлечены эти прнмеры для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что вне зависимости от решення вопроса об этнической принадлежности скнфских племен, проблема вклада скифской и сарматской культур в культурно-историческое развнтие восточного славянства не может быть снята н выключена нз исследований по нсторин племен и народностей нашей Родины.

---

[1] Украшение конька крыши в с. Христиновке, Киевской области, зарисовано и представлено для опубликования В. А. Самойловичем.

[2] См. сб. «Вопросы скифо-сарматской археологин», стр. 27.

[3] Само собой разумеется, что эти сопоставления, связанные с вопросом об нспользовании отдельных скифских и сарматскнх мотивов в славянской среде, сами по себе ровно ничего ие дают по вопросу об этнических взаимосвязях тех и других. Вопрос о характере этих взаимосвязей должен решаться комплексно и в первую очередь на языковом и антропологическом материалах, с учетом и использованием, помимо свидетельств древних авторов и эпиграфнки, археологических и этнографнческих данных.

В. П. Бабенчиков

НЕКРОПОЛЬ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

На юго-восточной окраине Симферополя в 1945 г. были начаты систематические раскопки столицы скифского государства — Неаполя скифского.

Помимо исследования самого города, работы производились и на его некрополе, помещавшемся за городской чертой, по склонам Петровской балки, а также и по северо-восточному склону куэсты второй гряды крымских гор, обращенному к Салгиру.

Самое пышное, богатое погребальное сооружение — мавзолей с гробницами скифского царя, царицы и других представителей знати устроен у городской оборонительной стены [1]. Знать хоронили в вырубленных в скале склепах у Петровской балки и на восточном склоне плато. Ниже и еще дальше от города, с восточной стороны, еще в 1834 г. обнаружены были погребения под курганной насыпью, в которых были захоронены воины и члены их семей. Наконец, в наибольшем отдалении от города расположены грунтовые могилы.

Задачей нашей статьи является первичная публикация материалов раскопанных нами каменных вырубных склепов и погребений грунтового могильника.

КАМЕННЫЕ ВЫРУБНЫЕ СКЛЕПЫ

Каменные склепы Неаполя скифского, вырубленные в нуммулитовом известняке, расположены по обоим склонам плато, на котором находится городище.

Большая часть каменных склепов по Петровской балке разрушена жителями города, которые стали здесь селиться с 80-х годов прошлого столетия. В настоящее время те из склепов, которые еще доступны, уже не представляют большого интереса для исследователя. Нами были зачищены по Петровской балке 14 склепов, разрушенных, но допускающих еще реконструкцию.

[1] П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, Изд. «Искусство», 1953.

Отметим, что все они представляют собой небольшие помещения, прямоугольные, трапециевидные и овальные в плане, площадью в 10—12 $м^2$, при высоте около 1 *м*. Потолок обычно плоский. В стенах почти всегда вырублены миниатюрные ниши. Входное отверстие или квадратное, или с округленными углами, в поперечнике около 0,80 *м*. Два склепа, зачищенные нами по левому склону балки, отличаются особенно малыми размерами, около 6 $м^2$, причем один из них не имеет ниш, а в другом вместо ниши устроено нечто вроде полочки. Обработка стен, пола и потолка очень грубая, поверхности неровные.

Наиболее интересен в Петровской балке склеп, открытый в 1834 г. Дюбуа и описанный в 1886 г. Х. П. Ящуржинским[1]. Так как это была первая попытка изучения склепов Неаполя, мы приведем целиком короткий рассказ Ящуржинского: «Выбор пал,— пишет он,— на пещеру, выдающуюся из среды других некоторой претензией на щегольство, выразившееся в разных фигурных украшениях. Расчистку произвели 22 октября 1886 г. Оказалось, что эта пещера почти квадратная. Задняя стена ее имеет в длину 4 аршина 6 вершков, правая стена 4 арш. 6 верш., левая 4 арш. 1 верш., высота пещеры 1 арш. 10 верш. Под потолком на правой и задней стене идет карниз, состоящий из геометрических фигур в среднеазиатском вкусе; ширина карниза от 6 до 10 вершков; на левой стороне карниз тоже, вероятно, существовал, но стерт от времени или других причин. Внизу задней стены находится невысокая ступень; вверху, в задней стене есть небольшая четырехугольная ниша».

Сопровождавший Х. П. Ящуржинского преподаватель рисования А. Архипов сделал зарисовку этой пещеры[2]. На рисунке, несколько эскизном, достаточно хорошо передан характер «геометрических фигур, высеченных в камне». В 1946 г. мы вторично зачистили этот склеп. К тому времени сохранилась только часть южной стены, на которой еще хорошо виден высеченный фриз из зигзагообразных линий.

Мы исследовали затем ряд склепов на восточном склоне, наиболее интересные из которых описываем ниже.

Склеп № 2 представляет собой почти правильный четырехугольник 5,40×3,40 *м*, при высоте 1,15 *м*. В стенах вырублены ниши для установки светильников и сосудов: три в западной стене, против входа, две в восточной стене, по бокам от входа, и по одной в северной и южной стенах. Ниши высечены почти под потолком, на расстоянии 0,05—0,06 *м*. Их средний размер: 0,40 *м* ширина, 0,25 *м* глубина и 0,25 *м* высота. Форма—прямоугольный параллелепипед. Наличие такого большого количества ниш является первой особенностью склепа. Вторая особенность его — прямоугольное возвышение посреди пола (0,55×0,60 *м*, высота 0,05 *м*). Это возвышение, видимо, остаток постамента или жертвенника, впервые встреченный в склепах Неаполя.

---

[1] Х. П. Ящуржинский, Разведка о древнем скифском укреплении Неаполя скифского, ИТУАК, № 7, 1889, стр. 67.

[2] Ф. Ф. Лашков, Симферополь, 3-я учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии, Симферополь, 1890, стр. 38.

Склеп № 8 по размерам меньше склепа № 2 (5×3 *м*). В плане он приближается к трапеции, но наиболее длинная его сторона не западная, против входа, что обычно для склепов, а восточная. Входное отверстие также отличается от других своими широкими откосами (0,40—0,46 *м* вместо обычных 0,10—0,20 *м*). Ниш три: одна против входа, другая — в южной стене, приблизительно в середине, и третья — в северной стене, в углу, на стыке северной стены с западной. Все ниши под самым потолком и сверху закруглены.

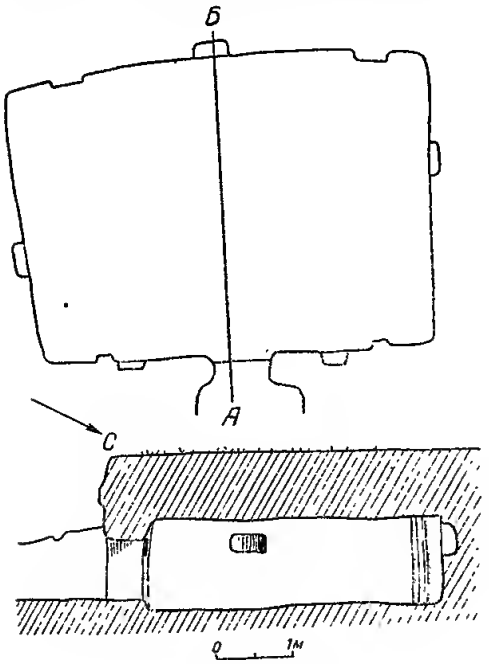


Рис. 1. План и разрез склепа № 9.

Склеп № 9 наиболее четкий по формам (рис. 1). Размеры его в плане 5,5×3,75 *м*, высота колеблется от 1,16 до 1,22 *м*. На его западной стене, под потолком, вырезан карниз из треугольных фестонов в средней части стены, а по бокам—более широкий— в виде зигзагов в три излома. Карниз продолжается направо и налево до половины северной и южной стен. Высечен карниз из фестонов и на восточной стене, над входным отверстием. На некотором расстоянии по обе стороны от входного отверстия имеются пилястры, увенчанные прямоугольными капителями; такие же пилястры есть и на противоположной, западной стене. Ниши этого склепа разнообразны: кроме обычных прямоугольных, две ниши с вырезом вверху, напоминающим двускатную крышу, а одна — в форме арки стрельчатых очертаний.

Склеп № 1 — наиболее геометрически правилен. Передняя стена его с входным отверстием разрушена. В плане склеп представляет собой почти правильную трапецию. Северная и южная стены непараллельны, но одинакового размера, по 4,10 *м*, западная стена имеет длину 6,22 *м*, высота склепа 1,12 *м*.

Таким образом, этот склеп является самым большим из вырубных склепов Неаполя. Стены его тщательно отесаны и пол хорошо выровнен. Три уцелевшие ниши разной формы: в прямоугольной нише в западной стене потолок скошен назад, в южной стене ниша стрельчатых очертаний, на северной — прямоугольная, обычного типа.

В склепе № 5, передняя часть которого также обрушена, в середине западной стены, как раз против входного отверстия на небольшом выступе, невысоко над полом (0,30 *м*), как на постаменте, высечено нечто вроде чаши, борт которой несколько выступает вперед, большая же часть врублена в стену на глубину 0,30 *м*. Над этой чашей возвышается, сужаясь кверху, ниша конической формы, высотой 0,67 *м*, не доходящая до потол-

ка только на 0,06 *м*. На основании чаши, посредине, следы орнаментальной вырезки, прямоугольника со ступенчатой верхушкой (рис. 2).

Размеры склепа 5,16×3,15 *м*, высота 1,26 *м*.

Сравнивая архитектуру склепов некрополя Неаполя скифского со склепами юга СССР — греческими, римскими и сарматскими, мы приходим к заключению, что позднескифские склепы Неаполя резко отличаются от них. В греческих и римских склепах часто встречаются подпорные столбы посредине склепа, лежанки, иногда со специальной вырубкой в изголовье в виде подушки; перед входом имеются дромос, перекрытый иногда коробовым сводом, лесенка в несколько ступенек и т. п. В качестве примера укажем склеп, открытый в Херсонесе М. И. Скубетовым в 1907 г., который он датирует II—IV вв. н. э.[1], и склеп сабазиастов, открытый в Керчи в 1901 г.[2]. В этих склепах, кроме указанных выше характерных отличий, по сравнению со скромными формами склепов Неаполя, мы видим еще и усложнение некоторых деталей, например, погребальных лежанок, то в виде аркосолиев, то в виде моно- и амфикефальных лож. Ничего подобного нет ни в одном из склепов некрополя Неаполя скифского.

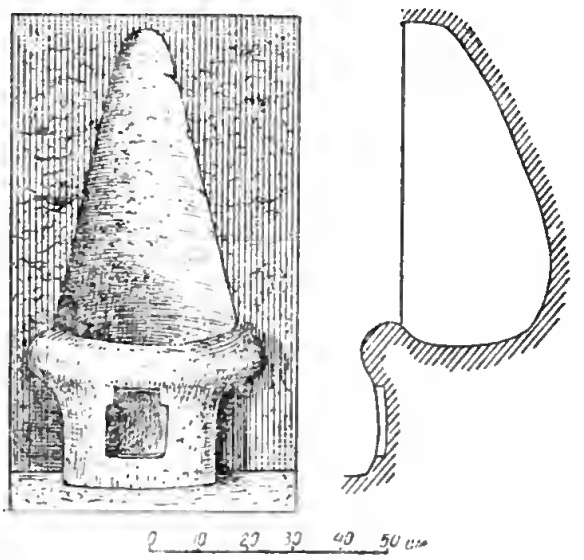


Рис. 2. Деталь склепа № 3. Фас и разрез по вертикали.

По своей архитектуре эти последние гораздо ближе подходят к земляным склепам могильников Эски-Кермена, Суук-су, Узень-баша и др., относимых исследователями к V—VII вв. н. э.[3].

НАХОДКИ В КАМЕННЫХ СКЛЕПАХ И ВОПРОС О ДАТИРОВКЕ

Керамический материал, найденный в склепах, датируется от I в. до III—IV вв. н. э. Здесь встречаются черепки хорошей краснолаковой посуды первых веков нашей эры и тонкостенной посуды из хорошо отмученной глины с коричневым лаком того же времени. Обнаружены также двуствольные ручки амфор первых веков нашей эры из красной и желтой глины. Рядом с этой импортной посудой встречаются обломки грубых лепных толстостенных сосудов плохого обжига, лощеных и без лощения.

[1] М. И. Скубетов, Римский фамильный склеп II—IV вв. н. э., ИТУАК, № 45, стр. 38—49.

[2] АДЖ, СПб., 1914, стр. 413, рис. 76.

[3] Н. И. Репников, ИАК, вып. 19; ЗОО, т. XXVII; ИАК, в. 30; ИГАИМК, т. III, вып. 1—3.

Среди импортной посуды в наибольшем количестве встречены обломки амфор I—III вв. н. э., что и дает возможность говорить о сравнительно позднем происхождении большинства склепов.

Кроме керамики, найдены здесь бусы и изделия разнообразных форм из стекла и пасты, главным образом, голубой. Обращает на себя внимание особое распространение бус из позолоченного стекла (табл. I, *10*). Среди бус была найдена маленькая фигурка из голубой египетской пасты, изображающая Гарпократа, сосущего палец.

Стекло встречено в незначительном количестве, это главным образом обломки бальзамариев и блюдечек с валикообразным венчиком.

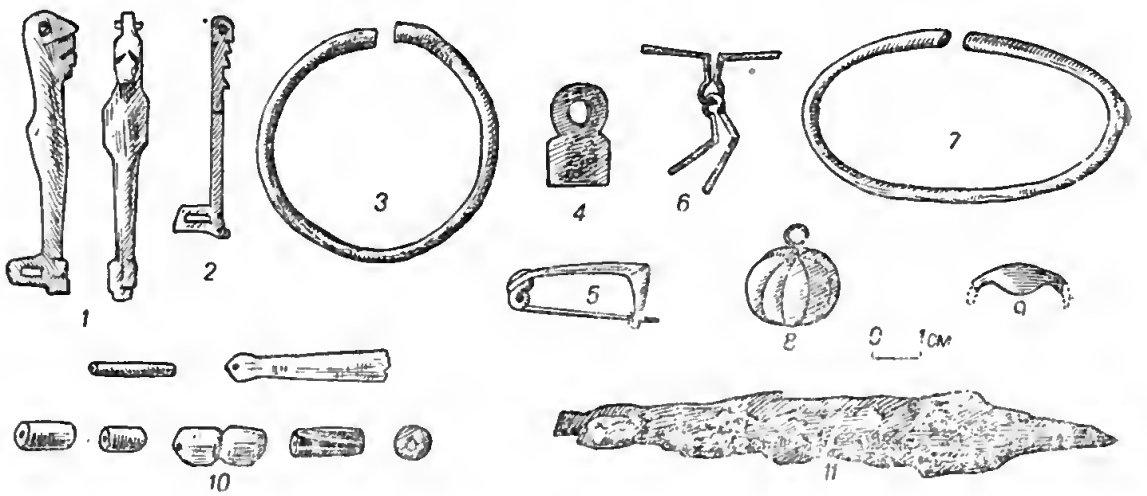


Табл. I. Инвентарь каменных склепов:

1, 4, 6, 10, 11 — склеп № 7; *2* — склеп № 2; *3, 5* — склеп № 8; *8* — склеп № 27; *9* — склеп № 12.

Железо представлено здесь, главным образом, обломками небольших ножей, найденных в нескольких погребениях; такой нож (табл. I, *11*), по обыкновению, лежит в красноглиняной плоской чашке, вместе с костью жертвенного животного, в головах погребенного. Кроме того, найдены обломки клинка меча, железная пряжка, обломок ножа с толстым обушком.

Из бронзовых вещей отметим ключи в виде миниатюрной гермы с ушком, в виде шлема и с прямоугольной бородкой с прорезом посредине (табл. I, *1—2*). Были также встречены фибулы с подвязным приемником (табл. I, *5*), браслеты из круглой (табл. I, *7*) и гранеиой проволоки и другие мелкие вещи, а также свинцовые скрепки (табл. I, *6*) и бусина-подвеска (табл. 1, *8*).

Как уже было сказано, открытые и зачищенные нами склепы были разграблены еще в древности. Можно предполагать, что ограбление повторялось не раз. В некоторых склепах были забраны не только вещи, но даже и кости. В склепе № 9, например, оказалось ничтожное количество костного материала. Можно думать, что при ограблении выносили из склепов и остатки погребенных, чтобы обирать их, пользуясь дневным светом: при

открытии склепа № 2 в дромосе была найдена берцовая кость человека и несколько обломков других костей.

Большинство склепов по находкам (главным образом, обломкам амфор) датируется первыми тремя векамн нашей эры. Наиболее ранним вырубным склепом является склеп № 9. Он датнруется найденнымн в нем обломками керамики I в. н. э. К этому времени относится и его орнаментальное оформленне. Надо думать, что и резная и живописная орнаментация склепа пронзводнлась до захоронений. Рисунки же, возможно, делалнсь и позднее, при первых захоронениях.

Это предположение о датнровке склепа № 9 подтверждается отчасти и тем, что такую же датировку имеет и склеп № 1, также богато и живописно орнаментированный, судя по сохранившнмся остаткам росписи, почти на всю высоту стен; оба эти склепа расположены ближе к городищу и начинают собой ряд склепов восточного могильника, которые датируются более поздним временем — II—III вв., вплоть до IV в. н. э.

Костные материалы из склепов восточного могильника вследствие их фрагментарности не позволили установить сколько-ннбудь полной картины разделения погребенных по признакам пола и возраста. В склепе № 2 уцелелн остаткн двух женских неполных костяков и одного мужского и, кроме того,— трех детских скелетов: двух до семилетнего возраста н одного — старше 7 лет. В склепе № 4 — разрозненные костн семн взрослых человек и одного ребенка. Среди взрослых есть мужчнны и женщины: один — в старческом возрасте, одна женщина 20 лет и остаткн костей другого скелета немного моложе, лет 18, а также остатки костей ребенка около 6—8 лет. Больше всего костей сохраннлось в склепе № 7. Здесь было 25 скелетов — мужскнх, женских, детских. Что же касается склепов № 8, 9 н других, то в ннх остатков костей было настолько мало, что судить о погребенных не представлялось возможным.

СКУЛЬПТУРА СКЛЕПОВ

В склепе № 6 в 1928 г. было обнаружено скульптурное изображение всадника в внде барельефа, высеченного в стене. Теперь этот склеп совершенно разрушен карьером для добывания камня. Рельеф был высечен на левой стене от входа. Фотография всадника сохраннлась в архиве областного музея (рис. 3).

Изображение всадника, едущего вправо, снльно пострадало от времени. Его высота около 0,60 *м*. Голова в остроконечной мягкой шапке повернута к зрителю. У всадника окладистая борода, плечи развернуты в фас. Лучше сохранился конь — коренастый, с короткой головой н настороженными ушамн. Скульптор, высекавший барельеф, повиднмому, хорошо знал натуру — коня. Несмотря на примитивность нсполнения, он правильно передает пропорции тела лошадн.

Фнгура всадника сделана более прнмитнвно, бородатая голова занимает чуть не половнну туловища. То же нарушение пропорций мы внднм

и в известном барельефе царя Палака на коне, изображенного на большой известняковой плите, найденной в 1827 г. на городище и переданной в Одесский музей [1]. Такая же анатомическая ошибка повторяется на стеле из Фотн-сала, хранящейся в областном музее Крыма в Симферополе [2] (рис. 4). Голова всадника в композиции оказывается несоразмерно большой, почти

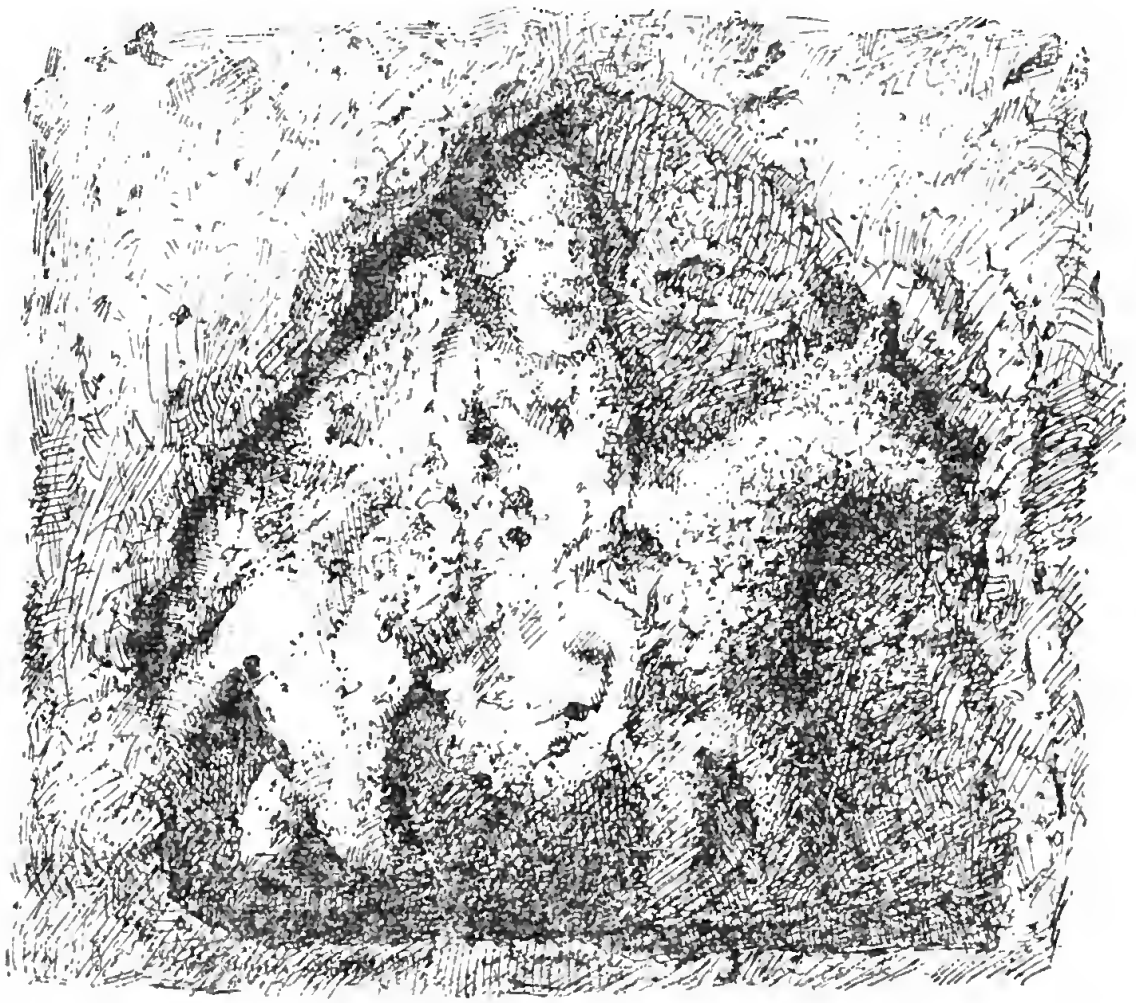


Рис. 3. Рельеф всадника в склепе № 6.

в половину туловища и больше головы лошади; само же туловище сплюснутое, будто для него нехватало места; ноги и руки непомерно длинны.

Конь на стеле из Фоти-сала очень похож на описанного нами коня из склепа № 6: так же поднята голова, такая же широкая и короткая морда, настороженные уши, сильная грудь. Конь переходит в галоп и динамичность его выявлена ярче, чем у коня из склепа № 6.

Барельеф на мраморной плите, найденной проф. Леонтьевым в Недви-

[1] П. Н. Шульц, Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака, КСИИМК, в. XII, стр. 44, рис. 19.

[2] Инв. № 1161.

говке в 1853 г., также изображает всадника, скачущего вправо, в панцыре, в развевающемся плаще, застегнутом фибулой на правом плече, в скифской шапке-колпаке, с пикой, которую он держит в обеих руках. Туловище всадника как бы ушло в спину лошади, и ноги начинаются непосредственно под грудью [1].

Можно было бы подыскать среди памятников так называемого «варваризованного» искусства еще много случаев искажения фигуры всадников в виде сокращения нижней части туловища. Это было вызвано, вероятно, не только желанием мастера передать породу низкорослого степного коня, но и задачей возвеличить и выделить фигуру всадника [2].

Рис. 4. Стела из Фоти-сала.

Желание выделить важнейшее большей величиной в ущерб нормальной пропорции — прием, часто встречающийся на многих скифских могильных плитах в Крыму и особенно в позднескифское время, в условиях формирования в скифской среде классовой идеологии, породившей потребность в героизированных изображениях представителей конной дружинной знати.

При описании изображения всадника в склепе № 6 мы отметили уменье художника, не обладающего, конечно, высоким мастерством, передать движение. Та же динамичность отличает и изображение на стеле из Фоти-сала на р. Бельбек.

Заканчивая наше краткое описание скульптурных украшений в склепах, хочется остановить внимание именно на этой черте скифского мастерства и привести особенно яркую аналогию — еще одну находку из Неаполя.

Мы имеем в виду бронзовую поясную пряжку, хранящуюся в Эрмитаже, найденную в могильнике на западном склоне Петровской балки местным жителем и описанную Н. И. Веселовским в 1891 г. (рис. 5) [3]. Пряжка изображает скачущего всадника-скифа. «Типичная шапка на голове всадника,— пишет Н. И. Веселовский,— узкие кожаные штаны (анаксириды), короткий кафтан в талию — с первого взгляда убеждает нас, что мы имеем

[1] Н. И. Веселовский, ИТУАК, 14; В. Д. Блаватский, Искусство Северного Причерноморья в аитичиую эпоху, М., 1947, стр. 98; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М., 1949, стр. 339.

[2] П. Н. Шульц, ук. соч., стр. 53.

[3] Н. И. Веселовский, ук. соч., стр. 81.

дело со скифом. Всадник лихо несется во весь опор, кого-то преследуя с целью поразить... Левою рукою он держит уздечку, правою приготовился нанести удар. Его посадка вполне естественна, и вся фигура, вместе с лошадью, отличается поразительной живостью... Если мы сравним всадника с другими изображениями того же сюжета, приписываемыми варварскому искусству, то непременно отдадим преимущество первому. Думаем, что он должен занять почетное место среди скифских древностей позднейшего периода»[1]. Н. И. Веселовский относит пряжку ко II в. н. э.

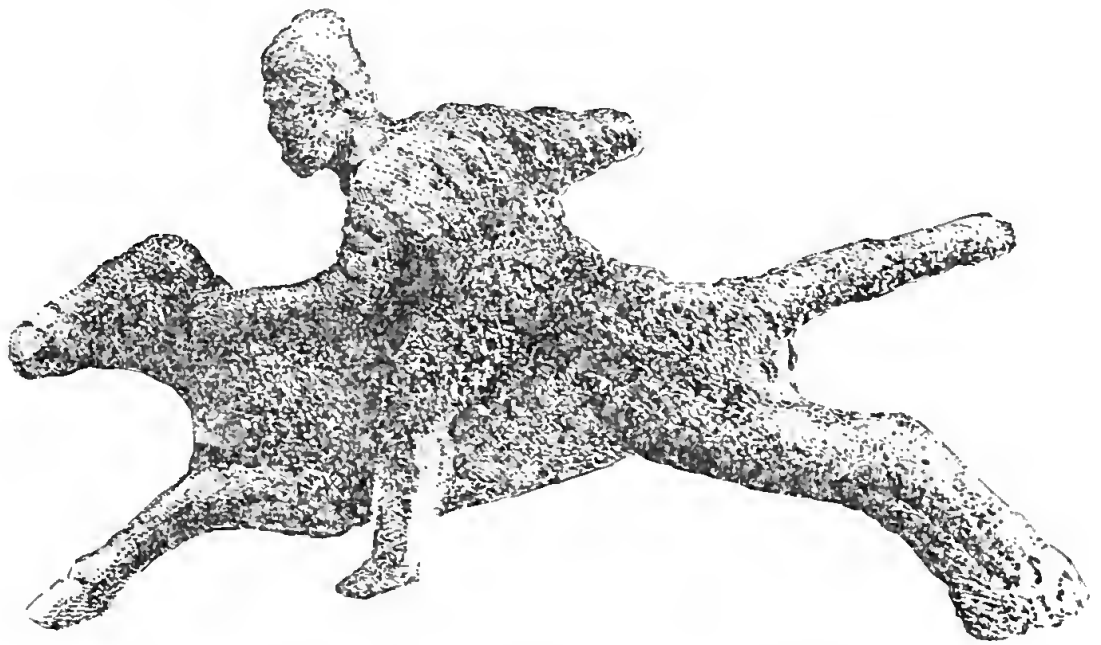


Рис. 5. Скачущий скиф (бронзовая пряжка).

Многочисленные изображения коней в искусстве поздних скифов выявляют одну его характерную черту, уменье передать движение лошади во всех аллюрах. Вероятно, эта любовь к изображению лошади объясняется тем, что вся жизнь скифов была связана с конем.

Скифский художник, если он даже и небольшой мастер, умеет нарисовать коня лучше, чем человеческую фигуру, и не только знает его анатомию, но и прекрасно передает движения.

Говоря о скульптурных изображениях коня, мы упоминали о низкорослости скифских лошадей. Это подтверждается и изучением костного материала, полученного при раскопках Неаполя скифского. В. И. Цалкин, изучавший кости животных из Неаполя, отмечая преобладание костей лошади, говорит о двух основных породах — низкорослой и толстоногой, преобладающей, и среднего роста, как толстоногой, так и тонконогой[2].

---

[1] Н. И. Веселовский, ук. соч., стр. 81.

[2] В. И. Цалкин, Домашние и дикие животные из скифского Неаполя, СА, XX, 1954.

РЕЛЬЕФНАЯ И ЖИВОПИСНАЯ ОРНАМЕНТАЦИЯ СКЛЕПОВ

Кроме скульптуры, встреченной в склепах Неаполя, мы наблюдали здесь и резной рельефный орнамент, отмеченный еще Х. П. Ящуржинским.

Разнообразную художественную орнаментацию нашли мы в склепе № 9, где орнамент раскрашен разными красками, дополняющими резьбу цветом.

Лучше и парадней оформлена стена против входа. В центральной ее части, под потолком, как уже указывалось, тянется фриз из треугольных зубцов, ограниченный справа и слева пилястрами, заканчивающимися в верхней части ступенчатыми капителями. От капителей вправо и влево, в виде фриза, идет до угла и заворачивает на другую стену широкой полосой орнамент, напоминающий зигзаги молнии, причем рисунок их выдержан до конца, на всем протяжении. Кончается этот фриз в середине боковых стен склепа (южной и северной).

Рис. 6. Пилястры в склепе № 9.

Такие же пилястры и полосы из треугольных зубцов высечены и на стене с входным отверстием. Треугольные зубцы в углубленной части заполнены красной краской; на выпуклых треугольниках нарисованы красной же краской стрелы.

Зигзагообразный орнамент, помещенный под потолком склепа, расписан черной, красной и желтой красками. Орнамент в целом впечатления грубой пестроты не создает, гармонично вливаясь в общий ансамбль росписи склепа.

Продолжением зигзагообразного орнамента на южной и северной стенах является широкая красная лента, обрамленная черной линией сверху и снизу.

Пилястры орнаментированы белыми ромбами с красной обводкой, расположенными по вертикали. Внешние углы закрашены черным (рис 6). В ромбах, по всей вероятности, были рисунки. Один из них сохранился во втором сверху ромбе правой пилястры. Здесь красным силуэтом изображен петушок.

Ниши орнаментированы по стороиам красиыми треугольниками, красными же стрелками и черной обводиой лииией. В других склепах — № 1, 2, 4, 8 все ииши также обнесеиы орнамеитом, но там это простая обводная линия, виешнюю сторону которой оживляют зубчики. Иногда вдоль по виешней стороне обводной прямой идут разноцветные точки, но по углам, а часто

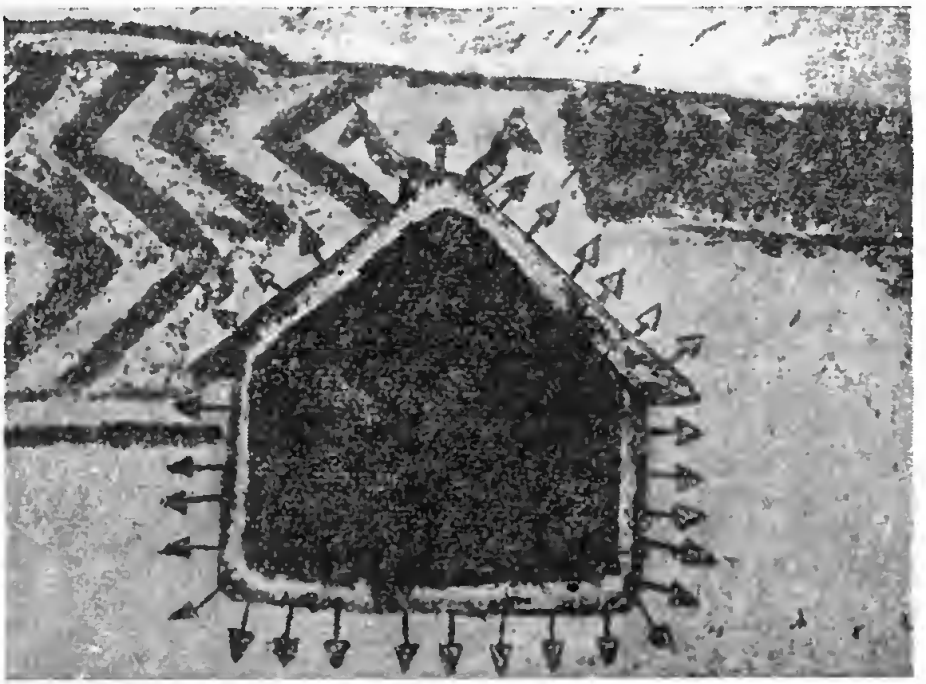


Рис. 7. Ниша с изображением конских головок на коньке. Склеп № 9.

и в середиие верхней и нижней лииии — растительного характера завитки, наподобие усиков виноградa.

Особый интерес представляют две ииши в склепе № 9. Одиа из них, на северной стене, напомииает по своим очертаииям торцовую сторону дома или навеса с двускатной кровлей. Она имеет вокруг обводную линию, подчеркивающую это сходство изображением «стрех»—свесов стропил крыши, защищающих стеиы от дождя, иаверху же, иа гребне, помещено украшеиие — стилизоваииые геометрические головки коней, обращеиные вправо и влево, как «коньки» иа избах (рис. 7). Ниша обрамлеиа со всех сторон изображением стрел.

Другая ниша — на восточной входной стеие, налево от входиого отверстия (с юга), имеющая стрельчатую форму, внутри расписана черными и красиыми линиями, вертикальиыми и горизонтальными, пересекающимися под прямым углом в виде клеток; клетки не доходят до осиоваиия ниши, а закаичиваются приблизительно на половине, где закругленные очертания

верхней части ниши внизу переходят в вертикальные обочины. По этим вертикальным обочинам прорисованы краской вертикальные «столбы»; это и дает возможность видеть здесь двускатную крышу на четырех опорных столбах.

Это толкование подтверждается прорисовкой в верхней части ниши внешних скатов крыши. обыкновенной двускатной, со стилизованными «коньками» на вершине (здесь «коньки» мордами друг к другу). У основания столбов видны следы пририсованного не то фундамента, не то цоколя, на котором как бы возвышается все сооружение. Снизу к нему ведет также нарисованная красной краской лестница. Нам кажется, что здесь воспроизведен теремок, подобный тем, какие мы находили в миниатюрах и вышивках, — сооружение в виде домика на высоких столбах, скрепленных между собой [1].

К орнаментальным мотивам может быть отнесено и помещенное на стене против входа изображение «ковра», расшитого шашками в девять клеток по каждой из сторон. С трех сторон ковра помещено украшение в виде красных стрелок (кроме нижней стороны); основания стрелок примыкают к обводной линии, проведенной по краям ковра.

На стене с входным отверстием повторен ковер, но вышитый не квадратами, а ромбами и в той же раскраске.

Судя по находкам расписной штукатурки на городище, скифы в Неаполе расписывали и свои жилища.

РИСУНКИ НА СТЕНАХ СКЛЕПОВ [2]

Скифская живопись, впервые обнаруженная нами в склепах Неаполя, представляет особый интерес и дает возможность осветить многие стороны искусства и быта поздних скифов, в силу чего и требует тщательного изучения с привлечением самых широких аналогий, что составило бы специальное исследование.

Давая описание обнаруженных нами рисунков с целью публикации, мы ограничимся только сопоставлением их с живописью, открытой на юге России и так или иначе наиболее близкой к ней и по территории и по времени.

В склепе № 2, который по найденной в нем керамике можно отнести ко II в. н. э., были обнаружены рисунки, сделанные темнокрасной охрой, нанесенной непосредственно на стену не только без штукатурки, но и без

---

[1] В. А. Городцов, Дако-сарматские религиозные элемеиты в русском иародиом творчестве, Труды ГИМ, в. 1, М., 1926.

[2] Первоиачальиая публикация была сделаиа П. Н. Шульцем во миогих статьях: Работы Тавро-скифской экспедиции (1945—1946), «Памятиики искусства», 2, М., 1947, стр. 21; Раскопки Неаполя скифского, КСИИМК, в. XXI, стр. 16, и др.; см. также В. Д. Блаватский, Искусство Севериого Причериоморья в аитичиую эпоху; М., 1947, стр. 111.

какой бы то ни было предварительной подготовки грунта. Все рисунки этого склепа выполнены силуэтом. Один из рисунков изображает коня, другой — танец двух женщин, на третьем — скиф-воин стреляет из лука. Кое-где приметны следы рисунков, настолько пострадавших от времени, что их уже невозможно расшифровать.

На голове лучника (рис. 8) надет башлык с развевающимися концами. Левая рука держит лук, из которого только что выпущена стрела, правая слегка согнута в локте, отведена вправо после выстрела. Голова повернута налево в сторону полета стрелы, которая изображена тут же. Фигура воина одета в просторный кафтан, сшитый в талию, или, может быть, туго подпоясанный. Размеры рисунка: наибольшая высота 0,16 *м*, ширина 0,13 *м*.

Рис. 8. Воин-лучник. Роспись склепа.

Рисунок скачущего низкорослого коня помещен на западной стене, против входа, приблизительно на половине ее высоты. Размеры рисунка: длина 0,36 *м*, высота от уха до копыта 0,14 *м*.

Справа от коня на той же стене, но с другой, правой стороны ниши, помещен рисунок, изображающий двух танцующих женщин.

Первая фигура с тонкой талией подняла руки над головой. Вторая более крупная фигура изображает женщину с лицом, повернутым в сторону первой фигуры. На ее голове высокая прическа или шапочка, в виде остроконечного колпачка, наподобие мужского головного убора скифов. Левая рука приподнята к виску и согнута в локте; правая — у бедра, также согнута в локте. Платье несколько длиннее, чем у первой фигуры. У обеих фигурок ноги повернуты влево и сделаны небрежно. Надо сказать, что примитивные рисунки в склепе № 2 отличаются все же своеобразным реализмом. Их содержание, повидимому, взято непосредственно из жизни. Это примитивное искусство вполне оригинально и самобытно. В нем не чувствуется ни в какой степени влияния античного искусства (рис. 9).

Совершенно иначе выглядит живопись склепа № 8. Здесь перед нами рисунки условные, упрощенные, приближенные к геометрическим фигурам. На правой от входа стене (северной), в разных местах разбросано несколько рисунков, сделанных сажей, из которых четыре читаются легко. Один из них изображает фигуру, очевидно, мужскую, держащую под уздцы коня (рис. 10). Неподалеку от этого рисунка, ближе к середине стены, две фигуры, расположенные одна над другой. Возможно, что верхняя изображает плясунью, раскинувшую в обе стороны руки с растопыренными пальцами. Фигура, находящаяся ниже, тоже с раскинутыми руками, изображает,

может быть, воина, судя по торчащему у правого бедра, повидимому, короткому мечу (рис. 11). Правее нарисован человек, обе руки которого упираются в бока, наподобие буквы «Ф». Вправо от него есть еще какое-то изображение, по счету пятое, но настолько стертое, что разобраться в

Рис. 9. Изображение танцовщиц из склепа № 2.

нем трудно: сохранилась более или менее голова на очень длинной шее.

На левой от входа стене (южной) имеется только один схематический рисунок красной охрой, изображающий коня.

Туловище человека в склепе № 8 художник воспроизводит в виде двух треугольников, сходящихся вершинами и образующих своего рода «восьмерку». К вертикальной «восьмерке» рисовальщик пририсовывает голову,

руки и ноги. Такая же угловатая восьмерка и в основе изображения коней, только здесь она положена горизонтально. У коней к лежачей «восьмерке» пришнсованы голова на неимоверно длинной шее, ноги и хвост. Одна только фигурка подбоченившегося человека обошлась без «восьмерки». Его туловище изображено в виде квадрата.

Рисунки в склепе № 9 своим относительным совершенством резко контрастируют с теми, которые описаны выше. Здесь на стене против вхо-

Рис. 10. Изображение всадника с конем из склепа № 8.

да помещены три рисунка. Влево от ниши изображен скиф-певец, аккомпанирующий себе на греческой лире. Под нишей — всадник на скакуне. Вправо от ниши — сцена охоты: две собаки набросились на дикого кабана — одна спереди, другая сзади. Все рисунки исполнены в две краски — черной и красной. Местами проглядывает желтая охра. Размеры рисунков: скиф-певец — 0.27×0,16 *м*, всадник на коне — 0,31×0,35 *м* и сцена охоты — 0,24×0,85 *м*.

Скиф-певец держит в левой руке трехструнную лиру, с расходящимися и отогнутыми в сторону, наподобие воловьих рогов, концами. На голове у него скифская остроконечная шапка «кирбасий». Одет он в красный кафтан, поверх которого наброшен черный «охабень» с длинными рукавами. Длинные штаны — анаксириды и мягкие сапоги заканчивают его одеяние (рис. 12). Лицо попорчено, частично стерто и выщерблено. Правая рука лежит на струнах.

Фигура всадника также сильно попорчена. Он едет вправо, держит на плече копье, другой рукой — поводья. Голова его поднята, что вполне гармонирует с прямой посадкой, широкие плечи изображены в фас. У всадника остроконечный головной убор и бородка «клином». На коне заметно изображение ремня, который, возможно, удерживает попону. Такой же ремень охватывает и грудь (рис. 13). Конь мастерски исполнен художником. Стройный и тонконогий, с длинной, красиво изогнутой шеей, могучей грудью и изящной небольшой головой он напоминает породистого ахалтекинского скакуна, легкого и быстрого на бегу, выросшего на ровных степных просторах. Конь идет сдержанным шагом, подстриженная грива стоит гребнем на крутой шее, уши насторожены.

По сохранившимся в некоторых местах на стене следам краски есть основание предполагать, что третий рисунок, изображающий сцену травли кабана гончими собаками, был дан на фоне пейзажа с травой и кустарником.

Центральная фигура сцены охоты — громадный затравленный дикий кабан на тонких высоких ногах, ощетинившийся, готовый пустить в ход клыки. У кабана красной краской изображена рана на ляжке. Одна из собак нападает на кабана сзади; другая спереди, присев на задние ноги, готова к прыжку. Вся сцена полна движения и экспрессии (рис. 14).

Собаки и кабан переданы с завидной наблюдательностью и свидетельствуют о прекрасном знании повадок животных. Первая собака, как и кабан, исполнены черной краской, вторая собака нарисована красной охрой.

Рис. 11. Рисунки из склепа № 8.

Отметим одну замечательную особенность сцены: фигуры животных,

Рис. 12. Певец с лирой. Роспись на стене склепа № 9.

Рис. 13. Всадник. Деталь росписи склепа № 9.

Рис. 14. Сцена охоты. Деталь росписи склепа № 9.

несмотря на их силуэтность, даны в перспективе; так же трактован и всадник с конем. Перспектива в живописи того времени — редкое явление.

Есть следы живописи в склепе № 4, на стене против входа, но рисунок настолько поврежден, что не дает возможности высказаться с уверенностью даже о сюжете.

Не в лучшем состоянии оказалась стенная роспись в склепе № 1. При смачивании стен водой можно наблюдать несомненное присутствие красной и черной краски. Насколько можно судить, по всем трем сохранившимся стенам склепа проходит орнамент из растительных мотивов, охватывающий почти всю стену сверху донизу крупными красными завитками. Вокруг ниши на южной стене виден орнамент из зубчатой линии между параллельными прямыми. Под нишей — следы человеческой фигурки с угловатыми формами, в высокой шапке с какими-то отростками. Проступают фигуры и на других стенах. Один из более ясно различаемых рисунков напоминает такого же конька, исполненного красной краской, какого мы видим на южной стене склепа № 8, но только с крыльями, как у грифонов. Окончательная расшифровка росписи склепа № 1 является задачей специального исследования.

СОПОСТАВЛЕНИЕ РОСПИСЕЙ СКЛЕПОВ НЕАПОЛЯ С РОСПИСЯМИ БОСПОРА

Подыскивая аналогии живописи склепов Неаполя, следует остановиться прежде всего на росписях склепов сабазиастов, открытых в Керчи[1].

Элементы сходства со склепами сабазиастов сводятся, пожалуй, только к тому, что и там и здесь художник пишет краской прямо по неоштукатуренной стене, без какой бы то ни было предварительной подготовки грунта. Во всем остальном мы вынуждены констатировать только различия.

Давая общую характеристику росписи склепов сабазиастов, М. И. Ростовцев говорит: «...примитивность изображений не есть, однако, случайность, вызванная неуменьем плохих мастеров, а признак эпохи и совершенно определенного стиля, создающегося на развалинах стиля классического»[2].

К этому выводу привели исследователя геометризованная условность человеческих фигурок с птичьими головами и колоколообразными туловищами, с однообразно поднятыми вверх руками с одними и теми же аттрибутами (тимпан и палка) — почти во всех девяти склепах. Также условны и изображения большой человеческой головы, очевидно, божества (рис. 15).

Говорить об условности и геометризации изображений в склепе № 9 Неаполя не приходится. Точно так же нельзя говорить и об условности

---

[1] См. В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 472—474.
[2] АДЖ, 1914, стр. 401.

рисунков склепа № 2, несомненно отличающихся своеобразным реализмом, несмотря на их примитивиость в художественном и техническом отиошеииях.

Что касается условных и геометризованных рисунков склепа № 8, то, по миению П. Н. Шульца, оии позволяют выдвинуть вопрос о сарматоалаиском влиянии в искусстве поздних скифов [1]. Всматриваясь в эти изображеиия, мы не видим в них полной аналогии с росписью, очевидно, сарматских керченских склепов, разве что в геометрической трактовке человече-

Рис. 15. Рисунки в керченских склепах сабазиастов.

ских и лошадииых туловищ, в виде двух смыкающихся вершинами треугольников («восьмерка»).

Но можио ли говорить о культовом зиачеиии поздиескифских рисунков в склепе № 8? П. Н. Шульц думает, что рисунки в этом склепе «явно имеют культовый, магический характер и во многом напомииают схематизированиый стиль росписей склепов сабазиастов в Керчи» [2].

Фигуре коня, или скифа с коием, или человечку с квадратным туловищем трудио приписать какое-либо религиозное значение. Единственно, чему можио было бы придать какое-то культовое значение — это фигуре женщииы с распростертыми руками, изображениой над фигурой «воииа», если трактовать ее, как плакальщицу. Но такого рода суждение ие имеет

---

[1] П. Н. Шульц, Тавро-скифская экспедиция, ИАН, т. IV, в. 3, 1947, стр. 279.
[2] П. Н. Шульц, Работы Тавро-скифской экспедиции (1945—1946), «Памятники искусства», № 2, 1947, Изд. ГМИИ, стр. 26.

все же достаточных оснований. Ведь с таким же успехом можно эти две фигуры, размахивающие рукамн, объяснить как исполнительниц светского танца. Равно в танцующих женщннах в склепе № 2 мы никак не можем заставить себя видеть участниц ритуального действия.

Думается, что и фигура воина-лучника в склепе № 2, и певец в изображеннях в склепе № 9, и всадник, и сцена охоты на дикого кабана — не имеют отношення к культовым действням. Во всяком случае, они очень мало похожи на мнстов в склепах сабазнастов в Пантикапее.

Мы приходим к тому заключению, что скифская живопись в склепах Неаполя совсем иного характера, чем живопись в сарматскнх склепах в Керчн. Характер ее светский, бытовой. Мы склонны также думать, что скифская жнвопнсь в склепах Неаполя имеет значение мемориальное и объясняется традицией, по которой на стене, нменно над покойником, фикснровалось его изображение, отражающее какой-либо момент его жизнн, его профессию, любимое занятне или что-нибудь подобное. Для этого суждения у нас имеются некоторые данные, может быть, еще и недостаточные, но все-такн заслужнвающие внимания.

Склеп № 2 оказался разграбленным еще в древнне времена: все кости скелетов были разбросаны, перепутаны, но под изображением на стене «конька», на полу, лежала груда конских костей. Прн первом осмотре склепа № 9, из которого грабителн выволокли вместе с вещами почти все кости, мы обнаружили протнв сцены охоты на дикого кабана, на расстоянии 0,75 *м* от стены нижнюю челюсть дикого кабана.

Возможно, конечно, что эти два факта — простая случайность, но так или нначе — случайность прнмечательная, пройти мимо которой, при отсутствии каких-либо других данных, мы не считали себя вправе. По крайней мере, нам кажется, что эти факты дают возможность высказать предположение о мемориальном значении жнвописи в позднескифскнх склепах Неаполя.

В склепе, открытом на северном склоне горы Митридат в Керчи в 1872 г. и описанном первоначально В. В. Стасовым[1], в западном боковом люнете изображены олень и черная собака, из породы борзых. Животные, как говорит М. И. Ростовцев, нзображены «натуралистически» (рис. 16).

Если сопоставить нзображенне собак в сцене охоты на кабана в склепе № 9, где животные даны в естественных, живых, динамнческих позах, с нзображеннями стасовского склепа, то следует отметить деланность, искусственность позы пантнкапейской собакн. Ее передние ногн приподняты, как в прыжке, тогда как туловище дано горнзонтально, в спокойной позе, а задние ноги изображены в спокойном шаге. Пантикапейский художник, нзображая собаку и оленя симметрнчно по обе стороны дерева, мордами друг к другу, внднмо, заботился именно о симметрии, а не об естественности позы, что совершенно лишило сцену днпамнки. Фигуры животных

[1] АДЖ, табл. LXXVIII.

здесь попросту заполняют пустые пространства между тремя деревьями, стоящими на разных расстояниях друг от друга, деревьями с одинаковыми, схематически трактованными дугообразными кронами и ветвями. И деревья, и животные, и лепестки розы в форме сердец, чередующиеся с парными зелеными листьями, заполняющие пустое пространство над деревьями — все это в целом носит орнаментальный и условный характер.

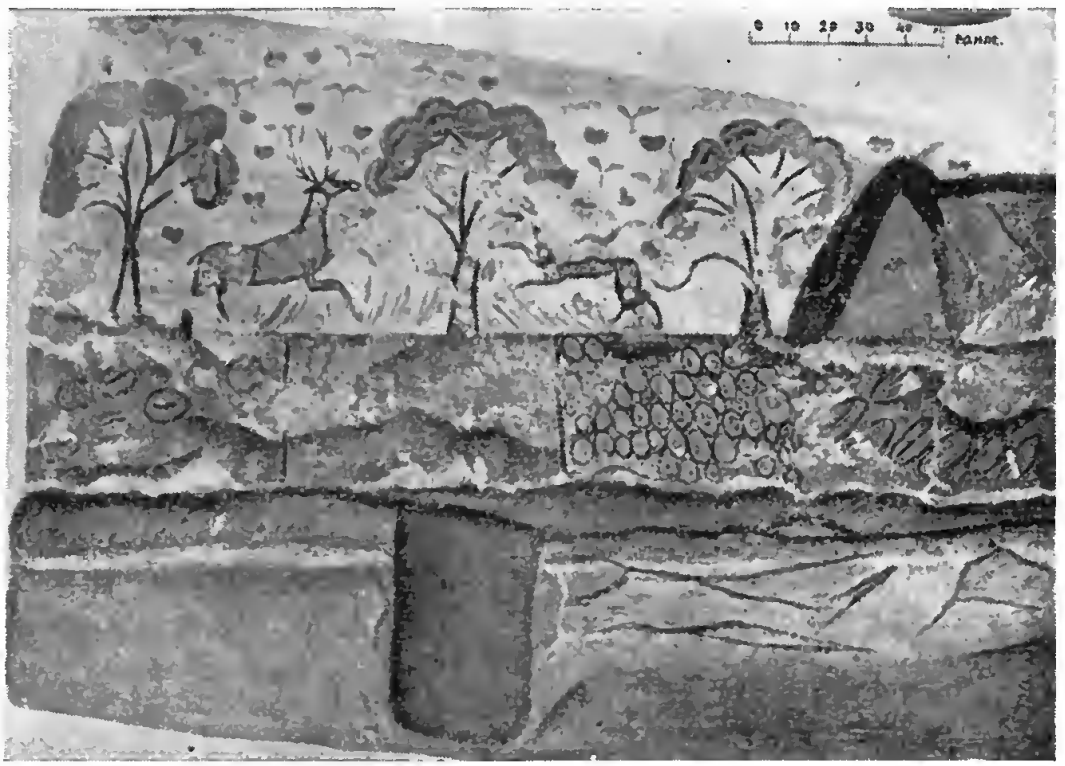


Рис. 16. Олень и собака. Деталь росписи склепа 1872 г. в Керчи.

Такой же характер носит и изображение лошадей в живописи боспорских склепов. Возьмем, например, сцену сражения на южной стене погребальной комнаты между нишей и западным углом [1] (рис. 17). Здесь лошади изображены с несколько большей естественностью, чем олень и собака, но у всех коней — одна и та же поза, как будто они сделаны по трафарету. Все три — в галопе, с задними ногами на земле и передними поднятыми, причем у лошади справа — левая нога выше, а у двух лошадей слева — правая нога выше, но изогнута под тем же углом; положение уздечек у всех трех лошадей тоже совершенно одинаковое.

Симметрия и шаблон свойственны и изображениям всадников. Поза

[1] См. акварель М. В. Фармаковского, АДЖ, табл. LXXIX; то же — В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 419; В. Д. Блаватский, ук. соч., стр. 93.

их — одна у всех; одинаковы и лица, спокойно, по-кукольному, взирающие на зрителя при полном безучастии к кровавому бою, который они ведут. Раскрашены всадники и кони по-разному, но разнообразная раскраска не устраняет трафаретности изображения. Чувствуется, что боспорский рисовальщик плохо знал натуру и поэтому не смог изобразить коней с той правдивостью, которой отличается работа его современника-художника в позднескифском склепе № 9.

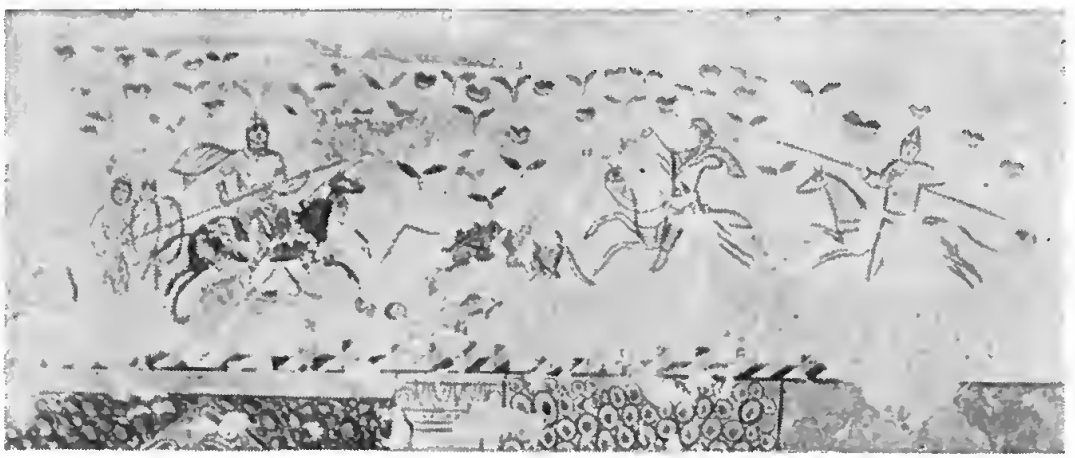


Рис. 17. Картина сражения. Роспись керченского склепа.

Основываясь на приведенных и многих других сравнительных примерах росписей в склепах Неаполя скифского и Боспора, мы приходим к выводу, что живопись в склепах Неаполя скифского носит оригинальный характер и ни в коем случае не может рассматриваться как подражание, как сколок с живописи склепов Пантикапея. Поэтому мы никак не можем согласиться с А. П. Ивановой, которая, анализируя боспорскую живопись, приходит к выводу, что «техника, стиль, а отчасти и сюжеты этих росписей очень напоминают живопись скифского города Неаполя»[1]. Еще определенней выражает ту же мысль В. Д. Блаватский, который пишет: «Эта сцена (сцена охоты в склепе № 9.— *В. Б.*), видимо, навеяна росписями боспорских склепов и связанными с ними представлениями о загробной жизни»[2].

Мы считаем возможным говорить о самобытности творчества мастера, расписавшего склеп № 9, и в самой манере письма, и в технике, и в выборе сюжета, для которого свойственно отсутствие мотивов религиозного, культового характера, отсутствие сложных композиций в виде целых картин с многочисленными персонажами. Живопись в неапольских склепах является, повидимому, в основном мемориальной, своеобразной эпитафией в рисунке.

---

[1] Археология и история Боспора, Сборник статей, Крымиздат, 1952. стр. 203.
[2] В. Д. Блаватский, ук. соч., стр. 111.

Наши наблюдения не позволяют нам согласиться также с мнением П. Н. Шульца о том, что «законченность силуэтов и их ритмический строй гармонируют с архитектурными формами и орнаментальной отделкой склепа» [1]. Рисунки в склепе № 9 и в других склепах очень мало связаны с архитектурными формами, с орнаментальной отделкой.

Всматриваясь в общее оформление склепа № 9, мы склонны предположить, что орнаментальной росписью и исполнением рисунков занимались здесь разные лица и в разное время. Нам кажется, что красные стрелки, которыми обведен ковер, ниши и фестоны, — более позднее оформление, сделанное другим лицом, менее умудренным в живописном искусстве, чем исполнитель рисунков; об этом свидетельствует грубоватый характер орнаментальной росписи наряду с тонким рисунком и непринужденной композицией всадника и сцены охоты. Кроме того, изображение певца, помещенное рядом с ковром, как бы втиснуто по необходимости в узкое пространство между ковром и центральной нишей.

Правда, ковер на левой половине стены как бы уравновешивает композицию правой стороны со сценой охоты. Однако это уравновешивание кажется условным: грубые прямолинейные очертания ковра очень плохо гармонируют и со сценой охоты и с пейзажем, на фоне которого она была дана. Не верится, чтобы автор прекрасных рисунков, обладавший и недюжинным художественным чутьем, разрешил проблему равновесия композиции обеих половин стены таким грубым способом.

Исполнители рисунков в склепах Неаполя скифского относятся к трем категориям живописцев. В склепе № 8, повидимому, за дело взялся человек, который никогда не только не рисовал, но и не присматривался к работе живописцев, не задумывался над тем, чтобы сделать изображение, подобное натуре. Его неграмотные рисунки могут быть легко приняты за попытку стилизовать изображаемые персонажи. Однако, как нам кажется, отступления от реальности в данном случае являются больше следствием неумения, поспешности, небрежности.

Художник склепа № 2 любил рисовать, но он ни у кого не учился. Природное чутье наталкивает его на потребность передавать действительность, реальность. Он идет по правильному пути, так как природа — лучший учитель. И ему нельзя отказать в большой наблюдательности. Это еще не сложившийся художник, но в своем мастерстве он вполне самобытен и оригинален. Третий мастер, делавший рисунки в склепе № 9 — вполне сложившийся художник, который отлично справился с задачей реалистического изображения даже при силуэтном письме в три краски.

Искусство в скифских склепах Неаполя можно назвать народным, так как оно вполне самобытно в своей основе.

Странно было бы, конечно, сомневаться во влиянии греческой культуры, сложившейся значительно ранее, на живопись молодого скифского государства. Это не подлежит никакому сомнению. Влияние это могло и

[1] П. Н. Шульц, ук. соч., стр. 227.

должно было сказываться в той или иной степени иа всех стороиах скифского быта, особенно в области техиики, гражданского строительства и искусства. Однако приведеиные сопоставления стенной живописи Неаполя и Боспора ие дают иикаких осиоваиий утверждать, что скифские мастера, подражая греческим, якобы слепо и иеумело их копируют. Мастер склепа № 9 — ие грек и ие паитикапеец потому, что в его работе нет иичего типичио греческого, боспорского, что мы и видели при сравнении живописи в склепах Неаполя со склепами Боспора.

Что же касается истоков этой живописи, ее происхождеиия, связи со скифским искусством вообще и «звериным» стилем в частиости, то это — тема отдельиого исследования.

В итоге иаблюдения художествеиного оформления каменных склепов Неаполя мы приходим к следующим выводам.

1. Скульптура, обнаруженная в склепах Неаполя, иаходит свои аналогии в скифской скульптуре из других мест Крыма. Отличается она от боспорских образцов яркой правдивостью в изображеиии коня.

2. Живопись в склепах Неаполя безусловио самобытна и оригинальна, и близких аиалогий к ией в Крыму пока ие иайдеио. Для иее характерны своеобразный реализм, экспрессия, дииамичиость и в отдельиых случаях (склеп № 9) ясио выражеииая перспектива.

3. Сюжетные изображеиия в склепах расположены, повидимому, иезависимо от архитектурного и ориамеитального его оформления. Они, возможио, имеют мемориальное значение и являются своеобразными эпитафиями, выражениыми в рисунках.

4. Отсутствие иадписей в склепах можно объясиить консервативностью погребальиого обряда поздиих скифов, по которому, очевидно, ие требовалось иадписей.

5. О слепом подражании боспорским росписям склепов, о копировании греческих образцов в живописи склепов Неаполя говорить не приходится, ввиду полиого несходства в стиле, манере, технике, композиции, сюжете.

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК

Кроме склепов, вырублеииых в скале и стоящих иесколько особияком, некрополь Неаполя имеет могильиик с подбойиыми могилами и земляными склепами, расположеииыми по правому склону Петровской балки иа большом протяжении от выхода балки к р. Салгир и в противоположиую сторону, к югу, а также и иа восточном склоне возвышенности, иа которой расположеи Неаполь (рис. 18).

Грунтовые погребеиия в Петровской балке обнаруживались и раскапывались от случая к случаю, во время земляных и строительных работ при заселении балки иовоселами.

Наблюдение за этими раскопками в конце прошлого века вели члеиы Таврической ученой архивной комиссии, во главе с ее председателем А. Х. Стевеном. Вещи из погребений поступали в специальный музей Ко-

миссии, а впоследствии были переданы в Областной краеведческий музей Крыма, где и находятся в настоящее время. Описания проведенных здесь работ сохранились в издании, редактированном Ф. Ф. Лашковым [1]. Описания эти, впрочем, весьма скудные. Дневников наблюдатели не вели или они не сохранились. Ввиду этого по имеющимся материалам трудно составить сколько-нибудь удовлетворительное представление о могильнике. Ясно только, что могилы, которые раскапывались, были в большинстве своем подбойные.

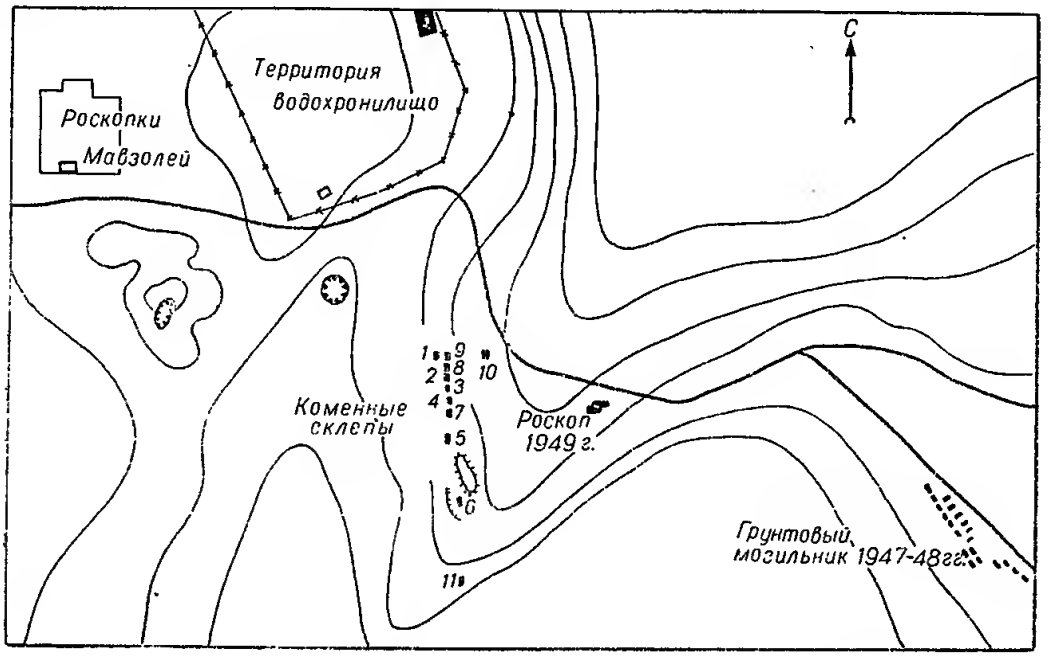


Рис. 18. План восточного участка некрополя Неаполя скифского.

Немного сведений сохранилось и о раскопках Н. И. Веселовского, приглашенного Таврической комиссией для работ на Неаполе в 1889 г. В «Отчете археологической комиссии» [2] описание его работы дано довольно скупо, и трудно с уверенностью определить тип погребения. Но инвентарь погребений сохранился в Областном краеведческом музее в Симферополе и в Государственном историческом музее в Москве [3].

Представление о могильнике в Петровской балке мы можем составить только по аналогии с могильником, раскопанным нами в 1947—1948 гг., где встретились тоже, главным образом, подбойные могилы и три земляных склепа.

Раскопанный нами могильник расположен по юго-восточному склону плато, несколько ниже каменных склепов. Могилы здесь расположены в два ряда — один выше, другой ниже по склону. Склон в этом месте довольно крутой.

---

[1] Третья экскурсия Симферопольской мужской гимназии, Симферополь, 1890.
[2] ОАК, за 1889 г.
[3] ГИМ, ф. 87/50 Б.

Как и в других позднескифских некрополях, здесь редко встречаются простые грунтовые могилы. Другая характерная особенность заключается в том, что могильные ямы-колодцы, вертикально спускающиеся вниз, плотно забиты камнями доверху, причем камни эти достигают иногда крупных размеров, до 1,5 *м*. В могилах нередко встречалось по несколько костяков.

Подбойные могилы устраивались здесь следующим образом. Сначала выкапывалась прямоугольная яма с совершенно вертикальными стенками, приблизительно 2×1 *м* и глубиной 1,5—2,0 *м*. Затем внизу, по длинной стороне, выкапывался подбой по горизонтали во всю длину стенки ямы, глубиной 0,50—0,60 *м*, при такой же высоте. В этот подбой и клали покойника. После погребения подбой закладывался рядом вертикально или наклонно поставленных, грубо обитых каменных плит.

Земляные склепы восточного могильника Неаполя мало чем отличались по технике устройства от подбойных могил. Выкапывалась совершенно такая же яма, в одной из малых стенок прорубали круглое отверстие диаметром, приблизительно, 0,80 *м*, за которым вырубали вытянутый склеп со сводчатым потолком, в вышину в центре до 1,5 *м* (№ 16). Конфигурация других склепов (№ 13 и 14) отличается от склепа № 16 только тем, что они в плане шире.

Дно грунтовых склепов устраивалось на одну ступеньку (0,20—0,30 *м*) ниже пола могильной ямы, что напоминает такие же ступеньки каменных склепов. Входное отверстие так же, как и в каменных склепах, закрывалось массивной плоской плитой, а яма плотно забивалась камнями.

В 1949 г. О. Д. Дашевской у подножия восточного склона второй гряды, почти у самого Алуштинского шоссе, был обнаружен крупный земляной склеп, вырытый в материковой глине[1]. Склеп интересен тем, что по своей архитектуре он близок к каменным склепам, повторяет их формы и даже имеет расписной орнамент вокруг ниш.

Наиболее интересной находкой в склепе был серебряный денарий Септимия Севера, 210 г. н. э. Он позволяет датировать склеп III в. н. э. К еще более позднему времени относятся отдельные склепы Петровской балки, давшие краснолаковые блюда IV в. н. э., хранящиеся в областном музее.

Всего в восточном грунтовом могильнике было вскрыто 30 погребений, из них — 3 грунтовых склепа. Таким образом, могил подбойных было 26 (один заклад оказался ложным). Две могилы имели по два подбоя, расположенных один против другого. Три погребения оказались кенотафами.

Количество захороненных в склепах подсчитать трудно. Склеп № 16 дает довольно ясную картину: вдоль стен склепа обнаружены скелеты двух женщин и двух детей. В дальней части склепа сложены в кучу фрагментированных семь черепов: пять мужских и два женских. В склепе № 14 большая часть скелетов в дальнем конце лежала в полном беспорядке. Четыре

---

[1] О. Д. Дашевская, Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя скифского, ВДИ, № 2, 1951.

скелета хорошей сохранности лежали поперек склепа и тут же были кости, главным образом трубчатые, еще трех скелетов. Остальные кости, надо думать, сдвинуло обвалом. Склеп № 13 еще больше испорчен обвалами. В нем похоронено, видимо, 8 покойников. Как любопытный факт отметим, что один скелет лежал ничком, чего наблюдать в других погребениях не приходилось. Как правило, костяки лежали на спине, с вытянутыми руками и ногами. Иногда одна рука лежала на животе и в одном случае (могила № 5) были скрещены ноги.

Всего в 30 исследованных нами могилах было 50 погребенных: женщин 29, мужчин 11, детей 10. Предельный возраст погребенных—55—60 лет.

Подбойные могилы ориентированы с северо-востока на юго-запад, костяки лежат в тех же направлениях, но головами то на северо-восток, то на юго-запад. Заметить какую-либо последовательность не удалось. Склепы ориентированы перпендикулярно к направлению подбойных могил, с юго-востока на северо-запад. Костяки в склепе № 13 лежали головами на северо-запад, в склепе № 16 — на юго-восток, а в склепе № 14 — часть скелетов, лежащих ближе к входу, поперек склепа, ориентирована на юго-запад, а другая часть — в полном беспорядке. Погребенные, очевидно, были захоронены в сидячем положении, так как черепа и позвонки лежали на тазу, а ноги были вытянуты. Погребения в сидячем положении встречались в могилах западного некрополя Неаполя[1], они не являются редкостью и в погребениях под курганами в ближайших окрестностях.

Отметить присутствие гробов или ящиков, как в мавзолее, мы не можем, кроме одного-двух сомнительных случаев. В двух подбойных могилах погребенные были завернуты в кошму (войлок).

Почти во всех могилах наблюдается обычай ставить в головах погребенного плоскую краснолаковую чашку. Эти чашки хорошо датируются I—II вв. н. э. В чашке, обычно, лежит кость жертвенного животного и железный нож. В бедных погребениях кости жертвенных животных лежат без чашек. В большинстве случаев это кости коровы или барана; только в одной могиле (№ 5) мы нашли левое бедро оленя.

Кроме традиционной чашки в головах, в погребениях встречается и другая посуда — маленькие горшочки и кувшинчики «херсонесского типа», устанавливаемые и в головах и в ногах, повидимому, без системы. Кстати, отметим близость не только этой посуды, но и вообще инвентаря погребений некрополя Неаполя к инвентарю херсонесского некрополя времени I—IV вв., что отмечал в своем дневнике раскопок в Херсонесе и Косцюшко-Валюжинич[2].

Восточный грунтовый могильник расположен на значительном расстоянии от Неаполя. Характерно и то, что из 30 могил, открытых нами, только в одной был найден меч — признак военного сословия и в склепе № 13—

---

[1] См., например, доклад А. К. Романюка на заседании ТУАК 15/IV 1888 г., ИТУАК, № 4, 1897, стр. 75—76.

[2] Соответствующие выписки из его дневника предоставлены нам заведующим античным отделом Херсонесского музея С. Ф. Стржелецким.

втулка от копья. Все остальные могилы могли принадлежать пригородным жителям.

Очень много, по сравнению с другими вещами, встречается бус, пронизей и бисера. Без бус была только одна могила (№ 26). Встречались ожерелья из бус и пронизей. Бусы и пронизи служили для украшения костюма: ими обшивались подол одежды, пояса, обувь.

Изготовлены бусы, пронизи и бисер, главным образом, из стекловидной пасты, а также из так называемой египетской пасты. По форме они крайне разнообразны: пронизи цилиндрические, сплющенные; бусы — круглые, ребристые, сплюснутые, граненные ромбиками и т. п.; бисеринки — колечком или цилиндриком. Сравнительно реже встречаются пастовые пронизи в виде черного бантика («крылатки») и стеклянные подвески в виде гирьки с ушком («слезки») и «ледяной» сосульки. Также реже встречаются и ребристые бусы. Окраска бус — белая, нежноголубая, синяя, темносиняя, черная, красная, зеленая; встречаются и золоченые стеклянные бусинки, часто слитые по две, по три вместе. Бус, инкрустированных разноцветными полосами, и «глазчаток» встречено мало. Есть бусы и из сердолика, халцедона, гагата и янтаря.

Из бронзовых вещей больше всего фибул (табл. II), причем главным образом с подвесным приемником, украшенных иногда накладным орнаментом из более тонкой проволоки, наложенной волнами, чередующимися со спиральной обмоткой.

Бронзовые браслеты (табл. III) из простой толстой проволоки то с несходящимися концами, то дважды закрепленными спиральной обкруткой или с расплющенными концами, изображающими змеиные головки с процарапанными глазами и чешуей. Реже встречались браслеты с «горошками» «сарматского типа».

Бронзовые кольца повторяют в миниатюре формы браслетов (табл. IV). Найдены были два кольца с сердоликовыми геммами. На одной изображена голова козла с длинными рогами и бородой, на другой — одноручный высокий сосудик с длинным горлом на тонкой подставке. Была найдена гемма и отдельно, тоже сердоликовая, с изображением дельфина (табл. V).

Много бронзовых фрагментов от наборов ремней — пряжек, обкладок, наконечников и т. п. с приварившимися к остаткам кожи железными клепками. Встречались иглы, колокольчики, бубенчики, подвески в виде фигуры человека и другие мелкие поделки (табл. V, VI).

Из железных вещей встречены пряжки, фибулы, впрочем окислившиеся и разрушенные настолько, что восстановить их форму иногда почти невозможно (табл. VI).

Для бронзовых фибул с подвесными приемниками (табл. II, *3—5* и *7—10)* известно много аналогий. Такая фибула издана М. И. Вязьмитиной [1], считающей этот тип весьма распространенным в первые века нашей

[1] М. І. Вязьмітіна, Вивчення сарматів на території Української РСР, «Археологія», т. VIII, К., 1953, стр. 70, рис. 7, *2*.

эры и местного, причерноморского происхождения. А. И. Фурманская [1], изучавшая фибулы Ольвии, относит фибулы с подвесным приемником к позднелатенскому типу и также считает их местными, северопричерноморскими. Часть из них она датирует более ранним временем, II—I вв. до н. э.

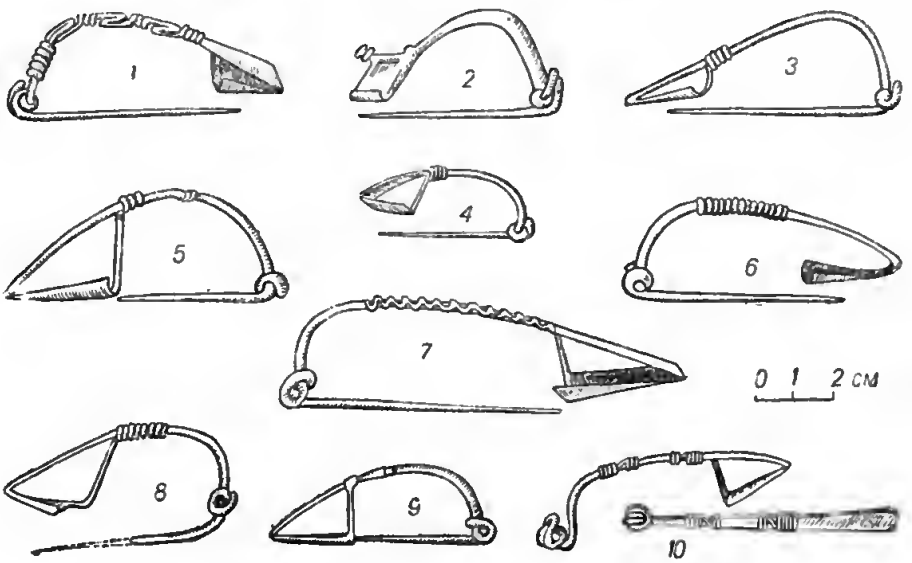


Табл. II. Фибулы из грунтового могильника:

1 — могила № 16, *2* — № 4, *3* — № 5, *4* — № 11, *5* — № 19, *6* — № 20, *7* — № 22, *8* — № 25, *9* — № 28, *10* — № 17.

Т. Н. Книпович [2] датирует появление этих фибул второй половиной I в. до н. э., ссылаясь при этом на Эберта. Что же касается верхней даты, то «уже ольвийское погребение 1901 г. № 101, — пишет Т. Н. Книпович, — с такой же фибулой, принадлежит, несомненно, более позднему времени, во всяком случае I в. н. э. Распространены эти фибулы на нижнем Поволжье и в Пантикапейском некрополе, где датируются монетами III в. н. э.».

Большое количество аналогичных фибул с подвесным приемником было обнаружено нами в Чернореченском могильнике, относящемся ко II—V вв. н. э.

Абсолютной аналогии к одной из фибул грунтового могильника Неаполя (табл. II, *2*) нам не удалось подыскать, но фибул такого же типа, с приемником в виде языка на конце дужки, украшенном шариками, много в Ольвийском некрополе [3]. Различие только в украшающих утолщениях на дужке, а также в форме и количестве шариков: 1 и *3*, а в некрополе Неаполя — 2. Аналогии фибулам с расклепанной в пластинку дужкой (табл. II, *7*, *10*) мы нашли в Чернореченском могильнике с некоторым только отличием в украшающей обмотке проволокой.

---

[1] А. І. Фурманська, Фібули з розкопок Ольвії, «Археологія», т. VIII, стр. 76.
[2] Т. Н. Книпович, Танаис. Л., 1949, стр. 60.
[3] А. І. Фурманська, ук. соч., стр. 86, табл. V, *1*, *4*, *5*, *6*, *11*.

Наиболее распространенным типом браслета в грунтовом могильнике восточного склона Неаполя являются проволочные браслеты, концы которых притягиваются к дужке спиральными оборотами проволоки (табл. III,

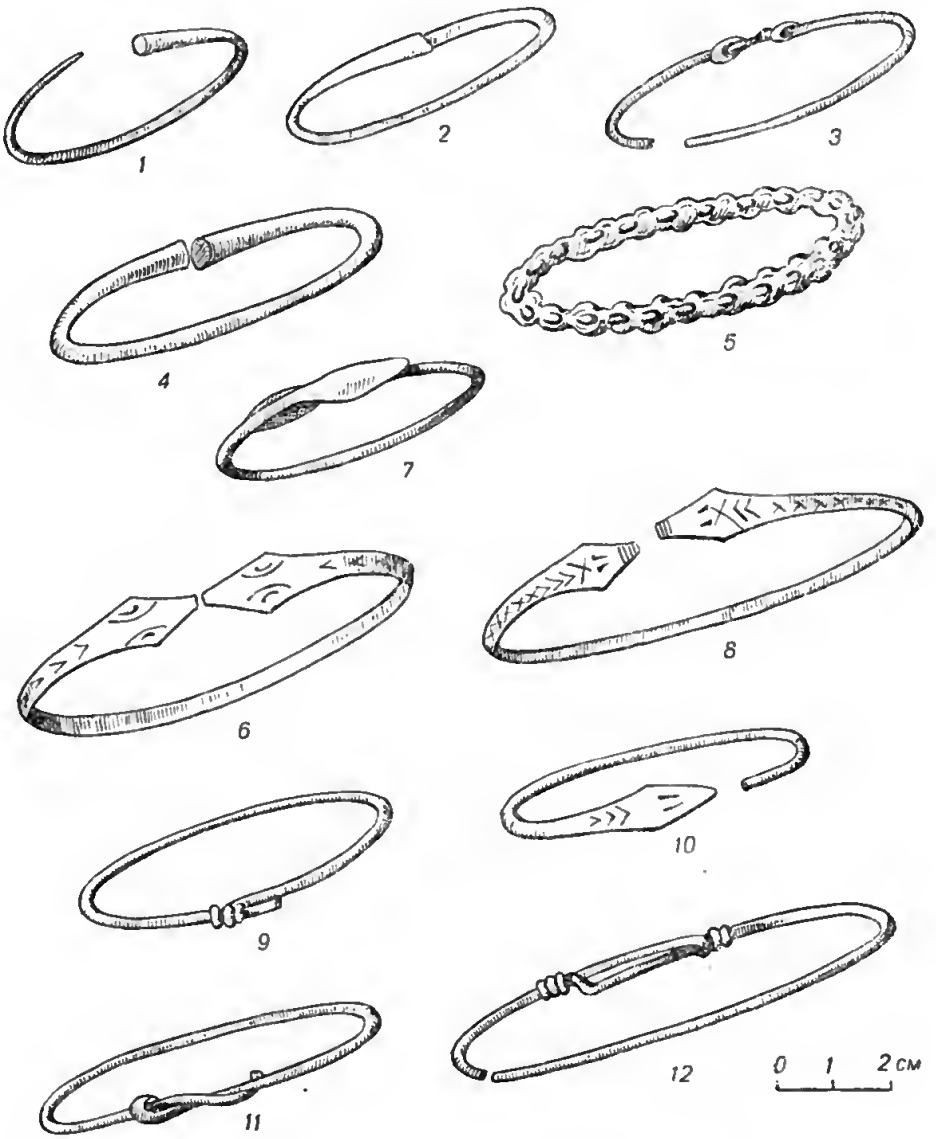


Табл. III. Браслеты из грунтового могильника:

1 — могила № 15; *2, 3* — № 9; *4, 5* — № 20; *6, 7* — № 22; *8, 9* — № 16; *10, 11* — № 4; *12* — № 5.

9, 11, 12). Аналогии к ним в изобилии встречаются в Танаисе [1]. Т. Н. Книпович считает их характерными для комплексов последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры [2].

---

[1] Т. Н. Книпович, ук. соч., стр. 61, рис. 17, *а*.

[2] Там же, стр. 60; см. также статью Е. М. Придика, МАР, в. 34, табл. II и V.

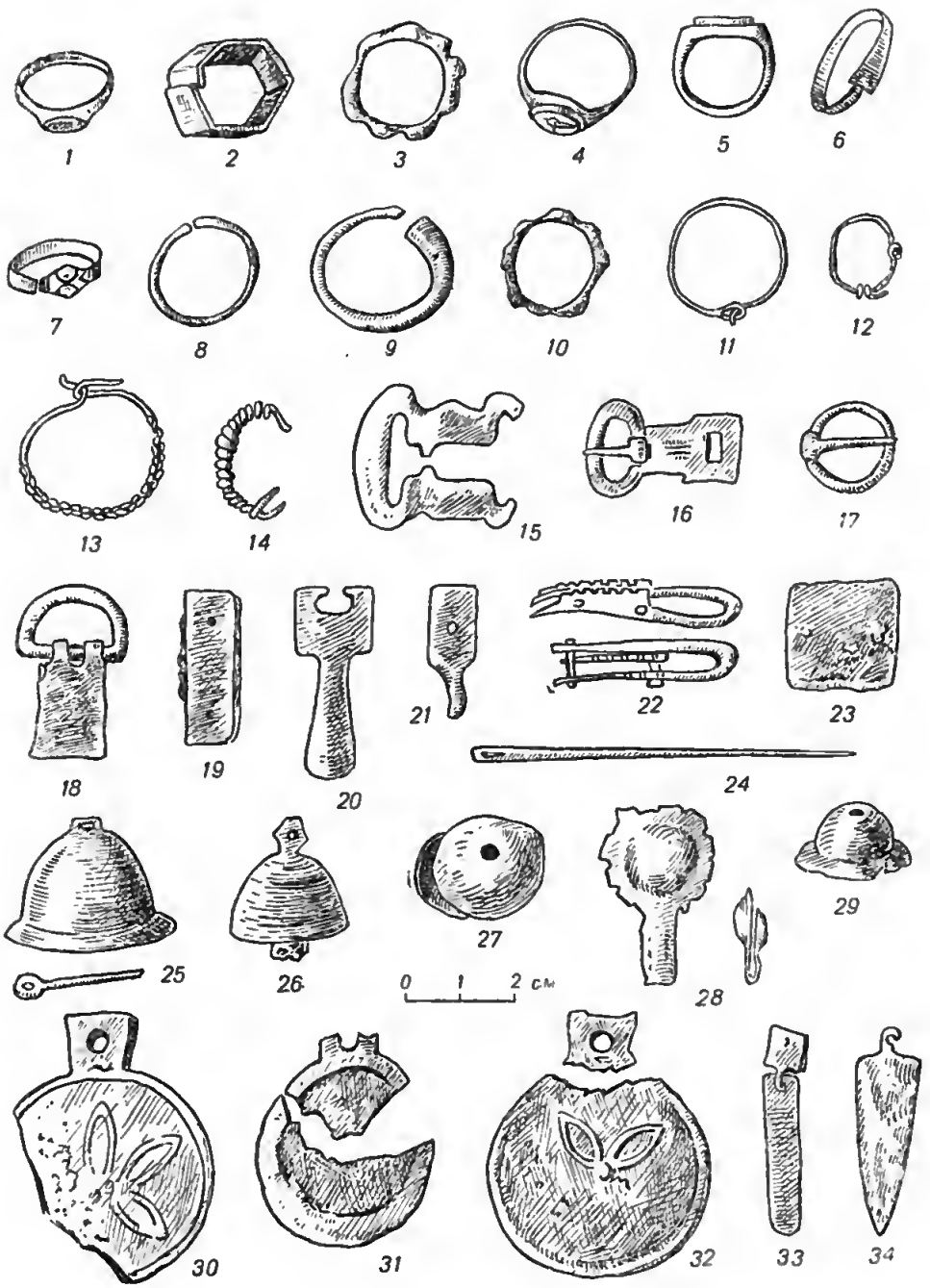


Табл. IV. Вещи из грунтового могильника:

1, 16, 17 — могила № 18; *2, 19* — № 11; *3, 12, 23, 33, 34* — № 7; *4, 11, 13, 22, 26, 27, 28, 29* — № 9; *5, 6* — № 16; *7, 8, 14* — № 14; *9, 32* — № 22; *10* — № 23; *15, 20, 21* — № 5; *18* — № 29; *24* — № 3; *25* — № 4; *30* — № 15; *31* — № 12.

Табл. V. Бусины и геммы из грунтового могильника:

1, 53 — могила № 1; *2, 3, 52* — № 17; *4, 17* — № 18; *5, 6, 7, 13, 43, 47, 48* — № 4; *8, 33, 36, 45* — № 2; *9, 23* — № 11; *10, 21* — № 15; *11, 12, 42, 44* — № 12; *14, 19, 20, 22, 26, 27, 49, 56* — № 14; *16, 46, 54, 55, 57* — № 9; *23* — № 11; *24, 25, 37, 51* — № 21; *28, 29, 30* — № 19; *31, 32, 34, 35* — № 13; *38, 39, 40* — № 22; *41* — № 23; *50* — № 25.

Есть в грунтовом могильнике Неаполя браслеты с расплющенными концами (табл. III, *7*), которые часто покрыты гравировкой и изображают змеиные головки (табл. III, *6*, *8* и *10*). Встречаются браслеты со змеиными го-

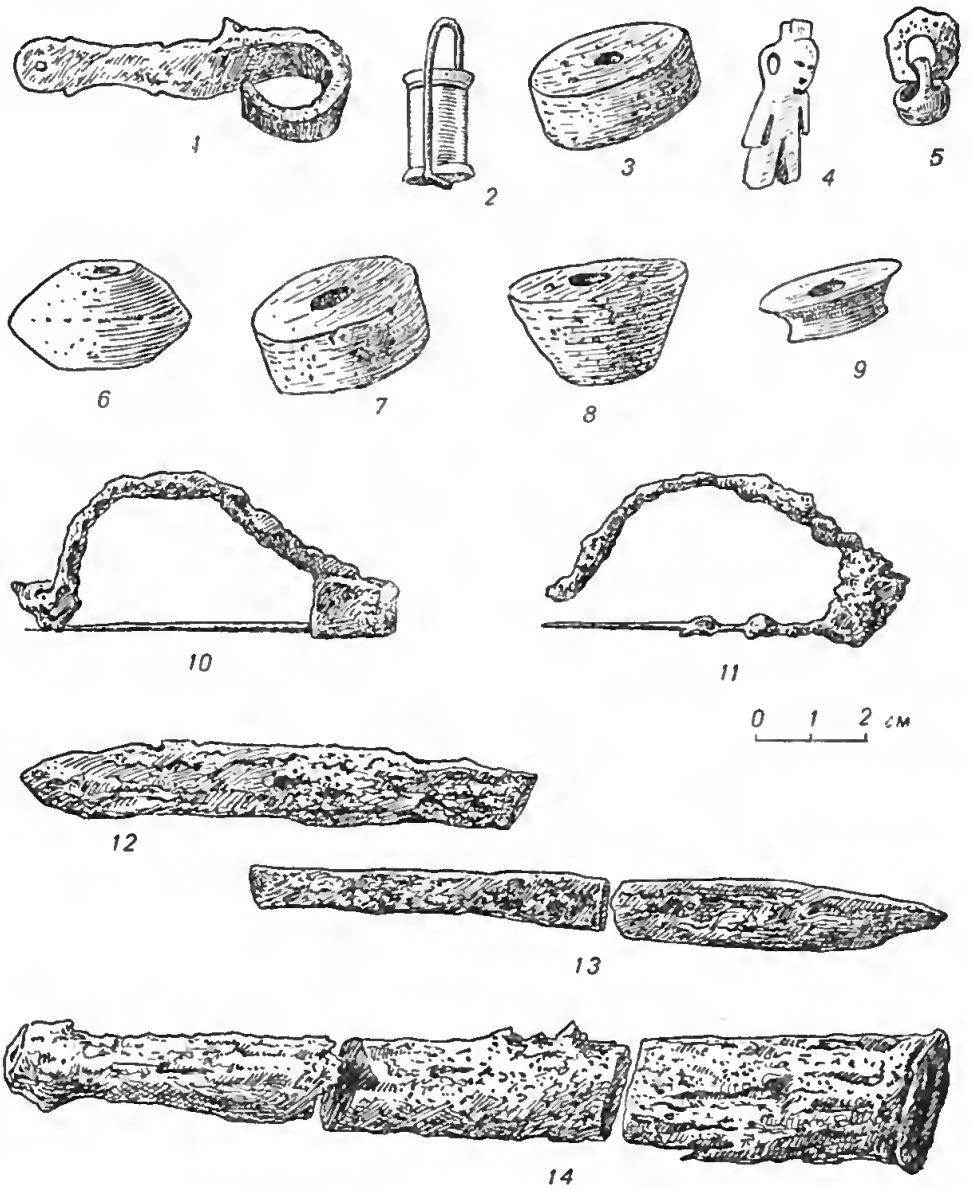


Табл. VI. Вещи из грунтового могильника:

1, *3* — могила № 3; *2* — № 9; *4* — № 22; *5*, *7* — № 14; *6* — № 8; *8*, *9*, *14* — № 13; *10*, *12* — № 26; *11* — № 1; *13* — № 25.

ловками и пластинчатые. Аналогий же ни тем, ни другим нам подыскать пока не удалось. Возможно, что это тип браслета местного производства. Датируются браслеты по другим вещам могильника II—IV вв. н. э.

Встречены браслеты из круглой толстой проволоки; у некоторых из них концы незначительно утолщены (табл. III, *1*, *4*). Более или менее

близкие аналогии к ним можно видеть в браслетах II—IV вв. н. э., публикуемых Н. Я. Мерпертом [1]. Многочисленные аналогии к ним дает Чернореченский могильник II—V вв. н. э.

Браслеты с шишечками в 2 и 3 ряда (табл. III, *5*) находят себе аналогию среди вещей в сарматских погребениях на территории УССР [2]. Кольца в большинстве случаев повторяют в миниатюре формы браслетов. Есть кольца со змеиными головками (табл. IV, *7*), с утолщенными концами (табл. IV, *9*), пластинчатые (табл. IV, *6*), с шишечками (табл. IV, *3, 10*), простые проволочные (табл. IV, *8*) и перстни (табл. IV, *1, 4, 5*). Кольца с шишечками («с бугорками») отмечает Т. Н. Книпович среди танаисских находок [3]. Много аналогий к ним дает Чернореченский могильник. Из мелких бронзовых предметов могильника Неаполя отметим пряжки (табл. IV, *17*), сходную пряжку опубликовала Т. Н. Книпович [4].

Аналогии зеркальцам-привескам с боковым ушком (табл. IV, *30—32*) публикуют Т. Н. Книпович [5] и М. И. Вязьмитина [6]. Распространение этих зеркал-привесок считается широким на территории УССР. М. И. Вязьмитина относит их к более ранним и считает, что со II в. н. э. они были заменены зеркальцами с центральным ушком, тогда как Т. Н. Книпович полагает, что генетически они восходят к типам, не связанным с античным миром, и являются «бесспорно местными». Зеркальца эти широко распространены по всему югу СССР, встречаются со II в. н. э. и по III—IV вв. н. э. Г. И. Мосберг [7] публикует подобное же зеркальце из Бельбекского могильника (могила № 1) и относит подобные зеркальца к материалам II—III вв. н. э.

В этой же работе [8] мы находим и колокольчик, аналогичный колокольчику из грунтового могильника Неаполя (табл. IV, *26*).

Из разных вещей отметим подвески в виде человечков (табл. VI, *4*). Подобные подвески мы находим в Чернореченском могильнике, они исполнены в той же технике, но отделка их лучше — выработано лицо, волосы и другие детали.

Небольшие ножи до 10—13 *см* (табл. VI, *12, 13*) встречались чуть ли не в каждой могиле и чаще — лежащими в красноглиняной мисочке, где обычно лежала и кость жертвенного животного. Аналогии им можно указать в сарматских погребениях Украинской ССР [9] и в погребениях в мавзолее Неаполя [10].

---

[1] Н. Я. Мерперт, О генезисе салтовской культуры, КСИИМК, в. XXXVI, 1951, стр. 24, табл. 2.

[2] М. И. Вязьмитина, ук. соч., стр. 69, рис. 6, 7.

[3] Т. Н. Книпович, ук. соч., стр. 61.

[4] Т. Н. Книпович, ук., соч., стр. 61, рис. 18, *б*.

[5] Там же, стр. 56, рис. 14.

[6] М. И. Вязьмитина, ук. соч., стр. 69, рис. 6, *4*.

[7] Г. И. Мосберг, К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма, СА, VIII, 1946, стр. 115, рис. 2.

[8] В. П. Бабенчиков, стр. 115, рис. 2.

[9] М. И. Вязьмитина, ук. соч., стр. 69, рис. 6, *6*.

[10] П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, табл. XII, *1, 2*.

Любопытной находкой в грунтовом могильнике Неаполя являлась втулка от наконечника копья (табл. VI, *14*), так как оружия здесь, кроме одного короткого меча (могила № 7), не встречено. Н. Я. Мерперт указывает на

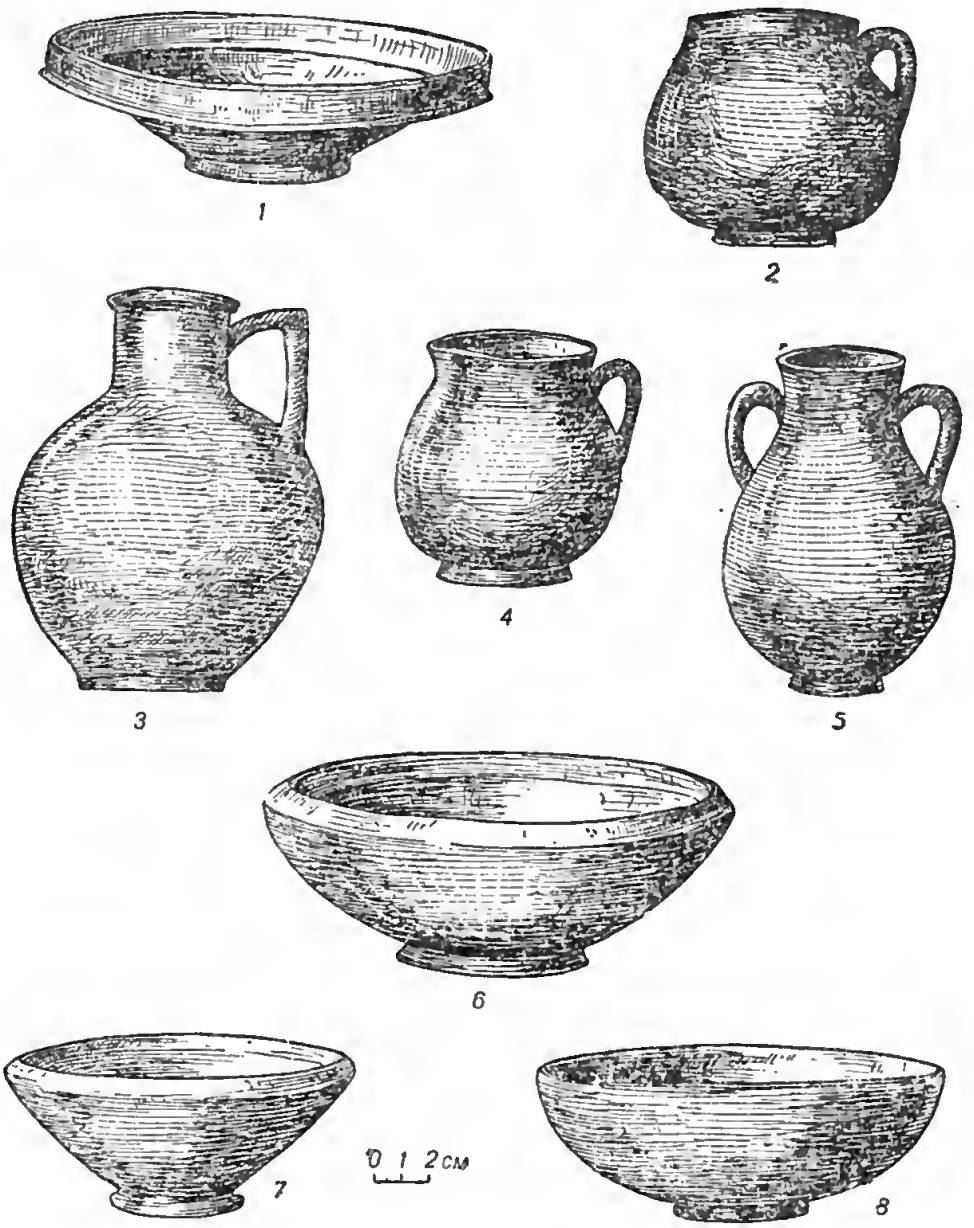


Табл. VII. Керамика из грунтового могильника:

1 — могила № 3; *2* — № 15; *3* — № 8; *4*, *5* — № 4; *6* — № 26; *7* — № 21а; *8* — № 18.

аналогичную втулку копья, найденную в станице Казанской, на Кубани, в кургане № 17, и относит ее по времени ко II—IV вв. н. э. [1].

[1] ВДИ, 1949, № 1, стр. 111 сл.

Разнообразные бусы грунтового могильника Неаполя (табл. V) находят аналогии как в крымском материале, так и на Дону, в Поволжье, на Кубани и других местах. Из крымских материалов I—IV вв. н. э. отметим, например, бусы в виде бантика, которые были найдены в Бельбекском могильнике. Там же были найдены такие же, как и в Неаполе (табл. V, *36*), двойные бусы, изданные у Г. И. Мосберг [1]; подобные бусы опубликованы

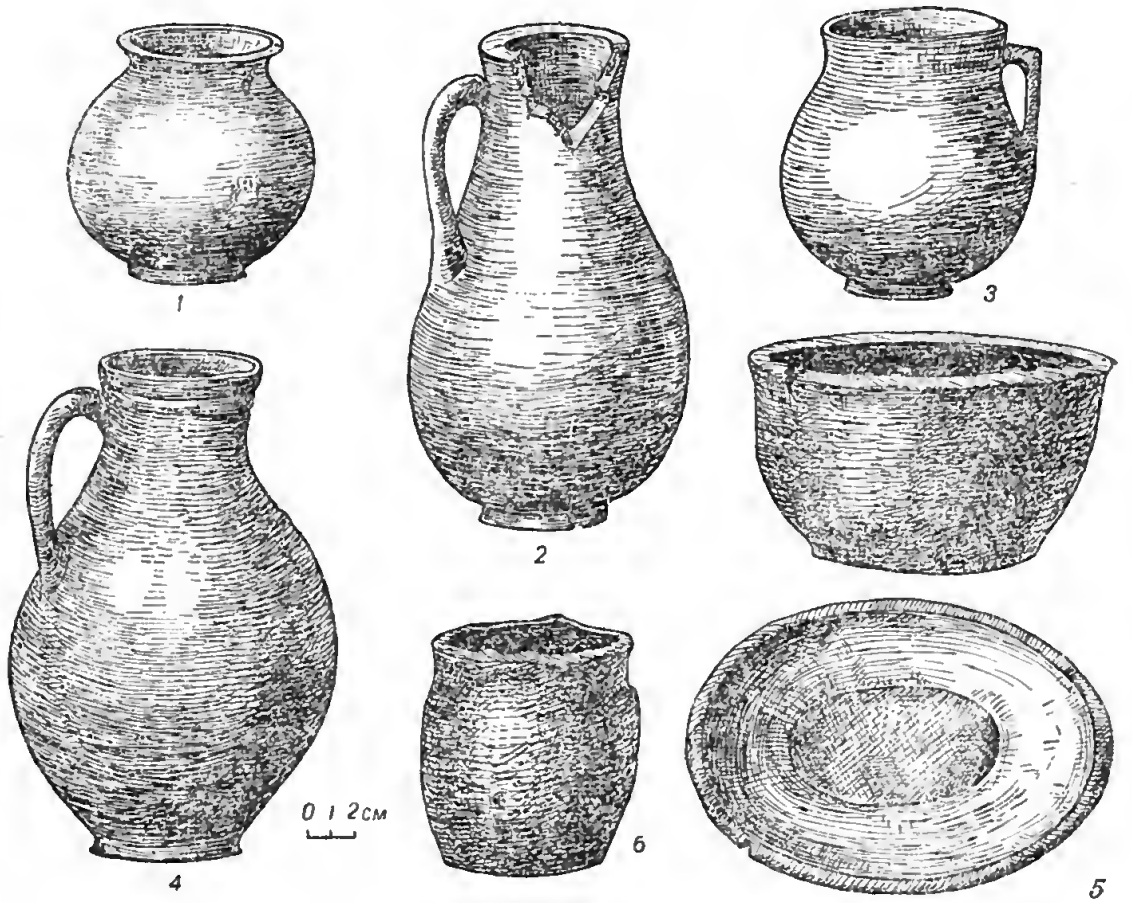


Табл. VIII. Керамика из грунтового могильника:
1 — могила № 17; *2* — № 18; *3* — № 29; *4* — № 19; *5* — № 14; *6* — № 21.

и И. В. Синицыным [2], изучавшим сарматскую культуру Нижнего Поволжья. Можно указать аналогии к рисункам на табл. V: *1*, *8*—у Г. И. Мосберг (рис. 9, 16, 27, 30, 38), И. В. Синицына (рис. 11, 18), П. Н. Шульца [3] (рис. 38, 39), М. И. Вязьмитиной [4] (рис. 18 и 51). Для части бус находятся параллели в Чернореченском могильнике (табл. V, *28*, *48*).

[1] Г. И. Мосберг, ук. соч., стр. 116, рис. 3, 8.
[2] И. В. Синицын, Сарматские курганы Нижнего Поволжья, СА, VIII, 1946, стр. 90, рис. 21, *4*.
[3] П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, табл. XII.
[4] М. И. Вязьмитина, ук. соч., стр. 71, рис. 8.

Здесь же мы находим и аналогии геммам в технике и материале (сердолик), но сюжеты другие.

Керамика представлена, главным образом, посудой так называемого «херсонесского типа» — это кувшинчики высотой 0,08—0,14 *м*, одноручные (табл. VII, *2—4* и табл. VIII, *1—4*) и двуручные (табл. VII, *5*), и, плоские краснолаковые миски с прямым вертикальным бортиком, четко профилированные (табл. VII, *1*), или с краем, загнутым внутрь (табл. VII, *6—7*), или, наконец, простые полусферические миски (табл. VII, *8*). Диаметр этих мисок 0,12—0,17 *м*, при высоте от 0,03 до 0,06 *м*.

Аналогичные кувшинчики отмечает Г. И. Мосберг[1] в могильниках начала н. э. в Крыму. Очень много аналогий им в музеях Херсонеса и в Керченском археологическом. Отмечаются они Т. Н. Книпович[2].

В таблицах «типов краснолаковой керамики», приведенной в ее книге «Танаис»[3], мы находим аналогии краснолаковым мискам из грунтового могильника Неаполя, например, рис. 25, *4* и 26, *3* (табл. VII, *1*, *8*).

В публикации Т. Н. Книпович мы находим и грубый лепной сосуд из Недвиговского городища[4], совершенно аналогичный сосуду из грунтового могильника Неаполя (табл. VIII, *6*). Т. Н. Книпович считает, что грубость и примитивность выделки этой посуды — «явление, так сказать, вторичное, эти черты возникли в результате порчи качества местной посуды, не выдержавшей конкуренции с более совершенной привозной античной керамикой»[5]. Рядом с краснолаковой посудой и красноглиняной гончарной эти грубые лепные сосуды действительно кажутся деградирующими. Однако мы думаем, что в их деградации сыграла роль не только конкуренция с привозной, но и с местной гончарной посудой, выделываемой на круге. Грубый лепной сосуд, имеющий форму миски с ушками из Неаполя нами опубликован[6]. На табл. VIII, *5* мы приводим еще один грубый лепной сосуд из могилы № 14 грунтового могильника, имеющий оригинальную эллиптическую форму.

Стеклянных вещей в могильнике встречено мало: в склепе № 14 найден небольшой стаканчик, к сожалению, совершенно разрушившийся, в могиле № 18 — бальзамарий, высотой 15,5 *см* с донышком диаметром 7,3 *см*, в подбойной могиле № 12 — донышко от конического стаканчика.

Инвентарь восточного могильника имеет аналогии в поздних погребениях мавзолея и в могильнике Петровской балки. В детской могиле № 9 была обнаружена уникальная для Неаполя вещь. Это небольшая глиняная плоскодонная амфора с двумя витыми ручками, с рельефным изобра-

---

[1] Г. И. Мосберг, ук. соч., стр. 116, рис. 3, 4.
[2] Т. Н. Книпович, ук. соч., стр. 76, рис. 30.
[3] Там же, стр. 70.
[4] Там же, стр. 78, рис. 33.
[5] Там же, стр. 77.
[6] В. П. Бабенчиков, Новый участок некрополя Неаполя скифского, ВДИ. № 1, 1949, стр 114.

жением Гермеса и Эрота, в обрамленин листьев и плодов виноградной лозы [1].

К особому типу могил относится комплекс погребенний в курганной насыпи у поворота дороги, ведущей из Неаполя, по восточному склону, к Алуштинскому шоссе. Кроме основного погребения в центре кургана с коллективными захоронениями, в насыпь кургана были впущены отдельные простые грунтовые могилы с каменными закладами. В некрополе Неаполя этот тип погребений встречен впервые.

Это место обратило на себя внимание камнями, положеннымн на вершину курганной насыпи Камни оказались закладом, под которым на глубине 0,70 *м* лежал костяк в скорченном положении на правом боку, с руками, вытянутыми вдоль туловища, с ориентировкой головой на восток. Череп лежал на обломке краснолаковой чашки I в. н. э.

Костяк в скорченном положении был встречен в некрополе Неаполя, впервые. Эта форма захоронения, встречающаяся в таврских могилах, для скифов не характерна, что позволнло предположить погребение здесь тавра. Под этим предполагаемым таврским погребеннем было обнаружено второе мужское погребение. Погребенный лежал в вытянутом положении, головой на север, перпендикулярно к предшествующему. На одном уровне с ним, в головах, лежал скелет лошади. И прн погребенном н при коне никаких находок не оказалось. Может быть, с лошадью здесь захоронен конюх [2]. Ниже, на глубине 1,20 *м* от поверхности, обнаружено несколько костяков: в западной частн могилы лежало два костяка, один на другом. Верхний костяк, лицом вниз, был женский, нижний — мужской, оба — головами на север (погребенне № 3).

С восточной стороны от костяка н несколько севернее находились еще два погребенння: одно двойное — мужчины н женщины, также головами на север; на тазу женщнны череп грудного ребенка, скелет не сохранился. Костяки, судя по положенню черепов, лежали один на другом, остальные костн сдвинуты, а частью сгнилн без остатка и лежали в беспорядке (погребенне № 4).

В северо-восточном углу раскопа женское погребение (№ 5), рядом с № 4; в ногах, в юго-восточном углу — беспорядочное скопление костей, очевндно, сдвннутых в сторону при повторных захоронениях. Непосредственно под этнмн погребениями обнаружены еще погребенння: кости здесь лежалн в полном беспорядке (напрнмер, в нижней челюсти лежала фаланга пальца ногн; у согнутой ноги скорченного погребения, под коленом, лежал череп без другнх костей; в тазу одного погребенння оказалнсь зубы и т. п.).

Наиболее четко обрисовалось крайнее западное погребение: мужчнна большого роста в скорченном положенни на левом боку. Впрочем, вся верх-

[1] В. П. Бабенчиков, ук. соч., стр. 117.

[2] Ср. с аналогичным погребеннем в мавзолее (П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, 1953, стр. 35).

няя часть скелета от таза до черепа сгнила так, что положение костей можно было определить лишь по окраске глины костяной трухой (погребение № 7). Среди остальных захоронений с трудом удалось выделить еще 6 погребений (№ 8—12).

Под этим слоем костяков оказались еще погребения, частично смешанные с вышележащими — кости и здесь лежали в беспорядке; удалось выделить четыре погребения (№ 14—17).

Костяк в погребении № 14 орнентирован на восток, № 15 — на север. Черепа из погребений № 16 и 17 оказались в южном крае площади, а костякн ориентированы на север. Тщательный анализ костяков дал следующую картнну: погребение № 15 оказалось парным: захоронены мужчина и женщина. В области живота мужского скелета лежали кости свиньи, в ногах — одинокая плечевая мужская кость.

Погребение № 14 также парное: мужчина и женщнна.

Погребение № 16 — мужчина и молодая женщина лет 18. Тут же поперек — костн двух мужчин и одной женщины. Погребение № 17 — двое мужчин н одна женщнна. В этом слое, следовательно, мужское погребение непременно сопровождалось женским. Некоторые погребенные были завернуты в кошму, часть хоронилась в деревянных ящиках.

Многослойные коллективные погребенння в курганной насыпи, открытые в 1949 г., представляют собой особый тнп захоронений в некрополе Неаполя. Нечто подобное встречалось в погребениях в курганах поблизости от Неаполя, раскапывавшихся Н. И. Веселовским в б. именнях Пастака, Талаевой, Черкеса и др. на северо-восток от вокзала станции Симферополь, главным образом, на третьей гряде Крымских гор [1].

Рядом с центральным «коллектнвным» захоронением в курганной насыпи были встречены впускные простые грунтовые могнлы без подбоя, заложенные сверху камнями, прнчем камни укладывались непосредственно на погребенных, отчего кости и особенно черепа оказались сильно поврежденными.

Каменный заклад впускной могнлы № 1 уннчтожен прошедшей поверх него проезжей дорогой (глубина залегания костяка всего 0,15 *м*). Здесь погребено двое — костяки в крайне плохом состоянин. У впускного погребенння № 2 заклад хорошо сохранился. Здесь был обнаружен костяк женщнны, в области таза которой лежала голова ребенка. Ноги женского костяка были слегка согнуты в коленях и упали на бок, очевидно, при завале камнямн.

К северо-востоку от впускного погребенння № 2 было обнаружено еще два впускных погребения. Одно нз них, № 3, с каменным закладом правильной круглой формы, диаметром в 2 *м*, прн высоте 0,76 *м*, под которым было погребено 7 человек, из ннх четыре взрослых женщнны, две девушкн 15—17 лет и один мужчина. Все лежали в однн ряд, плечо к

[1] Т. Н. Троицкая, Скифские курганы Крыма, Изв. Крым. отд. Геогр. об-ва Союза ССР, в. I, 1951, стр. 94 сл.; е е ж е, Скифские погребения в курганах Крыма. Автореферат, Симферополь, 1954, стр. 13.

плечу, головами на запад. Под средним скелетом этого слоя было обнаружено еще одно погребение и в ногах у него — беспорядочная груда костей, может быть, захороненные в сидячем положении. Все черепа раздавлены, а у нижних костяков отсутствуют вовсе.

Восточнее впускного погребения № *3*, также под закладом, но незначительным, в один слой камней, открылось впускное погребение № 4. В нем погребен мужчина с крупными бусами на шее. У правого плеча стояла большая плоская миска, покрытая красным лаком, характерная для многих погребений в грунтовом некрополе Неаполя.

Дата впускных погребений, как и погребений под курганной насыпью, судя по инвентарю, в частности по монетам, I в. до н. э. — I в. н. э. (табл. IX—XII). Одна из найденных в впускных погребениях медных монет синопская *73*—64 гг. до н. э., другая понтийская или пафлагонская 105—90 гг. до н. э. [1].

На таблице IX, *1—3* изображены обломки курильниц из погребения № 1. Аналогичные по форме курильницы были найдены при раскопках мавзолея Неаполя [2]. Орнаментированы курильницы горизонтальными желобками или спиралью более скромно, чем найденные в мавзолее. Глина курильницы из погребения в кургане темносерая, почти черная, слабо обожженная, но следы лощения хорошо заметны.

Найдены здесь и изделия из так называемой египетской голубой пасты в виде алтариков (табл. IX, *5*), кулачка-кукиша (табл. IX, *4*), фалла (табл. IX, *6*). Аналогию алтарику и кулачку мы находим в публикации М. И. Вязьмитиной [3].

Формы браслетов и колец (табл. IX, *8*, *9*, *10*, *13* и *14*) в погребениях в кургане повторяют формы, известные из грунтового могильника восточного склона Неаполя. Присутствие их в могильнике более раннем позволяет предполагать и более раннее их происхождение, может быть, I в. до н. э.

Оригинальным здесь является браслет с лошадиными головками (табл. IX, *15*), сделанными простыми разрезами концов проволоки зубилом. Несмотря на грубую технику, пропорции лошадиной головы выдержаны.

Аналогию фибуле из могилы № 17 (табл. IX, *11*) находим в мавзолее Неаполя [4].

Из бронзовых вещей интересно круглое колесико, возможно, от уздечного набора с крестообразно расположенными спицами и ушками по наружному обводу (табл. X, *1*). Подобные колесики были найдены в мавзолее [5]. Интерес представляет и наиболее ранняя арбалетовидная фибула

---

[1] Определения монет даны Л. П. Харко.
[2] П. Н. Шульц, ук. соч., стр. 33, рис. 16 и табл. XXI.
[3] М. И. Вязьмитина, ук. соч., стр. 71, рис. 8, *1*, *3*.
[4] П. Н. Шульц, ук. соч., табл. XV, *6*.
[5] Там же, табл. XIII, *6*.

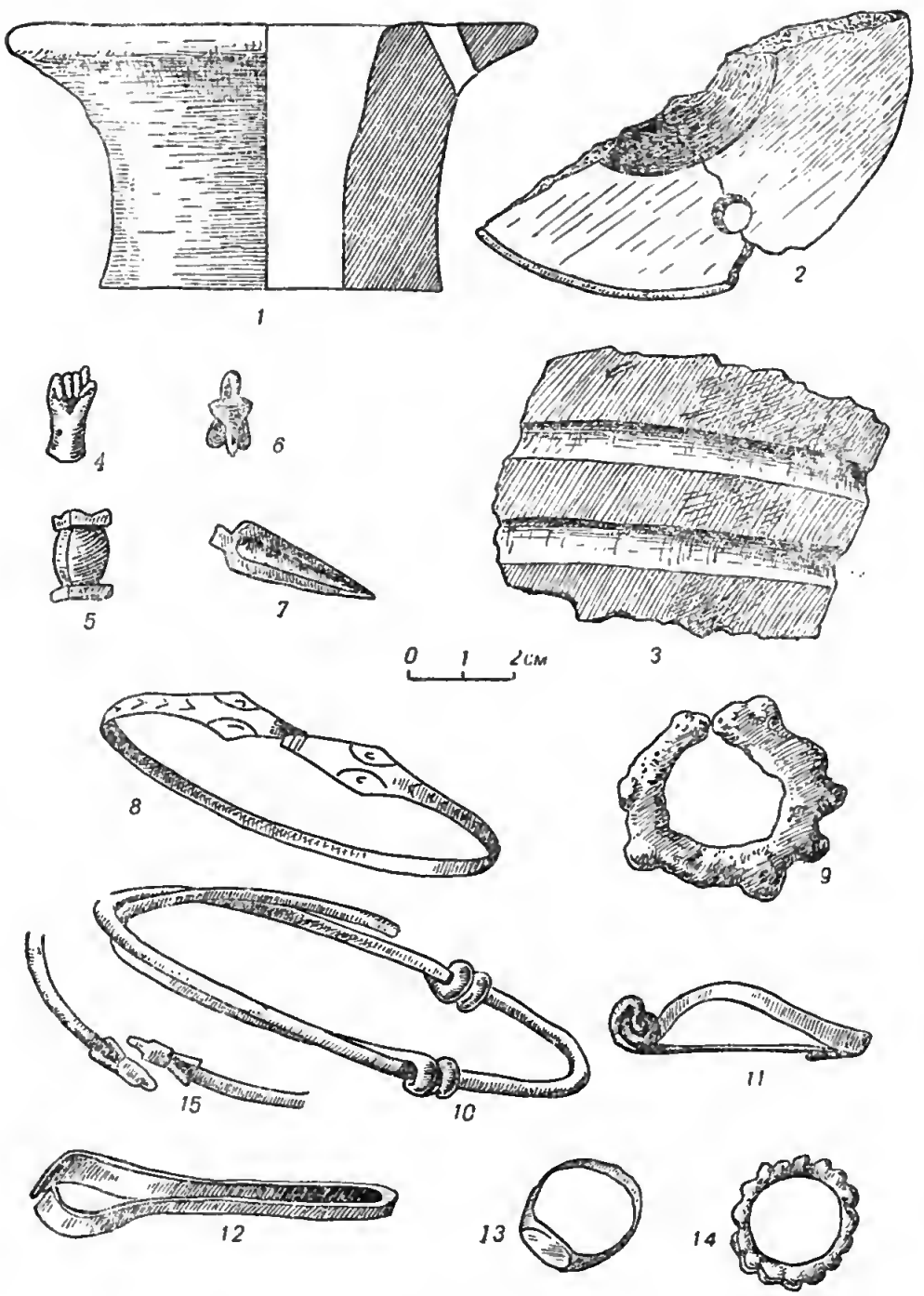


Табл. IX. Вещи из погребений в кургане:

1, 2, 3 — погребение № 1; *4, 5, 6, 9, 10, 11, 15* — № 17; *7, 12* — № 14; *8* — № 5; *13, 14* — № 15.

(табл. X, *8*), аналогичная такой же из мавзолея [1]. Золотая нашивная бляшка-умбончик, орнаментированная по периферии выпуклинами (табл. X, *3*), соответствует таким же из мавзолея [2].

Очень интересны серебряные серьги (табл. X, *9*) с передней половиной туловища козленка.

Бусы повторяют знакомые нам типы из грунтового могильника, здесь те же ребристые круглые бусы, аналогии которым мы находим в публикациях И. В. Синицына [3] и М. И. Вязьмитиной [4]. Новым в погребениях

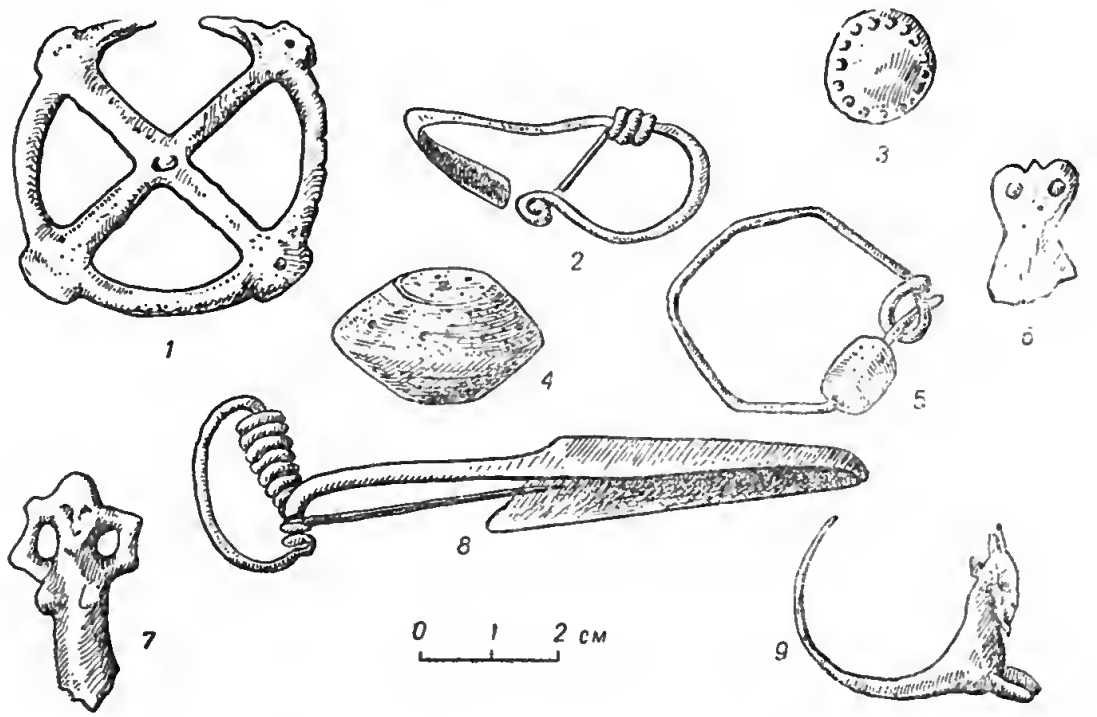


Табл X. Вещи из погребений в кургане:

1 — погребение № 15; *2* — № 4; *3, 4, 8* — № 3; *5* — № 2; *6* — № 16; *7* — № 17; *9* — № 7.

в кургане по сравнению с грунтовым могильником являются сплющенные бусы. Аналогии имеются в мавзолее [5]. Они (табл. XI, *42, 43*) могли служить навершиями кинжалов и мечей, о чем свидетельствует их форма [6]. Но в данном погребении (впускное № 4) бусы найдены у шеи в определенном порядке и, следовательно, использовались по своему назначению, как ожерелье. Характерны большие бусы (до 6 *см* длиной) грубой работы.

Аналогии железным предметам-ножам (табл. XII, *1*) мы приводили

---

[1] П. Н. Шульц, ук. соч., табл. XVI, *4*.

[2] Там же, табл. XXIII, 8, 3, 5.

[3] И. В. Синицын, ук. соч., стр. 90, рис. 21, стр. 93, рис. 29.

[4] М. И. Вязьмитина, ук. соч., стр. 71, рис. *9*.

[5] П. Н. Шульц, ук. соч., стр. 49.

[6] М. И. Ростовцев, Курганные находки Оренбургской области, МАР, 37, стр. 52, рис. 31 и И. Н. Луцкевич, Сарматские курганы у с. Нещеретово, Археологія, т. VII, 1952, стр. 137, рис. 1, 2.

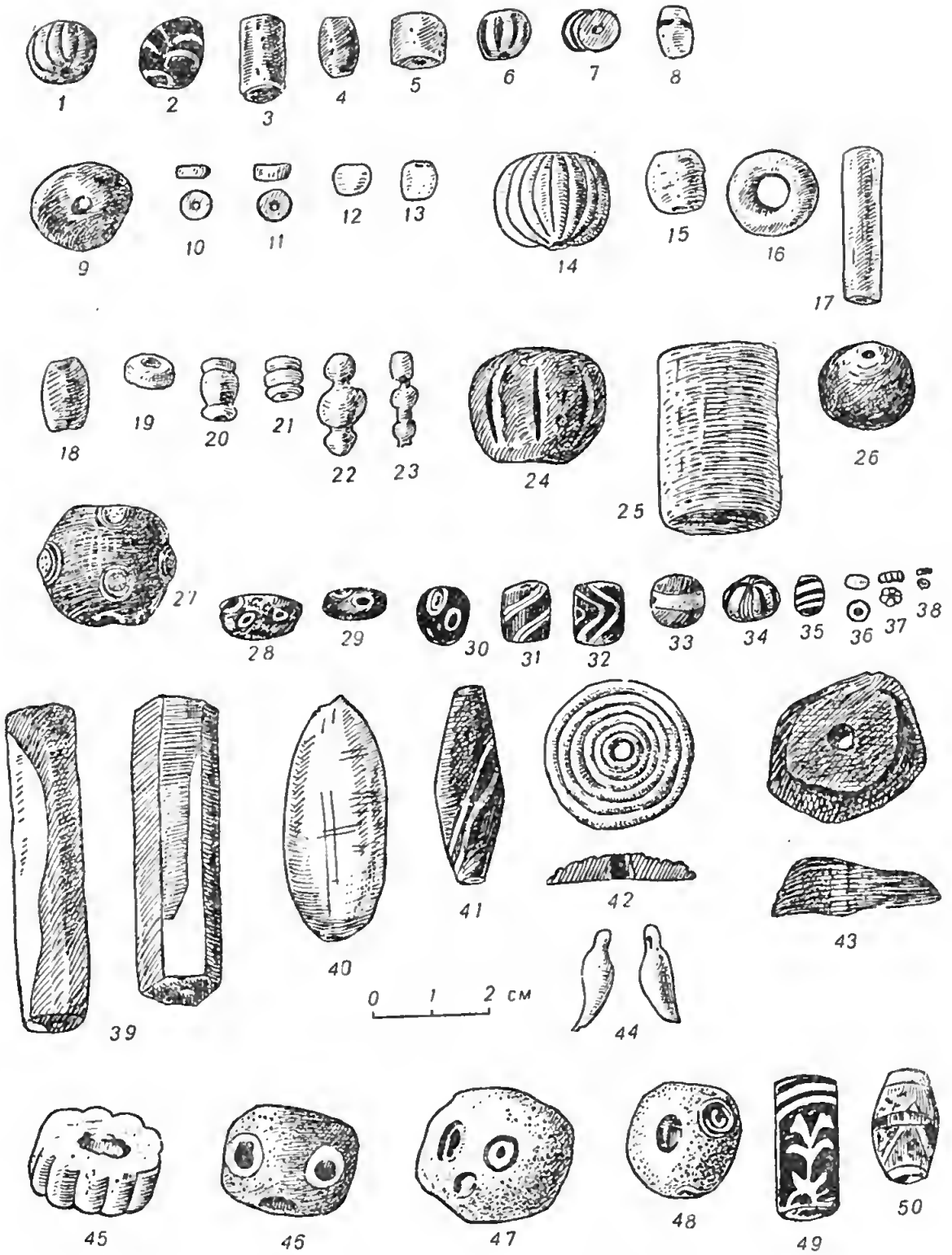


Табл. XI. Бусины из погребений в кургане:

1—8 — погребение № 4; *9—13* — № 3; *14—38* — № 7; *39—44* — № 3; *44—50* — № 17.

выше в описании грунтового могильника [1]. Найден один предмет из кости (табл. XII, 5). Это ручка ножа, часть черенка сохранилась в зажиме. Заклепки бронзовые.

Приведем описание нескольких погребений с указанием расположения вещей.

Могила № 1, подбойная. Дромос и потолок подбоя смыты протоком ливневых вод. Размеры подбоя 1,80×0,55 *м*. Костяк женщины, свыше

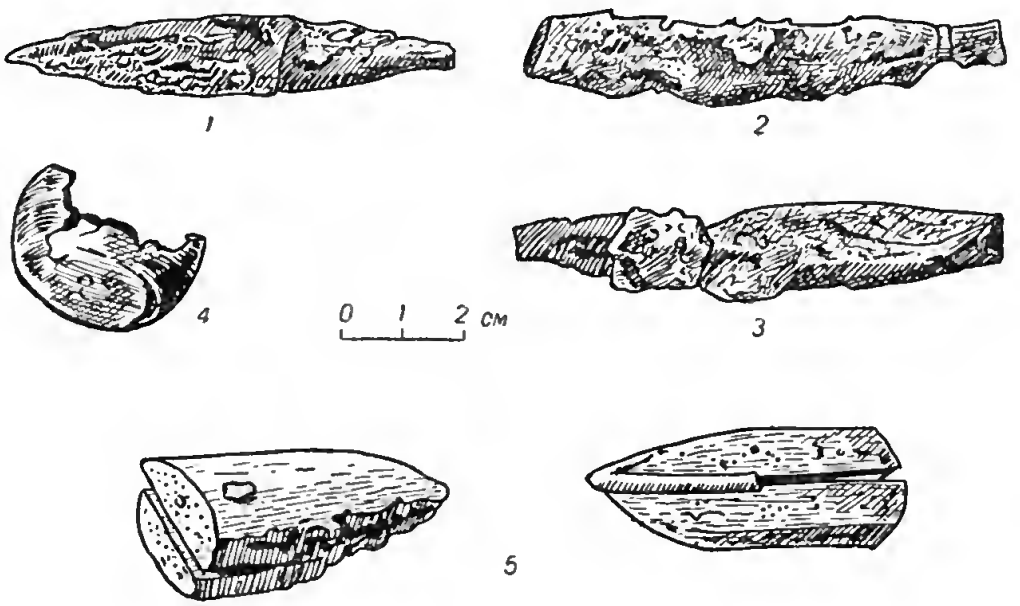


Табл. XII. Железные и костяные вещи из погребений в кургане.

60 лет, лежал в вытянутом положении, ориентирован головой на ЮЮВ. Череп запрокинут на темя. Отсутствуют локтевые и лучевые кости, в силу чего выяснить положение рук не удалось. Находки: бронзовые бусины — одна биконическая у шеи, другая — из свернутой медной пластинки на левой стороне груди, где также лежала и цилиндрическая бусина из белой пасты. Под грудью — железная фибула.

Могила № 4 — сохранился дромос 1,75×0,56 *м*, забитый камнями, закладные плиты in situ, но в подбое костей не оказалось. Это — кенотаф. Размер подбоя 1,60×0,55 *м*. В центре его и в южном конце найдено много вещей. В ЮЮВ углу — краснолаковая чашка I в. н. э. и около нее — бусы. Далее к северу — горшочек одноручный красноглиняный, около него также бусы и, наконец, в середине подбоя — кувшинчик двуручный красноглиняный с плоским дном и бусами около него, бронзовый колокольчик и язычок от него, два бронзовых браслета и фибула с оттянутым приемником,

[1] См. М. И. Вязьмитина, ук. соч., стр. 69, рис. 6, *б*.

украшенным двумя шариками. Здесь же, ближе к закладу,— браслет и около него бусы. Кроме пастовых, вышеописанных, встречены янтарная бусина (бочонком), плоские белые с кольцевой головкой, инкрустированные белым по черному.

Могила № 7, подбой размером 2,10×0,60 *м*. Погребен воин. Костей почти не сохранилось — всего найдено пять обломков трубчатых. Ориентировано погребение на СЗ. Находки: у правой стороны черепа — золотая серьга, на шее — шарик из стеклянной пасты в бронзовой оправе, у правого бедра — короткий меч и бронзовое кольцо, в коленях стеклянная чашечка с коническими краями, в ногах — кость жертвенного животного, железные удила, серебряная и бронзовые накладки (от уздечки?), обломки неопределенных железных предметов и в углу могилы — небольшая амфора.

Грунтовый склеп № 16, глубина 2,30, ширина 1,18, высота 1,40 *м*. Дромос 2,40×1,60 *м*. Погребены две женщины 35 и 20 лет. У обеих поперек колен — костяки младенцев. В ногах у погребенных — семь черепов (фрагментированных) — два женских и пять мужских. Погребенные ориентированы головами на ЮЗ. Находки: на скелете молодой женщины на обеих руках (у локтей) по бронзовому браслету со змеиными головками, на тазу — железный гвоздь, между вертлюгами — браслет из бронзовой проволоки с замотанными спиралью концами. На шее бусы сердоликовые, стеклянные и пастовые. У левого плеча, ближе к западной стене — бронзовая фибула с дужкой, орнаментированной тонкой проволокой.

У пожилой женщины на шее такие же бусы, у правого плеча — фрагментированная фибула с орнаментом из тонкой проволоки, у левого запястья — перстень серебряный с белой пастовой вставкой и бронзовое колечко. Среди остатков костей младенца — бусы, костяная птичка, обломки фибулы. В дальнем конце склепа среди черепов — обломки керамики лепной и красноглиняной (одна ручка с клеймом Родоса) и обломок железного ножа.

ВЫВОДЫ

Изучение некрополя Неаполя скифского позволяет нам высказать следующие соображения.

Среди вещей, найденных в могилах некрополя Неаполя, большой процент составляют вещи сарматского типа. Это может указывать либо на то, что в первые века н. э. к скифскому населению Неаполя примешивается в значительном количестве элемент сарматский, в частности, аланы; либо же к этому времени относится особенно усиленный торговый обмен с сарматскими племенами. В первые века нашей эры мы находим в погребениях много греческого, херсонесского материала, главным образом, красноглиняной и краснолаковой посуды, что также свидетельствовало о широ-

ких торговых связях с соседним Херсонесом. Однако нет никаких сомнений в том, что основным населением Неаполя являлись скифы.

Характерно для грунтового восточного некрополя и то, если судить по инвентарю погребений, что здесь не хоронили воинов. Исключение составляют грунтовая могила № 7 с мечом и один из грунтовых склепов (№ 13) с втульчатым наконечником копья. В общей массе могильник представляется принадлежащим рядовому гражданскому населению.

Что касается типов погребений в грунтовом некрополе Неаполя, мы знаем здесь земляные склепы и грунтовые могилы, простые и подбойные, Земляные склепы, как и каменные, по своей архитектуре близко напоминают грунтовые склепы Эски-Кермена, Узень-баша, Чуфут-кале и др.; это может свидетельствовать о том, что население этих пунктов в V—VII вв. н. э. продолжало скифскую традицию. Простые грунтовые могилы мы встречали только в виде впускных в курганную насыпь.

Характерной особенностью изучаемого некрополя является и то, что ориентация костяков здесь совершенно, не выдержана. Следует отметить, что и трупоположение не всегда выдерживается строго: есть погребения в сидячем положении, есть — лежащие ничком, встречаются скрещивание ног и даже скорченные погребения. Правда, это единичные случаи. Встречены случаи погребения в деревянных ящиках (гробах?) и завертывания в кошму.

Следует остановиться еще на одном наблюдении. В каменных склепах, являвшихся фамильными усыпальницами, хоронили более состоятельных и знатных людей. В земляных склепах и подбойных могилах хоронили рядовых граждан города и его пригородов, причем каменные склепы располагались ближе к городу, грунтовые могильники устраивались дальше.

Некоторые погребения изобилуют самым разнообразным инвентарем, с другой стороны, рядом с ними мы находим и бедные погребения, где совсем не встречается никаких вещей. Таким образом, в захоронениях некрополя Неаполя скифского отражена социальная и имущественная дифференциация жителей города.

Характерны для некрополя конские захоронения. Мы находили остовы коней и в каменных склепах (№ 2) и открывали специальные конские могилы, вырубленные в скале, в промежутках между склепами.

Открытые до сих пор погребения Неаполя относятся к позднескифскому времени, что подтверждает датировку позднего этапа существования Неаполя, полученную в результате археологического изучения самого городища. Некрополь первых веков существования города (III—I вв. до н. э.) еще не обнаружен.

Более поздние вещи, начиная с V в. н. э., единичны и случайны.

Возникает вопрос, почему Неаполь скифский, крупный и хорошо защищенный крепостными сооружениями торговый центр, прекратил существование в IV в. н. э.? Напрашивается предположение, что его разрушили гунны. До гуннов Неаполь захватывали враги, например, войска Диофанта и Херсонеса, но город снова возрождался. Это хорошо доказывается иссле-

дованием его оборонительной стены. Восстановился бы город и после гуннского разгрома, если бы имелись стимулы для этого возрождения. Очевидно, гуннское вторженне в Крым совпало с процессами глубокого кризиса рабовладельческих государств, в том числе и скифского, которое, наряду с античными рабовладельческими городами, к этому времени превратилось в тормоз развития производительных сил Северного Причерноморья. В это время в Крыму возникла жизненная потребность перенесения городских центров в горные районы и на южное и юго-восточное побережье. Именно здесь в V—VI вв. возникают Дорос, Фуллы, Сугдея, Горзувиты, Алустон и другие городские центры, знаменующие переход к раннему средневековью, на протяжении которого сформировались в Крыму новые феодальные отношения.

Н. Н. Погребова

ЗОЛОТЫЕ ЛИЦЕВЫЕ ПЛАСТИНЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МАВЗОЛЕЯ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

Одной из интереснейших особенностей погребений в мавзолее Неаполя скифского являются пластины из тонкого листового золота, в большинстве случаев найденные у черепов погребенных (табл. I).

Полные комплекты пластин, а именно, два наглазника и один нагубник были обнаружены только в трех погребениях: одиночное погребение IX, семейные погребения III (костяк № 5) и XIX (костяк № 24). По два наглазника, но без нагубника, встречено у четырех костяков: в коллективном погребении II (костяки № 30 и 52), в парном детском погребении XI (костяк № 9), в одиночном погребении VI (костяк № 3). Наконец, в шести случаях обнаружено только по одной пластине или фрагменту ее (семейные погребения I, X, XII, XIII, одиночные погребения XXIX и XXXII). Таким образом, лицевые пластины были обнаружены в мавзолее в 13 случаях.

Большинство пластин найдены в более ранних погребениях, о чем можно судить как по их местоположению в нижних рядах погребальных ящиков мавзолея, так и по инвентарю. Большинство этих погребений датируется последними двумя веками до нашей эры. Об этом свидетельствуют следующие находки: бронзовое эллинистическое зеркало у черепа костяка № 52 из погребения II [1], железный меч среднелатенского типа [2] и железные втульчатые стрелы при костяке № 30 из погребения II, бронзовые фибулы среднелатенского типа из погребения XIII[3], глиняный эллинистический бальзамарий, набор бус из стеклянной пасты и полудрагоценных камней и сердоликовый скарабей с изображением скифа из погребения III [4]. Все эти находки датируются II в. до н. э. Погребение VI, обнаружен-

[1] П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, М., 1953, табл. XVII, *1*.
[2] Там же, табл. VII; табл. XIII.
[3] Там же, табл. XVI, *4*.
[4] Там же, табл. XXXII—XXXIII; табл. XVIII, 2; цветная вклейка III.

ное под погребением XX с железной втульчатой стрелой, не может быть датировано позднее, чем I в. до н. э. Погребения II, IX, X, XI, XII и XIX, судя по характеру находок, вернее всего могут быть отнесены к концу II—I в. до н. э. В более поздних (I в. н. э.) погребениях XXIX и XXXII, расположенных в верхних рядах, в северо-восточном и северо-западном углах мавзолея, наиболее пострадавших от обвала стен, пластины найдены тоже, но не in situ.

Внешний вид лицевых пластин очень разнообразен, и ни один комплект не похож на другой. Приводим их описание:

1. В семейном погребении III под черепом костяка № 5 найдены два небольших плоских овальных наглазника (№ 48 и 49) [1] с выпуклостью в центре, имитирующей глазное яблоко и обведенной рельефными косыми полосками, имитирующими ресницы, длина 4 *см*, ширина 2 *см* (табл. I, *5*). Повидимому, к этому комплекту относится и золотая пластина другого типа, найденная тут же (№ 47). Она совершенно плоская, удлиненно-овальная (с сильно порванными краями), с рельефным пунктиром вдоль края и в центре, где пунктир повторяет очертания пластины, и, повидимому, имитирует рот, в чрезвычайно условной схеме. Длина ее 6 *см*, ширина — 3 *см* (табл. I, *4*).

2. В парном детском погребении XIX в районе черепов найдены три сильно схематизированные пластины из очень тонкого листового золота. Они относятся, повидимому, к костяку № 24, украшенному более богато, чем костяк № 28. Наглазники (№ 157 и 158) представляют собой совершенно плоские пластинки с прорезью в виде щели в центре, обведенной ресницами в виде выпуклых косых полосок и двумя концентрическими кругами рельефного пунктира; внешний пунктирный ряд проходит вдоль края пластины (табл. I, *8*). Такой же плоский нагубник (№ 159) имеет продолговатую овальную форму (разорван на две части), рот выражен условно в виде овала из рельефного пунктира, от которого веерообразно к коротким концам пластины расходятся с каждой стороны по две линии такого же пунктира. Пунктирный бордюр проходит также вдоль края пластины. Пластины выполнены грубо и небрежно.

3. В одиночном погребении IX под черепом найден полный комплект лицевых пластин: а) два наглазника (№ 412 и 413), представляющие собой овальные выпуклые пластины в форме глазного яблока с щелевидной прорезью в центре. Прорезь обведена косыми рельефными полосками, имитирующими ресницы. В углах имеется по одной рельефной точке, длина 4,2 *см*, ширина 2,5 *см*, длина прорези 1,5 *см* (табл. I, *1—2*);

б) нагубник (№ 414) имеет такую же выпуклую, но более удлиненную форму. В центре узкая прорезь имитирует рот. Углы пластины орнаментированы тремя рельефными точками. Длина 6,5 *см*, ширина 2,8 *см*, длина прорези — 3,3 *см* (табл. I, *3*). Качество работы хорошее.

---

[1] Номера лицевых пластин это номера по инвентарной описи Государственного Музея изобразительных искусств им. Пушкина в Москве, где они хранятся.

4. В семейном погребении II у черепа костяка № 52 найдены два наглазника (№ 169 и 170) в виде плоских тонких золотых пластин; одна из них овальная, другая прямоугольной формы, обе орнаментированы рельефным пунктиром. На пластине № 169 пунктир нанесен по верхнему ее

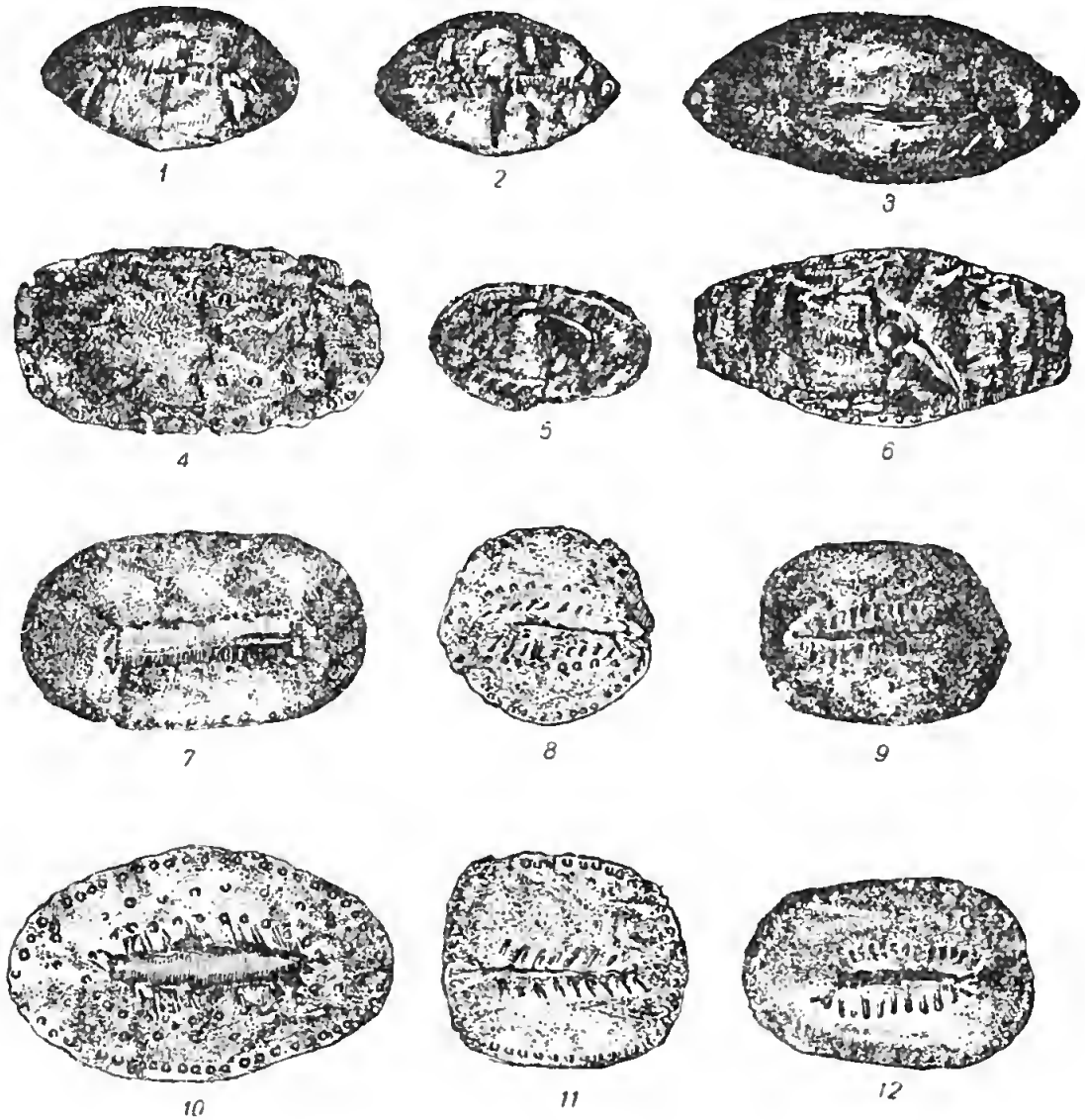


Табл. I. Золотые лицевые пластины из погребений в мавзолее Неаполя скифского:
1—3 — погребение № IX; *4* и *5* — № III; *6* — № VI; *7* — № XXIX; *8* — № XIX; *9* и *11* — № XI; *10* — № II; *12* — № XIII.

краю и образует скопление мелких точек у коротких сторон; на пластине № 170 пунктир проходит вдоль всего края, а также в центре, где он образует неправильноовальную фигуру. Последняя, может быть, изображает схематизированное глазное яблоко. Длина пластины № 169 равна 7,3 *см*, ширина 2,7 *см*; длина пластины № 170 (край оборван) 5,3 *см*, ширина 2,3 *см*.

5. В семейном погребении II у черепа костяка № 30 найдены два наглазника (№ 171 и 172) в виде крупных плоских овальных пластин с широкой прорезью в центре. На одном экземпляре (№ 172) прорезь обведена рельефными косыми «ресницами» (табл. I, *10*). Прорезь окружают три концентрических овала из рельефного пунктира, причем последний идет по внешнему краю пластины. Длина пластины 6,2 *см*, ширина 3,6 *см*, длина прорези 3,1 *см*, ширина 0,5 *см*.

6. В парном детском погребении XI вблизи черепов найдены два наглазника (№ 117 и 118), относящиеся, повидимому, к костяку № 9. Наглазники имеют вид выпуклых пластин с прорезью, окруженной рельефными «ресницами» и рельефным пунктиром, проходящим по краю пластины. По форме, размеру и характеру «ресниц» наглазники не одинаковы. Пластина № 117 — почти круглая, длина ее 4 *см*, ширина 3,3 *см*, длина прорези 2,3 *см*. «Ресницы» расположены в елочку (табл. I, *11*). Пластина № 118 имеет форму неправильного овала, длина ее 4 *см*, ширина 3 *см*, длина прорези 2 *см*, «ресницы» расположены вертикально (табл. I, *9*). Обе пластины выполнены грубо.

7. В одиночном погребении VI под черепом найдены две массивные крупные пластины ромбовидной формы из золота хорошего качества (№ 36 и 37). На пластине № 37 центр отмечен небольшой выпуклостью (табл. I, *6*). По краю той и другой проходит рельефный пунктир. Длина пластины № 36 — 6 *см*, ширина 2,9 *см*, длина пластины № 37 — 6,2 *см*, ширина 3 *см*. Качество работы хорошее.

8. В семейном погребении XIII между ногами костяка № 56, среди прочих скатившихся туда золотых украшений и бус, найдена выпуклая овальная пластина (№ 322) из бледного листового золота с прорезью в центре и прямыми рельефными «ресницами» вокруг нее. По краю — рельефный пунктир. Длина 2,2 *см*, ширина 1,9 *см* (табл. I, *12*).

9. В одиночном погребении XXIX в обрезе погребения торчала овальная выпуклая пластина бледного листового золота (№ 123) с широкой прямоугольной прорезью в центре. Прорезь обнесена мелким частым рельефным пунктиром. Более крупный и свободно размещенный пунктир проходит по краю пластины. Длина 3,7 *см*, ширина 3,1 *см*; длина прорези 2,6 *см*, ширина 0,6 *см* (табл. I, 7).

10. В верхнем слое засыпи основного и самого богатого погребения мавзолея — каменной гробницы найдена удлиненная овальная пластина из золота хорошего качества (№ 471). Относится она, повидимому, к парному погребенню XII, провалившемуся в гробницу. Пластина гладкая и плоская, с рельефным пунктиром по краю. Длина 7 *см*, ширина 3,5 *см* (рис. 1).

11. В семейном погребении I под снятыми костяками № 22 и 23 найден фрагмент прямоугольной пластины (№ 135) листового золота с узкой прорезью в центре. Пластина обведена прорезными «ресницами», расположенными в елочку. По краю проходит рельефный пунктир.

12. В одиночном погребении XXXII в могильной земле иайден фрагмент продолговатой тонкой золотой пластины прямоугольной формы с рельефным пунктиром по краю.

13. В семейном погребении X около черепов костяков № 53 и 54 найден фрагмент золотой пластины (№ 275) прямоугольной формы с рельефным пунктиром по краю.

Таким образом, мы видим, что часть лицевых пластии более или менее реальио имитирует форму глаза или губ (№ 48, 49, 412, 413, 414), другие же изображаюот их схематично и условно (№ 47, 117, 118, 123, 157, 158, 159, 171, 172, 322). Некоторые же пластины совсем лишены намеков иа реальные черты лица (№ 36 и 37, 169, 170, 471). Все эти типы, повидимому, одиовременны и хроиологической эволюции между ними установить невозможно. Но ии один комплект не похож на другой, а иногда и внутри одного и того же комплекта мы видим отличия (например, № 117 и 118 в погребении X; 169 и 170 в погребении II; 171 и 172 в погребении II; 47, 48 и 49 в погребеиии III).

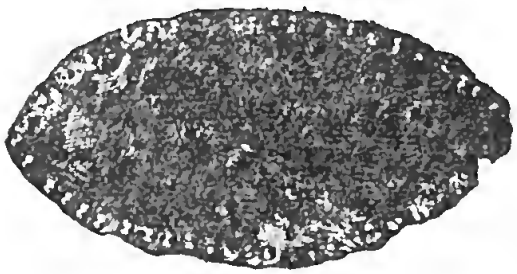


Рис. 1. Золотая лицевая пластина из засыпи камеиной гробницы. Погребеиие XII мавзолея Неаполя скифского.

Там, где лицевые пластины найдеиы in situ (у черепа), они отиосились только к мужским взрослым и к детским костякам.

Ни в обряде погребеиий ранних скифов, ни в греческих городах эллиинистического и более раннего времени мы подобных лицевых пластин ие найдем. Лишь начиная с последних двух веков до иашей эры золотые лицевые пластины появляются не только в Неаполе, ио и в других местах Северного и Восточного Причериоморья.

На Кавказе, в долине реки Алгети, среди других вещей, относящихся, повидимому, к нарушенным погребениям, Б. А. Куфтин нашел богато орнаментированные золотые лицевые пластииы: одии наглазник и один иагубник (табл. II, *9*). На наглазнике изображены сомкнутые веки, иа иагубиике — сжатые губы, а среди ориамеитального бордюра можно различить фигурки птиц. С обратиой стороны пластин припаяно по два ушка для продергивания шнура[1].

Алгетские погребения Б. А. Куфтин отиосит к ахемеиидскому периоду, однако опубликованный им инвентарь, в особенности серебряиые сосуды, дают основание для более поздией датировки этих комплексов, вероятно, времеием позднего эллинизма.

Фигурные изображения имеются также иа очкообразной паре круглых золотых иаглазников из стаиицы Ярославской иа Кубани (табл. II, *1*).

---

[1] Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, стр. 39 сл.

Она найдена Н. И. Веселовским в 1896 г. при раскопке мужского погребения в Остром кургане[1]. На каждом из наглазников оттиснуто изображение лежащего с подогнутыми ногами оленя. Погребение Ярославской ста-

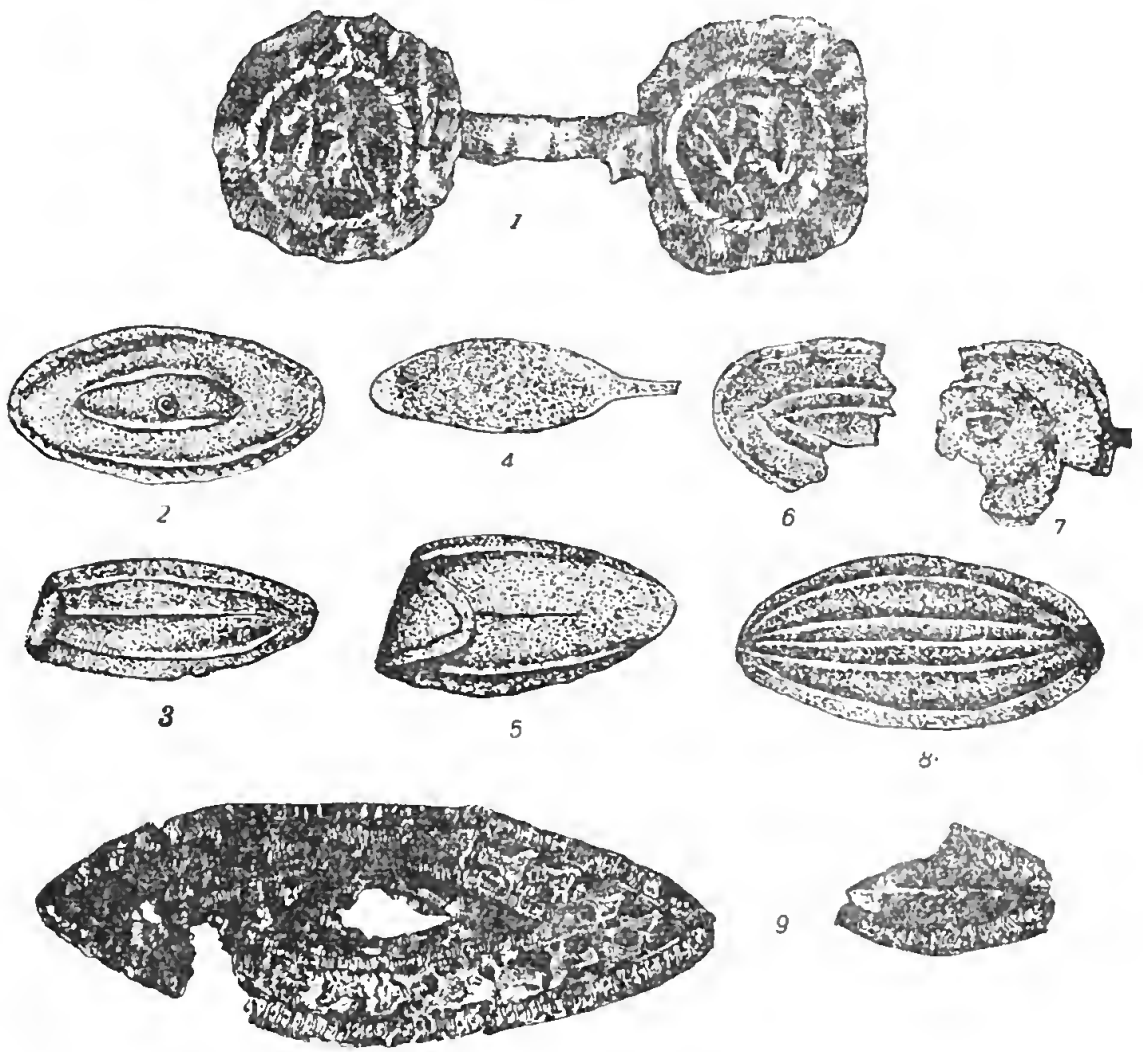


Табл. II.

1 — золотой наглазник из ст. Ярославской (Кубань); *2—8* — золотые лицевые пластины из Херсонеса; *9* — золотые лицевые пластины из долины р. Алгети (Грузия).

ницы датируется концом II—I вв. до н. э., то есть оно одновременно ранним погребениям мавзолея.

В 1953 г. на валу акрополя Каменского городища были обнаружены следы разграбленного погребения. Среди вещей оказался комплект золотых лицевых пластин: два наглазника и нагубник (рис. 2). Все три пла-

[1] ОАК, 1896, стр. 58.

стины обведены точечным бордюром. Посередине каждого из наглазников оттиснуто в виде небольшой выпуклости глазное яблоко. На нагубнике той же техникой передано изображение зашитого рта. По стилю и технике выполнения эти пластины ближе всего походят на описанные выше пластины из мавзолея Неаполя скифского. К тому же, и среди остального погребального инвентаря могилы на валу Каменского акрополя есть близкие аналогии вещам из ранних погребений неапольского мавзолея: золотые трубчатые пронизи, веретенообразный эллинистический бальзамарий, на-

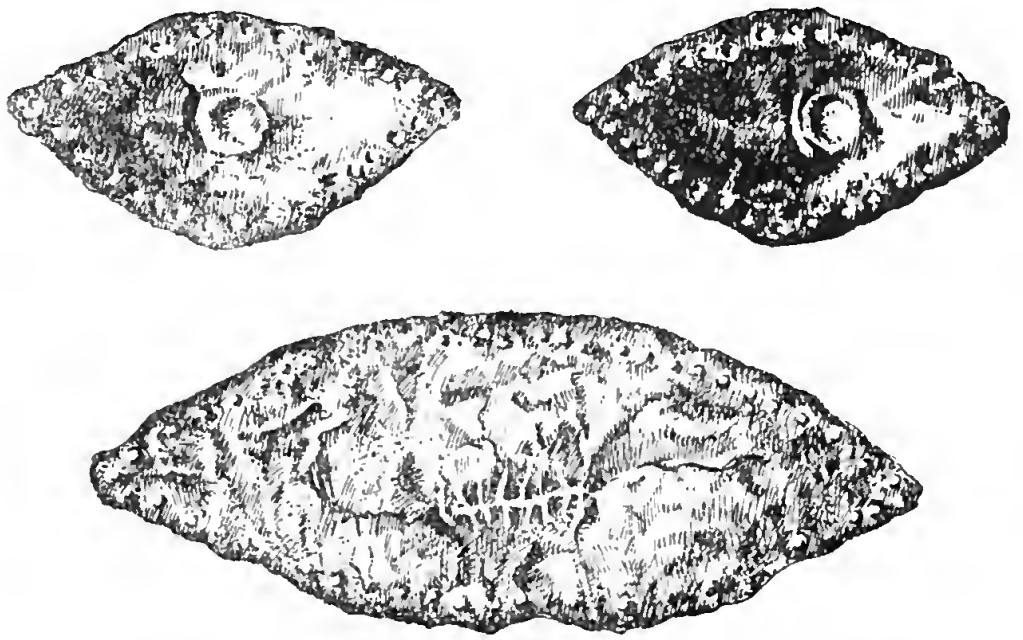


Рис. 2. Золотые лицевые пластины из погребения на валу акрополя Каменского городища.

бор разноцветных стеклянных бус. Найденная вместе с ними мегарская чашка позволяет датировать погребение II в. до н. э. Близкое сходство инвентаря этой могилы с ранними погребениями из мавзолея Неаполя свидетельствует об их одновременности и об едином культурном укладе скифской знати на севере и юге поздней Скифии.

Имеются сведения о находках золотых лицевых пластин в Пантикапее [1] и Ольвии [2].

Особенно много золотых лицевых пластин найдено в Херсонесе, причем преимущественно в могилах первых двух веков нашей эры, в частности в так называемых пристенных склепах. Формы и типы их, как и в мавзолее Неаполя, очень разнообразны, однако точных аналогий пласти-

[1] Л. И. Чунстова, Пополненне исторнко-археологнческого музея, «Крымская правда», № 125, от 25 июня 1952 г.

[2] Л. В. Орешников, Несколько замечаннй о древностях, найденных в Парутнне в 1891 г., «Древности», Труды МАО, т. XV, в. II, М., 1894, стр. 1—13, рнс. 4—7.

нам Неаполя среди них нет. В большинстве случаев херсонесские пластины, судя по публикациям, очень схематизированы[1] (табл. II, *2—8*). Некоторые наглазники соединены перемычкой[2], что придает им очкообразную форму, подобно наглазникам станицы Ярославской (табл. II, *1*). Аналогичные очкообразные золотые наглазники найдены В. П. Бабенчиковым в Черноречепском могильнике близ Инкермана в 1950 г.[3] (рис. 3).

Наиболее северной из находок золотых наглазников в СССР является очкообразная пара с ромбовидными прорезями и золотой нагубник из могильника около деревень Броды и Горбунята, Молотовской области, открытого Новокрещенных и расследованного А. А. Спицыным[4]. Могильник дает разновременный материал от эпохи бронзы и до средневековья. Судя по аналогиям, молотовские лицевые пластины могли быть импортированы с юга в начале нашей эры.

Рис. 3. Золотые наглазники из Черноречепского могильника.

Употребление лицевых пластин, очевидно, имеет тот же смысл, что и применение погребальных масок. Последние приняты в погребальном ритуале разных народов земного шара, находящихся на разных этапах развития человеческого общества. Применение маски может быть вызвано разными культовыми соображениями. В первобытном обществе в основе его может лежать чувство страха перед покойником, свойственное народам, стоящим на низкой ступени развития, желание закрыть ему лицо, чтобы он не мог видеть живых и увлечь их за собой. Пережитком этого представления, вероятно, является существующий местами и сейчас в быту крестьянского населения Европы и у некоторых народов обычай закрывания глаз покойника монетами, занавешивания ему лица[5]. В более развитом обществе с усложненными религиозными представлениями обряд этот был, повидимому, переосмыслен в направлении заботы о благополучии покойного и мог иметь целью сохранение его телесных черт для «загробного» существования[6]. В таком случае маска призвана заменить подверженные тлению черты лица. Вероятно, из этих же соображений возникает обряд мумификации в древнем Египте.

Известны погребальные маски из разных материалов[7] однако золотые погребальные маски были распространены, повидимому, только в кру-

---

[1] Херсонесский сборник, II, Севастополь, 1927; ОАК, 1892, стр. 21, рис. 10, *1*; ОАК, 1891, стр. 140, рис. 155; стр. 144, рис. 173.

[2] ОАК, 1892, стр. 21, рис. 10; стр. 110, рис. 68.

[3] В. П. Бабенчиков, Отчет о раскопках Черноречепского могильника в 1950 г. (Хранится в архиве Крымского филиала АН УССР).

[4] ОАК, 1898, стр. 47, рис. 82.

[5] В. Харузина, Этнография, в. 1, М., 1909, стр. 388—389.

[6] Н. Харузин, Этнография, IV, СПб., 1905, стр. 206.

[7] Например, маски из гипсовидной массы в погребениях таштыкской культуры Южной Сибири

гу передиеазиатских, средиземноморских и причерноморских культур. В Египте, классической стране погребальных масок, золотые или золоченые маски иа мумиях встречаются во все исторические эпохи, в том числе и в эллиинстическо-римский период. Эгейский мир дал знамеиитые золотые маски, открытые Шлиманом в микенских шахтовых гробницах среднеминойского периода (первая половина II тысячелетия до н. э.). К пережиткам микенской традиции можно отнести золотые маски из архаических погребений (вторая половина VI в. до н. э.) в Требениште (Югославия).

В Месопотамии золотые маски известны только для позднеримского времени, но есть косвенные указания, что они встречались и раньше.

Финикийцы также употребляли золотые маски, которые во всяком случае засвидетельствованы для римского времени.

К этому же времени, повидимому, отиосятся и две золотые маски из Северного Причерноморья: одна из Керчи — найдена в т. н. погребении царицы в кургане на Глиинще (раскопки Ашика 1837 г.), датированном моиетой III в. н. э.[1]; другая из Ольвии, найденная в каменной гробнице кургана, изданного Уваровым[2].

Обе маски относятся к богатым погребениям местной знати.

Наряду с погребальными масками у разных народов употреблялись лицевые пластины из золота, а также и других материалов, закрывающие только глаза, губы, а иногда и другие части лица. Такие пластины, повидимому, имели тот же ритуальный смысл, что и погребальные маски, их назначение особо охранить для той или иной цели наиболее важные части лица. Не исключена возможность, что наглазники и нагубники нашивались на матерчатую маску. На эту мысль наводит обычай, существовавший до недавнего времени у вогулов и остяков, которые покрывали голову покойного куском материи или олеиьей шкуры и прикрепляли на месте глаз, носа, губ и ушей серебряные или медные пуговицы[3]. Отсутствие следов маски под золотыми лицевыми пластинами можно было бы легко объяснить непрочностью матерчатой или иной легко разрушающейся основы. Во всяком случае показательно, что употребление золотых наглазников и нагубников мы найдем прежде всего у тех народов, у которых засвидетельствованы и золотые погребальные маски.

Наиболее ранние из известных золотых наглазников дает эгейский мир, а именно пластины в виде узких и длинных золотых лент из погребений на острове Мохле древнеминойского периода (III тысячелетие до н. э.). На одной из них изображены два глаза, другая — орнаментирована крестиками, на третьей — изображены фигуры животных — кабанов или со-

---

[1] ДБК. 1, стр. 11 сл.

[2] А. Уваров, Исследования о древности Южной России, 1856, табл. XIV, *1*.

[3] И. П. Росляков, Похоронные обряды остяков, Ежегодник Тобольского губернского музея, в. V (1890-е годы); R. F. Karjalainen, Die Religion der Jugra-Völker, 1, Helsinki, 1921, стр. 93. Этнографические параллели указаны нам В. Н. Чернецовым.

бак [1] (табл. III, *2*). По времени эти иаглазники предшествуют микенским маскам и, может быть, являются их исходной формой.

В Месопотамии лицевые пластины (судя по имеющемуся археологическому материалу) также предшествовали маскам.

В Тель-Халафе (Сев. Месопотамия, страна Субарту) в царском погребении конца II тысячелетия до н. э. найден золотой нагубник, роскошно орнаментированный синей и белой эмалью.

Он закрывал рот и подбородок. Сбоку нагубника были ушки для продергивания шнура (табл. III, *1*).

Там же, в шахтовой гробнице, под тронной статуей богини, в сосуде с драгоценностями найдена гладкая золотая пластина эллипсоидной формы, повидимому, тоже нагубник [2]. Следов наглазников в погребениях Тель-Халафа не найдено.

Многочисленные лицевые пластины найдены в погребениях микенского времени в Энкоми на Кипре (вторая половина II тысячелетия до н. э., табл. III, *3—4*). Кипрские пластины отличаются богатым штампованным орнаментом со стилизованными растениями или священными животными: львами, сфинксами, козами. Наряду с ними встречаются и гладкие продолговатые пластинки с пунктирным орнаментом. На всех кипрских пластинах имеются отверстия, вероятно, для продергивания шнура, при помощи которого пластина прикреплялась на лице. В тех редких случаях, где инвентарь найден in situ, обнаружены только нагубники [3].

Повидимому, финикийские купцы заносят лицевые пластины в отдаленную Сардинию. Об этом свидетельствует найденный в Тарросе, в могиле VII—VI вв. до н. э., небольшой нагубник из листового золота, который так же, как и пластины Энкоми, имеет отверстие для продергивания шнура [4].

В могилах парфянского периода Месопотамии в Варке — древнем Эрехе — к ЮВ от Вавилона, Лофтус обнаружил золотые пластины, закрывавшие все лицо покойного; иногда же ему встречались по две золотых полоски с каждой стороны головы [5], которые, возможно, накладывались на глаза.

В Дура-Европосе, на границе Сирии и Месопотамии, в целом ряде могил I—II вв. н. э. найдены комплекты золотых наглазников и нагубников или же разрозненные пластины. Опубликованные лицевые пластины Дура-Европоса имеют овальную форму и отличаются отсутствием каких бы то ни было изображений или орнамента [6]. В углах пластин имеются отверстия для продергивания шнура. В двух случаях наглазники имеют очкообразную форму.

---

[1] Б. Л. Богаевский, Крит и Микены, 1924, рис. 27.
[2] M. Oppencheim, Der Tell Halaf, Leipzig, 1931.
[3] E. Gjerstad, The Swedish Cyprus Expedition, Stockholm, 1934.
[4] F. Marshall, Catalogue of the Jewellery, British Museum, 1911. № 1480.
[5] Loftus, Travels and Researches in Chaldala and Susiana, N. Y, 1857.
[6] The Excavations of Dura-Europos, Preliminary Report of the IX Season of Work, 1935—1936, part II, The Necropolis, New Haven, 1946.

В Египте известны мумии первых трех веков нашей эры (большое количество их найдено в Абусир-эль-Мелеке), у которых глаза, губы, язык, груди или грудные соски, пупок, половые органы и ногти на руках

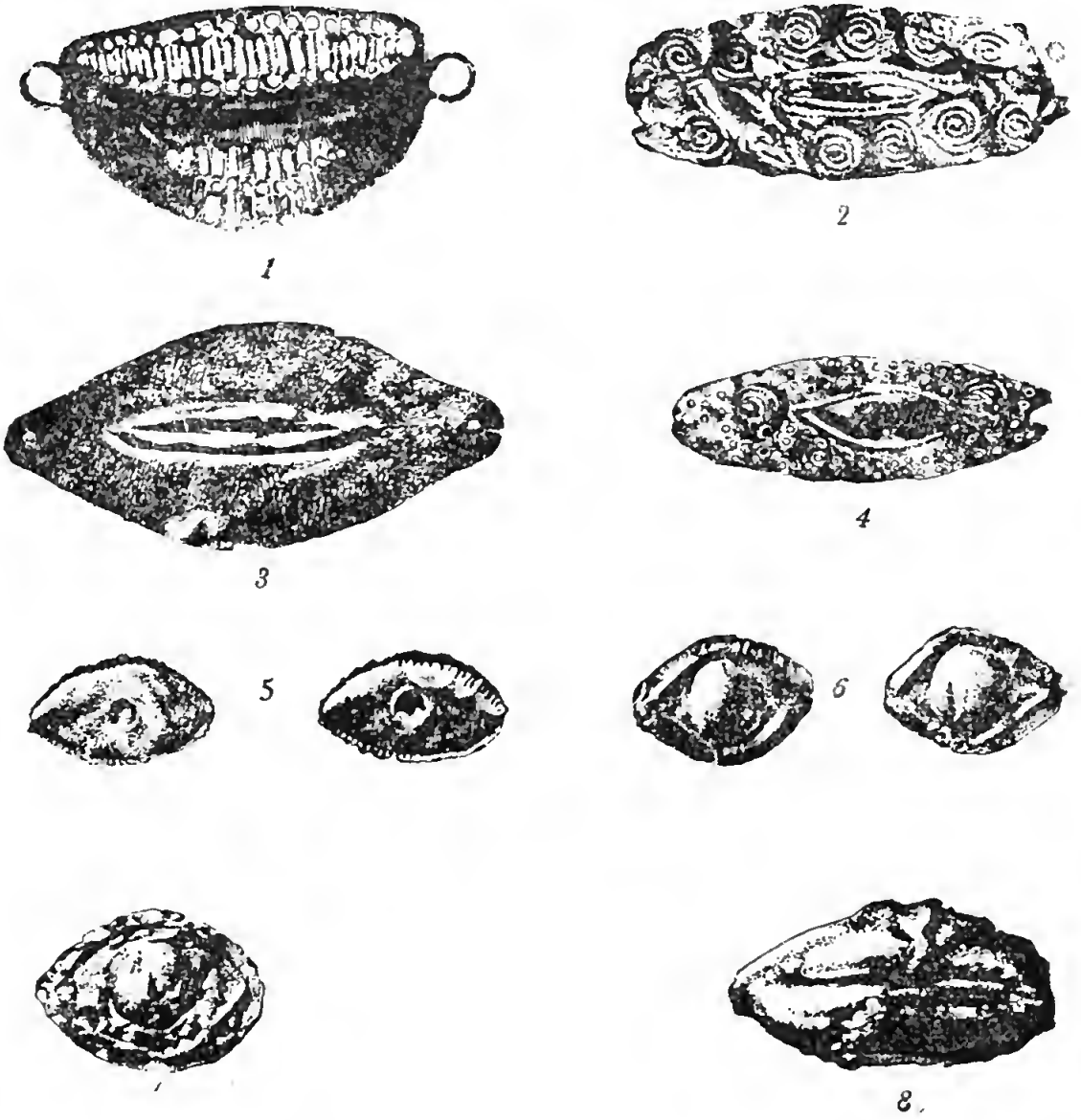


Табл. III.

1 — золотые лицевые пластины с острова Мохла; *2* — золотой нагубник из Тель-Халафа; *3—4* — золотые лицевые пластины из Эйкоми (Кипр); *5—8* — золотые лицевые пластины из Египта.

и на ногах были покрыты золотыми пластинами, оттиснутыми из тонкого листового золота по форме данной части тела, иногда с пунктирным орнаментом (табл. III, *5—8*) [1]. На наглазниках часто бывает отмечено выпуклостью глазное яблоко.

[1] H. Schäfer, Aegiptische Goldschmiedarbeiten, Berlin, 1910, стр. 71.

Из вышеприведенного обзора можно сделать следующие выводы: 1. Лицевые пластины большей частью встречаются у племен и народностей, применяющих и погребальные маски. 2. Золотые лицевые пластины вместе с золотыми погребальными масками в основном концентрируются в районах распространения переднеазиатских и средиземноморских культур.

В Северном Причерноморье золотые лицевые пластины появляются лишь в II—I вв. до н. э. и, повидимому, ранее, чем здесь были введены в употребление погребальные маски. До этого времени погребальный ритуал племен и народностей Северного Причерноморья подобного обряда не знает. Во время появления золотых лицевых пластин в Северном Причерноморье этот обряд засвидетельствован наверняка лишь для Месопотамии и, видимо, для Кавказа. Изображение оленя на наглазниках станицы Ярославской роднит последние с алгетскими пластинами, на которых изображены фигуры птиц, и с изображениями священных животных на кипрских и эгейских пластинах. Это дает основание предполагать, что золотые лицевые пластины могли впервые проникнуть в Северное Причерноморье с Востока через Кавказ в эпоху позднего эллинизма. В первые века нашей эры они уже довольно широко употреблялись в местном погребальном ритуале.

Ритуальное наложение золотых лицевых пластин в Северном Причерноморье прежде всего, повидимому, прививается в среде местной знати с ее тяготением к богатству и роскоши в погребальном обряде. Грекам этот обряд был чужд в равной мере как и наложение погребальных масок.

Быть может, для быстрого усвоения этого обряда местной знатью сыграли роль отчасти практические соображения: закрыть черты лица усопшего во время длительного погребального обряда. По Геродоту (IV, 71), у царских скифов был обычай тело умершего царя возить по подвластным племенам для оказания ему соответствующих почестей. Может быть, похороны знатных скифов Неаполя тоже обставлялись какой-нибудь длительной процедурой. Нужно, однако, отметить, что в основном, самом богатом и самом консервативном по ритуалу погребении мавзолея — каменной гробнице — лицевых пластин не оказалось. Повидимому, этот обряд был новшеством, не связанным с исконными обычаями скифов.

В связи с усилением процесса варваризации греческого населения Северного Причерноморья в первые века нашей эры золотые лицевые пластины постепенно распространяются и на некрополи греческих городов нашего юга, и в разное время мы встречаем их и в Херсонесе, и в Ольвии, и в Пантикапее. Нужно думать, что не из Херсонеса пришли лицевые пластины в Неаполь скифский, а, наоборот, из Неаполя в Херсонес [1].

Следует, однако, отметить, что в смысле внешнего оформления лице-

[1] В 1955 г. Н. А. Богданова при раскопках позднескифского могильника близ с. Заветное, лежащего на путн из степей в Херсонес, в одной из могнл I—II вв. н. э. обиаружила сильно схематизированные золотые наглазники и нагубник. В том же году В. В. Борисова в Херсонесе в вырубном склепе III в. н. э. нашла еще более схематизированные золотые лицевые пластнны, являющнеся нз известных наиболее позднимн.

вые пластины из Неаполя скифского отличаются от кавказско-кубанских пластин с их штампованным орнаментом и фигурными изображениями. На пластинах Неаполя отмечаются лишь детали глаз и рта. Стиль и техника первых значительно более упрощены, выпуклость глазного яблока и рельефные детали, как ресницы и пунктир, сделаны, повидимому, вручную, путем выдавливания тупым инструментом с обратной стороны каждой детали в отдельности.

Ряд пластин сильно схематизирован. Местное своеобразие пластин из Неаполя сказалось, в частности, и в асимметричности внутри одного и того же комплекса, на что указывалось выше. Типологически пластины Неаполя стоят ближе к позднеегипетским пластинам. Повидимому, мода на лицевые пластины именно такого рода, со схематизированным изображением частей лица, охватила в последние столетия до нашей эры и первые столетия нашей эры обширную область, в том числе Египет и скифский Крым.

Обряд наложения лицевых пластин, естественно, применялся только при захоронении особо богатых и знатных покойников и в рядовом грунтовом могильнике того же Неаполя лицевые пластины до сих пор еще ни разу не были встречены. В то же время этот обряд свидетельствует о новых чертах погребального ритуала в позднескифскую эпоху, ознаменованную вообще крупными изменениями в экономике, быте и культуре населения скифского государства.

А. П. Манцевич

РИТОН ТАЛАЕВСКОГО КУРГАНА

В числе шести курганов, раскопанных Н. И. Веселовским в 1891 г. в Симферопольском уезде, был курган (высотой 3,20 *м*), находившийся на земле М. Д. Талаевой на спуске к левому берегу р. Салгира и получивший название «Талаевский».

При раскопках кургана, в его насыпи, была найдена амфора с вдавленным клеймом [1]; она была разбита и не сохранилась. Могильная яма имела в длину 3,90 *м*, в ширину 1,78 *м*, в глубину 2,10 *м*. Она была вырыта в материке, облицована камнем и перекрыта деревом и каменной насыпью. Когда деревянное перекрытие сгнило, камни рухнули и завалили могилу. Тем не менее удалось проследить положение погребенного и расположение вещей в могиле (рис. 1).

В юго-западном углу могилы, ориентированной с востока на запад, была «полочка» из камней, на которой лежали кости — остатки жертвенной пищи, присутствие которых характерно для скифских погребений; возле них находился железный нож с костяной рукояткой (рис. 1, *к*). В трех остальных углах стояло по амфоре. У восточной стенки могильной ямы лежал олений рог, оправленный в тонкое серебро, служивший сосудом для вина (рис. 2, *а*). Справа от костяка, ориентированного головой на запад, возле головы лежали желтый глиняный кувшинчик (рис. 2, *б*) и глиняная «с черной поливой вазочка», разбитая на мелкие куски; вдоль костяка с правой стороны — два копья и три дротика с железными наконечниками и подтоками (рис. 2, *в*), каменный брусок в золотой оправе (рис. 3), железная секира (рис. 2, *г*) с деревянной рукояткой, обвитой золотой лентой (рис. 4). В юго-восточной части могилы был найден бронзовый шлем (рис. 2, *д*) с кожаной подкладкой внутри [2] и железные «гаечки» для рем-

---

[1] ОАК, 1891, стр. 77.

[2] Воспроизведен Б. З. Рабиновичем в статье «Шлемы скифского периода» (ТОПКГЭ, т. I, 1941, стр. 133, рис. 11, *а*, *б*); определяется им. как «поздний вариант

ней или ворворки (рис. 2, *е*). Слева от погребенного лежали стрелы с бронзовыми трехгранными наконечниками (рис. 2, *ж* и рис. 5).

На самом скелете находились следующие предметы: на шее — золотой обруч с головами львов на концах (рис. 6), на правой руке золотое спиральное кольцо (рис. 7, *б*), на левой — серебряный перстень с овальным щитком с золотым полумесяцем на нем (рис. 7, *а* и 2, *з*), в области ребер

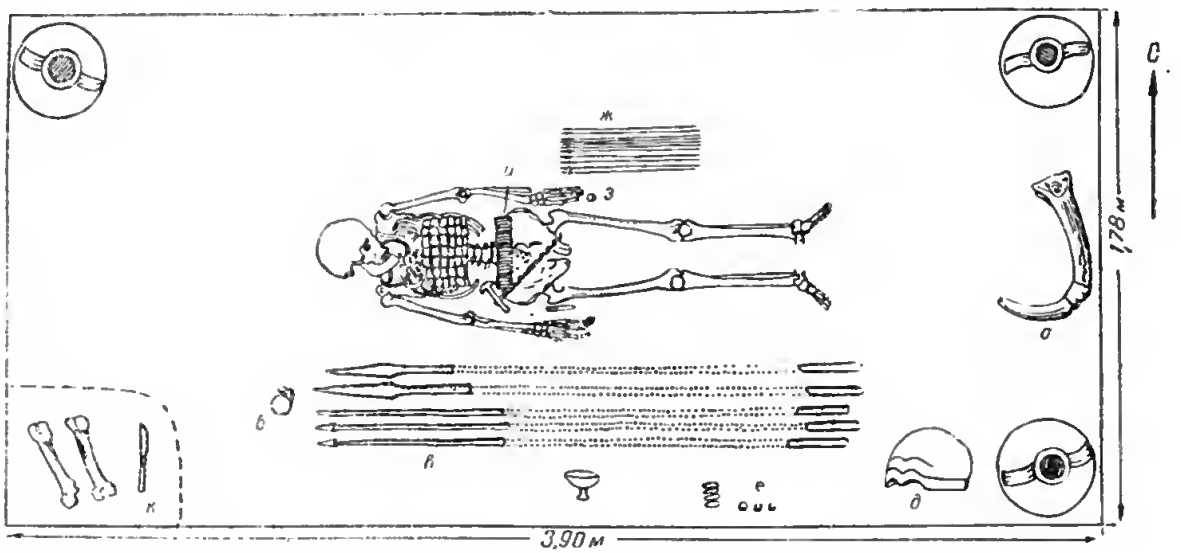


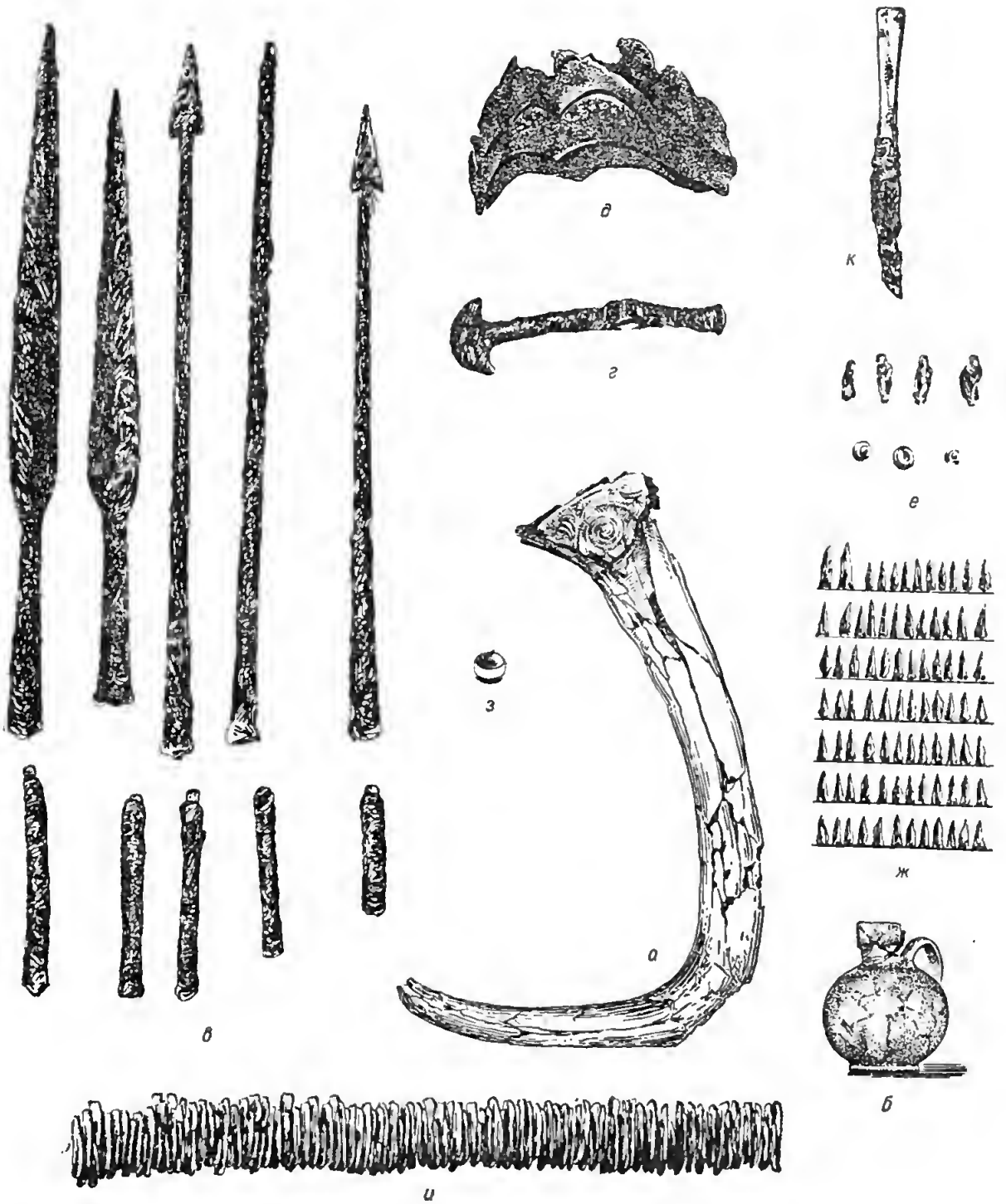
Рис. 1. Схематический план размещения предметов в погребении Талаевского кургана.

и позвоночника бронзовые чешуйки, очевидно, от панцыря, и узкие бронзовые пластинки от поясного набора (рис. 2, *и*).

Инвентарь погребения, за исключением чешуек панцыря, амфор и «глиняной с черной поливой вазочки», хранится в Государственном Эрмитаже. Местонахождение недостающих предметов, анализ которых был бы чрезвычайно важным для датировки комплекса, к сожалению, неизвест-

---

местного типа», изготовленный под греческим влиянием, как и шлем из кургана Солоха. С подобным определением, однако, согласиться невозможно, так как шлемы талаевский и из кургана Солоха являются предметами ввоза и первоначально имели форму, близкую шлемам с. Пастырского, усадьбы Кекуватского, Ольвийского и т. п., которые Рабинович считает греческими (табл. 14, 15 и 18). Все эти шлемы изготовлены в одинаковой технике ковки. Такой же «греческий» шлем изображен и на монете македонского царя Кассандра (306—297 гг.) (См. H. Gaebler, Die antiken Münzen Nordgriechenlands, t. III, Makedonia u. Paeonia, B., 1935, табл. 32, 13). Поэтому импортные шлемы, и в том числе талаевский и шлем из кургана Солоха, можно было бы считать греческими лишь условно. Влияние кубанских шлемов на талаевский и из кургана Солоха сказалось лишь в том, что у обоих при использовании их в иной среде, аналогичной той, в которой бытовали кубанские шлемы, были срезаны нащечники и назатыльники и шлемам придан ровный край, снабженный отверстиями для прикрепления подкладки, как и на кубанских шлемах; шлемы талаевский и из кургана Солоха приобрели благодаря этому форму, подобную форме кубанских шлемов.



Фис. 2. Часть погребального инвентаря (*а, б, в, г, д, е, ж, з, и*) из Талаевского кургана.

но[1]. М. И. Ростовцев[2] на основании сходства львиных голов талаевского шейного обруча с головами на обручах из Куль-Обы (рис. 8) и Солохи (рис. 9) датирует Талаевский курган III в. до н. э. Между тем, не говоря уже о недостоверности комплекса Куль-Оба и невозможности датировать курган Солоху концом IV в. или III в. до н. э., сходство между указанными предметами недостаточно, да и датировка погребения на основании

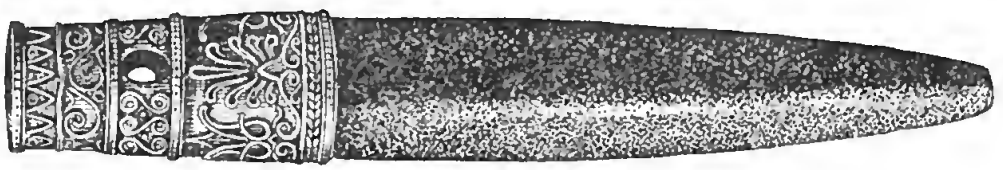


Рис. 3. Каменная «точилка» в золотой оправе.

только золотых предметов, бытующих долго и переходящих от одного владельца к другому, может быть только приблизительной. Для определения места Талаевского кургана, как и всякого другого аналогичного памятника, в истории культуры Северного Причерноморья необходим анализ всех предметов комплекса.

С этой точки зрения особый интерес представляет найденный в погребении ритон — рог оленя в серебряной оправе. Согласно отчета, он был

Рис. 4. Золотая спиральная лента с рукояти секиры.

«раздавлен камнями на мелкие куски, собрать которые вполне было невозможно».

Первое воспроизведение его имеется у Н. П. Кондакова, который приводит ритон в качестве образца древнего рога для питья и считает, что ритон обладает «замечательным сходством с Черниговскими рогами»[3].

В 1941 г. нам удалось почти полностью восстановить ритон (выс. 35,5 *см*), который имел сильно изогнутую форму (рис. 10, 11).

---

[1] Дело Археологической комиссии № 22 (1891 г.).

[2] M. Rostowzew, Skythien und der Bosporus, Berlin, 1931, стр. 357.

[3] Н. П. Кондаков, Русские клады, т. I, СПб., 1896, стр. 14—16, прим. 2-е; рис. 5 — схематическая реконструкция и рис. 6 — верхняя часть ритона. Это воспроизведение указано нам А. А. Иессеном.

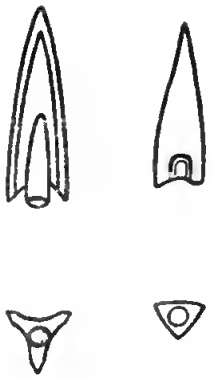


Рис. 5. Типы наконечников стрел.

Рис. 7а. Перстень серебряный с золотым полумесяцем.

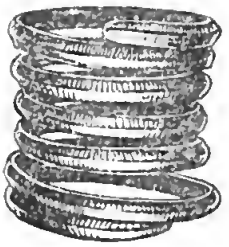


Рис. 7б. Кольцо спиральное. Золото.

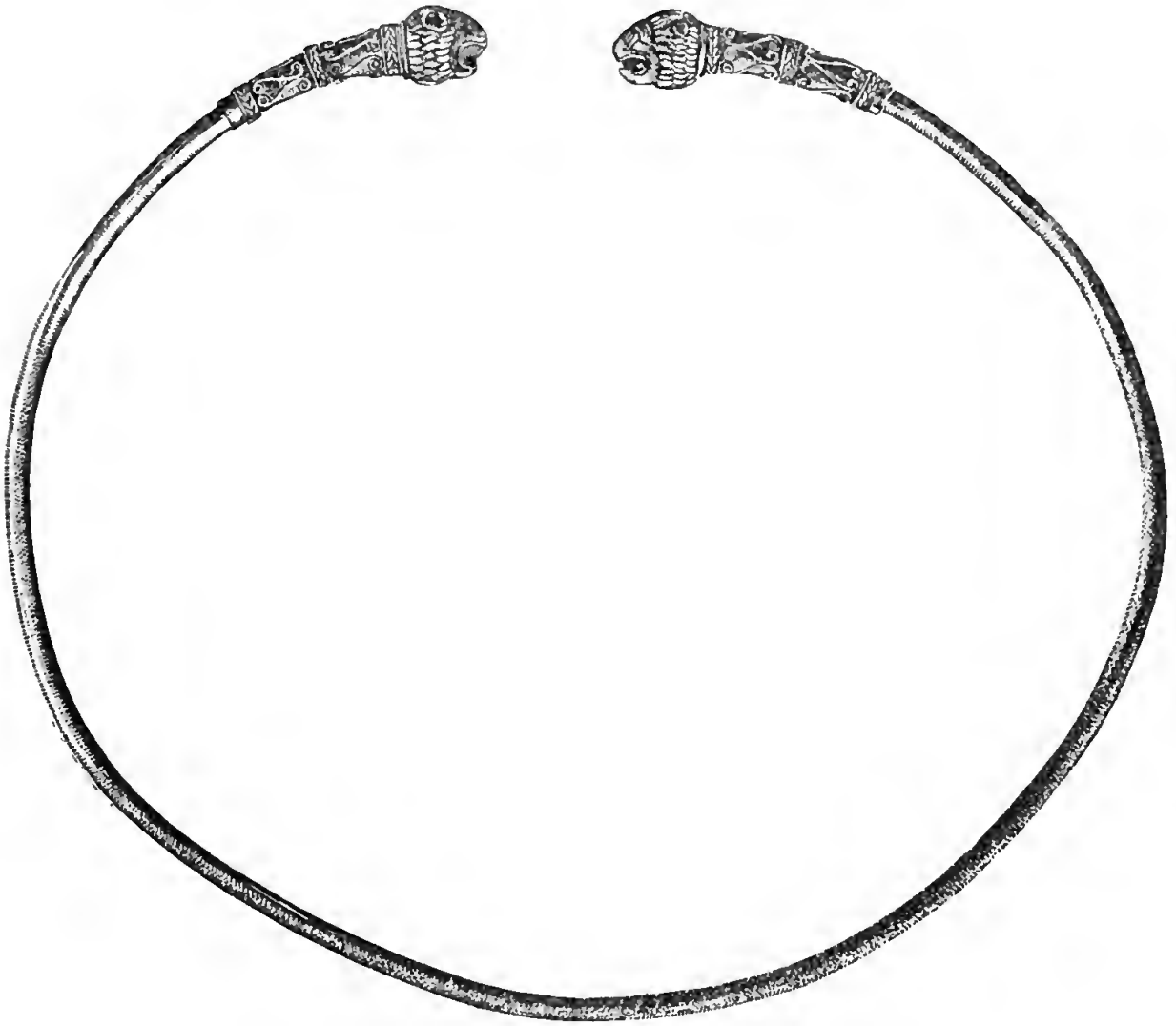


Рис. 6. Шейный обруч. Золото.

Для изготовления этого сосуда был использован рог благородного оленя, именно надглазничный отросток с частью основного стержня до первого его разветвления [1]. На прилагаемом рисунке, изображающем схему рога оленя, отмечена использованная для выделки сосуда часть рога и место прикрепления серебряной облицовки (рис. 12) [2]. Основание рога, имевшее пористую структуру, было удалено, и образовавшееся отверстие овальной формы заделано роговой же пластинкой, впущенной в зарубку

Рис. 8. Курган Куль-Оба. Головки львов — концы шейного обруча. Золото с эмалью.

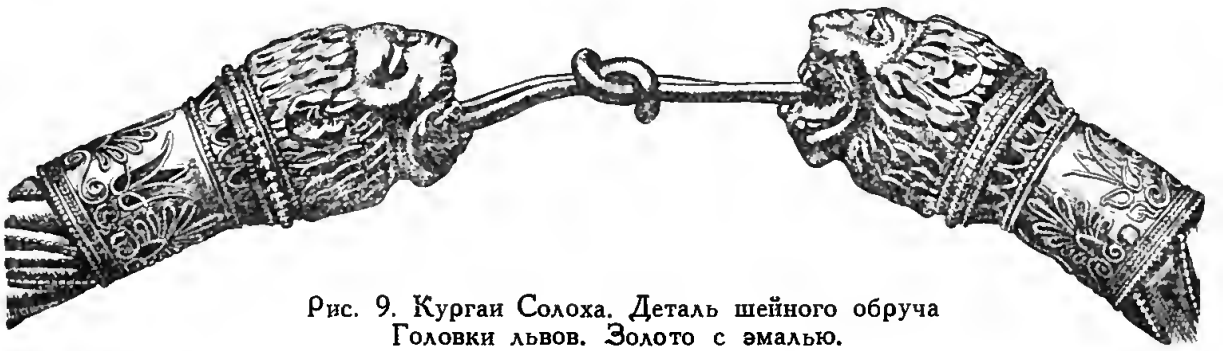


Рис. 9. Курган Солоха. Деталь шейного обруча
Головки львов. Золото с эмалью.

отверстия (рис. 13) и затем скрепленной серебряным пластинчатым ободком [3]. На вогнутой стороне рога этот ободок имел в ширину 3,3 *см*, на выпуклой 8 *см*. От ободка сохранились лишь небольшие обломки (рис. 14, нижний ряд). Граница ободка, так же как и граница серебряной обивки венчика ритона, предварительно была обозначена на поверхности рога врезанной линией. Ободок был прибит к рогу мелкими серебряными и железными гвоздиками.

После сглаживания ответвлений рога, приходившихся на верхнюю часть сосуда, на последней образовались выемки, которые также были заделаны прибитыми снаружи при помощи серебряных гвоздей роговыми

[1] Определение сотрудника Зоол. музея АН СССР С. У. Строганова.
[2] Консультация во время работы и схема этого рисунка даны нам М. П. Грязновым.
[3] Об этом свидетельствуют остатки гвоздей и следы окиси на поверхности рога.

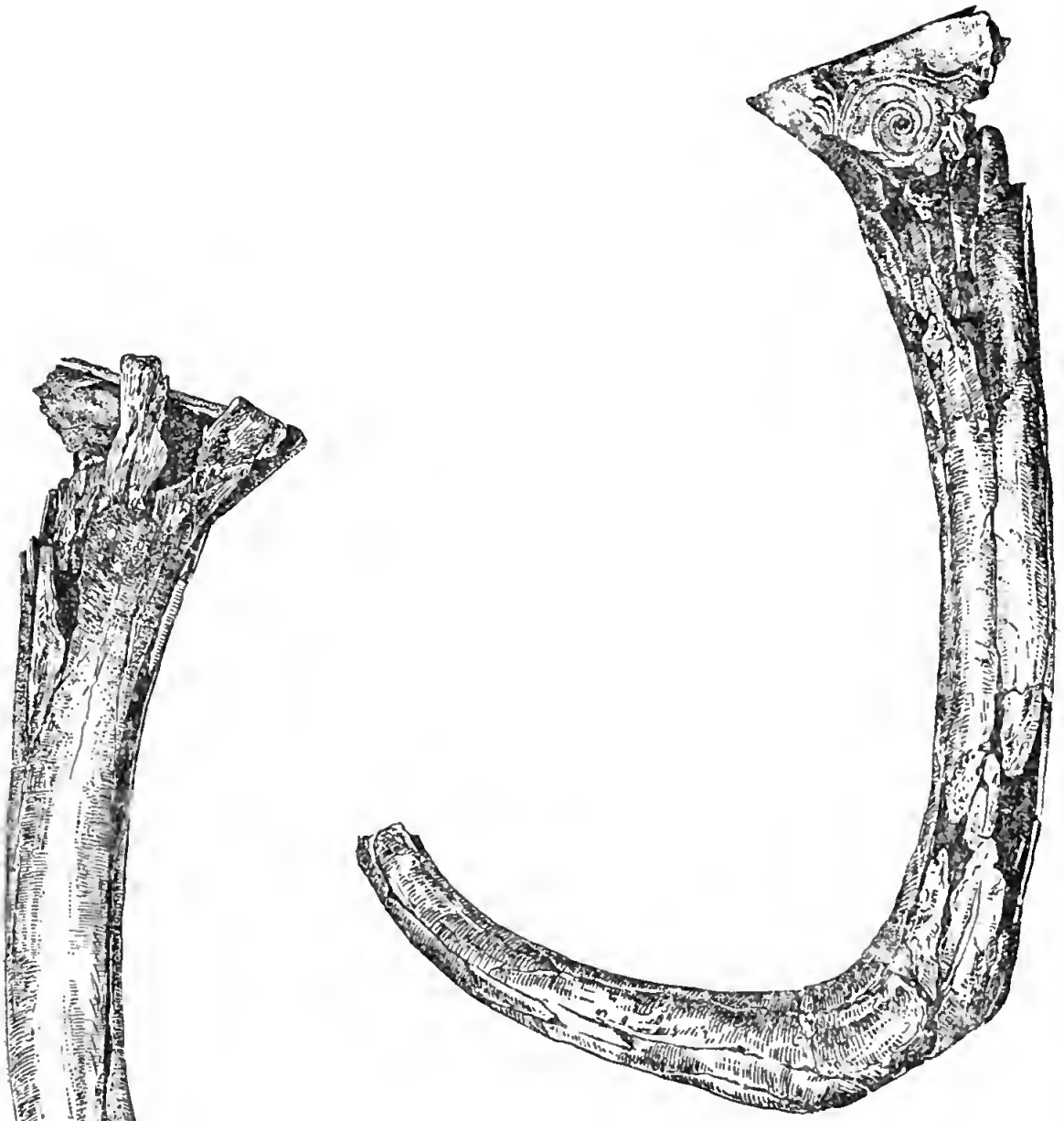


Рис. 10. Ритон после реставрации. Рог, серебро.

Рис. 11. Ритон после реставрации. Оборотная сторона.

пластинками полуовальной формы (рис. 15). Таким образом, верх ритона получил трехгранную форму с прямым контуром венчика. Он был облицован укрепленной при помощи заклепок пластиной листового серебра, шириной в 5—7,5 *см* (рис. 16 и 17) с рельефным изображением чеканных пальмет и лотосов с завитками. Этот орнамент выполнен в том же стиле и технике, что и растительный орнамент чертомлыцкой вазы, помещенный

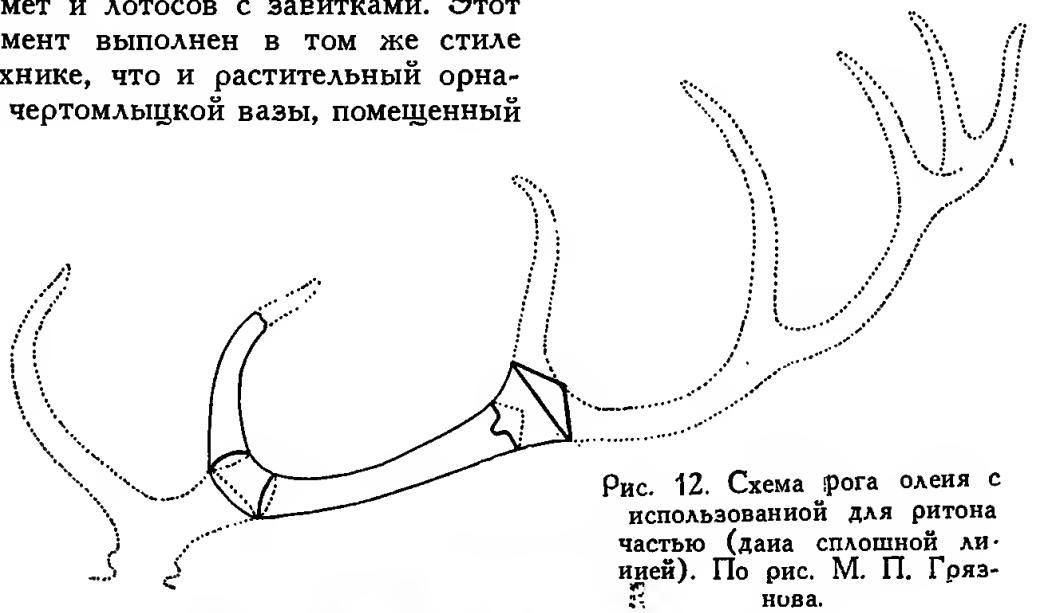


Рис. 12. Схема рога оленя с использованиой для ритона частью (даиа сплошной линией). По рис. М. П. Грязнова.

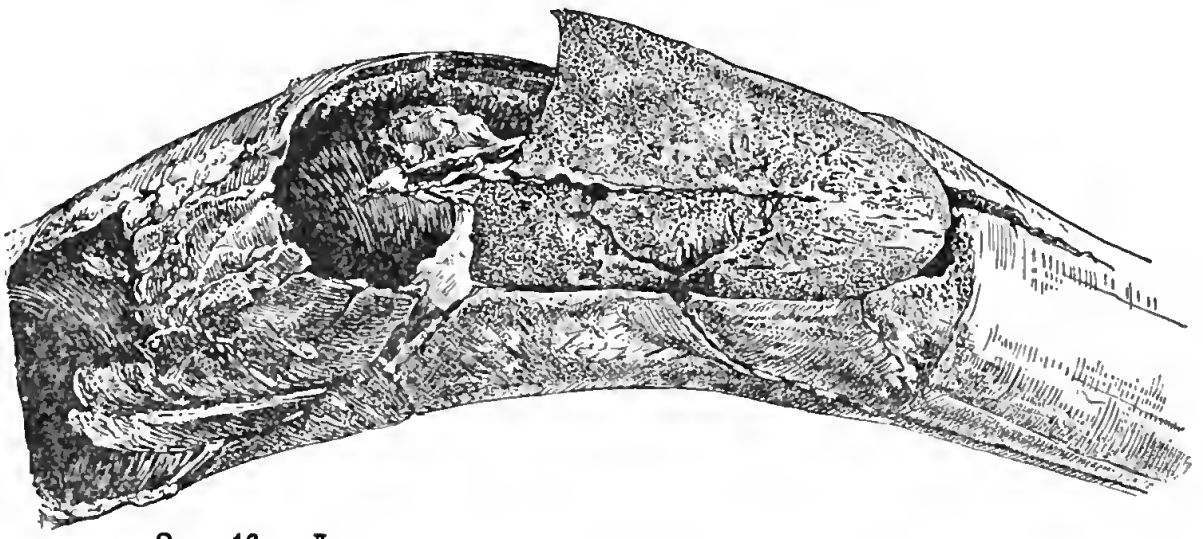


Рис. 13. Деталь ритоиа: средияя часть, после реставрации.

е нижней ее частн на тыльной стороне; такие детали орнамента, как пальметка и полупальметка, волюты, бутон лотоса, цветок с четырьмя лепестками, имеются и на вазе (рис. 18) и на ритоне (рис. 14 и 16). При сопоставлении этих мотивов (рис. 19) их сходство оказывается настолько велико, что может быть объяснено лишь при условии происхождения ритона и вазы из одного художественного центра.

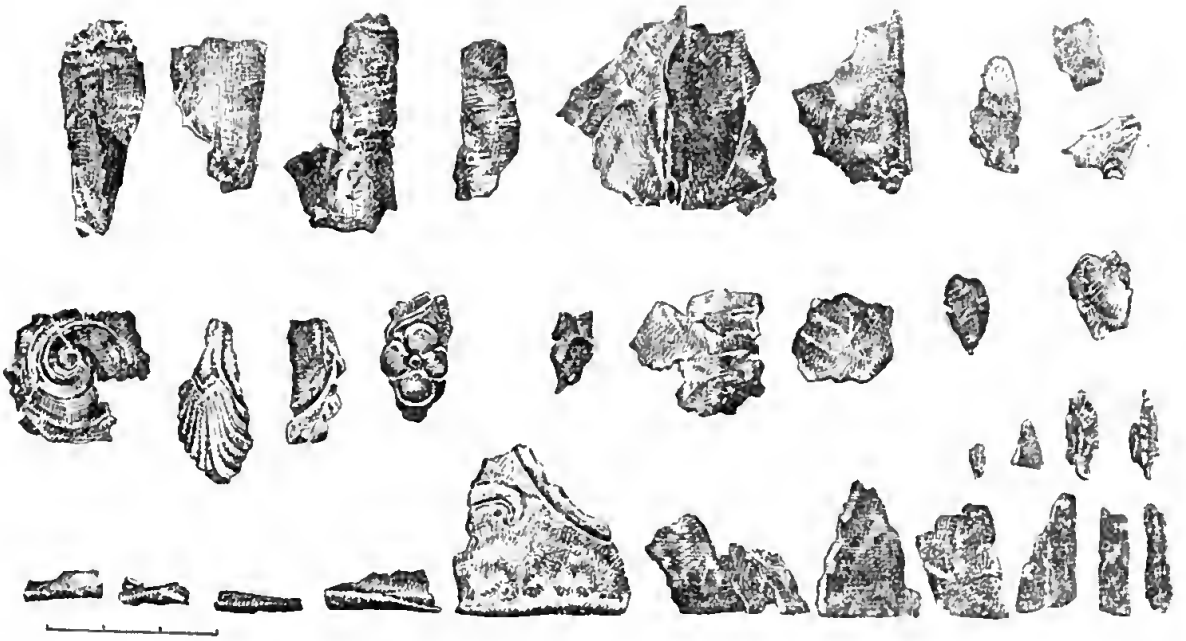


Рис. 14. Обломки оболочки ритона. Серебро.

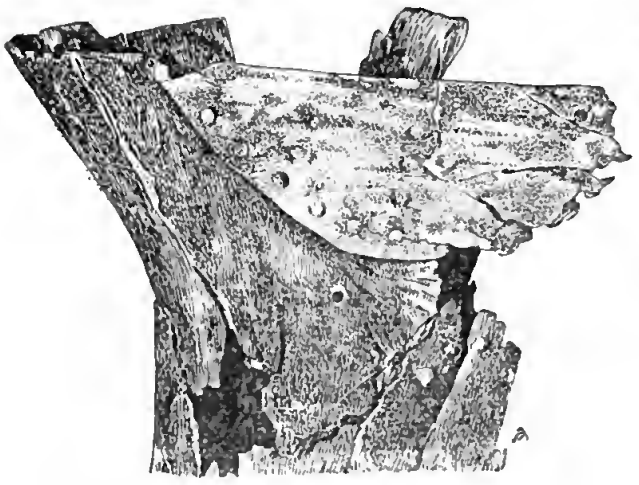


Рис. 15. Венчик ритона без серебряной оболочки.

Рис. 16. Венчик ритона с серебряной оболочкой.

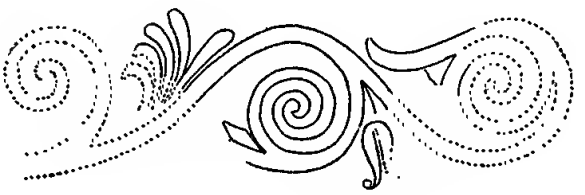


Рис. 17. Реконструкция орнамента серебряной оболочки венчика ритона.

Острый конец рога не сохранился. Можно предполагать, что на нем мог быть надет наконечник из серебра или золота, обычно имеющий форму головы животного, по аналогии с серебряными ритонами из второго Семибратнего кургана (рис. 20) или из курганов Куль-Оба и Карагодеуашх (рис. 21), заканчивающимися золотой головкой барана или льва[1].

Рис. 18. Чертомлыцкий курган. Тыльная сторона вазы. Серебро.

О широком применении сосудов из рога, близких по времени и территории талаевскому, свидетельствует, например, тот факт, что на пиру у фракийского династа Севта, по сообщению Ксенофонта (Anab., VII, III, 24—32), для питья вина употреблялись вместо кубков рога — κέρατα. На аудиенции Ксенофонта у Севта, после взаимных приветствий, «согласно фракийскому обычаю», Севт и его гости пили вино из кубков такой формы. (Там же, VII, II, 23). Таким образом, в южной Фракии в 399 г. до н. э. κέρας был обычной принадлежностью богатой трапезы. Это подтверждают находка золотого наконечника ритона в гробнице кургана «Рошава могила» близ Пловдива, раскопанной в 1926 г. (рис. 22)[2], а также изображение на монете Эна 400—350 гг. до н. э.[3].

Наконечник из кургана «Рошава могила» имеет форму головы барана, как и наконечник упомянутого ритона Семибратнего кургана (рис. 23). Стилистически он почти тождественен изображениям барана на конце золотой гривны V в. до н. э. из Герлово, Османпазарского округа (рис. 24)[4] и на ручке серебряного сосуда со сценами охоты из кургана Солоха (рис. 25).

Афиней, основываясь на трагедии Эсхила «Перребы», сообщает, что перребы, племя, подвластное фессалийцам и обитавшее на границе с Ма-

---

[1] ДБК, табл. XXXV, 5.

[2] Ив. Велков, Тракийската гробница при Старо-Ново-село, Годишник на народната библиотека в Пловдив, 1925, София, 1927, стр. 175, рис. 4.

[3] J. Hirsch, Auctions-Catalog v. griechishen und römischen Münzen, № XII, München, 1904, табл. IV, 137.

[4] Известия Болг. арх. друж., VII, 1919—1920, стр. 149, рис. 110.

кедонией, пользовались вместо кубков рогами и сосудами в форме рога, выкованными из серебра, к которым приделывали золотые венчики, а также, что царь Филипп свою благосклонность к тому или другому лицу выражал тем, что пил за его здоровье из рога. Далее Афиней указывает, что цари пеонов, обитавших к северу от Македонии, использовали рога быков для изготовления кубков, оправляя края их в серебро и золото (Athen., XI, 476 *D*). При разгроме столицы даков Сармицегетусы Траяном были захвачены огромные сокровища Децебала, часть которых, как свидетельствует Свида, была посвящена в святилище Зевса на Κάσιον ὄρος; среди даров были «серебряные кратеры и очень большие рога быков, украшенные золотом» (Anthol. Palat., VI, 332. Svidas s. v. Κάσιον ὄρος; Dio Chrysost., LXVIII, 14, 4). Из Афинея узнаем, что и афиняне делали и употребляли серебряные кубки в форме рогов: Ἀθηναῖοι δὲ καὶ ἀργυρᾶ ποιοῦντες κέρατα ἔπιον ἐξ αὐτῶν (Athen., Deipnosophist., XI, 476 e), а в установленной на акрополе стеле среди приношений значится — κέρας ἔκπωμα ἀργυροῦν, т. е. «сосуд в виде рога серебряный»[1]. Древние германцы также употребляли во время торжественных пиров изготовленные из рога зубра или дикого быка кубки, верхний край которых был оправлен в серебро (Caes., De bello Gallico, VI, 29).

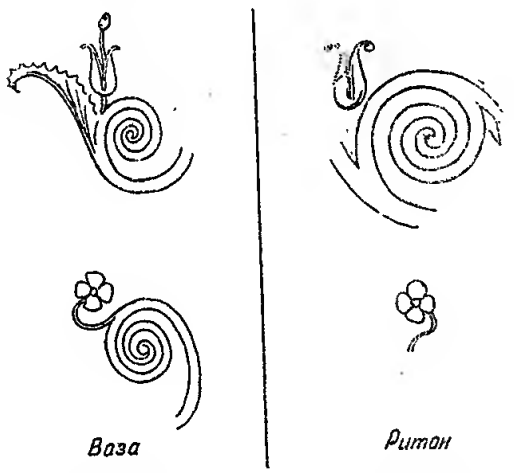


Рис. 19. Сходные детали орнамента чертомлыцкой вазы и талаевского ритона.

Аналогичные сведения имеются и о Пафлагонии, где греки, предводительствуемые Ксенофонтом, встретили в быту местного населения много сосудов из рога, которые они и сами стали употреблять (Anab., VI, 1, 4).

Таким образом, сосуды из рога и металлические ритоны наиболее широкое применение получили, повидимому, в областях не греческих: Малой Азии, Фракии, Македонии, Дакии или районах полугреческих, как Фессалия, причем имеются прямые указания на перребов и пеонов, изготовлявших сосуды из бычьих рогов и украшавших их как золотом, так и серебром.

Очевидно, и в остальных областях распространения таких сосудов (если там был рогатый скот и добыча серебра и золота) последние также не были предметами импорта из Греции. Можно предположить, что κέρατα были обычными сосудами и у скифских племен. Все сказанное относится к бычьим рогам, многие воспроизведения которых в драгоценном метал-

[1] Corpus Inscriptionum graecarum edidit Aug. Boeckhius, v. I, 1828, № 151, строка 37, стр. 218—252; при этом ссылается на Athen., XI, p. 476 E.

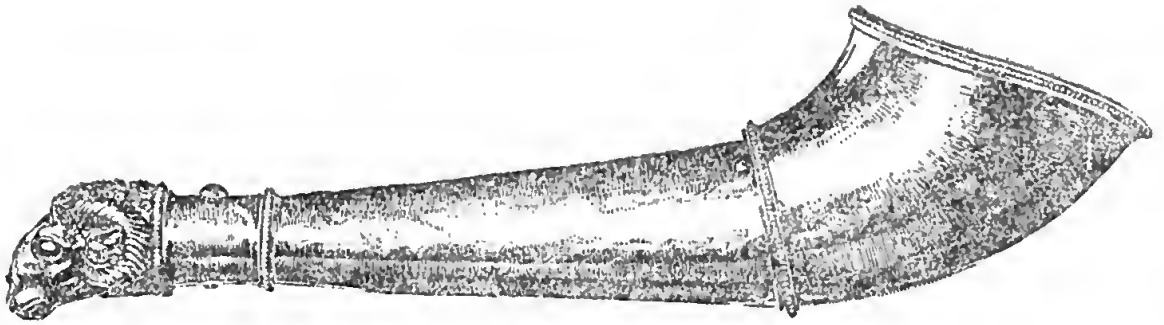


Рис. 20. Второй Семибратний курган. Средняя часть и наконечник ритона. Золото.

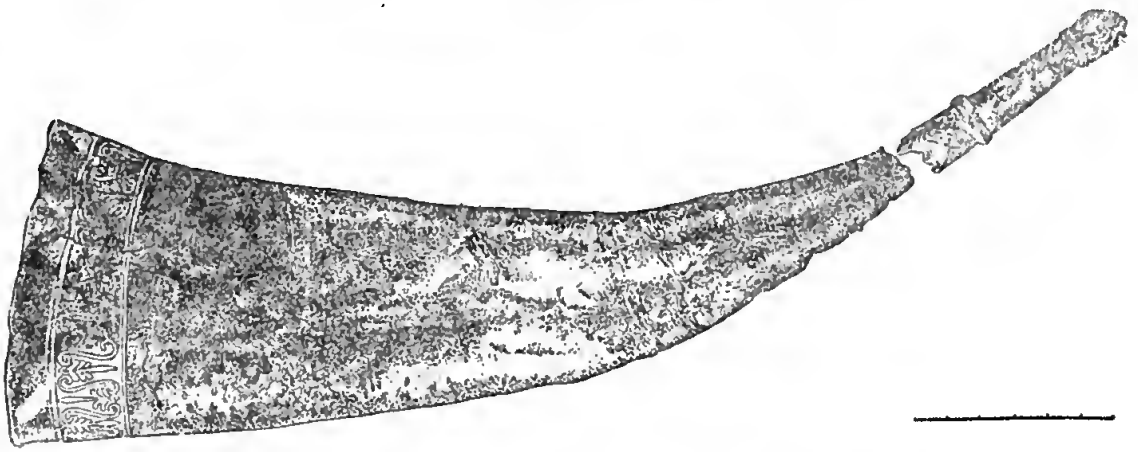


Рис. 21. Карагодеуашх. Ритон. Серебро.

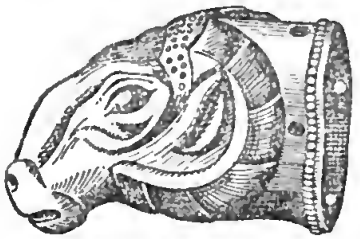


Рис. 22. Наконечник ритоиа из «Рошава могила» близ Пловдива.

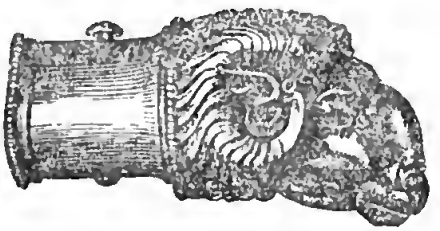


Рис. 23. Накоиечиик из второго Семибратнего кургана

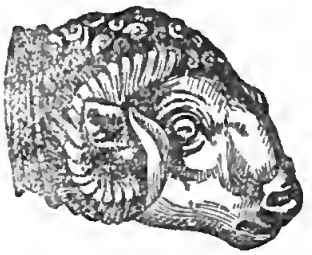


Рис. 24. Наконечиик шейиого обруча из Герлово (Османпазарский округ). Золото.

ле — золоте или серебре — оставили нам курганы Северного Причерноморья. Талаевский ритон — первый известный нам пример использования рога оленя в качестве сосуда.

Сопоставление главного фриза чертомлыцкой вазы с серебряными монетами фессалийского города Лариссы довольно точно определяет время изготовления этой вазы: 361—353 гг. до н. э.[1]. Стилистическое же сходство орнамента серебряной обивки талаевского ритона с орнаментом чертомлыцкой вазы определяет и его дату примерно второй четвертью IV в. до н. э.

Рис. 25. Курган Солоха. Ручка сосуда (со сценами охоты). Серебро.

Что касается происхождения ритона, то изучение найденных в кургане Солоха двенадцати глиняных амфор показало, что один из типов амфор (рис. 26), представленный в этом кургане двумя экземплярами, совпадает по форме с серебряной вазой Чертомлыцкого кургана (рис. 18)[2]. Амфора аналогичной формы, обвитая гроздьями винограда, изображена и на монетах города Тероны, славившегося своим вином и широко его экспортировавшего[3].

Естественно, что Терона для экспорта своего вина пользовалась и тарой местного производства. Поэтому совпадение формы чертомлыцкой вазы с формой амфор, изображенных на монетах Тероны, вряд ли является случайностью. Поблизости Тероны в горах Дисора и Бермия, а также в области бизальтов находились серебряные рудники. Все это дает основание предполагать, что местом происхождения чертомлыцкой вазы и талаев-

---

[1] ВДИ, 1949, № 2, стр. 206.

[2] Сообщения Государственного Эрмитажа, в. IV (1947), стр. 3. рис. 1.

[3] H. Gaebler, Die antiken Münzen Nordgriechenlands, III, Makedonia u. Panonia Berlin, 1935, табл. XXII, *7—9*.

ского ритона являлся именно район Халкидики, исконным населением которой были фракийцы.

Наличием золотых и серебряных рудников на севере Халкидики объясняется обилие монет прекрасной чеканки, связываемых с этими районами. Рудники Пангея издавна разрабатывались фракийцами, а главным образом никогда и никем не покоренными сатрами—бессами (Herod., VII, 112). Легендарный царь фракийцев Рес описывается Еврипидом, как «скрытый в пещерах сереброносной земли» (Eur., Rhesos, 970), т. е. связанный с серебряными рудниками, иначе говоря, владевший ими [1].

Рис. 26. Курган Солоха. Амфора из западной ниши.

Фракия в глазах гомеровского грека представлялась как бы страной обетованной. В X песне «Илиады», в эпизоде посещения Одиссеем и Диомедом лагеря троянцев и стоянки Реса, особенно подчеркивается богатство и великолепие вооружения, утвари и всего снаряжения фракийского отряда и, главным образом, самого царя Реса (Il., X, 438—439, 471—472 и 504).

Среди предметов из имущества Приама, составляющих выкуп Ахиллу за труп Гектора, самой ценной оказалась «прекрасная чаша, полученная им от фракийцев, когда он был к ним послом» (Il. XXIV, 230—235). Надо полагать, что эта чаша была золотая или серебряная.

Из сказанного можно заключить о развитии в древнейшие эпохи металлургии и искусства у фракийских племен, что позднее засвидетельствовано, как было указано выше, также и широко распространенной у них чеканкой монет, главным образом, серебряных: названия племен зеэлиев и оррескиев стали известны только благодаря их монетам, чеканившимся уже в VI в. до н. э. Ряд фракийских царей чеканил монеты со своими именами, как, например, Спарадок (ок. 450—431 гг. до н. э. чеканил мо-

[1] Р. В. Шмидт, Очерки по истории горного и металлообрабатывающего производства в античной Греции, ИГАИМК, в. 108, стр. 231.

неты в Олинфе), или его сыи Севт (424—405)[1]; Амадок I или Медок (405—391) имел монетный двор в прииадлежавшей ему Маронее. Котис I (383—359) чекаиил моиеты в Кипселе иа Гебре[2]. Даже Македоиия после завоеваиия Фракии для чекаики своих моиет также использовала фракийские моиетиые дворы, иапример Амфиполя и Абдеры[3]. Об изобилии золотого чекаиа в южной Фракии в IV в. до и. э. свидетельствуют богатые клады, найденные как в близлежащих к Фракии областях, например в Анадоле, Марасешти, так и в белее отдалением пуикте (Лубянка, близ Ольвии)[4]; клады же на территории самой Фракии (Волчи Трын, Николаево, Паиагюрище) говорят об исстари существовавшем здесь высоком искусстве обработки драгоцеииых металлов, в изобилии добывавшихся в этой области Фракии[5].

Приведеиные факты свидетельствуют о богатствах Фракии и ее высокоразвитой для того времени обработке металлов как в эпоху Гомера, так и в классический период. Такую же оценку искусству и развитой техиике металлургии древних фракийских племен дают академик Н. С. Державии[6] и А. Л. Погодии[7].

Из новейших авторов следует отметить работу Т. Д. Златковской, в которой она указывает на сравиительио высокий уровень культуры фракийцев Западного Черноморья[8]. Т. В. Блаватская отмечает у «высокоразвитых в экоиомическом и культурном отиошеиии фракийцев» эпохи позднего эллиинизма развитие металлургии еще в X—IX вв. до и. э., что было связаио с богатством страны медью, золотом, серебром и другими металлами[9].

Скифы, как мы знаем из источиików, были тесно связаиы с фракийскими племеиами. Об этой близости свидетельствуют общеизвестные факты взаимного предоставления убежища при дииастических смутах, браки между скифами и фракийцами, иечеткость в определеиии принадлежности к скифам или фракийцам агафирсов, племеии пограиичиого между Скифией и Фракией, а также иаличие кровного родства братьев Скифа и Агафирса в легеиде о происхождеиии скифов. Характерио, что древние авторы под-

---

[1] B. V. Head, Historia numorum, Oxford, 1887, стр. 239—240.

[2] Там же, стр. 241.

[3] А. Н. Зограф, Статеры Александра Македоиского из керчеиских и тамаиских иаходок, ТОАМГЭ, т. I, 1945, стр. 94—96; его же, Аитичиые моиеты, М.—Л., 1951, стр. 47.

[4] А. Н. Зограф, Аитичиые моиеты, М.—Л., 1951, стр. 129.

[5] В. Миков, Тракийски иакитии предмети V—IV вв. до и. э., Известия Болг. арх. друж., 17. София, 1950, стр. 155; указывается иа остатки древиих рудиików иа Родопе, Страидже, Стара и Осоговска плаиииа и в других пунктах.

[6] Н. С. Державии, История Болгарии, т. I, М.—Л., 1945, стр. 51 и 54.

[7] А. Л. Погодии, К вопросу о фракийцах, Сборник статей по археологии и этиографии, СПб., 1902, стр. 131—154.

[8] Т. Д. Златковская, Нижиедуиайские племеиа в первые два века иашей эры, ВДИ, 1951, № 1, стр. 241—244.

[9] Т. В. Блаватская, Западио-поитийские города в VII—I вв. до и. э., М., 1952, стр. 14 и 240.

черкивали, что агафирсы имели общие черты как со скифами, так и с фракийцами (Herod., IV, 76, 78 и 100) [1]. Племенное родство скифов и фракийцев отмечалось разными исследователями как раньше [2], так и в последнее время [3], однако вопрос этот нельзя еще считать решенным.

Вернемся к вопросу о добыче металла и металлообработке в Фракии. Ее недра разрабатывались самими фракийцами еще во времена Гомера: это видно, например, из того, что троянец Гелен поразил Деипира «огромным фракийским мечом» (Il., XIII, 577).

Как во времена Реса, так и в эпоху расцвета царства одрисов при дворах династов Фракии и Македонии предметы из драгоценных металлов выделывались, очевидно, местными мастерами, о чем свидетельствуют рано развившаяся чеканка монет (серебряные монеты оррескиев и зеэлиев конца VI в., с некоторой долей вероятности локализуемых на Стримоне у Прасийского озера), а также золотые и серебряные предметы, происходящие из курганов V—IV вв. в Южной Болгарии (Панагюрище, Радювене, Кукова могила); эти предметы нередко имеют греческие надписи с именами «варваров» — владельцев (могилы Башова, Големата, Рахманлий), а иногда и надписи на фракийском языке, начертанные греческим алфавитом (перстень из Езерово) [4]. Не случайно даже рудники Лавриона разрабатывал фракиец Сосий. Спрос на эти предметы был не только у знати в Македонии и южной Фракии, но и в обширных районах Западного и Северного Причерноморья, включая и область Пантикапея, особенно в эпоху господства там фракийской династии Спартокидов.

На основании изложенного можно полагать, что большая часть шедевров торевтики, сочетавших в себе тонкость техники и изысканность стиля с чуждыми античной Греции сюжетами, а часто и формой, не могла быть продукцией самой Греции, но была создана, скорее всего, в районах рек Аксия, Стримона и Гебра и проникала через западное Черноморье в области, родственные Фракии по культуре и социальному строю. Одним из примеров такого импорта, как мы полагаем, и является ритон большого Талаевского кургана [5].

Западное Причерноморье, где сочетались скифские и фракийские эле-

---

[1] В приведенной Геродотом легенде о происхождении скифов Скиф, Гелон и Агафирс — родные братья (Herod., IV, 10). Прадед скифского мудреца Анахарсиса и царь агафирсов носили одно и то же имя Спаргапифа (Herod., IV, 76 и 78). Это дает основание предполагать, что и агафирсы принадлежали к группе скифских племен. Характерно также, что Геродот называет Дунай первой из рек Скифии (Herod., IV, 48).

[2] В. М. Флоринский, Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, Томск, 1894, стр. 83.

[3] М. И. Артамонов, Этногеография Скифии. Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, в. 13, 1949, стр. 166.

[4] Известия Болг. арх. друж., т. III, София, 1912, стр. 205—206 и 218—221, табл. III.

[5] О македоно-фракийском происхождении стилистически близкой ритону чертомлыцкой амфоры и родственных ей предметов торевтики см. нашу статью в ВДИ, № 2, 1949, стр. 206 и 216.

менты, не только было промежуточным звеном во взаимоотношениях Скифии и Фракии, но во времена Атея и само было важнейшим центром скифской культуры и формирующейся государственности.

Тесные взаимоотношения Фракии с севером Эвксинского Понта засвидетельствованы не только родственными связями скифской и фракийской знати в известных эпизодах со Скилом и Октамасадом, но и сходством имен собственных, многочисленными находками отдельных предметов и целыми комплексами богатых скифских погребений Северного Причерноморья и фракийских, исследованных раскопками последних десятилетий на территории Болгарии.

Чуждая роскоши Греция не могла создать условий для развития ювелирного искусства и торевтики, и предметы роскоши создавались и накапливались преимущественно вне Греции. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что к моменту завоевания Павлом Эмилием Македонии у ее последнего царя Персея (178—168) было сосредоточено множество предметов из драгоценных металлов, даже с учетом тенденции к преувеличению в описании Плутархом триумфа Павла Эмилия [1].

В 1949 г. близ Панагюрище в бассейне Гебра, на территории древнего царства одрисов был найден клад весом более 9 *кг*, состоящий из 9 украшенных чеканными рельефами золотых сосудов, при этом 4 из них имеют форму ритонов. Этот клад служит ярким показателем роскоши, окружавшей варварскую верхушку населения Западного Причерноморья в раннеэллинистическую эпоху [2].

Современными специалистами по истории Северного Причерноморья в древности, к сожалению, недостаточно внимания уделяется выяснению вопроса о происхождении золотых и серебряных вещей, найденных в курганах скифо-сарматской эпохи. Б. В. Фармаковский, который останавливался в свое время на этом вопросе, был безусловно прав, отрицая связь с греческими колониями Причерноморья этих предметов, имеющих чуждые греческим изделиям форму и применение; речь идет о налучьях-горитах, точильных камнях в золотой оправе (например, в курганах Куль-Оба, Чмырев, Чертомлыцкий, Карагодеуашх и т. д.). Б. В. Фармаковский правильно объединял их в один художественный центр с керамическими изделиями, носящими отпечаток ювелирной техники (очевидно, имея в виду лекифы Ксенофанта, фанагорийские фигурные вазы и т. п. предметы) [3].

В свете сказанного вопрос определения шедевров золотых и серебряных изделий из скифских курганов Северного Причерноморья, как изделий

---

[1] Плутарх, Жизнеописания, Павел Эмилий.

[2] Дм. Цончев и П. Горбанов, Находка от антични златен сервиз за пнене при Панагюрище. Годишник на археологическия музей в Пловдив, т. II, 1950, стр. 243—244, рис. 12.

[3] Б. В. Фармаковский, Золотые обивки налучий из Ильинецкого и Чертомлыцкого курганов, Сборник статей в честь Бобринского, СПб., 1911, стр. 114. Липпольд приписывает понмеиованиым предметам понтийское происхождение, PWR-E s. v. Torevtik, Zweite Reihe, Band GA, Stuttgart, 1837, Sp. 1763.

якобы греческих мастеров на Боспоре, а также роль Фракии и так иазываемых «варваров» в производстве этих вещей иуждаются в корением пересмотре. Можио предполагать, что и в Греции в V—IV вв. до и. э. рабы (Thuc., VII, 27), наиболее искусиые в обработке драгоценных металлов [1], происходили из таких областей, как Фракия, где эти металлы были особеино распространеиы. Имеиио во Фракии спрос иа изделия из золота и серебра был особенно велик, как, например, у одрисов, где драгоцеииая утварь употреблялась для подарков, а также и в других «варварских» областях, иапример в Македоиии, где существовал обычай дарить веики и посуду из золота и серебра во время пира его участникам [2]. Медный штамп для изготовлеиия бляшек, найдеииый в Тиритаке В. Ф. Гайдукевичем [3], и три аналогичиых штампа Одесского музея из иеизвестных мест Керчи [4] иеопровержимо свидетельствуют о иаличии производства золотых и серебряиых предметов также и в Северием Причерноморье, в частности, и иа Боспоре, ио масштаб его был иевелик в сравиеиии с юго-западными областями добычи и обработки драгоцеиных металлов.

Тесиейшие культуриые взаимосвязи между Скифией и Фракией подтверждаются наличием в кургаиах Севериого Причерноморья и Болгарии золотых и серебряных предметов высокой техиики, специфической формы и назиачеиия, воспроизводящих сюжеты, свойственные изделиям только этих областей. Я имею в виду электровую вазу и шейный обруч с фигурами варваров из кургаиа Куль-Оба, серебряиый сосуд из Радювене, точильиый камеиь в золотой оправе из Талаевского (рис. 3) и других упомянутых ранее кургаиов, а также иалучья из золота и серебра в курганах Солоха, Ильинецком, Чертомлыцком, Карагодеуашхе и Мелитопольском [5].

Поэтому, если можно приписать аттическое происхождение предметам, имеющим греческую форму и сюжеты, как это сделал Шефольд в отиошении серебряиых киликов Семибратнего кургаиа [6], то этим еще ие решается вопрос о происхождеиии предметов торевтики, сочетающих греческую форму с негреческим сюжетом (рис. 18). Сказаииое отиосится и к предметам, имеющим чуждую греческим изделиям форму, но снабженным, как полагает Б. В. Фармаковский, греческим сюжетом, каковыми являются, иапример, ильиецкий, чертомлыцкий и мелитопольский гориты, серебряиые сосуды с изображением птиц из Чмыревой могилы и из Куль-Обы и с изображеиием сфиикс — из Солохи, ритон Талаевского кургаиа и т. д.

---

[1] М. С. Куторга, Собраиие сочиненний, т. I, СПб., 1894, стр. 390.

[2] Ср., например, опнсаиие пира Александра Македонского у Элиана (Var. hist., II, 41) или свадебного пира македоняиниа Карана у Афииея (Deipnosophist., IV, 128 d, e, 129 a), или пира, устроеиного в честь Антоиия Клеопатрой в Кликин (Athen., Deipnosophist., IV, 148 a).

[3] В. Ф. Гайдукевич, Находка античного броизового штампа в Тиритаке, СА, II, 1940, стр. 298—301.

[4] Сведения об одесских штампах сообщены иам С. И. Капошиной.

[5] А. И. Тереиожкин, Скифский курган в г. Мелитополе, КСИА, в. 5, К., 1955, стр. 32, рис. 11.

[6] RM 46 (1931).

Число находок интересующей нас категории памятников на территории древней Фракии непрерывно растет; наиболее ярким примером служит упомянутый клад из Панагюрище. Дальнейшие исследования дадут возможность подтвердить на новом материале высказанное положение о роли Халкидики, Македонии и Фракии в связи с решением вопроса о происхождении выдающихся предметов торевтики, найденных в скифских курганах, и нарисовать картину культурного единства Северного и Западного Причерноморья в скифскую эпоху [1].

Таким образом, изучение талаевского ритона, единственного в своем роде памятника скифской эпохи в Северном Причерноморье, ставит широкие проблемы и намечает пути для их решения, которые сводятся к следующему: сходство стиля, техники и материала чертомлыцкой вазы и ритона Талаевского кургана позволяет объединить эти предметы во времени и считать их изделиями одного художественного центра на Халкидике. Ритон, как и ваза, принадлежит к той группе выполненных с большим мастерством золотых и серебряных предметов, найденных в курганах скифской эпохи в Северном Причерноморье, которые принято считать произведениями греческого искусства. Однако анализ этих шедевров торевтики выявляет только им свойственные черты: специфические сюжеты, форму, назначение, чуждые греческому культурному укладу, чему ярким примером может служить описанный ритон.

Наряду с этим известия древних писателей о добыче драгоценных металлов в бассейне Дуная и высокой технике их обработки, а также находки последних лет заставляют пересмотреть некоторые установившиеся положения и признать многие ювелирные изделия, считавшиеся прежде греческими, за продукцию мастеров македоно-фракийских областей IV в. до н. э.

---

[1] Этой теме была посвящена диссертация болгарского ученого А. М. Иванова: «Этнические и культурные связи между фракийцами и скифами в VIII—IV вв. до н. э.», однако в вопросе о происхождении рассмотренной нами группы предметов торевтики он придерживается общепринятой точки зрения.

Т. Н. Троицкая

НАХОДКИ ИЗ СКИФСКИХ КУРГАНОВ КРЫМА, ХРАНЯЩИЕСЯ В ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Основным археологическим источником для изучения ранней истории крымских скифов являются скифские погребения в курганах Крыма. Поселения скифов возникают в Крыму значительно позже, по преимуществу в III—II вв. до н. э. Поэтому материалы по скифским погребениям в курганах приобретают, наряду со свидетельствами древних авторов, первостепенное, а для раннего времени и решающее значение.

В Крыму раскопки курганов велись в основном в конце XIX в. Н. И. Веселовским и Ю. А. Кулаковским, а также в двадцатых годах нынешнего столетия — Крымским центральным музеем Таврнды. Находки из раскопанных курганов хранятся в настоящее время в Государственном Эрмитаже, в Государственном историческом музее и в Крымском областном краеведческом музее. Материал, хранящийся в центральных музеях, частично уже издан. Находки из Симферопольского музея до сих пор не опубликованы, за исключением отдельных вещей из Тавельских курганов и нескольких предметов из остальных курганов[1]. Среди неизданных материалов есть предметы, небезынтересные в научном отношении.

Целью данной статьи является публикация основной части находок из скифских погребений в курганах Крыма, хранящихся в Крымском областном краеведческом музее. Эти находки, к сожалению, не представляют собою полных комплексов, так как некоторые предметы утеряны, другие же хранятся в Историческом музее и Эрмитаже.

При описании мы, по мере возможности, придерживаемся определенных комплексов, располагая их в хронологической последовательности.

---

[1] ОАК, 1897, стр. 36 сл., рис. 112—117; Bela Posta, Archeologische Studien auf dem Russischen Boden, B. II, Bud.—Leipz., 1905, стр. 477 сл., рис. 265—267; Т. Н. Троицкая, Скифские курганы Крыма, Изв. Крымск. отд. Геогр. об-ва Союза ССР, в. I, 1951, стр. 95—101, рис. 4—7.

1. Курган № 3 у с. Бахчи-Эли (ныне в черте г. Симферополя), раскопан в 1924 г.[1].

Впускное погребение обнаружено в насыпи. Мужской костяк, ориентированный головой на восток, в вытянутом положении, был завален сверху камнями. При нем найдены три небольшие круглые каменные терки, характерные для кизил-кобинской культуры (рис. 1, *б*); точильный

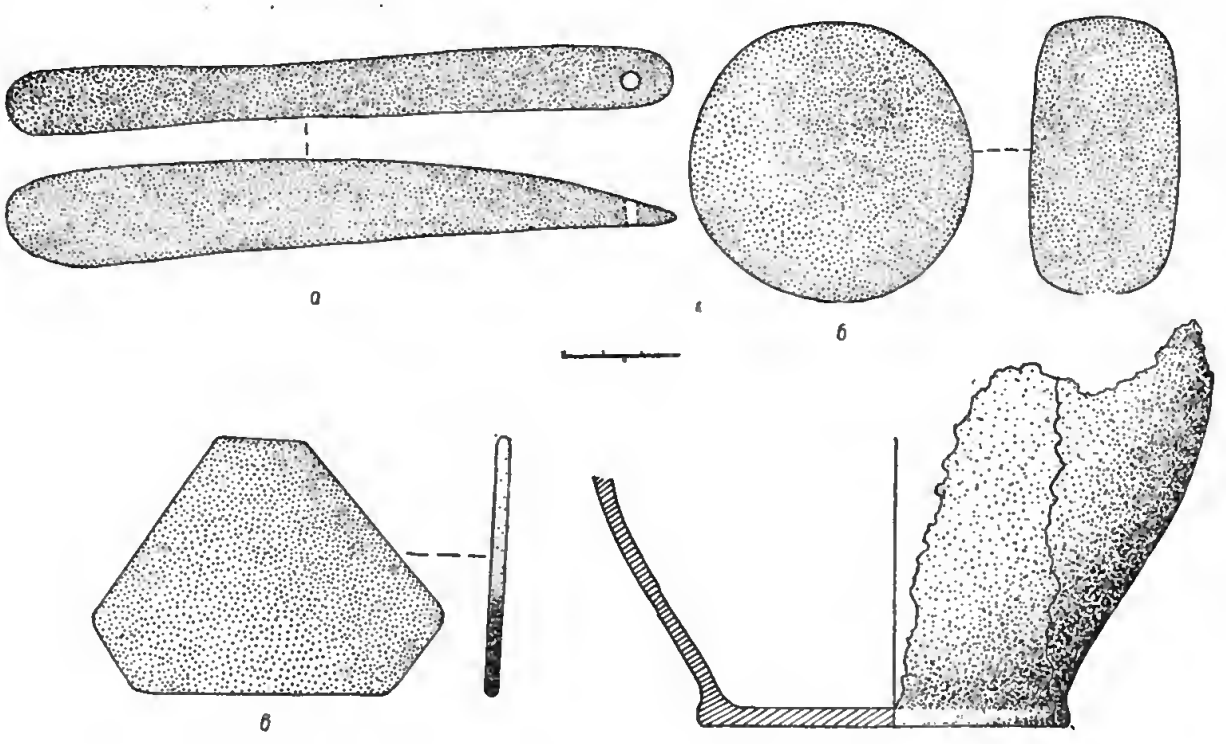


Рис. 1. Инвентарь из кургана № 3 у с. б. Бахчи-Эли:

а — точильный камень; *б* — терочка; *в* — пластинка из песчаника; *г* — дно лепного горшка.

камень с отверстием для подвешивания к поясу (рис. 1, *а*); тонкая пластинка, возможно амулет, из песчаника в форме треугольника со срезанными углами (рис. 1, *в*); нижняя половина скифского лепного горшка (рис. 1, *г*) и бусина из желтой пасты. Характер найденных в могиле бусины и терочек позволяет отнести погребение к раннескифскому времени.

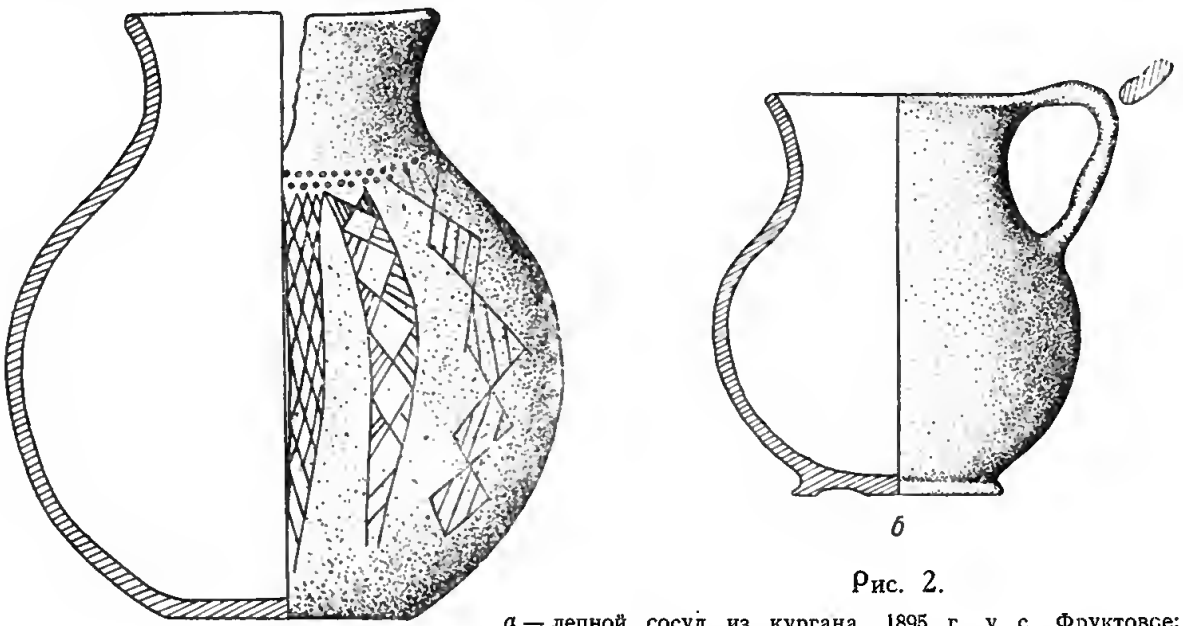
2. Курган у с. Фруктовое, Симферопольского района (б. имение Талаевой), раскопан в 1895 г.[2]. Впускная грунтовая могила введена в материк. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. В изголовье стоял лепной орнаментированный сосуд, поперек ног — же-

---

[1] Архив ЛОИИМК, ф. 2, 109/1924, л. 6—7.

[2] ОАК, 1895, стр. 14; А. Кашпар, Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, ИТУАК, N. 24, стр. 146; Архив ЛОИИМК, ф. 1, 93/1895, л. 39—40; Т. Н. Троицкая, ук. соч., стр. 90—91.

лезный меч (длина 0,71 *м*), у левой ноги — остатки кожаного колчана с бронзовыми наконечниками стрел V—IV вв. до н. э., бронзовая ворворка, пряжка, железный нож. В музее хранится лепной плоскодонный сосуд коричневато-серого лощения, склеенный из обломков (рис. 2, *а*); его тулово шарообразно, горло низкое, слегка расширяющееся кверху. Плечики орнаментированы двумя горизонтальными рядами точечных наколов, от которых книзу идут вертикальные чередующиеся полосы: с прочерченными пересекающимися косыми линиями, из заштрихованных треугольников



а *б*

Рис. 2.

а — лепной сосуд из кургана 1895 г. у с. Фруктовое; *б* — лепной кувшин из кургана № 2 1890 г. у с. Фруктовое.

и из гладких ромбов, а также из заштрихованных ромбов. Сосуд интересен как яркий образец переживания старых традиционных форм керамики кизил-кобинского типа в V—IV вв. до н. э.

Помимо сосудов кизил-кобинского типа, дающих ближайшие аналогии нашему сосуду, сходные формы имеются и на Северном Кавказе, в частности в Каменномостском могильнике [1]. Остальной инвентарь хранится в Государственном Эрмитаже.

3. Курган близ Симферополя, раскопанный Н. И. Веселовским в 1895 г. [2]. Впускная могила была разграблена еще в древности. В музее хранятся: лепной простой горшок (рис. 3, *в*), очень грубой работы, и железные чешуйки панцыря (рис. 3, *г*). Остальной небогатый инвентарь, датирующийся V—IV вв. до н. э., хранится в Государственном Эрмитаже.

---

[1] Е. И. Крупнов, Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., Уч. зап. Каб. н.-и. ин-та., т. V, Нальчик, 1950, стр. 248, рис. 43, стр. 253, рис. 52.

[2] ОАК, 1895, стр. 13; А. Кашпар. ук. соч., ИТУАК, 24, стр. 144—146; Архив ЛОИИМК, ф. 1, 93/1895, л. 38—39; Т. Н. Троицкая, ук. соч., стр. 91.

4. Курган у с. Фруктовое раскопан Н. И. Веселовским в 1891 г.[1]. Подробное описание могилы дано в статье А. П. Манцевич в этом же сборнике. Признавая убедительной ее датировку ритона второй четвертью IV в. до н. э., не считаем возможным распространять ее и на остальной комплекс, хранящийся в Гос. Эрмитаже, судя по которому, а также и по амфоре с энглифическим клеймом, найденной в насыпи сразу же над мо-

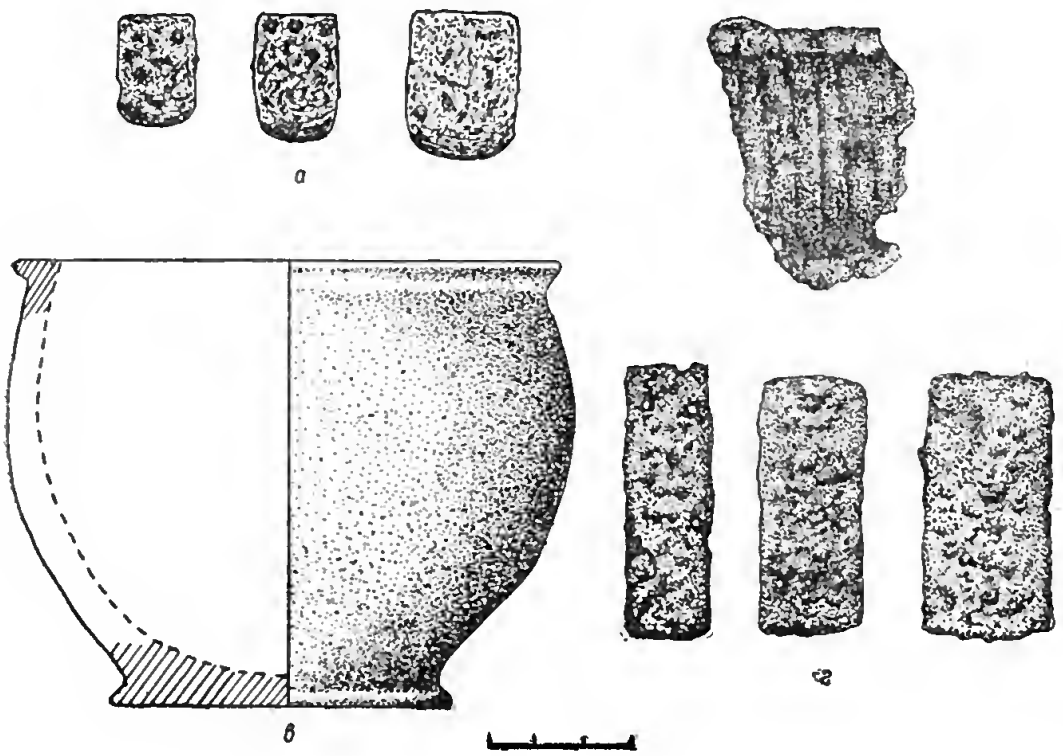


Рис. 3.

а б — чешуйки железного панцыря и обломок наборного железного пояса из кургана № 1 у совхоза «Красный»; *в, г* — лепной горшок и чешуйки железного панцыря из кургана 1895 г.

гилой, погребение совершено во второй половине IV в. до н. э. В Крымском областном музее имеется из этого кургана лишь одна синопская амфора (рис. 4, *а*). Как указывает Р. Б. Ахмеров[2], изданных целых синопских амфор, найденных в Северном Причерноморье, известно всего лишь три. Среди них точных аналогий нашей амфоре нет. Данный экземпляр, пополняющий известные нам типы синопских амфор, можно датировать второй половиной IV в. до н. э.

---

[1] ОАК, 1891, стр. 76—79; А. Кашпар, Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, ИТУАК, № 14, стр. 96—97; А. А. Спицын, Скифо-сарматские курганы крымской степи, ИТУАК, № 54, стр. 173; Архив ЛОИИМК, ф. 1, 22/1891, л. 24—25; Т. Н. Троицкая, ук. соч., стр. 101—102.

[2] Р. Б. Ахмеров, Синопские эллинистические амфоры, ВДИ, 4, 1948, стр. 160 сл.

а *б* *в* *г*

Рис. 4.

а — амфора из кургана 1891 г. у с. Фруктовое; *б* — амфора из кургана № 2 1890 г. у с. Фруктовое; *в*, *г* — амфоры из кургана № 1 1892 г. у совхоза «Красный».

5. Курган № 1, раскопан в 1892 г. Н. И. Веселовским у Сарайлы-Кият (совхоз «Красный», под Симферополем [1]).

Богатый инвентарь этого интересного погребения находится в Гос. Эрмитаже. В областном музее хранятся лишь две гераклейских амфоры с энглифическими клеймами на горле. Одна из этих амфор (рис. 4, *в*) была обнаружена у ног скелета. Надпись на клейме размещена в две строки (рис. 5, *а*). Клеймо оттиснуто на горле дважды. Амфора, судя по ее форме и по клейму с алфавитом, по Б. Н. Гракову, 1-й группы, датируется второй половиной IV в. до н. э. [2]. Б. Н. Граков указывает на наличие в Северном Причерноморье трех амфор с именем Ἀργεί(ο)υ[3]. Вторая амфора (рис. 4, *г*) стояла у головы покойника. Клеймо ее — редкой формы: круглое (рис. 5, *б*), с двумя буквами Δ... О. По своей форме амфора также датируется IV в. до н. э. [4]. В музее хранятся и найденные в могиле обломки железного чешуйчатого панцыря и железного наборного пояса (рис. 3, *а, б*), конечные пластинки которого хранятся в Гос. Эрмитаже.

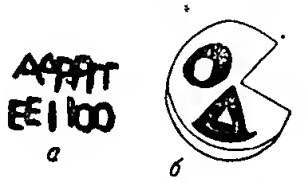


Рис. 5. Энглифические клейма на горлах гераклейских амфор из кургана № 1 1892 г. у с. Фруктовое.

6. Курган № 2, близ с. Фруктовое, раскопан в 1890 г. Н. И. Веселовским [5]. Из находок, обнаруженных в ограбленной центральной грунтовой могиле, крытой каменной плитой, в музее хранятся: гераклейская амфора (рис. 4, *б*), датирующаяся по своей форме второй половиной IV в. до н. э., со стертым нечитаемым энглифическим клеймом на горле; глиняный одноручный приземистый лощеный кувшинчик лепной работы (рис. 2, *б*). Остальные находки хранятся в ГИМ.

7. Невысокий курган № 2 у с. Бахчи-Эли, ныне в черте Симферополя, раскопан в 1924 г. [6]. В центральной земляной могиле лежал мужской костяк головой на ЮЗ. При нем найдены: восемь бронзовых наконечников стрел IV—III вв. до н. э.; обломки чернолакового килика того же времени с буквой Δ на дне; два железных наконечника копий и лепной сосуд (утерян).

8. Курган близ Симферополя, расположенный невдалеке от линии железной дороги Симферополь—Севастополь, раскопанный в 1895 г.

---

[1] ОАК, 1892, стр. 6—10; А. Кашпар, ук. соч., ИТУАК, 16, стр. 115—117; А. А. Спицын, ук. соч., стр. 174—175; М. Ростовцев, Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 401—403; М. И. Артамонов, Этногеография Скифии, Уч. зап. ЛГУ, сер. ист. наук, в. 13, 1949, стр. 139—146; Архив ЛОИИМК, ф. 1, 13/1892, л. 26; Т. Н. Троицкая, ук. соч., стр. 100.

[2] И. Б. Зеест, О типах гераклейских амфор, КСИИМК, XXII, стр. 48 сл.

[3] Б. Н. Граков, Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических амфор, То ГИМ, в. 1, 1926, стр. 186 и 202.

[4] И. Б. Зеест, ук. соч., стр. 48 сл.

[5] ОАК, 1890, стр. 10; Стевен, Раскопки курганов близ Симферополя, ИТУАК, № 11, стр. 152; А. Спицын, ук. соч., стр. 175; Архив ЛОИИМК, ф. 1, 48/1890, л. 35—36; Т. Н. Троицкая, ук. соч., стр. 91.

[6] ИТОИАЭ, IV, 1931, стр. 79—80; Архив ЛОИИМК, ф. 2, 109/1924, л. 5; 6; Т. Н. Троицкая, ук. соч., стр. 90.

Рис. 6. Керамика из кургана Черкеса:

а — обломок венчика лепного сосуда; *б* — лепная чашечка; *в* — чернолаковая чашка; *г* — лепной кувшин; *д* — глиняный флакон.

Н. И. Веселовским [1]. В квадратной гробнице (3,70×3,70 *м*), сложенной на материке из известняковых плит, было обнаружено 173 костяка. При них найдены многочисленные украшения (браслеты, кольца, бусы и др.) и керамика, часть которой хранится в настоящее время в музее.

Чернолаковая чашка (рис. 6, *в*) датируется серединой III в. до н. э. Красноглиняный флакон веретенообразной формы (рис. 6, *д*) аналогичен

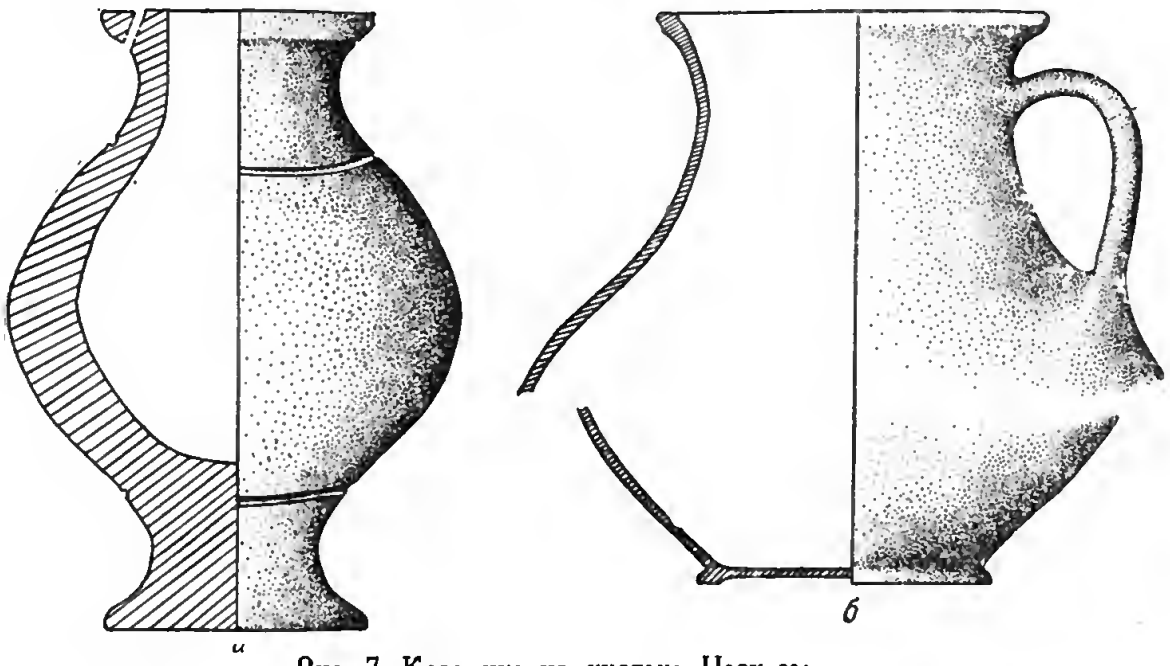


Рис. 7. Керамика из кургана Черкесс:
а — лепная курильница; *б* — горло и дно сероглиняного гончарного кувшина.

флакону, найденному в склепе III—II вв. до н. э. в одном из Марицынских курганов [2], и флаконам из колодца III в. до н. э. в Афинах [3]. Крупный одноручный сероглиняный кувшин гончарной работы (рис. 7, *б*) найден в обломках. Ручка его в сечении овальная, дно — на кольцеобразной профилированной подставке. По своей форме этот сосуд близок к сероглиняным кувшинам Прикубанья (IV—III вв. до н. э.) [4].

Наиболее ранним из лепной керамики является обломок сосуда с налепным валиком под венцом; валик орнаментирован косыми насечками (рис. 6, *а*). Аналогии ему известны среди керамики V—III вв. до н. э.

---

[1] ОАК, 1895. стр. 9; А. Кашпар, ук. соч., ИТУАК, 24, стр. 139—140; Архив ЛОИИМК, ф. 1, 93/1895, л. 24; Т. Н. Троицкая, ук. соч., стр. 95.

[2] M. Ebert, Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Praehist. Zeitschr., V, 1913, стр. 56, рис. 57 d.

[3] Hesperia, т. III, № 4, 1934, стр. 335, рис. 15, *б*.

[4] Н. В. Анфимов, Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА. № 23, стр. 165, рис. 3, 8, 9.

Елизаветинского городища[1]. Выделяются лепные курильницы ритуального назначения. Они имеют шарообразное тулово, конический поддон и высокое горло. В венчике сделаны два отверстия для подвешивания. Одна курильница гладкая (рис. 8, *а*). Другая (рис. 7, *а*) имеет резной поясок на плечах и у начала поддона.

Кроме двух целых курильниц, в музее хранится нижняя половина третьей, более крупной. Подобные ритуальные сосуды найдены в 1946 г. в мавзолее Неаполя скифского (рис. 8, *в*, *г*), оба они лепные, черного лощения и орнаментированы резным узором с инкрустацией из белой пасты[2].

Одна из курильниц мавзолея орнаментирована четырьмя поясками, вертикальными полосами, точечками и концентрическими кругами. Другая имеет четыре отверстия для подвешивания. Она также орнаментирована поясками, вертикальными линиями и имеет изображение солнца с лучами. Датируются курильницы из мавзолея II—I вв. до н. э. Почти такая же небольшая курильница коричневого лощения, найденная в 1926 г. в каменном склепе Неаполя, представлена в экспозиции областного музея (рис. 8, *б*). Выполнена она очень небрежно, орнаментирована шестью врезанными полосками на ножке и горле, двумя рядами волнообразных линий, концентрических кругов и сквозных отверстий на тулове. Она более тонкостенная, чем остальные курильницы, ножка на уплощенной подставке.

Среди инвентаря коллективного захоронения в кургане на Неаполе скифском также найдены две курильницы[3]. Обе дошли до нас в мелких обломках. На венчиках имеются отверстия для подвешивания. Лощение коричневое. Первая курильница из погребения I в. до н. э. имеет орнамент из горизонтальных полос, концентрических кругов и спиралей, инкрустированных белой пастой. Тулово другой курильницы из погребения II—I вв. до н. э. покрыто крупными каннелюрами.

Привлеченный материал позволяет установить хронологическую последовательность в развитии курильниц этого типа. Наиболее ранние курильницы — гладкие, лишены орнамента, верхняя половина дает почти зеркальное повторение нижней, ножка конусообразная, стенки толстые. В дальнейшем курильницы уменьшаются в размере, появляется орнамент, вдавленный, резной, иногда заполненный пастой. В I в. н. э. сосуды делаются более небрежно. На ножке появляется плоская подставка, в стенках — отверстия. Курильницы найдены главным образом в могилах. При раскопках городских кварталов Неаполя найдено всего лишь три их обломка.

Вне Крыма лепные курильницы встречены в могилах II—I вв. до н. э.

---

[1] Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова, Две археологические культуры в Скифии Геродота, СА, XVIII, стр. 117, рис. 1.

[2] Хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина. П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, М., 1953, стр. 33, рис. 16 и табл. XXI.

[3] Хранятся в ГМИИ им. А. С. Пушкина.

а

б

в

г

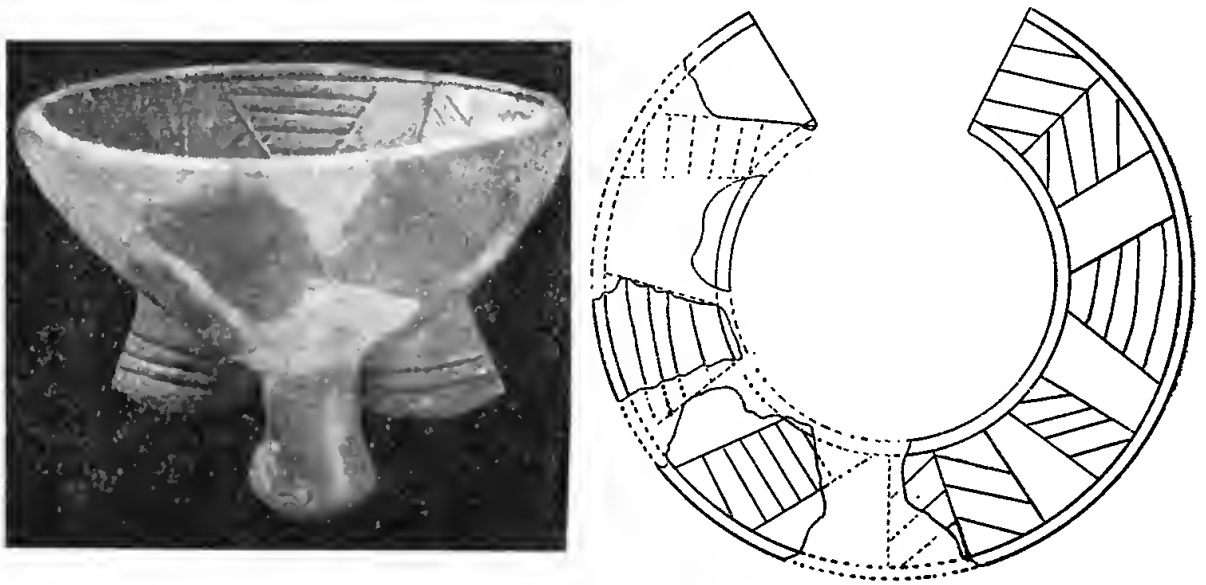
Рис. 8. Подвесные курильницы:

а — курильница из кургана Черкеса; *б* — курильница из Неаполя скифского; *в, г* — курильницы из мавзолея Неаполя скифского.

Ольвии, Побужья [1], Поднестровья [2]. Они отличаются от крымских большим разнообразием форм.

Лепной лощеный сосуд на трех ножках (рис. 9) имеет также ритуальное назначение. Внутренняя поверхность его покрыта резным орнаментом. На ножках с внутренней стороны — три линейных пояска. В Крыму подобных сосудов пока не обнаружено. Несколько близок к нему лепной сосуд из некрополя Танаиса [3].

Более обычны лепной кувшин с небольшой кольцеобразной ручкой (рис. 6, г) и маленькая лепная чашка очень грубой работы (рис. 6, б).



а *б*

Рис. 9. Трехиогий лепиой сосуд:
а — внешний вид; *б* — развертка орнамента.

Кроме керамики, в музее хранятся обломки пяти бронзовых наконечников стрел, железных ножей и бронзовые пронизи. Некоторые из них, а именно спиральные, распространены на Северном Кавказе [4] и в таврских могильниках [5].

Захоронения в могиле, судя по керамике, относятся к времени с III по II в. до н. э.

9—10. Курганы у с. Краснолесье (б. Тавель), раскопанные в 1897 г.

---

[1] Сообщение С. А. Капошиной.

[2] И. Фабрициус, Археологическая карта Причериоморья Украинской ССР, в. 1, К., 1951, стр. 16, 18, 28, табл. XVI, 4.

[3] Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 79, рис. 34а.

[4] Е. И. Крупиов, Северо-Кавказская экспедиция, КСИИМК, в. XVII, стр. 103, рис. 44 (19, 21).

[5] Н. И. Репиников, Камеиные ящики Байдарской долины, ИАК, 30, 1909, рис. 28 (38), стр. 147.

Ю. Кулаковскнм [1]. К гробницам, сложенным нз поставленных на ребро каменных плит, с южной стороны вел дромос. Одна гробница — овальной формы (3,55×6 *м*), другая — квадратная (4×4 *м*). В каждой могиле най-

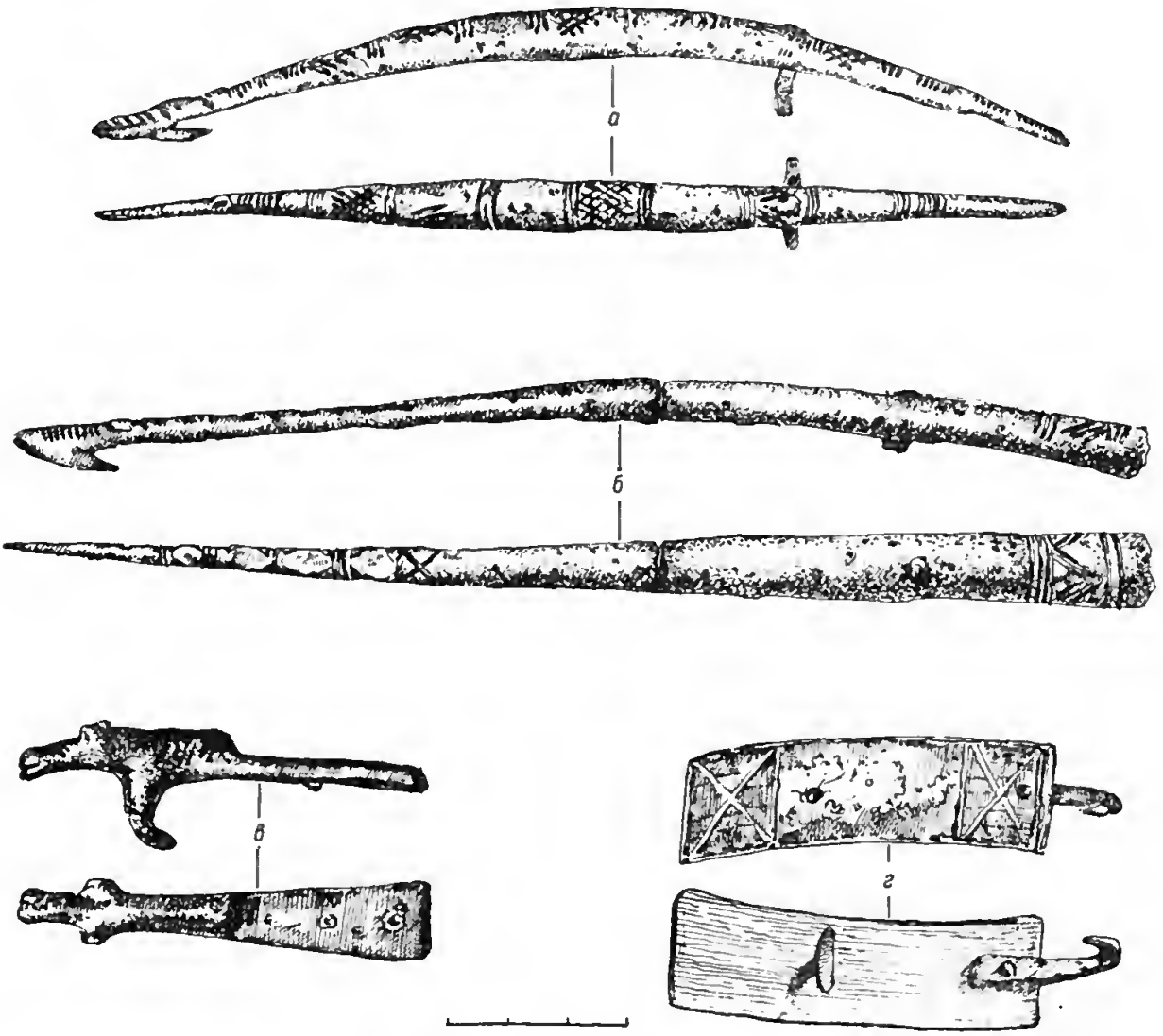


Рис. 10. Текстильные орудия:
а — из Тавельских курганов; *б* — из могилы у с. Барабаново; *в, г* — бронзовые крючки из Тавельскнх курганов.

дено около 100 костяков, расположенных рядамн в несколько ярусов. Часть инвентаря обенх могнл утеряна. В музее хранятся следующне находки: бронзовый крючок, длнною в 17 *см* (рнс. 10, *а*), полый внутрн, с

[1] ОАК, 1897, стр. 36—38; ИТУАК, 28, стр. 200—202; Г. И. Мосберг, К изучению могильников римского времеии юго-западного Крыма, СА, VIII, стр. 114; Архив ЛОИИМК, ф. 1, 88/1897, л. 41, 42, 45—47; Т. Н. Троицкая, ук. соч., стр. 94—95; Bela Posta, ук. соч., стр. 477 сл.

заостренными концами. Передний конец стержня с крючком выполнен в виде сильно схематизированной головы животного (возможно, змеи), но без обозначения глаз. Верхняя часть крючка покрыта орнаментом из прорезанных перекрещивающихся линий, разделенных пояскамн из прорезанных линий на несколько групп. На расстоянии 5 *см* от обратного конца крючка находится вклепанная треугольная бронзовая пластинка, служившая, вероятно, для прикрепления крючка к чему-либо. Обратный конец крючка был вделан в рукоять, которая не сохранилась. Крючок, скорее всего, был предназначен для текстильной работы, так как на его бородке имеется потертость — след от толстой нитки. Если бы он служил для подвешивания колчана, меча или являлся бы застежкой пояса, то эта потертость не могла бы огибать все основание бородки крючка.

Подобный же крючок (рис. 10, *б*) найден в обнаруженном крестьянами в 1926 г. скифском погребении у с. Барабаново, Зуйского района, в комплексе последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры. Он отличается от тавельского бо́льшим размером и тем, что нерабочий конец его сделан в виде полой трубки.

Другой бронзовый литой крючок выполнен в виде передней части стилизованной фигуры животного с подогнутыми ногами (рис. 10, *в*). Туловище орнаментировано косыми насечками. Фигурка животного переходит в пластинку, прикреплявшуюся, вероятно, к ремню. Крючок, возможно, служил для подвешивания каких-либо предметов.

Бронзовая застежка в виде дугообразно согнутой прямоугольной пластинки украшена геометрическим орнаментом (рис. 10, *г*). Снизу к ней прикреплены на бронзовых заклепках бронзовые крючок и поперечная небольшая пластинка, служившие, вероятно, для прикрепления застежки к ремню.

Многочисленны бронзовые проволочные браслеты с закругленными концами, притянутыми к стержню спиральными оборотами проволоки (рис. 11, *е*), в виде тройной спирали (рис. 11, *ж*) с заходящими друг за друга концами и др. Все эти формы широко распространены в Северном Причерноморье. Найдены бронзовые проволочные височные кольца, одно из них — из витой проволоки, имеет плоский щиток (рис. 11, *а*); бронзовое кольцо (рис. 11, *в*); бронзовые кольца (от пряжки ?) с выступами в виде бугорков в три ряда (рис. 11, *б*). Точно такое же было найдено в кургане Неаполя скифского в 1949 г. (хранится в ГМИИ); два колечка или, скорее, подвески такого же типа (рис. 12, *е*); бронзовые проволочные кольца разных размеров и разных форм: с несомкнутыми концами, в виде спиралей и т. п.

Бронзовая «пряжка» в виде круга с перекрестием внутри (рис. 11, *г*) являлась подвеской или каким-нибудь другим украшением. Аналогии ей известны в мавзолее и кургане 1949 г. Неаполя скифского. В мавзолее они были найдены с зажимами и входили в состав уздечного набора. В кургане 1949 г. такое перекрестие лежало в деревянной шкатулке вместе с брон-

зовыми украшениями и скорее всего могло быть амулетом или также украшением.

Бронзовые фибулы отличаются малым размером. Щитки их орнамен-

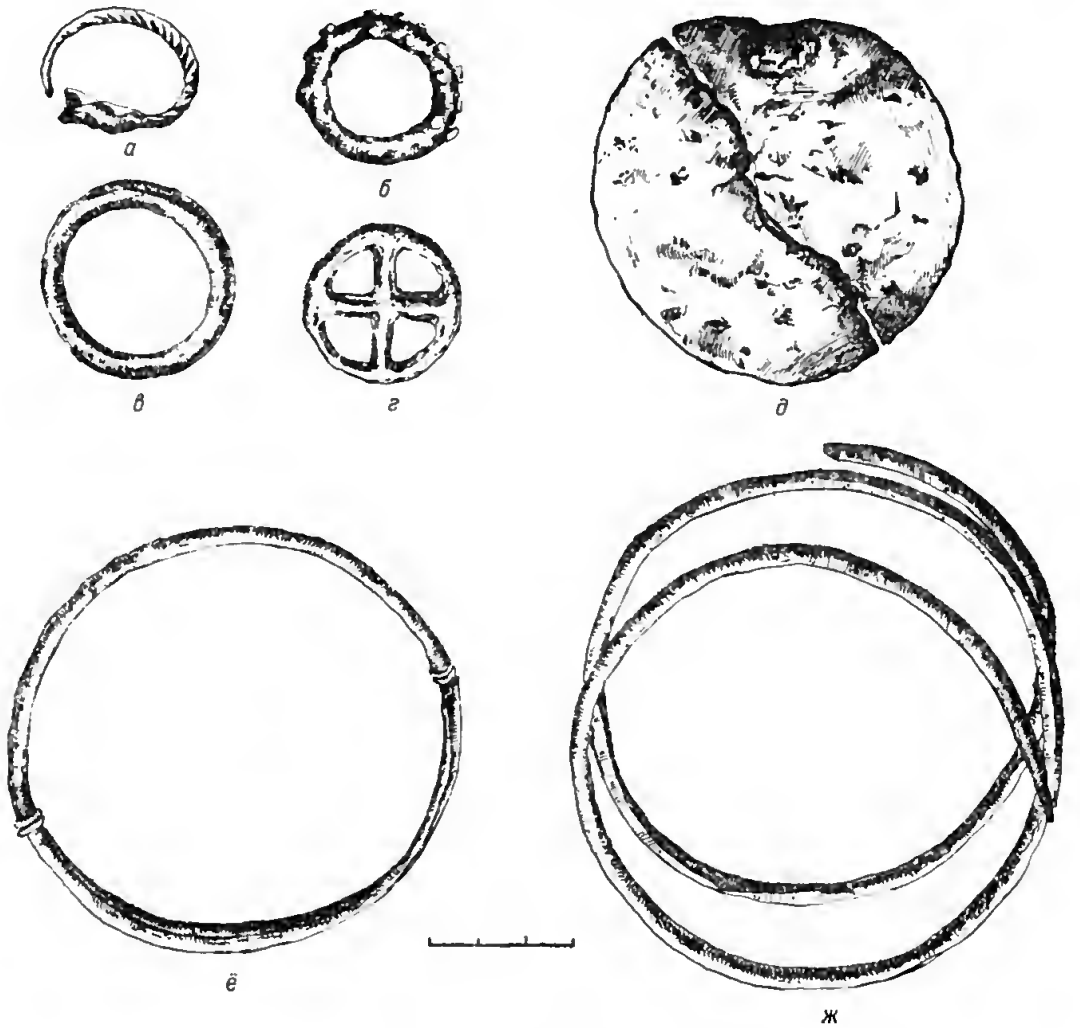


Рис. 11. Инвентарь Тавельских курганов:
а — бронзовое височное кольцо; *б, в* — бронзовые кольца; *г* — бронзовая пряжка; *д* — бронзовое зеркало; *е, ж* — бронзовые проволочные браслеты.

тированы пунктирной линией (рис. 12, *г*). Такие фибулы известны в первых веках н. э.[1].

Три бронзовых зеркала (диаметр около 16 *см*) в виде тонкого плоского, с обеих сторон гладкого, диска, найдены разбитыми (рис. 11, *д*). Сохранился след от прикрепления железной ручки.

Кроме вышеописанных вещей, из этих погребений в музее хранятся: амулет из просверленного кабаньего клыка (рис. 12, *д*), бронзовый трех-

[1] М. И. Вязьмитина, Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка, Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», Изд. АН СССР, 1954, стр. 239, табл. VI, 7.

лопастный наконечник стрелы (рнс. 12, *б*), глиняные пряслица (рис. 12, *ж—м*), незначительные мелкне бронзовые предметы и обломки.

Очень нитересны украшения уздечного набора, которые на несколько

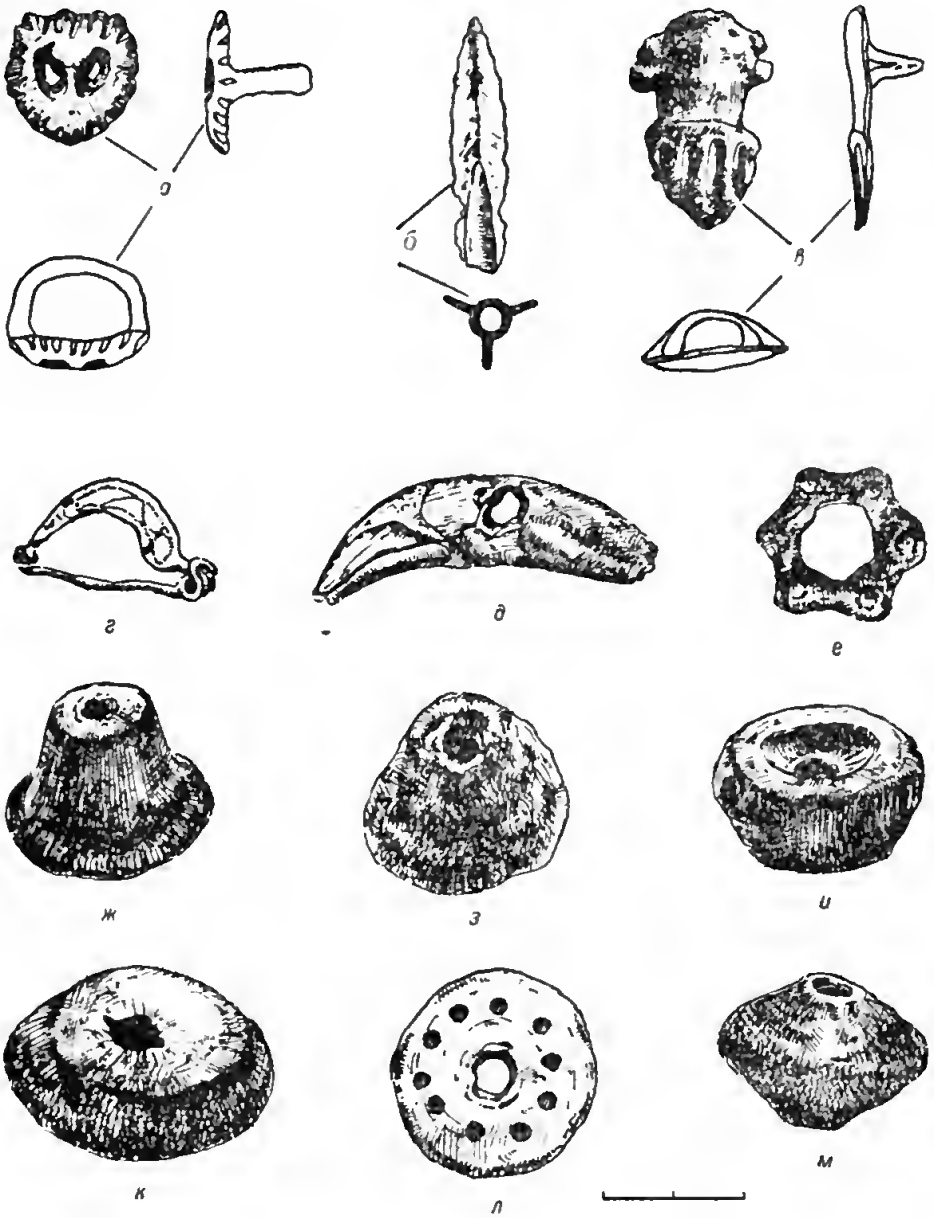


Рис. 12. Инвентарь Тавельских курганов:
а, в — бронзовые бляшки; *б* — бронзовый наконечник стрелы; *г* — бронзовая фибула; *д* — клык-амулет; *е* — бронзовое кольцо; *ж, м* — глиняные пряслица.

веков старше остального комплекса. Это бронзовые бляшкн в виде стилизованной головы совы (рнс. 12, *а*), рукн (рис. 12, *в*) н бронзовый налобннк, выполненный в виде орлнной головы. Подобные налобнники позже IV—III вв. до н. э. не нзвестны. Наличне их в данном комплексе может

свидетельствовать о длительном их использовании или, скорее, о хранении в качестве реликвии.

Рассмотренный нами инвентарь погребения, за исключением бронзового налобника и бляшек, датируется временем от II—I вв. до н. э. по I в. н. э.

11—12. Курган у с. Заливное, Азовского района (б. Шейхлар), раскопанный в 1931 г.[1]. Из находок в центральной могиле этого кургана в музее хранится лишь одна чашка (рис. 13) местной работы, с черно-коричневым лощением, выполненная на гончарном круге. По форме она имитирует патеры позднеэллинистического времени. Кусок края отломан, сохранились просверленные отверстия — следы древней починки. Погребение датируется краснолаковым кувшином I—II вв. н. э.

Рис. 13. Лощеная чашка из кургана у с. Заливное.

Эта находка лишний раз свидетельствует о наличии у поздних скифов гончарного круга, что было выявлено еще при раскопках городища у совхоза «Красный» под Симферополем, где был обнаружен комплекс гончарных печей[2], при которых были найдены в 1945 г. гончарные сосуды красной глины с характерными для скифов горизонтальными налепами (хранятся в отделе античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР), а в 1951 г.— обломки черноглиняных сосудов, изготовленных на примитивном гончарном круге (хранятся в Крымском областном краеведческом музее). Местные изделия, выполненные на гончарном круге, видимо, считались ценными в скифской среде и долго хранились. Об этом говорят следы починок.

На основании вышерассмотренных разрозненных комплексов, хранящихся в областном музее, нельзя дать сколько-нибудь полную характеристику скифских погребений в курганах Крыма. Однако и этот материал дает возможность выявить ряд характерных черт инвентаря из крымских курганов скифского времени, что позволяет сделать некоторые выводы относительно культуры древнего населения Крыма.

По рассмотренным находкам видно, что культура скифов, пришедших в Крым, впитывает в себя ряд черт предшествующей ей местной, так называемой кизил-кобинской культуры. Ярким примером этого является описанный выше сосуд V—IV вв. до н. э. из кургана у с. Фруктовое, тес-

---

[1] Архив ЛОИИМК, ф. 2, 742/1931, л. 13—14; Т. Н. Троицкая, ук. соч., стр. 92.

[2] П. Н. Шульц, Тавро-скифская экспедиция в Крыму, «Советский Крым», № 2. 1946, стр. 112.

пейшим образом связаиный и по форме и по орнаменту с керамикой времени перехода от бронзы к раинему железу.

Сосуд нз кургаиа у с. Фруктовое не является единичиым. В музее хранятся мелкне обломки лощеных сосудов с орнаментом кизил-кобиискогo тнпа — из кургаиных погребений VI и V—IV вв. до н. э.: у с. Тавкель-Нейман (ИТУАК, 22, стр. 116—117); у с. Такил (иыие Аркадьевка, ОАК, 1895, стр. 16) и из-под Симферополя (ОАК, 1895, стр. 15).

Керамнка крымской части Скифии вплоть до последних веков до н. э. значнтельио отличается от керамики остальной степиой Скифии иаличием сосудов с лощением, в том числе и черным, с резным геометрнческим орнаментом. В степиой же Скифии доминировали пока еще не нзвестные в Крыму нелощеные горшки с оттяиутой шейкой и налепиым валиком, с надрезамн и ямками от пальцев или палочек.

Характериы курильницы, связаниые, судя по находкам, с погребальиым обрядом. Они несколько отличаются от курильниц Ольвии, Побужья и Поднестровья бо́льшим одиообразием форм.

Гончарный лощеиый сосуд, в сочетании с комплексом скифских гончариых печей на городище совхоза «Красный», свидетельствует о частичном переходе со II—I вв. до н. э. гоичарного ремесла на иовую ступень развитня, о появлении специалистов-ремеслеиииков. Одиако не следует преувелнчивать роль скифского гончариого производства. Оио ие выдерживало конкуреиции с импортиой краснолаковой керамикой и не получило широкого распространення. В местиом скифском производстве продолжала преобладать лепная керамика.

О развитии ткачества, вероятио, в форме домашиего ремесла, говорят оригинальные ткацкие крючки и пряслица.

В позднейшее скифское время с сарматским влияиием связан обычай класть в могилу разбитые зеркала.

Необходимо отметить, что скифские кургаиные погребеиия в Крыму сохраняются значительно дольше, чем в других райоиах Скифии — вплоть до I - II вв. н. э. Культура скифов Крыма является локальиым варнантом едииой скнфской культуры.

О. И. Домбровский

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПЕЧЬ НА СКИФСКОМ ГОРОДИЩЕ «КРАСНОЕ»

В гончарном ремесле процесс обжига глиняных изделий занимает центральное место; от температуры пламени, от состава раскаленных газов, наполняющих печь, от равномерного распределения жара зависит качество изготовляемой посуды. Устройство печи, наряду с применением гончарного круга, является показателем того технического уровня, которого достигло керамическое производство. Анализ конструкции печи и ее материала, в сочетании с другими данными, раскрывает характер технологического процесса и другие существенные вопросы организации керамического производства.

В данной статье рассматривается гончарная печь, раскопанная автором на скифском городище «Красное», а также связанные с ней остатки других таких же печей, составлявших единый производственный комплекс [1].

Во время Великой Отечественной войны вся территория городища была сильно изрезана траншеями. Одна из них, прорытая в небольшом зольнике, почти в центре городища, обнажила и частично разрушила остатки древней гончарной печи. Печь сложена из саманного кирпича, снаружи необожженного, желтоватого цвета. С внутренней стороны печи от частого и длительного воздействия огня и жара саман приобрел темнорозовую окраску. В толще кладки, где температура была сравнительно невысокой (поэтому не полностью выгорели входившие в саман органические добавки), кирпич сделался темнобурым.

Расчистка остатков памятника показала, что его верхняя часть, возвышавшаяся в древности над поверхностью зольника, почти полностью разрушена; от нее остались на своем месте на юго-восточной стороне печи

[1] Первая публикация печи дана в статье П. Н. Шульца, «Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму». см. «Советский Крым», № 2, Симферополь, 1946, стр. 107, рис. 1.

лишь два кирпича, лежавшие один на другом, странной, на первый взгляд, формы дугообразно изогнутых валиков. Все остальное представляло собой груду битых кирпичей, мелких обломков самана, кусков обмазки печи и глняного раствора ее кладки.

Нижняя часть печи цилиндрической формы, сравнительно хорошо сохранилась; она была врыта в южный скат зольного бугра, как это и обрисовалось в обрезе траншеи (рис. 1).

В процессе постепенной разборки обломков верхней части памятника и раскопок небольшого участка вокруг него удалось получить ясное представление о различных стадиях его разрушения (рис. 2). Поскольку это имеет значение для исследования памятника и для восстановления того, что в нем утрачено, приведем здесь краткое изложение порядка и результатов его раскопок.

Рис. 1. Вид керамической печи в обрезе борта траншеи.

Угол траншеи врезался в нижнюю часть памятника и разрушил значительную его часть (рис. 3). Выброшенная из траншеи земля образовала бруствер; в ней оказались многочисленные черепки разнообразной керамики (местной и привозной I в. н. э.), а также куски саманных кирпичей от разрушенной части печи. По удалении бруствера обнажились обломки верхнего яруса печи, к которым прилегала со всех сторон плотная покатая вымостка из мелких камней. Большой кусок вымостки разрушен врезанной с южной стороны печи глубокой ямой, вырытой в 1941 г. и засыпанной землей при рытье траншеи (рис. 2—3). Яма одним из своих углов задела остатки верхней части печи, представлявшие собой к тому времени плотную груду обломков обожженного самана. При разборке этой груды уже само расположение обломков дало некоторое представление о форме верхней части печи (рис. 3). Отвалившиеся от нее кирпичи падали вокруг центра печи, близко один от другого. Наиболее крупные фрагменты кладки, а также два оставшиеся на своем месте кирпича основания верхней части печи находились на ее юго-восточной, более сухой стороне.

Траншеей была разрушена и значительная часть основания печи. Обломки саманных кирпичей перемешались и вместе с золой попали внутрь ямы, засыпанной при рытье траншеи. Несколько обломков нижней части памятника оказалось выше обломков его верхней части. Фрагменты же, относящиеся к верху печи, сдвинутые с места при рытье ямы, оказались на самом ее дне.

Нижняя часть печи представляла собой камеру цилиндрической формы, сложенную из семи рядов широких и плоских саманных кирпичей, вылепленных вручную; стены камеры изнутри были облицованы слоем более мелких узких кирпичей, не перевязанных с основной кладкой, а лишь тесно к ней прилегавших. Назначением подобной облицовки, по всей вероятности, была защита основной кладки от пережога и от повреждений при загрузке печи топливом.

Посреди нижней камеры, на общей с нею центральной оси, стоял круглый столб, расширявшийся кверху. Навстречу расширению столба стенки камеры сверху нависали

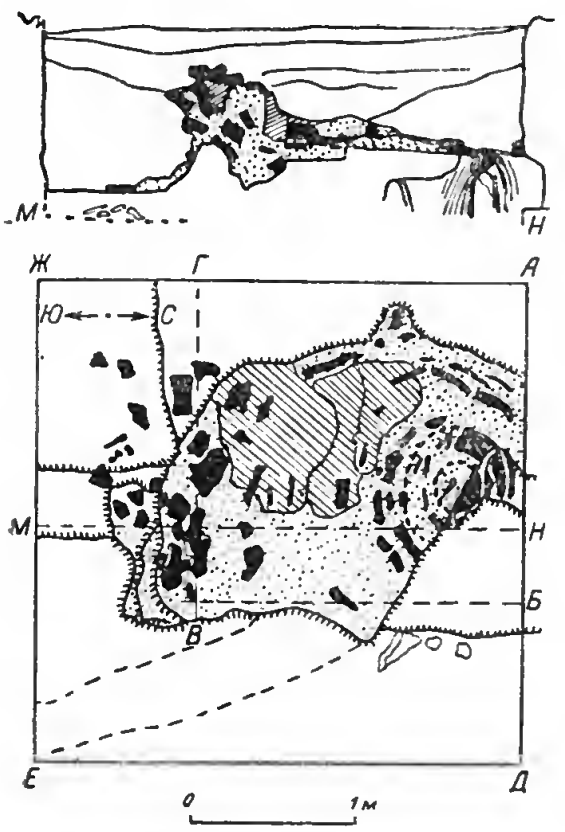


Рис. 2. Схема разрушения печи от естественных причин.

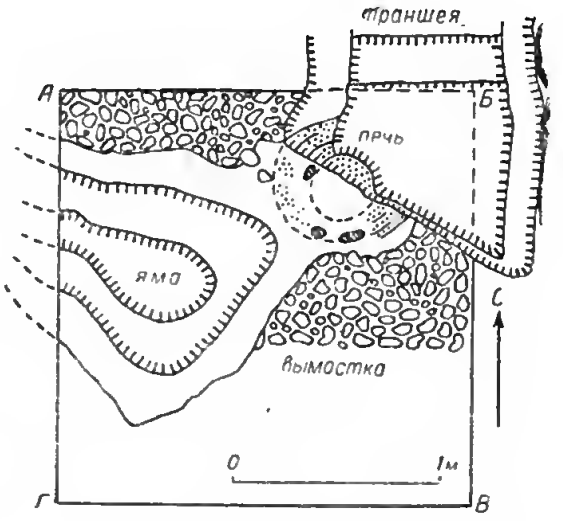


Рис. 3. План раскопа с остатками печи.

внутрь, благодаря постепенному напуску нескольких верхних рядов кирпичей внутренней облицовки. В результате промежуток между верхними краями столба и стенками камеры настолько сузился, что мог быть перекрыт слоем кирпичей, служивших подом верхней обжигательной камеры; от стенок ее и сохранились на месте указанные два кирпича.

Дно верхней камеры и сближающиеся навесы стенок и столба нижней составили, таким образом, междукамерное перекрытие, в котором имелись «продухи» — сквозные жаропроводные отверстия для перехода раскаленных печных газов из нижней камеры в верхнюю. Два таких отверстия хорошо сохранились в уцелевшем куске междукамерного перекрытия; два других пришлись как раз на линию слома, но с одной стороны уцелели их края; продухи имели правильную округлую форму (диаметр около 0,05 *м*).

Два кирпича от стенок верхней камеры в поперечном сечении имели

яйцевидные очертания; по длине они слегка изогнуты внутрь, скреплены глиняным раствором и покрыты с обеих сторон в несколько слоев глиняной обмазкой. Диаметр верхней камеры был шире, чем диаметр основания нижней камеры. Это получилось потому, что верхняя часть стенок нижней камеры, вместе с междукамерным перекрытием, выступала наружу на столько же, на сколько были напущены внутрь на том же самом уровне кирпичи внутренней облицовки.

Под этим расширением нижняя камера имела снаружи цилиндрическую форму (диаметр 1,33 *м*). Высота от пода нижней камеры до между-

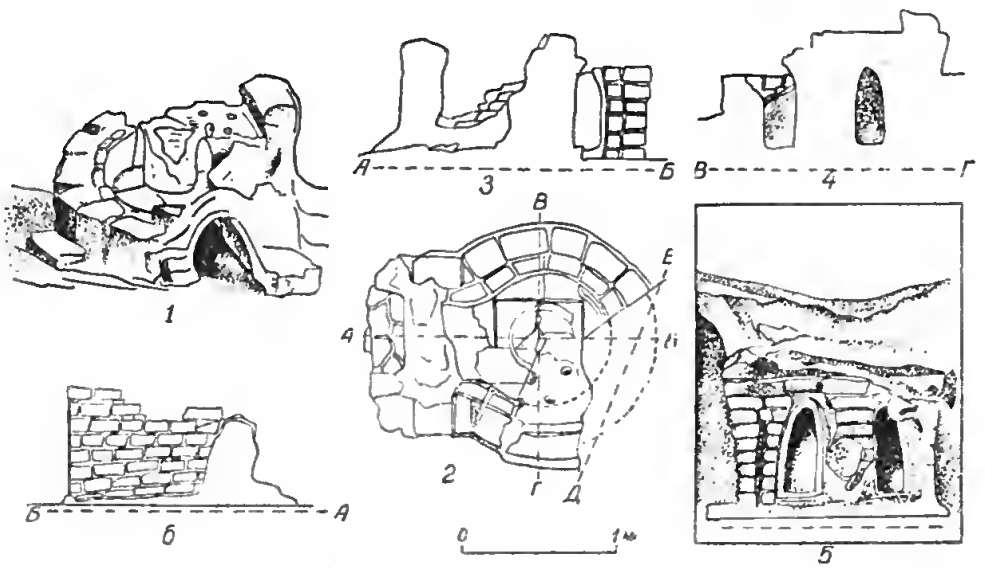


Рис. 4. Рисунки и обмеры остатков печи.

камерного перекрытия 0,51 *м*; толщина стенок (вместе с облицовкой и обмазкой) 0,26 *м*; диаметр опорного столба ниже его расширения — 0,39 *м*; таким образом, нижняя камера внутри имела форму кольца шириной 0,21 *м*.

Основание печи в виде квадратной площадки из плоских кирпичей несколько выступало наружу за пределы стенок нижней камеры и служило для нее подом.

С юго-западной стороны к нижней камере примыкал топливник (снаружи длина 0,8 *м*, внутри—около 0,60 *м*, ширина и высота внутри 0,50 *м*). Он тоже представлял собой конструкцию типа уступчатого свода, состоящую из таких же широких кирпичей, как и основание печи (рис. 5—6). Под топливника, покатый к устью, вымощен плоскими камнями и кусками черепицы.

Характерной конструктивной особенностью данного сооружения является устройство опорного столба, сложенного из шести плоских барабанов, вылепленных вручную из саманой массы. Четыре нижние были одинаковы по толщине и диаметру, а пятый и шестой — той же толщины, но несколько

большего диаметра (верхний шестой немного шире пятого). Таким образом, края верхних барабанов нависали внутрь подобно расположенным на одном уровне с ними кирпичам внутренней облицовки нижней камеры, отчего и получилось упоминавшееся выше сужение промежутка между верхней частью столба и стенками нижней камеры.

Рис. 5. Фрагмент свода топливника с внутренней обмазкой.

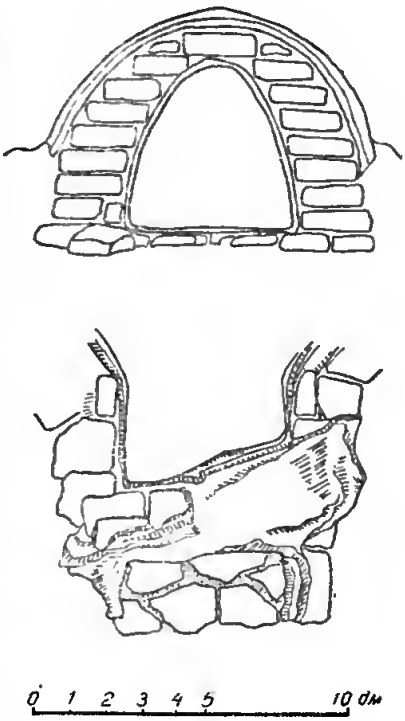


Рис. 6. Конструкция свода топливника. Обмер с натуры.

В зольнике вокруг печи раскопана площадь 5×5 *м* глубиной до основания печи. Этого было вполне достаточно для изучения памятника.

Стратиграфия зольника отразила два этапа в его образовании — до появления в нем печи и после ее возникновения и разрушения.

Первая дневная поверхность зольника определялась упомянутой выше вымосткой из мелких камней. Вымостка примыкала к печи с северной, северо-восточной и восточной стороны на уровне основания верхней камеры (рис. 3). Под вымосткой, на расстоянии 1 *м* вокруг печи, удалось уловить незначительные остатки погребенной почвы; она, видимо, была почти полностью срыта при выравнивании поверхности земли для устройства вымостки.

К печи примыкал смешанный и плотно утрамбованный грунт древней ямы, вырытой в зольнике для устройства печи и потом засыпанной. Юго-западный сектор нижней части печи, насколько можно было судить по стратиграфии зольника, выступал из земли наружу вместе с примыкавшим

к нему топливником. Вокруг основания печи и топливника оказался утоптанный ровный слой песчанистой глины толщиной 15—17 *см* — своего рода пол, глубже которого находились новые золистые слои, как и под самим основанием печи.

Топливник до его разрушения был наполовину пуст, об этом свидетельствуют довольно свежие обломы на кусках его свода, раздавленного при рытье современной ямы. Под сохранившейся частью свода и его обломками было найдено немного золы, смешанной с тонким песком, явно намытым водой, проникавшей сюда сверху; свод топливника и междукамерное перекрытие являлись тем препятствием, через которое не смогли проникнуть вместе с водой и мелким песком более крупные включения и черепки керамики.

Такой же по составу толстый слой намытого грунта неодинаковой в разных местах толщины перекрывал топливник. Поверх этого массива лежал равномерный слой глины (толщиной 28 *см*) иного состава, чем глиняный пол вокруг печи. В нем сохранились отпечатки соломы, некогда подмешанной в глину и делавшей его похожим по составу на глиняное тесто саманного кирпича.

Помимо следов соломы в этом глинистом слое сохранились отпечатки похожей на корзину плетенки из жердей и тонких гибких прутьев. В одном из широких по диаметру и относительно глубоких отпечатков, повидимому, оставленных стоявшими здесь двумя столбами, обнаружены частицы истлевшей древесины (дуба). Очевидно, данный глинистый слой с отпечатками дерева представлял собой остатки плетеного, обмазанного глиной навеса, устроенного над топочной частью печи (рис. 7).

В северо-восточном углу раскопа, на уровне основания печи, находились остатки пода и кирпичей еще одной печи, а рядом с ними — куски керамического брака, пережженный до остекленения, деформированный черепок венчика горшка и обломок ручки недообожженного сосуда со следами резьбы ножом по сухой глине. Здесь же найден обломок глиняной «колодки», вырезанной в виде профиля плоскодонного сосуда; это мог быть шаблон для формовки лепных горшков или подставка, подкладывавшаяся под горшки для равномерного обжига их донной части. Здесь же встретились и необожженные куски ручек мелкой лепной посуды, а также два лощильных камня — две половины крупных круглых галек с сильно стертыми краями скола, отполированного до блеска. Судя по всем признакам, эта гончарная печь была так же, как и первая, врыта в зольник[1].

---

1 При небольшом расширении раскопа, произведенном в 1951 г. О. Д. Дашевской, при участии автора, с северо-восточной стороны были найдены остатки второго навеса, в непосредственной близости к тому месту, где в 1945 г. было обнаружено основание второй печи. О. Д. Дашевская в северном углу раскопа открыла кусок галечной вымостки, уходившей в его борта. Сходство этой новой вымостки с той, которая в 1945 г. была обнаружена при верхней части печи, и расположение ее за пределами навеса над первой печью заставляют думать, что она относится к какому-то иному сооружению, еще не раскопанному (отчет О. Д. Дашевской о разведочных раскопках на городище «Красное» в 1951 г., хранится в архиве ИИМК АН СССР).

По другую сторону зольного бугра, в обрезе извилистой траншеи и в ее бруствере, в разных местах были замечены скопления мелких и крупных обломков спекшихся и сырых саманных кирпичей, слоистой обмазки, обожженной до частичного остеклования, и куски строительного раствора, необожженного, но твердого и утратившего пластичность сырой глины.

На основании этих находок можно полагать, что и с других сторон зольника в его склоны были врыты несколько керамических печей, подоб-

Рис. 7. Отпечаток в грунте прутьев и столбов плетеного навеса над печью.

ных первой. Возможно, что над ними стояли такие же навесы, как и над первой печью, и, может быть, все печи работали одновременно. Вероятно, что наша первая, сравнительно хорошо сохранившаяся и до конца изученная печь входила в производственный комплекс четырех-пяти мелких печей для обжига посуды небольших размеров. Возможно, что заодно с посудой в печи обжигались и другие мелкие керамические изделия, например, найденные в соседнем раскопе детские глиняные игрушки[1].

Среди черепков посуды, собранных близ печи, имелся датирующий материал — многочисленные обломки венчиков, ручек и донышек греческих и римских амфор начала нашей эры. Попадались, хотя и менее часто, че-

[1] Вещи хранятся в фондах ГМИИ. Дневник раскопок В. Г. Гиршберга (архив Тавро-скифской экспедиции 1945 г.), хранится в архиве КФ АН УССР.

репки раннеримских краснолаковых чашек и тарелок I в. н. э. Большую часть керамического материала, найденного подле печи, составляли черепки тонкостенной темноглиняной посуды, с блестящим лощением, сделанной на круге, но подражающей формам скифской лепной керамики. Возле обломков печи было много мелких черепков нелощеной светлоглиняной посуды, тоже изготовленной на круге; некоторые черепки украшены налепами, характерными для скифских изделий [1].

Черепки керамики этих двух видов встречались и в самой кладке стенок печи; они укладывались строителями для выравнивания рядов кирпичей, примитивно выделанных и имевших неодинаковые размеры. Можно считать, что оба эти вида поздней скифской гончарной керамики обжигались в данной печи: при строительстве и периодических ремонтах печи применялась в кладке та керамика, которая всегда имелась под руками у строителей. В небольших керамических производствах сельского типа и сейчас для строительства и ремонта печей используется битая керамическая продукция, которая обжигается в этих печах.

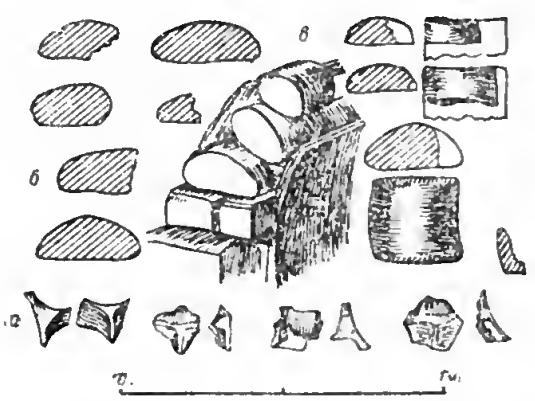


Рис. 8. Кладка обжигательной камеры:
а — куски обмазки с отпечатками валикообразных кирпичей; *б* — валикообразные кирпичи; *в* — укладка кирпичей.

Во всей толще зольного грунта, от каменной вымостки до основания печи и даже несколько глубже, не было найдено никаких материалов более ранних, чем обломки керамики I в. н. э. Раннеримская керамика, залегавшая непосредственно под вымосткой, была найдена и поверх нее, более же позднего материала здесь обнаружено не было. Таким образом, время существования печи можно с наибольшей вероятностью относить к I в. н. э.

Для восстановления размеров и формы верхней камеры печи пришлось сначала все обломки систематизировать на группы по ряду характерных признаков: куски внутренней обмазки обжигательной камеры; обломки кирпичей; куски полуобожженной глины, связывавшей кирпичи в кладке, в том числе особо — куски отвердевшего глиняного раствора с крепко пристав шими к ним обломками кирпича. Мелкие бесформенные обломки различались лишь по степени обжига.

Обломки образовали две группы: от кирпичей в форме слегка изогнутых валиков (рис. 8) и от плоских кирпичей прямоугольных очертаний. Наличие этих двух форм кирпичей подтверждают и отпечатки их на кусках строительного раствора. Плоские кирпичи относились к нижней части печи, валикообразные — к верхней.

[1] Ограничиваемся упоминанием этой керамики, поскольку ее исследование выходит за рамки данной статьи.

По большому количеству обломков валикообразных кирпичей и по наличию двух целых в сохранившемся куске верхней части печи можно заключить, что они имели в поперечном сечении яйцевидные очертания и были различных размеров. Самыми крупными были те два, которые уцелели на своем месте, причем верхний меньше нижнего; все остальные уменьшались в сечении пропорционально разнице между первыми двумя. Из этого можно заключить, что вся верхняя часть камеры состояла из концентрических, сужающихся кверху колец кирпичной кладки. Так как

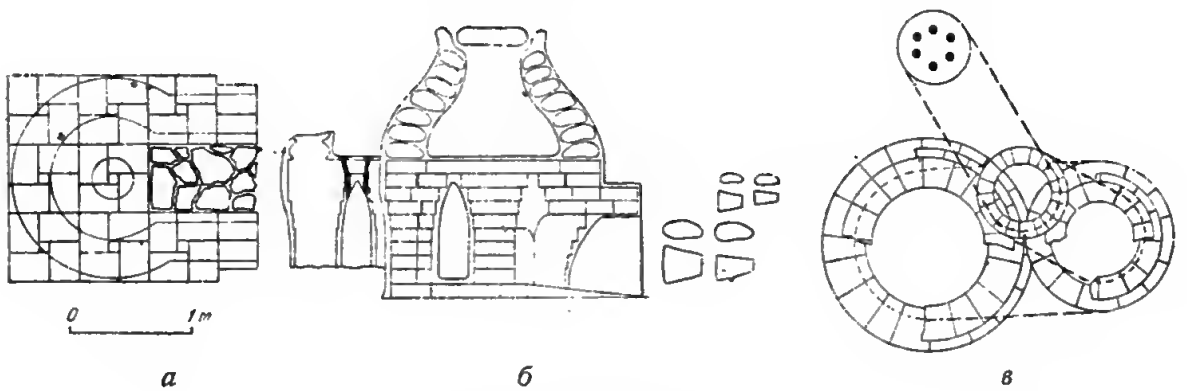


Рис. 9. Схема конструкции печи:
а — основание печи с подом топливника; *б* — продольный разрез печи; *в* — система укладки кирпичей в куполе обжигательной камеры.

выявилось семь различных размеров кирпичей, следует полагать, что и таких колец было не меньше семи.

Равномерность и постепенность уменьшения размеров кирпичей дают понять, что и кольца должны были уменьшаться кверху с той же равномерностью. Отсюда форма верхней части печи восстанавливается в виде несведенного до конца купола (рис. 9); два фрагмента из той же саманной массы, отличающиеся своей формой от остальных, дают возможность уточнить это представление. Один из них, состоящий из трех кусков и хорошо обожженный, несколько походит на край скифской «жаровни», но имеет правильно изогнутую по кругу форму. Второй обломок представляет собой часть круглого полуобожженного диска, слепленного вручную и имевшего круглые, сквозные, симметрично расположенные отверстия на расстоянии 15 *см* одно от другого (рис. 10).

Первый обломок представляет собой кусок края круглого загрузочного отверстия в верхней камере, через которое выходили из нее и печные газы. Второй — принадлежал крышке отверстия[1]. Отверстие было обрамлено невысокими бортами с внутренней закраиной, на которой держалась крышка с шестью «продухами», подобными жаропроводным отверстиям в междукамерном перекрытии.

[1] Подробное обоснование реконструкции деталей печи дана в Приложении, хранящемся в архиве Крымского филиала АН УССР.

Назначение крышки и «продухов» состояло, по всей вероятности, в том, чтобы регулировать температуру и движение газов внутри обжигательной камеры. Закрывая то одни, то другие «продухи» глиной, песком, камнями, можно было ограничивать или регулировать выход газов из печи наружу и таким способом сохранять равномерную температуру в обжигательной камере.

Выяснив устройство и размеры загрузочного отверстия обжигательной камеры, мы определили, на какой высоте от пода оно было расположено. При этом была уточнена и форма самого колоколообразного купола обжигательной камеры. Она имела важное техническое преимущество перед правильной сферической формой более старых античных печей: при той же площади пода обжигательной камеры ее подкупольное пространство могло быть использовано более полно. При чисто сферической форме загрузочное отверстие срезало бы часть купола и в то же время загрузка камеры изделиями не могла быть доведена до краев отверстия: ведь для равномерного и полного обжига изделий между ними и выходным отверстием должно было оставаться некоторое место для раскаленных печных газов, потому что при самом выходе наружу они уже значительно охладевают. Этот недостаток в известной мере устраняется колоколообразной формой обжигательной камеры. Нижняя, сферическая часть ее могла быть загружена посудой полностью, — между кладью изделий и выходом наружу оставалась заполненная еще не остывшими газами горловина купола параболоидной формы; вследствие некоторой высоты горловины газы, соприкасавшиеся с сырцом, сохраняли необходимую для обжига высокую температуру.

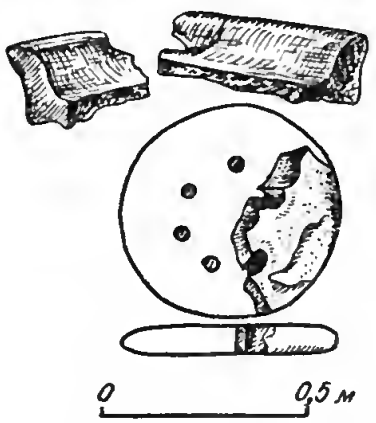


Рис. 10. Обломки краев и крышки загрузочного отверстия обжигательной камеры.

Второе преимущество вытянутой формы верхней части купола заключалось в усилении тяги, так как горловина являлась своего рода трубой.

Керамическое производство поздних скифов в I в. н. э. (время сооружения печи) вряд ли уже разделилось на самостоятельные отрасли — на производство посуды и на производство керамических строительных материалов. Нет данных предполагать и четкое разделение между керамическим производством и обслуживавшим его строительным делом (постройка печей и их ремонт). Иными словами, три отрасли производства — выделка и обжиг посуды, изготовление кирпича, из которого клались печи, и постройка самих печей, скорее представляли еще на данной ступени развития одно комплексное производство. Единство технической традиции выражается в сосудоподобной форме печи, в ручной лепке и в форме кирпичей. Состав саманной массы, из которой делались кирпичи, тоже чрезвычайно близок к составу керамического теста скифских гончарных изделий.

Самаиный кирпич, из которого сложена печь, вылеплен вручную из теста, составленного примерно на три пятых из белесоватой глины и на две пятых из соломы (возможно с некоторой добавкой навоза). Подобного рода смесь являлась превосходным материалом, вполне удовлетворявшим двум основным требованиям строительства печей — нетеплопроводности и прочности. Во время работы печи, от постепенного обжига саманных кирпичей, в них выгорали органические примеси и оставались отпечатки сожженых стеблей в виде тонких трубчатых пустот.

Из саманной массы изготавливались глиняные жаровни, делались своды домашних печей по сплетенным из прутьев каркасам, она же служила и кровельным материалом для скифских жилищ и рабочих навесов. Из сырых самаиных кирпичей крупных размеров были сложены и верхние ярусы оборонительных стен и башен Неаполя скифского[1].

Как сырая, так и обожженная самаиная масса применялась двумя путями: из нее выделывали кирпичи или лепили изделия больших размеров — жаровни, переносные печи, небольшие очаги и т. п.

Казалось бы, столь небольшая керамическая печь, как наша, могла быть подобна некоторым домашним печам и глинобитным сооружениям с плетеным из жердей и прутьев каркасом. Можно полагать, что кладка из кирпичей предпочиталась ввиду необходимости частого ремонта: применение кирпича в постройке печи позволяло быстро чинить и заменять места, поврежденные от жара или неосторожного обращения.

Печь была сооружена из кирпичей двух видов: нижняя камера, основание печи и топливник сложены из кирпичей прямоугольной, плоской формы; кирпичи, составлявшие кольца кладки купола обжигательной камеры, как уже говорилось, были сложной формы: они имели яйцеобразное сечение в поперечнике, лекальный изгиб по длине и клиновидный скос обоих концов к внутренней стороне изгиба. Часть этих кирпичей (нижние, более крупные) была изогнута утолщенным краем наружу; другая часть имела изгиб более узким краем внутрь.

Прямоугольные кирпичи были трех типов: 1) широкие, плоские, продолговатой формы, 2) широкие, плоские, квадратной формы и 3) узкие, продолговатые, квадратного сечения в поперечнике. Все они выделаны вручную, без формы, и имели не вполне одинаковые размеры; тем не менее, с первого же взгляда бросались в глаза некоторые закономерности в их пропорциях. Оба широких кирпича — продолговатый и квадратный — имели приблизительно одну и ту же толщину, сторона же квадратного кирпича равнялась короткой стороне продолговатого. Длинный край кирпича сохранял тот же размер, а сторона его квадратного сечения совпадала по длине с толщиной обоих широких кирпичей.

Средние размеры кирпичей в *см*: продолговатый узкий 10×10×20; квадратный 10×20×20; продолговатый широкий 10×20×30.

---

[1] А. Н. Карасев, Раскопки Неаполя скифского в 1948 г., ВДИ, № 4, 1950, стр. 179 сл.

Незначительная фактическая разница в размерах кирпичей каждого типа при их укладке скрадывалась соответствующим утолщением слоя строительного раствора в нужных местах; во многих случаях выравнивание рядов кладки достигалось подкладыванием под некоторые кирпичи черепков тонкостенной гончарной посуды.

Воспользовавшись тремя графическими «моделями» кирпичей, воспроизводившими их округленные средние размеры, мы в чертеже повторили достаточно изученное нами расположение кирпичей в семи рядах кладки нижней камеры, в основании печи и в своде топливника. Этот опыт дал возможность «достроить» в чертеже утраченные куски нижней камеры и топливника без применения подкладок между кирпичами и при минимальной толщине швов. Нетрудно было убедиться в том, что подлинные древние кирпичи по своим размерам тяготели к принятому нами стандарту, поскольку построенная из подобных «кирпичей» графическая «модель» вполне непринужденно повторила размеры и очертания древней гончарной печи.

То же самое получилось и при графическом построении из таких же кирпичей сложного междукамерного перекрытия на основе расположения кирпичей в его сохранившемся куске (рис. 11).

Если присмотреться внимательно к кирпичам, можно заметить, что у квадратных и узких одна из сторон имеет острые грани, тогда как остальные их стороны имеют края, округленные в процессе лепки. В то же время у всех шести сторон края продолговатого, широкого кирпича одинаково округленные. Если к этому прибавить соразмерность сторон всех трех кирпичей, в особенности одинаковую их толщину, то легко прийти к тому выводу, что первоначально лепились одни лишь продолговато-широкие кирпичи, а квадратный и узкий, по мере надобности в них, получались путем разделения большого кирпича на две неравные части.

Очевидно, древние строители печи не были знакомы с кладкой из мелких кирпичей универсального стандартного размера. При лепной выделке кирпича самый стандарт не мог быть строго установлен. Однако один факт относительного однообразия размеров кирпичей каждого вида уже свидетельствует о поиске более совершенного строительного приема и наиболее выгодных размеров кирпича.

Кирпичи купола верхней камеры были еще более разнообразных размеров. Кроме семи различных по размеру сечений и двух типов лекального изгиба кирпичей, в каждом кольце кладки имелось не менее двух размеров длины кирпича — итого четырнадцать разных размеров (они были выяснены в процессе восстановления обжигательной камеры и поэтому приводятся дальше в связи с рассмотрением ее конструкции).

В эллинистическое и римское время керамические печи, сходные с нашей, были широко распространены в античных городах Северного Причерноморья, да, повидимому, и во всем античном мире[1]. Однако в конст-

[1] В. Ф. Гайдукевич, Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929—1931 гг., ИГАИМК, в. 80.

рукции нашей печи есть ряд особенностей, отличающих ее от известных до настоящего времени печей Пантикапея, Ольвии, Херсонеса и других античных городов. Насколько нам известно, в строительстве у греков ни в эту пору, ни ранее не применялись кирпичи такой формы, какая была

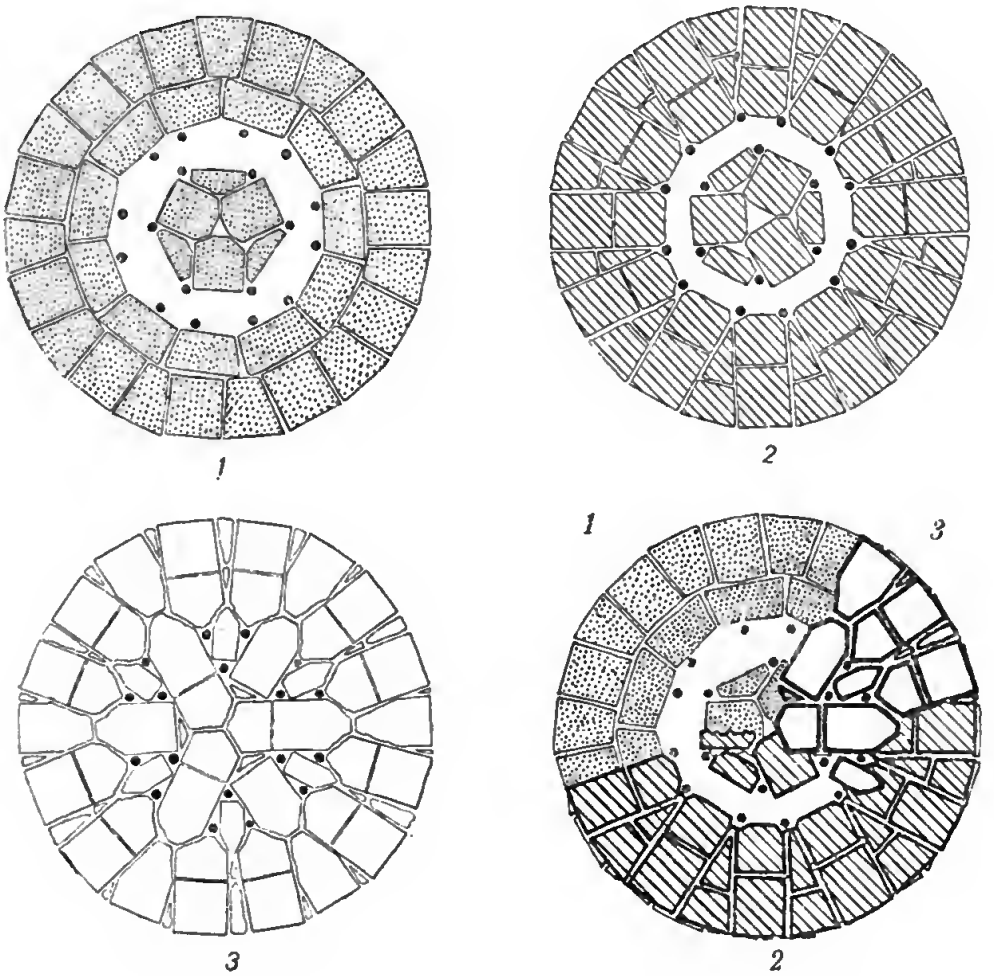


Рис. 11. Схема укладки кирпичей в междукамерном перекрытии.

характерна для скифских сооружений, если судить об этом по остаткам кирпичей в зольниках скифских городищ.

Различие двух строительных традиций — скифской и греческой — сказалось и в рабочих приемах строителей. Приемы скифских строителей отличаются от греческих некоторым «варварским» своеобразием, которое в данном случае проявилось в сложной и оригинальной системе укладки кирпича, различной в разных частях памятника. Основание печи, свод топливника, стены нижней камеры, опорный столб, междукамерное перекрытие, купол обжигательной камеры, — каждая часть имеет свою систему

кладки, а в трех случаях, как мы уже видели, и свою особую форму кирпичей.

Сложные приемы кирпичной кладки, примененные в нижней и верхней частях печи, преследовали две цели: во-первых, ими осуществлена была симметричная конструкция печи и равномерное распределение «продухов» в междукамерном перекрытии; во-вторых, этими приемами достигалась прочность всей конструкции путем выдержанной повсюду перевязки швов. В кладке купола обжигательной камеры, где отмечено применение своеобразных «лекальных» кирпичей, заслуживает внимания оригинальное слияние двух строительных принципов,— так называемого «ложного», или уступчатого, свода с приемами обычного свода. Округлая форма кирпичей, неизбежная при ручной выделке, легла в основу технической системы, которая является как бы переходной от уступчатого свода к настоящему клинчатому купольному своду. От первого здесь — концентрические, уменьшающиеся кверху кольца кирпичной кладки; от второго — использование механического принципа наклонных плоскостей,— ведь каждый кирпич, имеющий яйцевидное сечение и скошенные концы, является как бы прообразом клинчатых камней сводов и куполов. Вероятно, многое в этой системе вытекало из древней и длительной практики устройства скифских зерновых ям; камни, которыми ямы были облицованы, подобраны один к другому и уложены по тому же принципу. Форма и размеры обжигательной камеры тоже чрезвычайно близки к форме и размерам многочисленных, широко известных зерновых ям позднескифских городищ и селищ Крыма[1].

Нижний ярус печи (топливник, нижняя камера, междукамерное перекрытие, опорный столб), сравнительно хорошо сохранившийся, позволил определить количество рядов кирпичной кладки и кирпичей в каждом ряду. Из этих данных можно было вывести соотношение размеров названных частей, выражаемое общей для них мерой — высотой кирпича. Воспользовавшись средней высотой кирпича, как единицей измерения, мы убедились в том, что все размеры частей памятника могут быть выражены рядом простых целых чисел.

В практике кирпичного строительства стремление как можно проще и единообразнее обрабатывать кирпичи путем обкола или раскалывания, а с другой стороны, как можно реже прибегать к подобным операциям не могли не привести к следующим результатам: во-первых, строители избирали такие размеры сооружений, в которых данный кирпич укладывался бы целое число раз. Во-вторых, поскольку главное условие прочности кладки стен из кирпича — перевязка швов — требовало применения кирпичей

[1] В 1951 г. О. Д. Дашевская во время археологического доследования нижележащих слоев обнаружила яму, похожую на зерновую, но с необычным заполнением. В ней были найдены сырые глиняные изделия — ткацкие грузила, куски обожженого самаиного кирпича и недогоревшее топливо. Следы обжига на стенках ямы наводят на предположение о том, что эта яма, возникшая, судя по найденной в ней керамике, на три столетия раньше нашей печи, являлась тоже примитивной керамической печью домашнего типа (см. отчет Дашевской о раскопках в 1951 г., стр. 9, Архив ИИМК АН СССР и Крымского филиала АН УССР).

разных размеров, постольку выгодным стало изготовление таких крупных кирпичей, из которых легко получать, путем деления на глаз, меньшие кирпичи более или менее постоянных размеров. Наиболее удобным для этого явилось простое, легко определяемое на глаз соотношение размеров сторон кирпича — 1×2×3. При этом наименьшая величина — высота кирпича — естественно стала измерительной единицей сначала при выделке самого кирпича, а затем и при строительстве кирпичных сооружений.

Таким образом, керамическая печь городища «Красное» представляет собой небольшой, но яркий пример состояния строительной техники накануне изобретения стандартных формованных кирпичей и приближения к открытию более совершенных приемов кирпичной кладки стен и перекрытий со строгой перевязкой швов. На эллинистическом Востоке все это уже было, но ко всему этому строительное искусство Европы пришло двумя столетиями позже, когда произошло отделение гончарства от строительства и окончательное отделение от них производства керамических строительных материалов. В начале I в. н. э. этот процесс, как видно, уже назревал и в данном случае выразился в явственно наметившемся разделении комплексного керамического производства на основные моменты, технически не зависимые друг от друга.

Не исключена возможность и того, что здесь (в особенности, если эта гончарная мастерская состояла из четырех-пяти печей, работавших одновременно) имелось уже и разделение труда производителей по отдельным работам, связанным с обслуживанием и ремонтом печей, заготовкой сырья, выделкой посуды, ведением обжига.

О действии печи можно судить не только по устройству ее, но и по ряду косвенных признаков, как-то: состав кирпича и степень его обжига, характер обжига изделий, состав топлива, выясненный по углям, найденным в топливнике. Эти косвенные данные дополняются сведениями о режиме обжига, топливе, заготовке сырья и прочих деталях производства современных мелких гончарных мастерских, имеющихся в Крыму. Очень близкое сходство в устройстве этих небольших печей с древними дает право предполагать такое же сходство и в технологическом процессе (кроме, разумеется, применения поливы, изобретенной гораздо позже). Это не должно вызывать удивления: древнее керамическое производство достигло совершенства в выделке тонкостенной посуды из простой глины, и это в значительной мере объясняется довольно высоким техническим уровнем устройства античных печей.

Тип горновых печей с тремя отделениями, — топливником и двумя камерами, — сложился в период рабовладельческого строя, но не утратил своего практического значения и во все последующие исторические периоды, вплоть до настоящего времени. Гончарные печи этого типа в древности являлись своего рода последним словом техники; вскоре и надолго они стали самым распространенным, господствующим типом; лишь в прошлом столетии, с появлением более совершенных печей, конструкция их устарела. Однако и поныне такие печи встречаются в подсобном керамп-

ческом производстве, являясь для кустарных мастерских наиболее рентабельными.

К печи городища «Красное» близка по форме и размерам ольвийская античная гончарная печь 1929 г. [1]. На нее похожа большая печь, раскопанная В. Ф. Гайдукевичем в Пантикапее [2]. Наиболее близкой аналогией описываемому памятнику является гончарная печь, открытая в 1938 г. в Олимпии [3]. Сильно напоминают нашу печь и коринфские керамические печи, изображенные на известных расписных вотивных табличках (рис. 12, *б*). Они отличаются от нее относительно большей длиной топливника и наличием специального загрузочного отверстия в боку обжигательной камеры. Обе эти особенности, очевидно, связаны с более крупными размерами коринфских печей [4]. Вследствие значительной величины для них требовалось больше топлива, в дело шли более длинные поленья, это и обусловило длину топливника. В то же время невозможно было производить загрузку высокой обжигательной камеры через вытяжное отверстие, и поэтому приходилось устраивать сбоку особое отверстие для загрузки камеры изделиями.

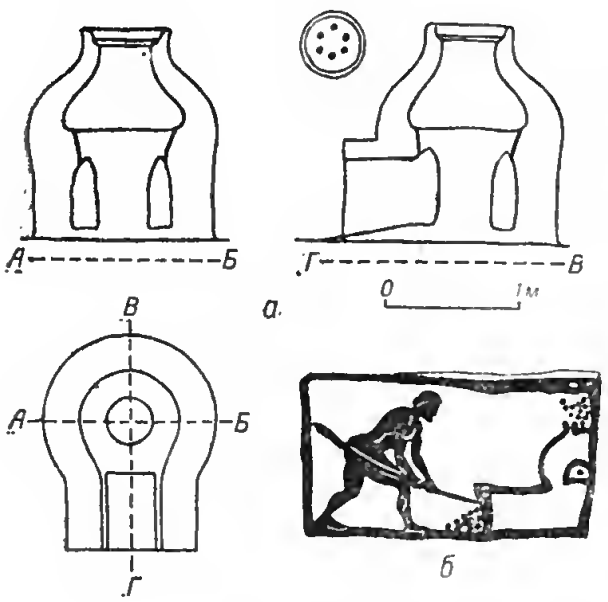


Рис. 12. Реконструкция керамической печи:
а — план и разрезы; *б* — изображение керамической печи на вотивной расписной табличке из Коринфа.

На коринфских табличках перед печью изображен обнаженный раб, шурующий в топке длинным стержнем. Примитивное устройство регулирующих тягу приспособлений, о которых мы уже говорили, требовало от этого работника большой ловкости, расторопности, внимания, а главное, большого навыка. Без преувеличения можно сказать, что этот работник должен был быть таким же специалистом в своем деле, как и горшечник, и занимать в мастерской видное место.

Если бы гончарная мастерская городища «Красное» состояла только из одной печи, то и тогда трудно было бы предположить, чтобы горшечник и обжигала совмещались в одном лице. При существовании же в мастерской нескольких печей непременно должно было быть несколько обжигал и горшечников, при наличии нескольких же подмастерьев.

---

[1] Ввиду того, что этот памятник не издан, об ольвийской печи можно судить лишь на основании устного свидетельства А. Н. Карасева, участника раскопок Ольвии.

[2] В. Ф. Гайдукевич, ук. соч.

[3] ВДИ, № 1, 1947, стр. 204—205.

[4] Масштабы изображений человеческой фигуры и печи на этих табличках совершенно условны и не соответствуют действительным соотношениям.

При наличии навесов над печами они могли действовать в течение всего сезона почти без перерыва, необходимого лишь на короткое время для ремонта.

Наблюдения над современным мелким производством глиняной посуды близ Симферополя[1], состоящим всего из одной горновой печи, позволяют провести некоторые параллели между современной кустарной печью и древней.

Современная печь имеет почти такие же размеры, как и древняя, и по устройству похожа на нее. Она тоже состоит из трех отделений — обжигательной камеры, распределительной камеры и топливника; как и древняя печь, она топится дубовыми дровами[2].

Температура, при которой происходит обжиг изделий в современной печи, равняется 900—1000°. В древней печи, насколько можно судить по ряду косвенных данных, достигалась такая же температура.

Показателем нормального температурного режима, достигавшегося в древней печи опытным, умелым обжигалой, является хорошее качество черепка всех фрагментов посуды, найденной близ печи и в ней самой; об этом же свидетельствует и незначительный процент керамического брака среди изделий.

Еще более убедительным доказательством того, что температурный режим обжигательной камеры был не ниже, чем в современных горновых печах, является степень обжига самаиных кирпичей и внутренней обмазки камеры. Внутренняя глиняная обмазка печи легко расслаивается на отдельные пласты, каждый из которых обожжен до спекания и частичного остекления его поверхности. Слоистое строение обмазки — следствие многократных ремонтов печи, следы которых замечены во многих местах. Цвет всех слоев обмазки желтовато-зеленоватый, местами переходящий в белесый, бутылочно-зеленый или буровато-желтый. Подобный цвет обожженной глины возникает при температуре выше 900° в том случае, если в составе глины имеется некоторое количество щелочных земель и от 3 до 5% окислов железа.

По образцам обожженной глины, без сравнительного химического анализа, нельзя определить, откуда она была взята и каков был ее состав до обжига. В данном случае определить происхождение и состав глины, из которой были вылеплены самаиные кирпичи нашей печи, помогло то обстоятельство, что в обломках кирпичей можно было проследить все изменения глиняного теста при разных степенях обжига, от совершенно сырой глины из внешней части кирпичных кладок до глины из внутренних частей печи, дошедшей до полного спекания и частичного остеклеиения.

Основываясь на подобных наблюдениях, можно считать, что в качестве материала для выделки самаиных кирпичей и в качестве строитель-

---

[1] В совхозе «Альминский» близ с. Партизанское, в 15 *км* к юго-западу от Симферополя.

[2] Определение вида топлива по сохранившимся в древней печи углям сделано проф. Н. А. Троицким.

ного раствора для кладки и обмазки употреблялась одна и та же глина, залежи которой представляют собой осиовиую породу юго-восточных отрогов третьей гряды Крымских гор. Обиажеиия этих залежей имеются у самого городища иа склоиах глубокой балки, ограничивающей его территорию с северо-западиой стороны. Эта глииа, судя по желтой окраске, содержит порядочио окислов железа, различиые минеральиые примеси, в том числе мелкие и крупиые включеиия известияка. Все это свидетельствует о том, что в древией керамической печи достигалась температура выше 900° (это, в свою очередь, свидетельствует и о восстаиовительном характере пламеии).

Мы провели иекоторые параллели между древней керамической печью городища «Красиое» и похожей иа иее совремеиной печью для того, чтобы распространиить их и на организациоииые стороны древиего гоичариого производства; вследствие отсутствия письмеииых источиików последние иельзя уясиить себе иначе, чем при помощи подобиой аиалогии.

Если одиу совремеиную печь, работающую ие беспрерывио, а с промежутками, по мере иадобиости, обслуживают два человека — гоичар и обжигала, выполияющие все работы за исключеиием доставки топлива и сырья, то в производстве с четырьмя-пятью аиалогичиыми печами работиików должио было быть больше.

Наличие нескольких печей ясно говорит о том, что оии должны были работать в течеиие всего сезоиа без перебоя и производили изделия иа сбыт; в иием случае не к чему было бы сооружать столько печей. У каждой печи должеи был непрерывио стоять обжигала, следящий за режимом обжига, от которого зависит судьба всей партии обжигаемых изделий. Нормальиая работа печи зависит от своевремеиной подачи топлива, для заготовки которого сам ои ие может отвлечься без ущерба делу. Следовательио, кто-то старший иа производстве должен регулировать доставку и распределеиие топлива между всеми печами. Для этого ои должеи по своему положеиию на производстве стоять выше других, быть иачальииком иад теми, кто заготавливает топливо, и иад теми, кто топит печи [1].

Кроме выделки посуды, изготовлеиия кирпича в запас для частых ремонтов печей, требовалась также заготовка сырья. Прекрасиое качество керамического теста свидетельствует о том, что в данном гоичарном производстве примеиялись все способы предварительиой обработки сырья, вплоть до самого тщательиого отмучиваиия глиины и песка.

Если учесть, что гоичарство в древности являлось делом сезоиным, то можио допустить, что иа работах по ремоиту и строительству печей и иавесов, добыче и доставке сырья, заготовке топлива впрок заиимались в «мертвый» сезои те же люди, которые в другое время изготовляли и обжигали посуду; стало быть, можио иа эти процессы, в иашем примерном подсчете, ие брать ии одиого работника. Тогда количество исполиителей, заня-

[1] Для обжига одиой партии изделий в такой печи, как печь с. Партизаиское (нагрев до температуры 900° и поддержание ее до полного обжига посуды), необходимо сжечь в течеиие двух суток около трех кубометров дубовых дров.

тых на даиом производстве, будет определяться возможиой нормой дневной выработки гоичара, емкостью каждой печи, числом печей, временем обжига и длительностью сушки изделий перед обжигом.

При выделке посуды на примитивном гончарном круге, работу которого можно и в настоящее время наблюдать в мелких подсобиых производствах, один гоичар за деиь может изготовить около 60 мисок емкостью около 18,5 л; это примерио столько, сколько может принять в одии раз обжигательная камера иашей печи. Значит для всей партии, рассчитаиной на пять печей, понадобится около пяти дней работы одного гончара. Период естественной воздушной сушки изделий длится около десяти-двеиадцати дней, а обжиг (включая период разогрева и охлаждения печи) — около трех суток. Диевиая выработка посуды одного гончара, следовательио, может быть обработана в течение 13—15 суток при работе одной печи; при постояниой же работе пяти печей, кроме того же числа обжигал, требовалось не менее двух гончаров, заготовлявших посуду [1].

Над всеми процессами производства и отиосящимися к нему подсобными работами должен был стоять старший по своему положеиию в производстве. Таким лицом в начале I в. и. э. мог быть только хозяин-рабовладелец. Поскольку последний должеи был часто отвлекаться от производства для сбыта изделий и других дел, то можио предположить и существование особого управляющего или надсмотрщика над рабами.

Картина производственных отношений, которую мы попытались здесь набросать самыми приблизительиыми штрихами, имеет, разумеется, предположительный характер. Сейчас нам еще неясен специфический характер скифского рабовладения, имевшего, конечно, свою особую окраску. Мы не знаем и характерных деталей даиного производства, его организациоиной структуры вследствие того, что оно недостаточио еще вскрыто археологическими исследованиями. Чтобы ясно представить себе фуикции производителей-рабов, надсмотрщика и владельца, необходимо произвести дальнейшее полное исследование данной мастерской и других подобных ей мастерских. О том, что такие мастерские будут еще иайдены, свидетельствует недавний факт обиаружения следов керамического производства на скифском городище близ с. Песчаное (б. Альма-Томак близ мыса Лукул) [2].

Где-то неподалеку от комплекса обжигательных печей должны были находиться место выделки посуды, жилище хозяина и его рабов, свалка керамического брака и боя, навесы для просушки сырых глиняных изделий, предназначениых для обжига. Вскрытие этих остатков осветило бы миогие детали скифского гоичариого ремесла I в. н. э.

---

[1] Имеется в виду, что эти же люди сообща приготавливали для себя материал — керамическое тесто.

[2] Упомииание этого городища имеется в статье П. Н. Шульца «Тавро-скифская экспедиция в 1946 году», «Советский Крым». № 5, Симферополь, 1947 г. Дополнительиое его обследование, выявившее здесь остатки керамического производства, произведеио отделом истории и археологии Крымского филиала в 1951 г.

Э. И. Соломоник

О ТАВРЕНИИ СКОТА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

(*По поводу некоторых загадочных знаков*)

Средн многочисленных эпиграфнческих памятников Северного Причерноморья выделяется группа памятников с так называемыми «загадочными знакамн», которые былн особенно шнроко распространены на Боспоре в первые века нашей эры.

Этим знакам посвящен целый ряд статей и нсследованнй, в которых делаются различные попытки их толкования, часто основанные на сопоставленнн знаков с разнымн снстемамн пнсьма [1].

Для правильной постановкн и успешного разрешения проблемы в целом необходнмы: тщательный сбор н научное нздание всего матернала с подробным описаннем и точными зарнсовкамн и фотографнями, классифнкацня памятнпков со знакамн по их характеру, назначению, месту находки н хронологнческнм данным, а также спецнальное нзученне отдельных групп памятнпков. Все это поможет накопленню хорошо обоснованных н всесторонне проверенных выводов.

В данной статье мы хотим обратнть вниманне на несколько памятников со знакамн из Северного Прнчерноморья, которые на первый взгляд нмеют между собой весьма мало общего.

Начнем с их краткого описания.

1) Боспорское надгробие II в. н. э. с рельефным нзображением двух всаднпков на конях и большой греческой надпнсью, поставленной членами религнозного фиаса в честь Атты, сына Трифона [2]. На бедре н лопатке коня тонкой лннней вырезаны сложные знаки (рнс. 1).

---

[1] П. Бурачков, О памятниках с руннческнми надпнсями, находящнхся на юге Россни, ЗОО, т. IX, 1875; В. В. Латышев, Загадочные ольвнйскне надпнсн, ЗОО, т. XV, 1889; В. В. Шкорпнл, Заметка о рельефе иа памятнпке с надпнсью Евпатерия, ИАК, 37, 1910; И. И. Мещаннов, Загадочные знакн Прнчерноморья, ИГАИМК, в. 62, 1933, стр. 3—87; Е. М. Штаерман, О «загадочных знаках» Северного Причерноморья, ВДИ, 1950, № 1, стр. 112 сл. и другне работы.

[2] Памятник найден в 1929 г. и издан в ИГАИМК, в. 104, 1935, стр. 68 сл. Он хранился в Керченском музее, но во время Великой Отечественной войны был, виднмо,

2) Терракотовая фигурка бычка, найденная в Керчи в детской могиле вместе с хорошо выполненной глиняной повозкой, обломками другого бычка, астрагалами и бусами [1].

На левой лопатке бычка виден трехчленный знак, нанесенный каким-то острием до обжига (рис. 2). Таким образом, знак является не случай-

Рис. 1. Боспорское надгробие II в. н. э.

ным позднейшим добавлением, а неотъемлемой частью данной терракоты, задуманной и выполненной изготовившим ее мастером.

расколот на три части, две из которых — рельефное изображение всадников и надпись — мы обнаружили разрозненными в фондах музея. Знак на бедре коня изображен в указанной статье неверно.

[1] Фигурка бычка и другие вещи находятся в Гос. Эрмитаже (П. 1903, 133); изд.: П. Беньковский, О терракотовых повозочках из Керчи, ИАК, в. 9, 1904, табл. VII.

3. Обломок известняковой стелы грубой работы, найденный недалеко от Ольвии (хутор Малая Козырка) с изображением всадника на коне, стоящего человека и трех фигур каких-то животных [1].

На бедре коня четко вырезан небольшой знак (рис. 3). По характеру изображения памятник датируется первыми веками нашей эры.

Все эти разнохарактерные памятники искусства Северного Причерноморья первых веков нашей эры имеют одну общую и интересную для нас

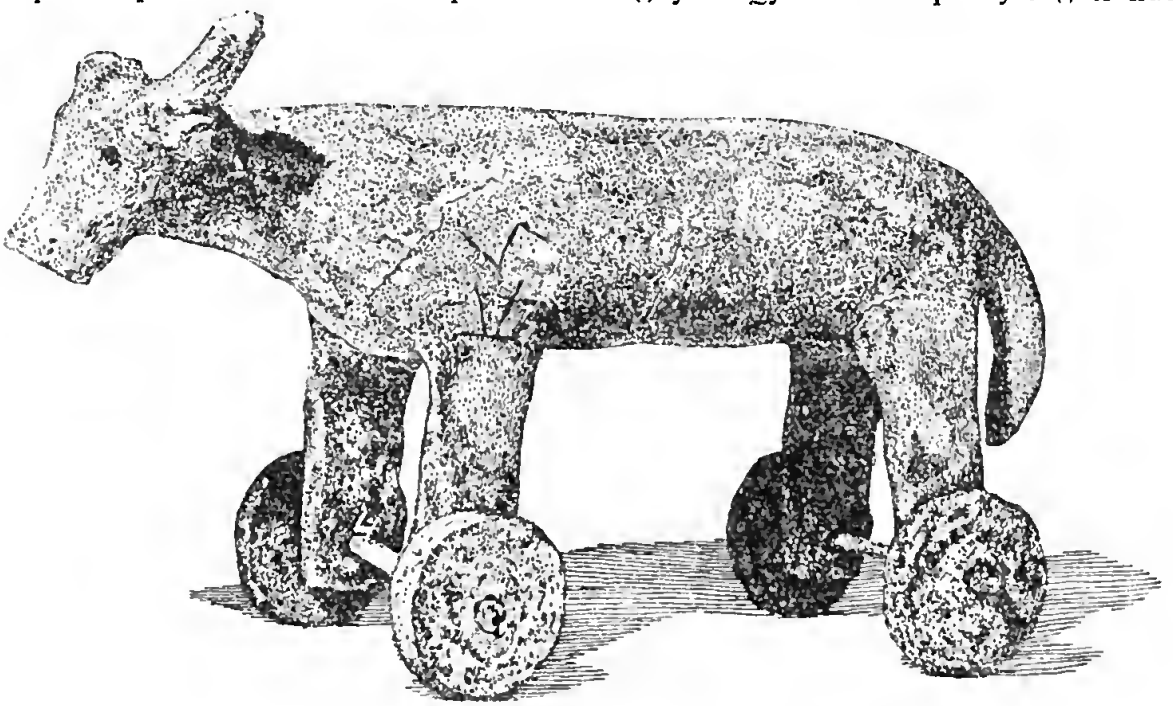


Рис. 2. Терракотовый бычок из Керчи (игрушка).

черту: изображение знаков на домашнем скоте — лошадях и быках (рис. 4) [2].

В научной литературе этот факт не обратил на себя внимания, а при издании отдельных памятников даже не ставился вопрос о значении нанесенных на них знаков. Некоторое исключение составляет лишь статья П. Беньковского, однако он ошибочно, на наш взгляд, принимает знак на бычке за греческие буквы К и Σ и придает им магическое значение [3].

Внимательное изучение и сопоставление этих памятников позволяет установить и другие существенные черты сходства между ними.

---

[1] Памятник хранится в Херсонском музее (Инв. № 6517), издан в ОАК за 1909—10 гг., стр. 101, рис. 146. Ср. В. И Гошкевич, Летопись Херсонского городского музея древностей за 1912 г., в. 4, 1914, стр. 11, рис. 6; И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, Киев, 1951, стр. 72, рис. 24.

[2] На предлагаемой таблице уточнены формы некоторых знаков на основе их детального изучения по подлинникам, эстампированию и зарисовок.

[3] П. Беньковский, ук. соч., стр. 70.

Прежде всего следует отметить, что все они являются не привозными, а изготовленными в Северном Причерноморье, причем рельеф первого из них имеет многочисленные аналогии среди боспорских надгробий, а вторые два по характеру исполнения могут быть отнесены к изделиям местных мастеров [1].

Рис. 3. Известняковая стела из Малой Козырки.

Чувствуется стремление правдиво передать изображаемое, хотя в одних случаях это делается грубо и примитивно, а в других даже с излишней детализацией. Так, например, с этнографической точностью переданы детали костюма и вооружения боспорского всадника, а детская терракотовая игрушка, изображающая повозку, несомненно, копирует в миниатюре настоящие повозки.

Напрашивается мысль, что и знаки на изображениях, нанесенные ма-

[1] Близкую аналогию бычку мы находим в детской глиняной игрушке из Ольвии (Э. Р. Штерн, Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря, Сборн. в честь Бобринского, 1911, стр. 26, рис. 33) и в терракоте из Илурата (найдена в 1949 г., хранится в ЛОИИМК), также изготовленных местными коропластами

стером при изготовлении вещи[1], а следовательно, органически с ней связанные, реалистически отражают какое-то неизвестное нам явление. Следует добавить, что знаки помещены в определенных местах на крупе животных (на бедре и лопатке) и имеют по своим очертаниям многочисленные аналогии на других памятниках Северного Причерноморья этого времени[2].

В свидетельствах древних авторов о Северном Причерноморье мы не находим никакого объяснения рассматриваемому явлению, но привлечение этнографического материала, изучение аналогичных знаков на других памятниках и использование письменных источников о различных странах античного мира позволяют нам прийти к некоторым предположениям и выводам.

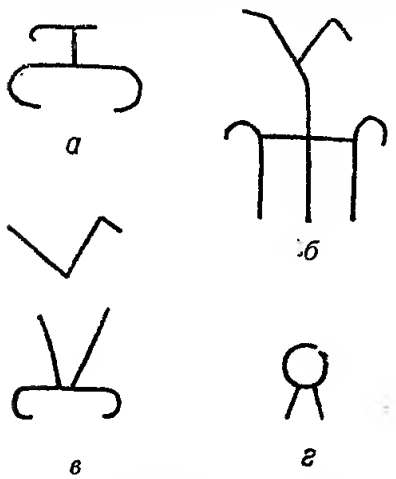


Рис. 4. Знаки на домашнем скоте:
а, б — на боспорском надгробии; *в* — на бычке; *г* — на стеле из Малой Козырки.

У целого ряда племен и народов с древних времен широко известен обычай клеймения или таврения скота. Он был распространен у тюркских, монгольских, славянских и финских племен, на Кавказе и в Крыму, в древней Греции и других местах.

Путем надрезов на ушах или рогах, а чаще выжигания специальным железным штампом на теле животного какого-либо изображения, знака или буквы каждый хозяин отмечал принадлежащий ему скот. Особенно широко использовались для этой цели именно знаки, имевшие наиболее простую геометрическую форму.

Знаки на скоте, как и на некоторых предметах, в том числе на различной домашней утвари, представляют собой группу знаков собственности, которыми отмечалось частное владение данной вещью. Поэтому они могли возникнуть лишь в период разложения первобытно-общинного строя, когда начались процессы имущественной дифференциации и стала появляться частная собственность. В условиях складывающегося классового общества и государства клеймо приобрело еще большее значение. Все это находит убедительное подтверждение в фактическом материале.

О тавренни скота у славянских племен известно из письменных источников. Наносимые знаки назывались у них «пятна», «меты», «метки».

---

[1] Рассмотрев знак на бычке, нельзя согласиться с предположением Беньковского (ук. соч., стр. 66), что он нанесен после обжига. Например, в верхней части знака конец одной линии заплыл при обжиге или случайно затерт пальцами по сырой глине.

[2] Ср., например, знаки на боспорских плитах (JosPE, IV, 447; ИАК, 37, 1910, стр. 30, рис. 3; ВДИ, 1941, № 1, стр. 207), на каменных львах из Ольвии (ЗОО, III, 1853, табл. VI), на стелах Керченского склепа 1872 г. (АДЖ, табл. LXXXIII), на металлических пряжках (ИАК, 37, стр. 32, рис. 9 и др.) и многих неизданных памятниках Северного Причерноморья, хранящихся в Государственном Эрмитаже, ГИМ, Керченском, Одесском и др. музеях. Сейчас производится сбор, изучение и подготовка их к изданию.

В «Русской правде» говорится: «...А за княжь конь, иже тои с пятном, три гривны».

В Ипатьевской летописи под 1169 г. также упомииается о тавреиии коией [1].

Накоиец, в словаре В. И. Даля приведеиы такие примеры: «А пятеищики мои коией у иих ие пятиают, а держит игумеи пятно у себя». «А пятио имати, кто купит лошадь, с купца по деньге» [2].

Тавреиие скота было широко распростраиеио у татар, башкир и других тюркских и моигольских племен, кочевавших с большими стадами скота [3]. В период татаро-моигольского ига термин «тамга» был заиесеи на Русь и прочио вошел в русский язык, видимо, замеиив прежнее «пятио» [4].

В большой монографии, посвящеииой зиакам Западиой Европы, Ц. Г. Гомейер [5] указывает, что знаки иа скоте — самые древиие и распростраиенные. Так, иапример, уже в Lex Salica (Tit. 33, § 2) говорится о знаках (sígna) иа домашиих олеиях [6].

То же можно сказать и о кавказских тамгах, которые в некоторых местах сохраиились вплоть до иедавиего времеии. Учеиый и путешественник коица XVIII в. П. Паллас [7] сообщает 56 тамг, которые встречались иа черкесских и абхазских лошадях.

«Главное зиачение зиака — это тавреиие или клеймеиие скота» — пишет совремеииый исследователь кавказской тамги В. П. Пожидаев [8].

В другом месте он описывает скалу Куиитыга, изрезанную сотиями знаков, которые иаиосили домохозяева и скотовладельцы, помечая тавро своего табуна [9].

Вопрос о тавреиии в странах аитичного мира заслуживает особого виимаиия, так как эти страны иаходились в тесиом общеиии с Севериым Причерноморьем. В культуре и быте греческих колоиий иа берегах Черного моря переплетались, создавая неповторимое своеобразие, элемеиты грече-

---

[1] См. П. С. Ефименко, Юридические знаки, ЖМНП, ч. CLXXV, 1874. стр. 74; И. И. Срезиевский, Матерналы для словаря древнерусского языка по письмеииым памятникам, 1902, сл. «Пятио»; Б. А. Рыбаков, Знаки собствеиности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв., СА, VI, 1940, стр. 229 сл.

[2] В. Даль, Толковый словарь, т. III, 1935, сл. «Пятио». В последнем случае «пятио» означает пошлииу, которую взимали за пятнаине скота.

[3] А. Н. Самойлович, К вопросу об этнографическом изучении Крыма, Записки Крымского общ-ва естествоисп. и люб. природы, т. VI, 1917, стр. 131; О крымских лошадях, СПб., 1857, стр. 104 сл.; Д. Н. Соколов, О башкирских тамгах, Труды Оренб. уч. арх. комиссии, т. XIII, вып. XIII, 1904, стр. 16; П. Небольсни, Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, СПб., 1852, стр. 13.

[4] П. С. Ефнмеико, ук. соч., стр. 83.

[5] C. G. Homeyer, Die Haus- und Hofmarken, 1870, стр. 251.

[6] Там же, стр. 8. Первоначальиый текст Салической Правды относится к IV в. и. э.

[7] П. Паллас, Путешествие по разиым провинциям Российского государства, Альбом, т. I, табл. 20 и 21. Рнсунки лошадиных тавр Северного Кавказа, «Журиал охоты», 1877, № 1, т. VI, стр. 72—73.

[8] В. П. Пожидаев, Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамеит, Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского иистнтута, т. IV, 1948, стр. 241.

[9] В. П. Пожидаев, Хозяйственный быт Кабарды, 1925, стр. 21 сл.

ской и местной культуры. Наиболее яркий пример в этом отношении дает Боспорское царство.

Большое количество упоминаний древних авторов о таврении скота (главным образом лошадей), в том числе в комедиях Аристофана и схолиях к ним, у Анакреонта, Плутарха, Аристотеля и других, свидетельствует о разнообразном применении и распространенности этого обычая в греческом мире.

Приведем соответствующие примеры. В одном из стихотворений Анакреонта[1], широко известном по переводу Пушкина, есть такие строки:

Ἐν ἰσχίοις μὲν ἵπποι
πυρὸς χάραγμ' ἔχουσιν

(кони имеют на бедрах выжженные знаки).

В комедии Аристофана „Облака"[2] встречается выражение: ἐπριάμην τὸν κοππατίαν. Слово κοππατίας, видимо, хорошо известное современникам Аристофана, смотревшим в театре его комедию, вызвало подробный и весьма интересный для нас комментарий у позднейшего схолиаста. Он указывает, что κοππατίας называли коней с клеймом „К" так же, как σαμφόρας — коней с клеймом „Σ"; эти клейма употребляются до сих пор. Название же βουκέφαλος объясняется не внешним видом, а формой клейма[3].

Слово κοππατίας происходит от названия буквы κόππα, с которой начиналось на древних надписях и монетах слово Κόρινθος (Коринф), и обозначает славившуюся в Греции коринфскую породу лошадей[4].

Таким образом, приведенную выше аристофановскую строку следует переводить так: «Я купил коня с тавром «К», или «Я купил коринфского коня».

В комедиях Аристофана „Облака" и „Всадники"[5] встречается также термин σαμφόρας, по поводу которого в схолии[6] говорится: ... σαμφόραι δὲ (sc. ἵπποι καλοῦνται.—*Э. С.*) οἱ σῖγμα ἔχοντες περὶ τὸν μηρόν. (Σαμφόραι называются кони, имеющие на бедре знак „Σ").

Наконец, в одном из фрагментов комедии Аристофана[7] упоминается βουκέφαλος с указанием, что это относится к фессалийским лошадям.

О таврении быков читаем у Плутарха[8]: Χαράγματα φέρουσαι (βόες.—*Э. С.*) τῆς θεοῦ λαμπάδα. (Быки имеют знаки, изображающие светильник богини).

В словаре Фотия[9] слово στίξαι поясняется как τὸ ἐγκαῦσαι ἵππον (таврить коня).

---

[1] Anacr. 26 B, 1—2, Изд. Bergk, Poetae lyrici graeci, 1853, стр. 819.
[2] Aristoph., Nub., 23. Ср. Nub., 437: διὰ τοὺς ἵππους τοὺς κοππατίας.
[3] Schol. in Aristoph. Nub., 23.
[4] См. Liddel and Scott, A Greek-English Lexicon, s. v. „κόππα" и „κοππατίας".
[5] Aristoph., Nub., 123 и 1280; Equit., 601.
[6] Schol. in Aristoph. Nub., 123.
[7] Aristoph., Fragm., Anag. V. ἐγὼ σοι βουκέφαλον ὠνήσομαι (я куплю тебе „βουκέφαλον", т. е. коня с тавром в виде бычьей головы).
[8] Plut., Lucull., 24.
[9] Phot., Lex., s. v. „στίξαι".

Интересен и один афинский обычай, описанный Аристотелем [1].

Наряду с докимасией войск Совет производит осмотр лошадей; тем лошадям, которые оказываются недостаточно обученными, выжигают на челюсти круг (τροχὸν ἐπὶ τὴν γνάθον ἐγκαίει)[2].

Возвращаясь к изображениям домашних животных со знаками, найденным на Боспоре и в районе Ольвии, мы приходим к выводу, что в Северном Причерноморье античной эпохи, где скотоводство наряду с земледелием играло значительную роль в хозяйстве, был, видимо, также распространен обычай клеймения скота, а следовательно, нанесенные на этих изображениях знаки представляют собой не что иное, как тавро.

В этом отношении особенно интересен знак на глиняном бычке.

Чтобы придать любой игрушке (древней или современной) вид настоящей, «всамделишной» вещи, обычно воспроизводятся и подчеркиваются какие-либо характерные детали. Так, например, на современных игрушечных автомашинах, как бы упрощенно они ни были выполнены, на соответствующем месте обычно ставится номер. Знак на бычке имеет форму настоящего знака, нанесен на нужном месте, однако непомерно велик по сравнению со всей фигуркой — особенность, также характерная для игрушки.

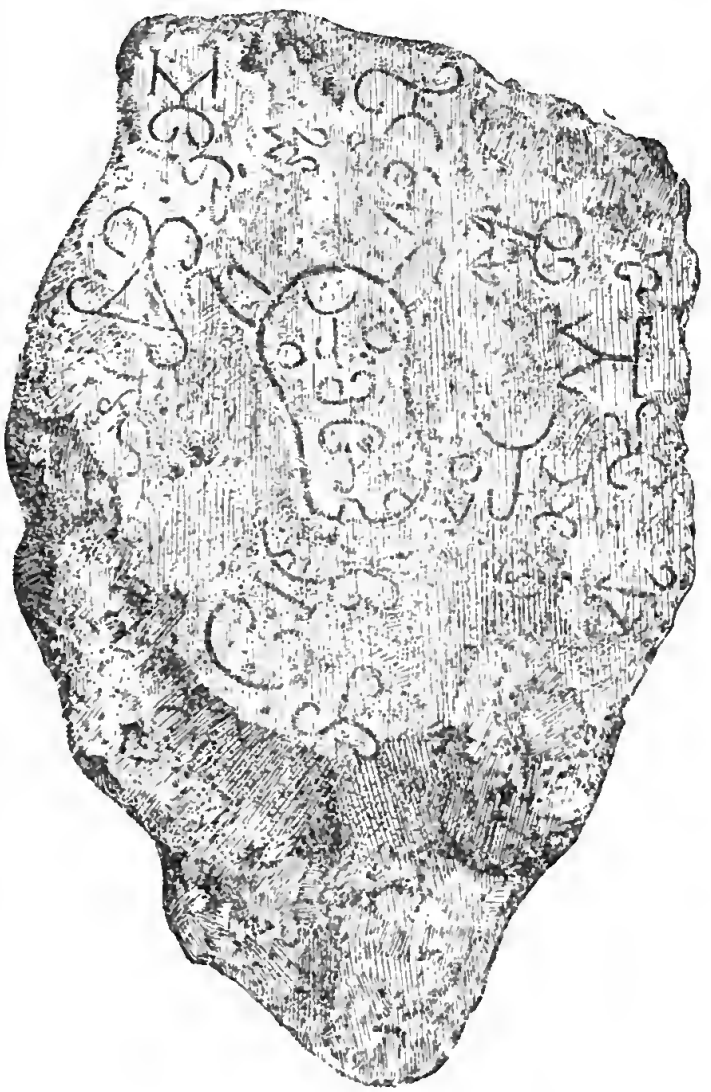


Рис. 5. Плита из Кривого Рога.

[1] Aristot., Ath. pol. 49,1.

[2] Эванс (A. Evans, The Palace of Minos, 1935, т. IV, стр. 768 сл., рис. 749) упоминает о глиняной фигурке барана из Самсуна с graffito, в котором он усматривает критское письмо. Эта терракота с надписью, видимо, носила вотивный характер. Ср. P. Demargne, La Crète dèdalique, 1947, стр. 143. Таким образом, несмотря на внешнее сходство с рассматриваемой группой памятников, мы не можем включить фигурку из Самсуна в число памятников с изображением тавра.

Таким образом, знак на бычке может в какой-то мере восполнить наш недостаток в источниках, свидетельствуя о том, что тавренне было характерной чертой быта Северного Причерноморья; иначе оно не нашло бы своего отражения в игрушке.

Использование в качестве клейм причерноморскнх знаков, а также их нанесение на изделия местных мастеров, заставляют думать, что обычай тавренния скота не был заимствован у греков, а бытовал среди местного населения Северного Причерноморья.

На Боспоре и в другнх местах Северного Прнчерноморья вместо принятых в Греции клейм в виде букв или нзображенй полностью или частично стали использовать местные знаки. Поэтому мы виднм такой знак — тавро на характерном боспорском надгробии Атты, сына Трифона.

В Одесском археологическом музее имеется интересный памятнк с загадочнымн знаками — плита из Кривого Рога[1]. В середине камня четко вырезано изображение головы животного (лошади?), а вокруг — множество знаков, нмеющнх аналогии на других памятнниках (рис. 5). Эти знаки, беспорядочно разбросанные по плнте, выполнены разными резцами, т. е., повидимому, различными людьми. Возможно н здесь, подобно знакам на скале Кунитыга, каждый хозяин высекал тавро своего табуна.

Наконец, в связи со всем нзложенным, следует обратить вниманне на термин «тавро» в русском языке.

Как мы говорнли выше, славяне употреблялн термнны «пятно», «мета»; татары же принесли на Русь свое слово — «тамга»[2]. Откуда же проннкло слово «тавро», которое не удается объяснить ни нз славянских, ни нз тюркскнх языков? Точных данных по этому вопросу у нас нет, но, исходя из нашего вывода о тавренни скота в Северном Причерноморье, можно предположить, что термнн «тавро» появился в Северном Причерноморье и был заимствован из греческого языка (от ταῦρος — бык).

Термин «тавро» вошел даже в старые русскне поговорки — лучшее доказательство его широкого распространення в быту н языке[3].

Рассмотренные материалы о тавренни скота вносят нитересную новую черту в характеристику хозяйства и культуры Северного Причерноморья.

Многие исследователи придавали причерноморским знакам преимущественно магический, культовый характер. Применение знаков в качестве тавра позволяет связывать часть нз них с областью экономнкн и хозяйства, с появляющимся на определенной ступени развитня общества институтом частной собственности. Это поможет в дальнейшем более правильно подойти к другим группам знаков и определить разнообразные сферы их прнменения в Северном Причерноморье.

---

[1] В. Юргевич, Камень с загадочными знаками..., ЗОО, XV, 1889 (ОГАМ, № 50750).

[2] Это слово употребляется почти во всех тюркских языках. Ср. турецкое «tamga» или «damga» (клеймо, тавро) и соответствующий глагол, «damgalamac» (клеймить, метить), азербанджанское „дамга", туркменское „тагма" и „тагмаламак" и др. Слово „тамга" было также заимствовано иранскими языками и перешло в персидский и таджикский языки; встречается оно и в монгольском языке.

[3] В. В. Даль, Толковый словарь русского языка, т. IV, сл. «тавро».

Е. В. Веймарн

РАСКОПКИ ИНКЕРМАНСКОГО МОГИЛЬНИКА В 1948 г.

В 1940 г. в Инкермаие, между новым рабочим городком и древней крепостью Каламита, на широком, пологом холме, спускающемся к устью р. Черной, при строительных работах были обиаружеиы остатки древиего могильника.

В том же году научиому сотрудиику Херсонесского музея С. Ф. Стржелецкому и директору Музея пещериых городов И. Д. Шеренгову удалось провести иебольшие работы по фиксации древнего могильника и сбору археологического материала (красиолаковой и лепной посуды, железных мечей и ряда стекляииых и металлических изделий).

На холме, рядом с могильником, были обиаружеиы следы раниетаврского поселеиия с керамикой кизил-кобинского типа.

В сообщении об этих работах С. Ф. Стржелецкий дает краткое описаиие склепа, датироваиного им IV в. н. э., и материалов из раинетаврского поселения[1].

В 1948 г. Инкерманской новостроечиой экспедицией Музея пещерных городов и Крымского филиала АН СССР установлеиы граиицы могильника и выясиеиа занимаемая им территория — примерно, в 7,5 *га*. Экспедицией разведаиа площадь в 5000 *кв. м* на северной окраине могильника[2].

Исследованная часть могильиика, площадью около 1500 *кв. м*, тянулась узкой полосой с востока иа запад по краю карьера. Здесь было раскопаио 45 погребальиых сооружений; из иих 5 сооружеиий ие закоичеиы еще в древности, так как строители могильиика встретили в этой части материковую скалу (рис. 1).

---

[1] С. Ф. Стржелецкий, Раскопки в Инкермане в 1940 г., СА, IX, 1947.

[2] В состав экспедиции входили: Х. И. Крис, С. Ф. Стржелецкий, Н. П. Кацур (выполнявший графическую фиксацию), В. И. Грибов (фотофиксация). Руководство экспедицией было поручено автору этой статьи. Большую помощь в работах экспедиции оказали местные организации. Автор приносит благодарность тт. А. Д. Дьячине, В. П. Себекину, П. А. Алмазову.

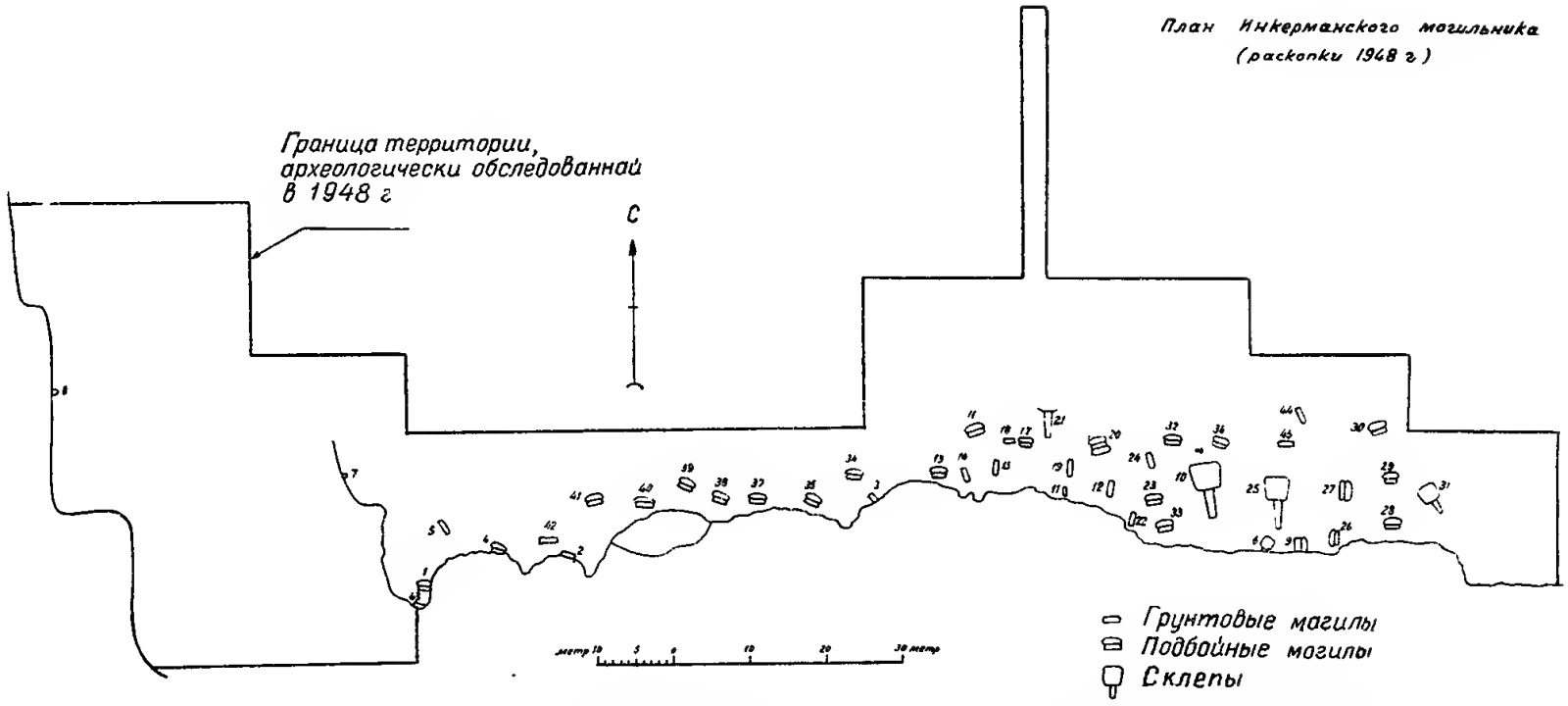


Рис. 1. План участка Инкерманского могильника, исследованного в 1948 г.

ОПИСАНИЕ ТИПОВ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

В могильнике открыто 4 типа погребальных сооружений: 1) подбойные могилы; 2) грунтовые могилы больших размеров, приближающиеся по величине к подбойным; 3) земляные склепы; 4) простые грунтовые могилы двух видов. Каждый из этих типов представлен в могильнике в различных вариантах.

1. *Преобладающий тип погребальных сооружений* — подбойные могилы (24 из 45) высечены в материке (мергелистый известняк) на глубину до 3 *м*. Могильные ямы в среднем размерами 2,20×0,70 *м*. Внизу могильной ямы — колодца — обычно в южной стене вырубалась ступень, в противоположной — высекалась камера подбоя, куда клался покойник. Между головой покойного и стенкой подбоя оставалось свободное пространство (около 0,5 *м*), где размещался погребальный инвентарь. Подбой закрывался большими плоскими плитами из местного известняка.

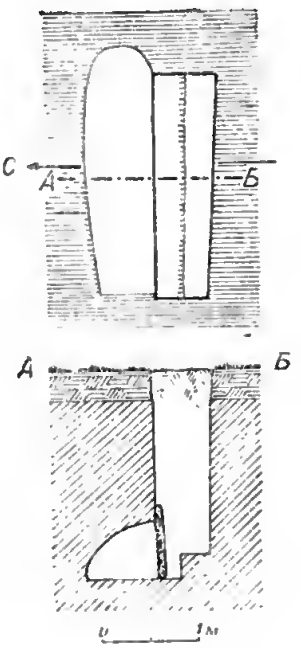


Рис. 2. План и разрез подбойной могилы № 37.

Подбойные могилы частью ориентированы с востока на запад, частью с севера на юг. Обряд погребения — трупоположение. Подбой делался как на уровне пола, так и ниже пола могильной ямы. В одном случае сделаны два подбоя по обеим сторонам могильной ямы.

Одной из наиболее типичных подбойных могил является могила № 37. Ориентация могилы с запада на восток (рис. 2). Общая глубина могилы 2,00 *м*, из них в материке — 1,70 *м*. Могильная яма в плане имеет форму четырехугольника длиной 2,35, шириной в восточной части 0,65, в западной 0,55 *м*. Вдоль южной стены ямы вырублена ступень высотою в 0,25 и шириной 0,30 *м*. Вдоль северной стены, на уровне пола идет подбой длиной 2,60, шириной в восточной части 0,70, в западной 0,60 *м*. Высота его до 0,60 *м*. Восточная стена подбоя заходит за границу могильной ямы. Западная, напротив, не доходит до границы на 0,05 *м*. Стены постепенно переходят в потолок. Подбой закрывался четырьмя известковыми плитами, хорошо подогнанными друг к другу. Вверху щели между плитами и стеной могильной ямы тщательно заложены мелкими обломками известняка.

В подбое лежал мужской костяк на спине, головой на восток (рис. 3). Череп, повернутый влево, покоился на большом плоском камне — обломке известняковой плиты. Кости грудной клетки и рук сохранились плохо. Руки и ноги вытянуты. Под костяком прослеживался тонкий сероватый слой золистой земли.

В изголовье стояла большая остроребериая лощеная миска с тремя ручками (высота 0,144, диаметр 0,25 *м*). Края венчика горизонтально

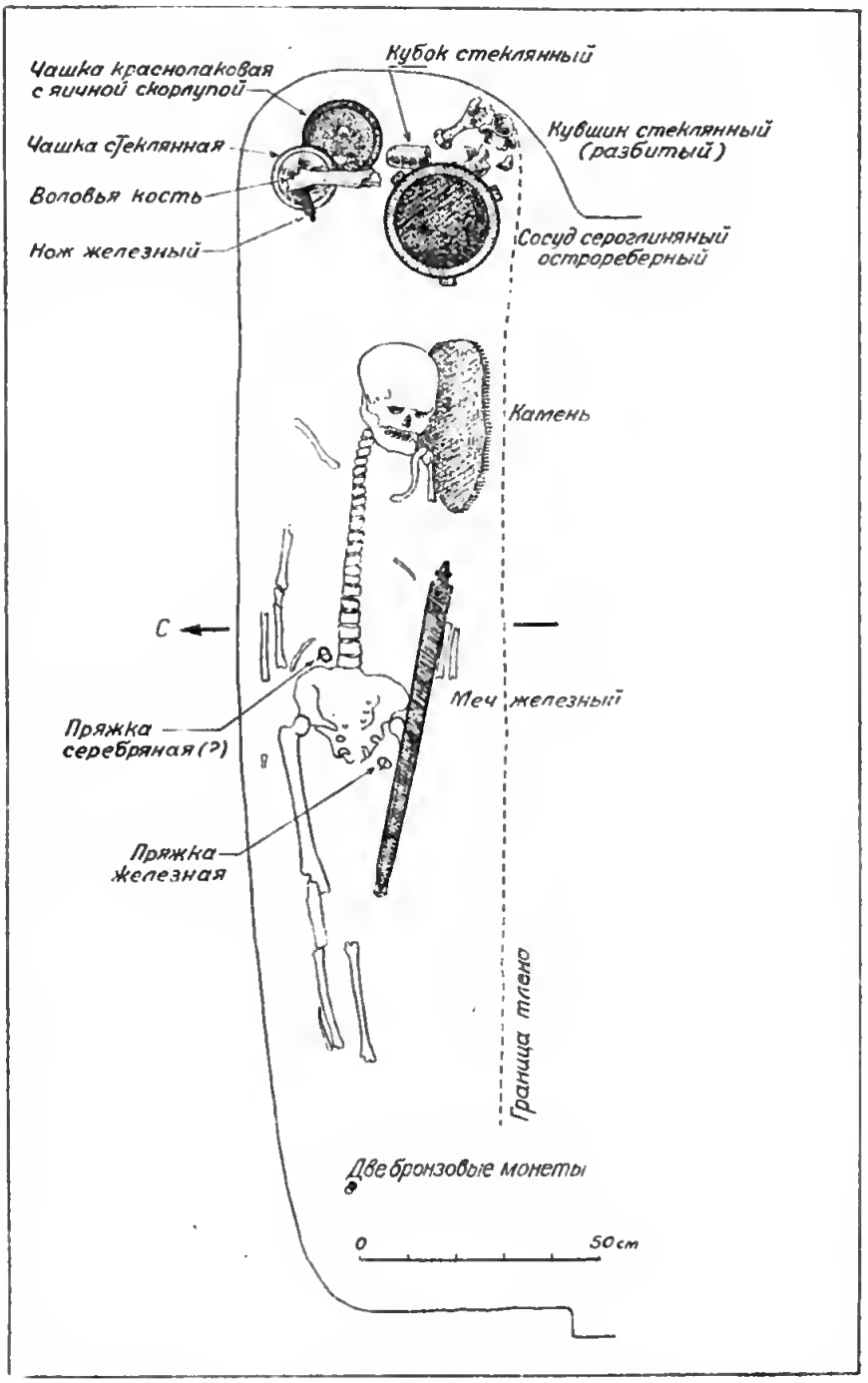


Рис. 3. Положение костяка и погребального инвентаря в подбойной могиле № 37.

отогнуты наружу, ручки широкие, плоские, слабо профилированные, нижней своей частью прикреплены к ребру сосуда, а верхней — к венчику. Сосуд украшен вокруг верхней части тулова двумя неглубокими двухжелобчатыми поясками. Между этими поясками — орнамент, выполненный лощением, в виде треугольников, обращенных углами вверх. Поддон — низкий, скошенный наружу (рис. 4).

Между этим сосудом и восточной стеной подбоя была расставлена посуда: стеклянная чашка с круглым туловом на низкой и широкой ножке и низком поддоне (высота 0,05, диаметр 0,115 *м*). Края чашки отогнуты наружу. Поддон слегка смят во время производства сосуда (рис. 5, справа). В чашке лежали обломок крупной кости коровы и железный нож (длина 0,097 *м*) с черенком, сохранившим заклепку для крепления обкладки ручки. Краснолаковая чашка (высота 0,04, диаметр 0,183 *м*) на низком поддоне, с широким горизонтально отогнутым краем. В ней — скорлупа от куриных яиц. Стеклянный кубок (высота 0,085, диаметр 0,06 *м*) на низком поддоне, с почти вертикальными стенками и слегка отогнутым утолщенным краем (рис. 5, слева). Стеклянный кувшин тонкостенный с двухжелобчатой ручкой.

Вдоль левого бедра костяка лежал большой железный, двусторонний, сильно поржавевший меч с остатками дерева от ножен. Черенок имеет форму вытянутого треугольника и сохранил заклепку для прикрепления костяных накладок на рукоять. Нижней своей половиной меч лежал на левой бедренной кости скелета. Длина клинка 0,61, ширина 0,05, длина черенка 0,08 *м* (рис. 6). Выше таза, у позвонков, справа найдена серебряная пряжка овальной формы, диаметром 0,024×0,18 *м* (рис. 7), с левой же стороны рядом с мечом — железная пряжка очень плохой сохранности.

В западной части подбоя в ногах найдены две спекшиеся бронзовые монеты имп. Константина I (306—337 гг.)[1].

Двойная подбойная могила № 20 была ориентирована с запада на восток. Вырублена она в желтоватом глинистом материке на глубину 1,35 *м*; почвенный слой над материком мощностью до 0,50 *м*. Могильная яма в плане вытянутой прямоугольной формы, длина наверху 2,50, внизу 2,10 *м*, ширина до 0,90 *м*. Вдоль северной и южной стен вырублены подбои.

Подошва южного подбоя ниже пола могильной ямы на 0,10 *м*. Длина его 2,15, ширина до 0,60, высота 0,90 *м*. Восточная и западная части подбоя скруглены. Южная стена постепенно переходит в потолок. Камера закрывалась тремя известковыми плитами, находящими одна на другую. Погребение ограблено еще в древности. Грабители проникли в подбой через восточную часть могильной ямы, отвалив плиту заклада; при раскопках она найдена лежавшей тут же.

---

[1] Определение монет произведено Л. Н. Беловой.

Рис. 4. Сероглиняный остроребёрный сосуд из могилы № 37.

Рис. 5. Стеклянные чашка и кубок из могилы № 37.

Верхняя часть костяка снльно потревожена. Череп отброшен в восточный угол подбоя, кости грудной клетки почти целиком отсутствовали. На месте сохранилась кость правого предплечья, по ее положению видно, что правая рука была вытянута вдоль туловища. Ноги также вытянуты. Несмотря на потревоженность костей, видно, что скелет лежал на спине, головой на восток.

Рис. 6. Железный меч из могилы № 37.

Около берцовой кости правой ноги найдено краснолаковое круглое блюдо (диаметр 0,285, высота 0,04 *м*). В нем находились скорлупа от куриных яиц н обломки тонкостенного стеклянного сосуда. Около блюда — обломки двух крупных железных кованых гвоздей с большими шляпками. У правого плеча погребенного был также железный гвоздь (длина 0,073 *м*), у обоих колен — несколько бесформенных кусков заржавленного железа, с правой стороны, на уровне таза — обломки бронзового зеркала. В погребении найдено 9 бус: 5 синих стеклянных, граненых, 3 пастовые, круглые с глазкамн и одна темная пастовая, рубчатая.

К ннвентарю погребения, повидимому, относятся и осколки стеклянных тонкостенных сосудов, выкинутых грабителями из подбоя н найденных в могильной яме у восточной плиты заклада северного подбоя. Однн из сосудов имел широкое горло, с отогнутым наружу краем, второй — узкогорлый. Характер других по осколкам определить трудно.

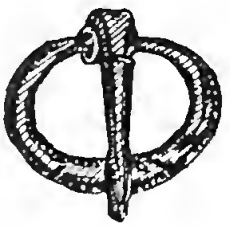


Рис. 7. Серебряная пряжка из могилы № 37.

Северный подбой вырублен в уровень с подошвой могильной ямы. Длина его 2,30 *м*. Западная и восточная стороны округлены. Высоту из-за частичной осадки потолка определить трудно, повидимому, она не превышала 0,85 *м*. Северная стена подбоя постепенно переходит в потолок. На стенах хорошо вндны следы работы киркой. Подбой был закрыт тремя известняковыми плитами. Он доверху заполнен затекшей землей, сверх которой лежали комья земли от рухнувшего потолка.

Кости скелета плохой сохранности разбросаны по всему подбою, остатки черепа найдены в западной его половине. Могила ограблена. В подбое найдены: обломок сильно заржавленного железного ножа; 4 больших кованых железных гвоздя, четырехгранных, с большими шляпками; бронзовая овальная пряжка, аналогичная найденной в могиле № 37 (рис. 7); круглая бусина, рубчатая, из стекловндной белой пасты.

Подбойная могила № 27, в отличие от предшествующих, ориентирована с севера на юг. Вырублена она в толще материка (белой мергелистой

глины) иа глубину 1,80 *м*, слой почвы над материком мощностью 0,60 *м*. Могнльная яма в плане прямоугольная (2,50×0,75 *м*). Засыпь вверху темиосерая, а вннзу почти черная.

Вдоль западиой стены могильиой ямы вырублена ступень высотою 0,10, шнриною от 0,30 до 0,45 *м*.

Вдоль всей восточной стены на уровне подошвы ямы вырублен подбой высотою 0,70 *м*, шнриною в северион части 0,90 *м*, в южной 0,60 *м*, длнной 2,85 *м*; его южная округлая часть выступала за южную стену ямы иа 0,35 *м*. Северная часть подбоя в плаие почти прямолннейна, с закруглением лншь в северо-восточном углу. Стеиы постепенно переходят в потолок, частично рухнувшнй. Подбой н могнльная яма вырублены очень тщательно. Подбой закрывался иесколькимн плитамн из нзвестняка; проникшие в него грабители сняли и разбилн северные плиты. На месте осталась только одна, южная.

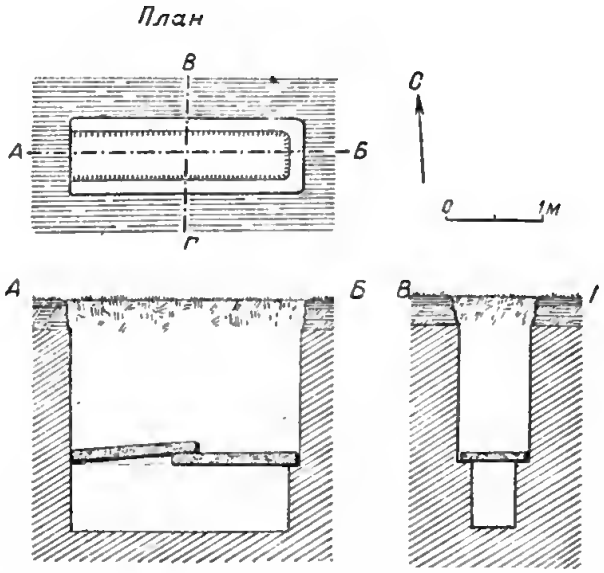


Рис. 8. План и разрезы большой грунтовой могилы № 42.

Погребение ограблено еще в древности. От скелета осталось всего несколько раздроблеиных костей, разбросанных в подбое. Из вещей найдены: 2 бронзовые пряжки разных размеров, овальной формы (аналогнчиы пряжкам из могнлы № 37); бронзовая заклепка нз тоикой, двойной пластины (ширна 0,001 *м*), с отогнутымн в разиые стороиы концамн; шляпка серебряная, грибовидиая, овальная; железный предмет, круглый, сильно проржавевший, диаметром 0,04 *м* (возможно, пряжка нли кольцо) и иесколько мелких проржавевших иеопределеииых железных обломков.

2. *Больших грунтовых могил* обнаружено 3, из ннх только одна оказалась неразграбленной. Их средиие размеры: длнна 2,5 *м*, шнрина 0,90 *м*, глубииа до 2,4 *м*. Вдоль цеитральной части диа ямы делался могнльиый вырез глубиной до 0,65 *м*. По заплечикам погребеиие закрывалось большимн плитамн из известняка. Ориеитация этих могнл — восток — запад. В могилах этого тнпа хороинлн по одиому покойнику, головой на восток. Погребальный инвентарь схож с ннвентарем подбойных могил.

Большая грунтовая могила № 42 (рис. 8) вырублена в материке на глубнну 2,10 *м*. Слой почвы над матернком мощиостью 0,30 *м*. Могнльная яма в плане прямоугольная (2,45×0,85 *м*). В ее дне, на глубине 1,45 *м* от поверхностн матернка, сделан могильиый вырез глубнною 0,65 *м*. С сеиериой, восточной н южной сторон оставлены заплечнкн от 0,10 до 0,15 *м*. По заплечнкам могнла была перекрыта двумя большими известияковыми

плитами. Западная плита (1,35×0,75×0,10 *м*) слегка находила на восточную (1,15×0,72×0,10 *м*). Щели между восточной плитой и стенками могилы были заложены мелкими известняковыми плитами. Могильный вырез засыпан мягкой серой землей. На дне могилы, на расстоянии 0,50 *м* от восточной стены, найдены чрезвычайно хрупкие остатки человеческого черепа. По его положению можно предположить, что покойник лежал на спине, головой на восток. Остальные кости скелета истлели.

В изголовье его найдены: у северной стены — стеклянный тонкостенный, сферической формы сосуд с горлышком в виде конического раструба, донышко без поддона, слегка вогнутое (высота 0,14 *м*). Посредине лежал железный нож, односторонний, плавно заостряющийся к концу. Черенок в виде удлиненного треугольника, на нем следы костяной рукоятки (длина лезвия 0,085 *м*).

У южной стены лежал железный кинжал острием на восток (длина лезвия 0,31, черенка 0,05 *м*); клинок в виде удлиненного треугольника, черенок — такой же формы. На лезвии и черенке следы дерева.

В могиле найдены также бронзовая пряжка с язычком, круглым в сечении (аналогична найденной в могиле № 37), и небольшой обломок какого-то железного предмета.

3. *Земляных склепов* открыто четыре. Все они ограблены еще в древности. Один, самый маленький (№ 6), частично разрушен строительными работами 1940 г. Два склепа отличаются крупными размерами (№ 10 и № 25).

Камеры склепов имеют вид четырехугольных помещений, с полом, опущенным ниже уровня дромоса. Для спуска в склепы в материке вырубались ступени.

Четвертый склеп (№ 31), меньших размеров, чем № 10 и 25, имеет куполообразный потолок и отличается более грубой работой.

Обнаружен дромос незаконченного сооружения (вследствие твердого скалистого материка) — склепа (№ 21).

Дромос склепа № 25 (рис. 9) вырублен в толще материковой белой желтой глины на глубину 2,10 *м*. Глубина почвенного слоя над материком 0,60 *м*. Дромос, четырехугольный в плане, ориентирован с севера на юг. Длина его 4,10, ширина в южной части 0,75 *м*, в северной — вверху 1,00, внизу 1,35 *м*. В южной части дромоса 5 ступеней. Дно и стены — гладкие, хорошо обработанные; ступени покаты.

В северной, вертикальной стене дромоса сделано входное отверстие в склеп в виде арки. Вход был заложен большой известняковой плитой (0,90×0,95×0,22 *м*). Над закладной плитой грабителями был сделан пролом в стене, через который они и проникли в склеп, не сдвигая тяжелой плиты. Входное отверстие имеет 2 ступени (общая их высота 0,50 *м*). Нижняя ступень выступает вправо и влево от верхней на 0,25 *м*. Края ступеней округлы.

Склеп в плане трапециевиден; меньшая сторона обращена к выходу

(длина камеры 2,70, ширина по северной стене 2,85, по южной 2,40 *м*). Пол склепа гладкий, ровный, только у северной стены, у западной ее части есть небольшое продолговатое углубление (2,40×0,70 *м*, глубиной до 0,05 *м*).

Северная и южная стены вертикальные, при этом южная на 0,25 *м* ниже северной, отчего весь потолок наклонен к югу. В северной стене, прямо против входа, вырублена ниша стрельчатых очертаний (верх срезан). В нише найдена придонная часть лепного сосуда из темной глины. В ней сохранились угольки от лучины, которой, повидимому, грабители освещали склеп.

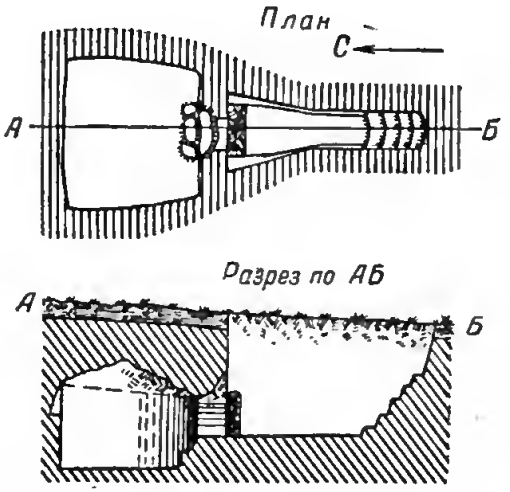


Рис. 9. План и разрез склепа № 25.

Западная и восточная стены в нижней части вертикальны, а затем постепенно переходят в коробовый свод. Выделка стен поражает своей тщательностью. Потолок местами слегка обвалился. Высота камеры в северной части 1,60, в южной 1,35 *м*. Камера склепа была заполнена землей, попавшей сюда через грабительский пробой, а также землей частично рухнувшего потолка.

Значительная часть костей от двух взрослых покойников свалена в юго-восточный угол склепа. Небольшая часть костей, в основном мелких, разбросана в центральной части склепа.

Уцелевший погребальный инвентарь разбросан по всему склепу. Три остродонные амфоры найдены вместе с костями скелета в северо-восточном углу, два круглых краснолаковых блюда — в центральной части, обломки мечей, крупных стеклянных сосудов и мелкие вещи найдены в разных местах.

На полу склепа в пяти местах прослежены пятна черного тлена — видимо, остатки кошмы (?). Размеры пятен: 0,85×0,70; 0,70×0,40; 0,65×0,40; 1,05×0,55; 0,60×0,40 *м*. Среди подобных остатков в северо-западной части склепа местами прослеживались узкие, тонкие следы деревянных планок, очертания и размеры которых установить не удалось. Часть предметов, например, глиняная краснолаковая чашка, была найдена в грабительском ходе в северной части дромоса, куда эти вещи были вытащены и брошены грабителями.

В склепе найдены: две круглые бронзовые пряжки (диаметр 0,18 *м*); ключ-перстень бронзовый, состоящий из кольца, прямоугольного в сечении, и прямоугольной бородки; обломок бронзового гвоздя с круглой плоской шляпкой, часть замка с бронзовой прямоугольной накладкой; обломки двух клинков железных мечей. На обоих видны остатки дерева от ножен, а на одном — отпечаток ткани. Обломки пяти железных ножей (длина наиболь-

шего обломка 0,11 *м*); черенки их в виде треугольника (на одном сохранилась заклепка для прикрепления рукоятки); пряжка железная, прямоугольная (0,04×0,022 *м*); железное кольцо плохой сохранности (диаметр 0,03 *м*); обломки трех тонкостенных стеклянных сосудов с кольцеобразной подставкой. Два из них имели чашеобразную форму, широкое устье и почти горизонтально отогнутый наружу венчик (диаметр устья 0,105 и

Рис. 10. Стеклянный сосуд (рожок) из склепа № 25.

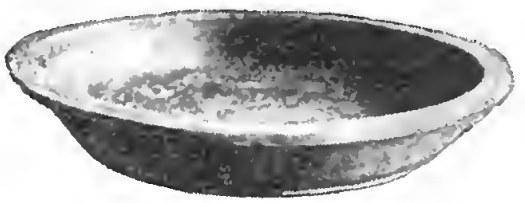


Рис. 11. Краснолаковое блюдо из склепа № 25.

Рис. 12. Амфора с надписью красной краской из склепа № 25.

0,145 *м*), третий — кувшин с высоким узким горлом и отогнутым наружу венчиком. Тулово украшено тонким рельефным жгутом, обвивающим кувшин по спирали.

Найдены также еще: рожок (рис. 10) из тонкого прозрачного стекла (высота 0,062 *м*), горлышко сильно вытянуто и наклонено. Венчик в виде валика, слегка отогнут наружу. Дно вогнуто. Сосок конической формы.

Краснолаковое круглое блюдо (диаметр 0,275, высота 0,052 *м*), лак плохого качества. Борта блюда наклонены наружу. Край округлен и слегка загнут внутрь. Дно на низкой кольцеобразной подставке. Другое круглое

краснолаковое блюдо (диаметр 0,275, высота 0,046 *м*). Лак плохого качества. Борта слегка наклонены наружу. Край горизонтально отогнут. Дно на низком кольцевом поддоне (рис. 11).

Две чашки (диаметры 0,14 и 0,15 *м*), покрытые плохим красным лаком, с округлым туловом и горизонтально отогнутыми наружу краями. Поддон кольцеобразный. Чашка, покрытая плохим красным лаком буроватого тона (диаметр 0,132 *м*). Тулово округлое. Край резко отогнут наружу и слегка закруглен вниз. Дно на низкой кольцеобразной подставке. С внешней стороны, в центре дна, круглое углубление. Чашка краснолаковая (диаметр 0,12 *м*), лак плохого качества. Тулово округлое, у края постепенно переходящее в вертикальный бортик. Край бортика округлен и слегка загнут внутрь. Дно на кольцеобразной подставке.

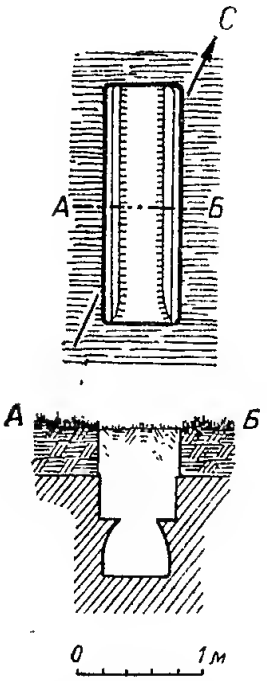


Рис. 13. План и разрез грунтовой могилы № 5.

Три остродонных амфоры из светлой глины, с высоким узким горлом. У двух — венчик в виде валика, полукруглого в сечении; у одной венчик в сечении треугольной формы. Размеры: наибольшая высота 0,60, 0,45, 0,50 *м*, наибольший диаметр 0,22, 0,15 и 0,15 *м*.

На плечике одной из амфор следы однострочной неразборчивой надписи красной краской. На горле и плечике второй — трехстрочная надпись также красной краской (рис. 12).

Донная часть лепного сосуда серой глины. Дно уплощенное. На внутренней поверхности сосуда следы огня. Найдена в нише склепа. Обломок крупного лепного сосуда серой глины. Пряслице глиняное, биконической формы, лощеное (диаметр 0,03, высота 0,02 *м*). Бусина круглая, синего стекла в виде шарика; бусина рубчатая синего стекла; две бусины граненые (14 граней) из синего стекла; бусина двойная из тонкого стекла; бусина янтарная, круглая, плоская. Обломок большой воловьей кости и зуб вола.

4. *Простые грунтовые могилы.* Эта группа (19 могил) наиболее разнообразна по характеру и ориентации. Могилы разделяются на следующие подгруппы:

а) могилы с заплечиками, ориентированные на юго-восток — северо-запад (№ 3 и 5) и север — юг (№ 24);

б) могилы, ориентированные на север — юг (№ 11, 12, 15, 19, 22) и восток — запад (№ 7 и 8);

в) могилы с костяками в скорченном положении, разной ориентации: головой на юг (№ 14 и 44) и на восток (№ 18).

Могила с заплечиками № 5 (рис. 13) вырублена в материке на глубину 0,35 *м;* мощность почвенного слоя над материком 0,40 *м*. В плане пря-

моугольиа (1,90×0,62 *м*), углы закруглеиы. На дне могильиой ямы во всю ее длииу сделаи выреэ (глубииа 0,46, ширина наверху 0,37—0,47 *м*; на дие 0,40—0,53 *м*), перекрывавшийся, повидимому, деревом. В засыпи были 3 небольшие кости крупного жвачиого животиого.

Следов костяка в могильиом вырезе ие обиаружено. В северо-западном углу найден поломаииый железный нож (длина 0,10 *м*).

Рис. 14. Глиняные сосуды из могилы № 11.

Могила с заплечиками № 24 вырублеиа в белом, твердом глииистом материке на глубииу 0,30 *м*. Почвеииый слой иад материком мощиостью 0,40 *м*. В плаие четырехугольиая, с четко выражеиными углами (длииа 2,30, ширина в севериой части 0,65, в южиой — 0,60 *м*).

В дне ямы могильиый вырез (длина 1,90, ширииа в севериой части 0,35, в южиой 0,26, глубииа 0,55 *м*), заплечики шириной от 0,15 до 0,20 *м*. Южная стороиа без заплечиков и слегка скошена виутрь. Стенки могильного выреза внизу расширяются до 0,44 *м*.

Костяк хорошей сохраииости лежал головою иа север, с вытянутыми вдоль туловища руками, кисти подложены под таз. Ноги вытяиуты. Череп несколько иаклоиеи вправо. Вещей нет.

Могила № 8 вырублеиа в материке иа глубину 0,60 *м*. Слой почвы над материком 0,30 *м*. В плаие прямоугольиая, с закруглеииыми углами. Западная часть уничтожеиа земляными работами 1940 г., сохраиилась по длиие на 0,7 *м*, по шириие — 0,55 *м*.

От костяка, положеииого на спиину, головою иа восток, сохраиились кости черепа и предплечье. В могиле иайдены:

Киижал железный, лежавший острием вверх у правого плеча. Длиа клинка 0,26 *м*, длиа черенка 0,06 *м*, наибольшая ширина 0,053 *м*. Клинок имеет форму ивового листа, у которого осиование срезано перпендикулярно оси. Череиок в форме сильио вытяиутого треугольиика. Сохраниость плохая.

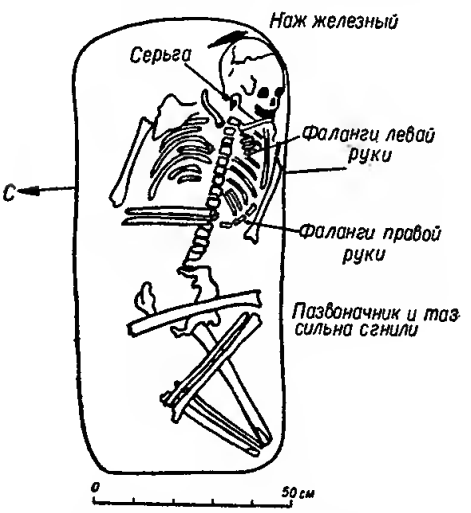


Рис. 15. Положение костяка в могиле № 18.

Меч железный, сильно проржавевший, нижияя часть его ие сохраиилась. Находился у левого плеча, рукоятью вверх. Сохранившаяся часть длиной 0,38 *м*. Наибольшая ширииа 0,055 *м*. Режущие края почти параллельны. Череиок в форме сильио вытянутой трапеции, длиной 0,10 *м*. Сквозь череиок пропущена заклепка округлой формы для иакладки деревяиной рукоятки. На расстояиии 0,17 *м* от верха череика иа клиике меча плоская бляшка (?) круглой формы, может быть, от иожен. Вторая бляшка серебряиая, плоская, круглая (диаметр 0,025 *м*), лежала между мечом и стеикой могилы. Оселок прямоугольной формы, с отверстием для подвешиваиия, лежал иижe бляшки (длиа 0,05 *м*).

Могила № 11 вырублена в материке. Почвеиный слой толщиной 0,50 *м*. В плаие прямоугольиая, с закруглеииыми углами (1,00×0,50 *м*). В южиой части верх могилы разрушеи. Следов скелета в этой могиле ие обнаружено.

В западиом углу могилы стояла глииняиая чашка (диаметр 0,24, высота 0,55 *м*) иа иизком кольцеобразном поддоие. В ией обиаружена малеиькая лепная чашка (диаметр 0,133, высота 0,033 *м*) из серокрасиой глины, с загнутым виутрь краем. У северной стены — лепиой одноручиый кувшин (высота 0,095, диаметр 0,088 *м*) из серой глины с широким, слегка отогиутым устьем (рис. 14).

Могила № 44. Вырублеиа в твердом, белом глинистом материке иа глубиу 0,60 *м* и в слое почвы толщиной 0,50 *м*. Ориеитироваиа с севера на юг. В плаие — четырехугольиая (длиа 2,05, ширииа в северной части 0,50, в южной 0,60 *м*). Покойник положен иа правом боку, головой иа юг. Костяк сохранился плохо. Его правая рука согиута в локте, кисть у лица. Левая рука, также согиутая в локте, лежала иа животе. Берцовые кости ие сохраиились. Судя по положению бедреииых костей — это скорчеиное погребеиие.

Могила № 18 вырублена в материке иа глубину 0,70 *м*, толщиа почвеиного слоя иад материком 0,50 *м*. Ориеитироваиа с запада иа восток, в плаие — прямоугольиая (1,10×0,60 *м*). Углы закруглеиы. На дие обна-

ружен человеческий костяк на левом боку, обращенный головой на восток. Правая рука согнута, кисть над левыми нижними ребрами. Левая рука сильно согнута, кисть у подбородка. Правая нога согнута, бедренная кость лежит перпендикулярно костяку. Положение берцовых костей свидетельствует о том, что она была согнута. Левая нога сильно согнута. Костяк, таким образом, был в скорченном положении (рис. 15). У затылка его найден железный нож (длина 0,122 *м*), у правого виска — сережка из бронзовой проволоки, обвитой тонкой бронзовой нитью.

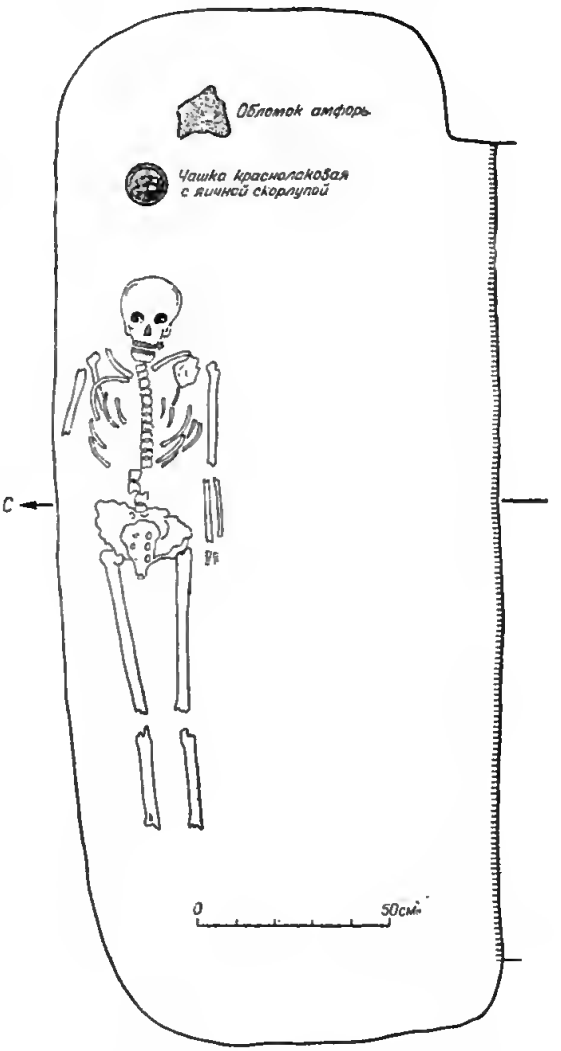


Рис. 16. Положение костяка и погребального инвентаря в могиле № 17.

Имеется один явный случай повторного погребения в подбойной могиле № 17. Эта могила вырублена в материке на глубину 1,40 *м*. Почвенный слой толщиной 0,50 *м*. Могильная яма, прямоугольная в плане (2,45×0,60 *м*), ориентирована с запада на восток. Засыпь состояла из желтовато-серой, довольно плотной земли. Вдоль южной стены могильной ямы вырублена ступень (ширина 0,23, высота 0,25 *м*). Вдоль северной стены — подбой (высота 1,05, длина 2,70, ширина 1,00 *м*), опущенный ниже подошвы могильной ямы на 0,20 *м*. Восточная и западная стены подбоя скруглены. Северная стена постепенно переходит в потолок, который в центральной части сильно обрушился. Подбой был заложен четырьмя плитами из известняка, грубо обработанными и находившимися одна на другую.

В подбой через щели заклада затекла земля. На земляной подсыпке (толщина ее 0,20 *м*), у северной стены, находились остатки скелета, положенного на спину головой на восток, с руками вдоль туловища и вытянутыми ногами (рис. 16). В изголовье стояла небольшая глиняная чашка (диаметр 0,098, высота 0,04 *м*), покрытая плохим красным лаком (рис. 17). В чашке — скорлупа куриных яиц. Между чашкой и восточным краем подбоя — обломок стенки остродонной амфоры.

В земляной подсыпке под скелетом в разных местах найдены 4 золотые круглые штампованные бляшки со слегка загнутыми внутрь рубчатыми краями (диаметр 0,01 *м*). На каждой из них по два отверстия для нашив-

ки к одежде. Тут же найдена бусина неправильной формы из стекловидной пасты.

По ряду признаков можно предположить, что данное погребение было вторичным. Мы полагаем, что первоначальное погребение разграблено в то время, когда была сделана попытка соорудить склеп № 21. Во время поисков нового, более удобного места для захоронения была вскрыта и ограблена подбойная могила № 17 (об этом свидетельствует и цвет засыпи). Кости скелета при грабеже были выброшены в незаконченный дромос № 21, в подбое произведена подсыпка земли, а затем место использовано для повторного погребения.

Рис. 17. Глиняная чашка из могилы № 17.

Склеп (незаконченный) № 21. Дромос его вырублен в твердом, белом глинистом материке на глубину 0,165 *м*. Толщина почвенного слоя 0,50 *м*. Ориентирован дромос с севера на юг, в плане образует прямоугольник со слегка закругленными углами (длина 3,40, ширина 0,70—0,80 *м*).

У северной стены на глубине 1,25 *м* и на протяжении 1,10 *м* строители склепа натолкнулись на плотную материковую скалу, затруднившую продолжение работ. С западной стороны на скале сохранились следы ударов кирки, но раздробить скалу не удалось. Поэтому дромос был оставлен строителями.

При раскопках дромоса, заполненного почти однородной, мягкой, желтоватой землей, в северной его части на глубине 1,20 *м* обнаружены сваленные в кучу переломанные человеческие кости (несколько обломков от черепа, 2 больших обломка бедренных костей, одна берцовая кость, обломки таза и мелких костей).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Нет никаких сомнений в том, что Инкерманский могильник имеет большое значение для исследования истории местного населения Крымского полуострова позднеантичного времени.

В настоящее время, пока еще весь материал не подвергся детальному изучению, возможно сделать только предварительные выводы.

1. Для могильника характерно разнообразие типов погребений и погребальных обрядов, встреченных на сравнительно небольшом участке: 3 больших и глубоких грунтовых могилы с заплечиками (№ 2, 42, 43), ориентированных с востока на запад; 19 глубоких подбойных могил (№ 1, 4, 13, 16, 17, 20, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 41), ориентированных по преимуществу с востока на запад, и лишь в отдельных случаях с севера на юг; 4 земляных склепа (№ 6, 10, 25, 31), разнообразных

по величиие, с дромосами, ориентированными иа север, и, иакоиец, 13 простых грунтовых могил (№ 3, 5, 7, 8, 11, 12, 14, 15, 18, 19, 22, 24, 44), из которых 3 могилы (№ 3, 5, 24) с заплечиками.

Простые грунтовые могилы ориентированы разнообразно: с севера на юг, с юго-востока иа северо-запад, с запада иа восток.

2. Разнообразны ие только могильные сооружения, но и погребальные обряды. Преобладает положение покойного на спине, с вытянутыми конечностями; значительно реже встречаются скорченные погребения (№ 14, 18, 44).

3. Различные типы погребений на территории могильника не расположены отдельными локальными группами. Так, склепы, исследованные в 1948 г., находятся в восточной части раскопанной площади, но склеп, исследованный С. Ф. Стржелецким в 1940 г., был обнаружен в юго-западной части могильника [1].

Большие грунтовые могилы группируются более или менее вместе, но простые грунтовые могилы находятся не только в центральной части, где их больше, а также и в западной (№ 5, 7, 8) и в северо-восточной (№ 44). Они же встречены Стржелецким и в юго-западной части могильника.

Подбойные могилы, составляющие основную массу погребальных сооружений, встречены повсюду. Все это дает основания предполагать, что в могильнике не было той или иной четкой группировки в расположении могил.

4. Расстояния между могилами значительно большие, чем в Херсонесе. Особой тесноты на древнем кладбище не было.

Нет данных и о длительном существовании могильника. В противном случае могилы бы размещались ближе друг к другу, причем более древние погребения разрушались бы более поздними [2].

5. Сохранность погребений могильника в общем хорошая. Из 40 погребений ограблены в древности лишь 7 (№ 10, 20, 25, 27, 28, 30, 31), 8 разрушены земляными работами 1940 г., из них 2 явно не были ограблены (№ 3 и 8). Таким образом, неограбленных могил оказалось 27, т. е. около 70%.

6. В подавляющем большинстве случаев могилы грабились в древности, в то время, когда еще хорошо было известно не только место захоронения, но и степень богатства погребального инвентаря тех или иных могил. Характерно, что грабители оставляли в могилах не только глиняную посуду, но даже бронзу и стекло. Подобные случаи в Крыму нам пока не известны. Факт аналогичного ограбления отмечен В. А. Городцовым на могильнике Елизаветинского городища [3].

7. Монеты в подбойных могилах № 13 и 37 относятся к началу IV в., а в склепе № 31 (одна монета) — к концу IV в. Сходство инвентаря в

[1] С. Ф. Стржелецкий, ук. соч., стр. 288 сл.

[2] Как, например, на могильнике Чуфут-Кале.

[3] В. А. Городцов, Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники, по раскопкам 1935 г., СА, I, 1936. стр. 183—184.

большнх грунтовых могнлах с инвентарем нз подбойных могнл н склепов свидетельствует о хронологнческой блнзостн этих погребеннй.

Так, напрнмер, очень распространенным является тнп пряжки, встреченный как в подбойных могнлах (№ 13, 20, 24, 35, 36, 37, 41), так н во всех больших грунтовых могнлах (№ 2, 42, 43) н в склепах (№ 10, 25, 31). Пряжкн этого тнпа былн найдены н в склепе, открытом в 1940 г. [1]. Круглые, масснвные, краснолаковые блюда, чрезвычайно похожне одно на другое, встречены в 7 подбойных могнлах (№ 13, 16, 20, 29, 30, 32, 41) н в трех склепах (№ 10, 25, 31). То же можно сказать и об остродонных амфорах: онн найдены в подбойных могнлах (№ 23, 28, 41) н в склепах (№ 10, 25).

Весь прнвлеченный матернал нз раскопок 1948 г., а также н матернады 1940 г. С. Ф. Стржелецкого [2] позволяют датнровать Инкерманскнй могнльнык III—IV вв.

8. Разнообразие тнпов могнльных сооруженнй н погребального обряда дает основанне ставнть вопрос о том, что могнльнык прнпадлежал смешанному населенню. Особо интересен тот факт, что скорченные погребення встречены на могильнике не только в простых грунтовых могнлах. Онн отмечены н в склепе, открытом в 1940 г. [3]. Скорченное погребенне, повнднмому, было н в склепе № 6.

Обычай хоронить в скорченном положенни продолжал бытовать среди коренного позднетаврского населення Инкерманской долнны. Повиднмому, немногочнсленные «скорченнякн» Инкерманского могнльнпка должны быть отнесены к таврам.

Существенные разлнчня богатого погребального инвентаря подбойных могнл и склепов от сравнптельно бедного нпвентаря простых грунтовых могил дают основанне говорнть о значнтельном нмущественном неравенстве населения, хороннвшего умершнх на Инкерманском могнльнпке.

Аналогнн нз кубанскнх и нпжневолжскнх могнльнпков того же времени [4] позволяют полагать, что Инкерманский могнльнпк прнпадлежал по прнмуществу сарматскому населенню, частнчно асснмнлнровавшему, судя по скорченным костякам, тавров Инкерманской долнны.

Инвентарь могнльнпка указывает на значнтельное влиянне позднеантичной культуры, что, безусловно, объясняется теснымн экономнческнми и культурнымн связямн обнтателей Инкерманской долнны того времени с Херсонесом (амфоры, краснолаковая керамнка, антнчное стекло, ювелнрные изделия н т. д.).

В Инкерманском могильнпке, наряду с позднеантнчнымн вещамн и

---

[1] С. Ф. Стржелецкий, ук. соч., стр. 288.

[2] Там же, стр. 294—300.

[3] Там же, стр. 288 сл.

[4] П. С. Рыков, Археологическне раскопки курганов в урочище «Три брата», в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг., СА, I, 1936, стр. 115—158; В. А. Городцов, ук. соч., стр. 171—186; К. Ф. Смирнов, Сарматские кургаиные погребения в степях Поволжья и южиого Приуралья в I в. до н. э. — IV в. и. э., Рукопись диссертацин, МГУ, 1945.

изделиями сарматского типа, найден большой, сероглиняный, остроребер-ный сосуд черняховского типа [1] (подбойная могила № 37). Подобный ему остроребериый сосуд, но без ручек найден и в 1940 г. [2]. Это позволяет говорить о проникновении в среду местного населения Инкерманской долины вещей типа культуры полей погребений, которая, в свою очередь, связана с культурой ранних славян.

9. Значительное имущественное неравенство населения Инкерманской долины III—IV вв. (богатые склепы и бедные грунтовые могилы) не ликвидировало еще специфики культуры этого населения. Характерно, что местные лепные сосуды ставились не только в бедные погребения, они встречены и в сравнительно богатых подбойных могилах (№ 26, 32, 37) и в богатых склепах (№ 10, 25, 31).

10. Значительный процент погребений, в которых найдено оружие, в частности мечи (могилы № 8, 10, 25, 31, 35, 37, 41, 42, 43), и относительное богатство многих погребений говорят о том, что могильник принадлежал свободному населению с выделившейся дружинной знатью. В погребениях мы находим мечи, кинжалы и большие ножи. Наряду с могилами богатых дружинников с длинными мечами, предназначенными для рубки с коня, встречаются мужские погребения в простых могилах без какого бы то ни было оружия.

Это свидетельствует о процессах выделения дружинной знати.

11. Инкерманский могильник занимал территорию не менее 7,5 *га* и заключал в себе, как мы полагаем, не менее 2000 погребений. Вскрытая и исследованная в 1948 г. площадь могильника является северной его окраиной. Его большие размеры, сравнительно долгое существование (III—IV вв.), значительное количество могил, расположенных одна рядом с другой, говорят о том, что могильник принадлежал оседлому населению.

12. Связывать Инкерманский могильник III—IV вв. с остатками крепости Каламита нет оснований, так как наиболее древние находки, сделанные на территории крепости, относятся ко времени не ранее V в. н. э. [3]. К сожалению, позднеантичного поселения, с которым можно было бы связать Инкерманский могильник, еще не обнаружено. Дальнейшие археологические исследования в Инкерманской долине, как мы надеемся, разрешат и этот вопрос.

---

[1] Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, Изд. АН СССР, 1948, стр. 45, рис. 2.

[2] Фонды Бахчисарайского историко-археол. музея, Инв. № 4367.

[3] В 1948 г. у восточных стен крепости найдены бронзовые монеты имп. Льва I (457—474 гг.), а в 1950 г. открыты остатки обороны, относящиеся к VI в.

ВОПРОСЫ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Г. Д. Белов

ИТОГИ РАСКОПОК В ХЕРСОНЕСЕ ЗА 1946—1950 гг

Археологические раскопки в Херсонесе в послевоенные годы являются продолжением систематических работ, производившихся на северном берегу с 1931 г. Таким образом, раскопки в северном районе города велись уже более двадцати лет (за исключением военных лет), и в настоящее время возможно подвести некоторые их итоги.

1. Одним из важнейших результатов этих раскопок является открытие здесь некрополя классической эпохи, V—IV вв. до н. э.[1]. Это открытие имеет первостепенное значение для решения таких вопросов, как: определение времени основания города, существование на месте будущего греческого города местного поселения тавров, этнический и социальный состав населения города в V—IV вв. до н. э., территория Херсонеса как города в эти века и дальнейший рост его площади и др.

Наличие некрополя V—IV вв. до н. э. кладет конец сомнениям и спорам о дате возникновения Херсонеса как греческой колонии, а большое количество скорченных костяков в некрополе неопровержимо свидетельствует о существовании таврского поселения, на месте которого и был основан город грекам.

Последнее обстоятельство определило и состав населения города в V—IV вв. до н. э.; не менее половины жителей, очевидно, принадлежало таврам.

Местоположение некрополя в средней части нынешнего городища указывает и на границы города в классическую эпоху — городская территория достигала в это время примерно VIII поперечной улицы.

В конце IV — начале III в. до н. э. происходит расширение площади города: некрополь на северном берегу застраивается жилыми домами, городская территория достигает своей западной черты, точно устанавливаемой крепостной стеной, которая в конце IV — начале III в. до н. э. была

[1] Г. Д. Белов, Некрополь Херсонеса классической эпохи, СА, XIII, 1950, стр. 272 сл.

сооружена вокруг всего города. С южной стороны граница города прошла по краю глубокой Херсонесской балки. Таким образом, в начале эллинистического периода город вырос в два раза по своей территории и был защищен прекрасно сооруженными оборонительными стенами.

Расширение города и постройка монументальной стены красноречиво свидетельствуют о бурном экономическом и политическом росте Херсонеса. К концу IV — началу III в. до н. э. мы наблюдаем следующие явления в жизни Херсонеса: расширение территории города, усиление системы его обороны, овладение Гераклейским полуостровом и рядом пунктов западного побережья Крыма, размежевание земель и постройка башен и усадеб на Гераклейском полуострове, издание гражданской присяги и т. д. Все эти события живо рисуют Херсонес начала эллинистического периода.

2. В эллинистический период, в III—II вв. до н. э., в северном районе города были расположены жилые кварталы, покрывшие собою некрополь предыдущего периода. Раскопки последних лет позволили установить величину и границы кварталов, расположение улиц и общий план города в этом районе. В результате многолетних раскопок удалось выяснить, что город в эллинистическое время получил правильную планировку — улицы продольного и поперечного направления пересекают друг друга под прямыми углами. Ширина улиц достигала 6 *м*. Величина кварталов около 24×27 *м*.

Интересны наблюдения, сделанные при раскопках жилых домов. В квартале обычно находятся два дома. Планы домов имеют много общего. Для входа с улицы служит узкий коридор, доходящий до двора. Двор находится в центре дома, по сторонам его (обычно с северной и северо-восточной) расположены жилые помещения и хозяйственные. В каждом доме имеется подвал, вырубленный в скале, служивший для хранения продуктов. Во дворе дома находится колодец для ключевой воды или цистерна для собирания и хранения дождевой воды. В некоторых домах имеется и колодец и цистерна.

Дома в целом и их помещения невелики по размерам. Кладка стен тщательная, на плотной вязкой глине. Стены внутри жилых помещений были оштукатурены и часто украшены фресковой росписью.

При раскопках в каждом доме были найдены в большом количестве предметы быта и хозяйства. Показательным является дом, раскопанный в 1947 г. Во дворе этого дома имеются колодец и цистерна. В кладовой и частью в цистерне найдено огромное количество предметов. Из собранных обломков керамики удалось реставрировать много групп посуды. Среди них хорошо представлены амфоры: херсонесские (рис. 1), занимающие первое место по количеству, далее идут привозные амфоры — синопские, гераклейские, родосские и др. Следующая группа посуды — блюда и лутерии с широким носиком, массивные, толстостенные. Группу кухонной посуды составляют горшки, миски и сковородки. Следует отметить, что среди этой группы нередко встречается посуда лепной работы с лощеной поверхностью (рис. 2). Многочисленная группа одноручных, реже двуручных, кувшинов

изготовлеиа вся на месте; особеиностью их является отсутствие кольцевой подставки на дие. Чернолаковая керамика представлеиа такимн формамн, как рыбные блюда, тарелки, мискн, канфары, блюдца, светнльники, а также мегарские чашки н пр.

Исключительно ценной является ваза, редкая по форме и орнамеиту, с рельефными изображеииямн голубков, с фризом в виде копий и узором, исполиениым красиой краской. Важио указать иа то, что ваза нсполнеиа в техннке лепной работы, с лощеной поверхиостью. Налнчне серии лепных сосудов, в том числе и только что описаниой художественной вазы, дает основанне считать, что техиика лепной посуды держалась в городе в теченне всего эллнистического периода. Этот факт является свидетельством влняния тавров на культуру греческой части населения.

Среди других находок можно назвать жертвеиинк с посвященнем Гераклу, несколько терракот н ряд монет, из которых две — IV в. до н. э. и происходят из Ольвин н Боспора, две того же

Рис. 1. Херсоиесская амфора.

Рис. 2. Лепная миска.

времени херсоиесские и девять моиет херсоиесской чекаики III—II вв. до н. э.

В квартале, раскопаиием в 1949—1950 гг рядом с базиликой, открытой в 1935 г., также сохранилнсь архитектурные остатки эллнистического периода: улица продольного направления, два дома, однн с подвалом, другой с цистериой во дворе. Засыпь цистерны содержала очеиь большое колнчество посуды: амфоры — херсонесскне и прнвозиые, блюда, кухониые сосуды, чериолаковая посуда, кувшины н др. Интересной иаходкой является матрица для отлнвкн большой и сложной по формам серьгн — свидетельство местного производства металлнческих украшеиий. Наряду с пре-

Рис. 3. Вымостка во дворе здания с винодельней.

Рис. 4. Лестница со двора в подвал, слева — жертвенник.

Рис. 5. Резервуары винодельни.

обладанием местной посуды над привозной надо отметить значительное количество черепиц синопского происхождения; повидимому, эта отрасль гончарного дела была менее развита в Херсонесе, и выгоднее было завозить черепицу из-за моря. Этот ввоз продолжался в течение нескольких столетий, до конца эллинистического периода.

Раскопками ряда лет твердо установлено, что на рубеже II—I вв. до н. э. жилые дома эллинистического времени прекратили свое существование, повидимому, они были разрушены во время войн со скифами. В этот момент, как засвидетельствовано археологическими исследованиями Н. М. Печенкина[1], перестали существовать усадьбы на Херсонесском мысу. Башни и усадьбы на Гераклейском полуострове еще мало изучены археологически, поэтому трудно судить об их судьбе в это время. Однако раскопки в балке Бермана в 1928—1929 гг. позволяют видеть перерыв в существовании жилой усадьбы и башен и последующее их возобновление.

Таким образом, рубеж II—I вв. до н. э. явился критическим в жизни Херсонеса и был той гранью, которая отделяет в истории Херсонеса эллинистический период от римского.

3. В первых веках нашей эры в северном районе города происходило новое обширное строительство. Важно отметить, что изменилась планировка кварталов: они стали значительно крупнее, некоторые эллинистические улицы оказались застроенными жилыми и иными зданиями. На месте разрушенных, небольших по размерам, домов эллинистического периода были воздвигнуты большие жилые и общественные здания. Так, например, в квартале раскопок 1936—1937 гг. открыто огромное здание со сводчатыми и арочными перекрытиями, монументальные стены которого сложены на прочном растворе из извести с песком.

В квартале, раскопанном в 1947—1948 гг., находится большой дом с винодельней; он занимает часть квартала и выходит на две улицы — продольную и поперечную[2]. В этом доме, в его середине, сохранился двор с прекрасной вымосткой из штучных плит (рис. 3). Во дворе имеются колодец (глубина 6 *м*) и цистерна грушевидной формы (глубина 3 *м*) с оштукатуренными стенами, служившая для хранения дождевой воды. Рядом со двором расположен подвал больших размеров, вырубленный в скале. В подвал со двора ведет лестница, устроенная в специально вырубленном проеме (рис. 4). В подвале имеется выемка для установки пифосов, найдено большое количество амфор. У входа стоял жертвенник, в котором найдены глиняные светильники и масса костей птиц, — несомненно, что жертвенник был посвящен хтоническим — подземным божествам.

По другую сторону двора расположены винодельня и винный склад. В винодельне сохранились три резервуара (рис. 5) для виноградного сока и остатки давильной площадки. Стены резервуаров сложены из обломков черепиц на известковом растворе и оштукатурены раствором красного цвета — смесью извести с песком и цемянкой — мелкотолчеными череп-

[1] ИАК, в. 42.

[2] Г. Д. Белов, Античный дом в Херсонесе, ВДИ, № 2, 1950, стр. 108 сл.

ками. Штукатурка многократно подновлялась — на стенках резервуаров сохранилось до 10—12 ее слоев. На дне каждого резервуара имеется углубление для отстоя осадков от виноградного сока.

Рядом с винодельней находится винный склад, в котором размещалось не менее 25 пифосов; остатки некоторых из них сохранились на месте. Общее количество пифосов определяется наличием вырубленных в материковой скале круглых ям для их установки.

Большая давильная площадка, три резервуара (объем каждого около 1 $м^3$) и обширный винный склад свидетельствуют о крупных размерах ви-

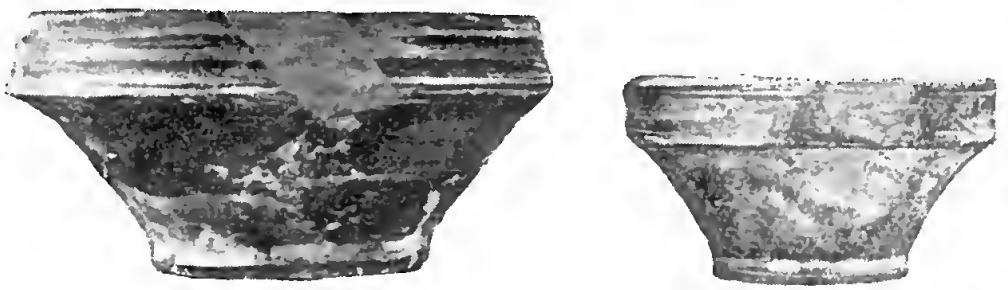


Рис. 6. Краснолаковые чашки.

нодельческого хозяйства. Заслуживает быть отмеченным общий масштаб дома, занимающего четверть квартала, а также монументальность его стен, в 1 *м* толщиной, благоустроенный двор с вымосткой и канализацией, два колодца, цистерна и подвал.

В насыпи помещений найдено огромное количество посуды: амфоры, блюда, миски, кувшины, краснолаковые тарелки и чашки (рис. 6), терракоты, большое число обломков стеклянной посуды и масса монет. Совокупность вещей вместе с монетами позволяют датировать здание II—IV вв. н. э. Момент гибели определяется монетами довольно точно — семидесятыми годами IV в.

В 1947 г. в Херсонесе была открыта вторая виноделыня, также с тремя резервуарами, но с лучше сохранившейся давильной площадкой. Техника устройства виноделыни аналогична первой. На площадке уцелели пазы от перегородок, разделявших ее на три части, соответственно количеству резервуаров, что давало возможность одновременно обрабатывать три различных сорта винограда.

Вторая винодельня существовала, как и первая, в течение II—IV вв. н. э.

На участке раскопок 1949 г. обнаружено сооружение необычного плана — в виде круга (диаметр 4,15 *м*). Часть круга разрушена в начале средних веков, уцелел один ряд кладки, наружные его плиты тщательно обработаны и положены на растворе из извести с песком и цемянковой крошкой, середина заполнена камнями на грязи. Края плит с одной стороны

сильно изношены. По имеющимся признакам, на нижнем круге, отступя на 0,25 *м*, находился следующий ряд кладки. По сохранившимся остаткам трудно определить назначение круглого сооружения; возможно, оно являлось основанием памятника. Расположено сооружение на небольшой площади, возле продольной улицы [1].

4. В V—VI вв. на описываемом участке находилось большое здание, связанное по назначению с базиликой и ей одновременное. Базилика была сооружена во второй половине V в. (раскопана в 1935 г.). С южной стороны к ней примыкало длинное здание служебного назначения (оно открыто в 1949 г.). В одном из помещений хорошо сохранилась мозаика (открыта в 1950 г.). Ее размеры 5×2 *м*. На вымостке из мелких камней положен слой раствора, в котором укреплены камешки мозаичного пола. По краям ее идет бордюр с волнистой лозой и плющевыми листьями. Композиция среднего поля состоит из четырех различных мотивов: одна часть составлена из кругов с крестами, вторая образована чередующимися зигзагами различного цвета, третья украшена изображением вазы в квадратной рамке, на последней представлены виноградные кисти, вырастающие из широкой чаши. Мозаика выполнена в четыре цвета: белый, желтый, красный и темносиний. Разнообразие композиции и яркость красок делают мозаику высокохудожественным произведением. Следует отметить хорошую сохранность этого редкого и ценного памятника, относящегося к самому началу средневековья, к V в. н. э.

К этой базилике принадлежали и те прекрасной работы мраморные капители, которые были найдены при ее раскопке в 1935 г. и украшают ныне средневековый отдел Херсонесского музея.

5. Первая базилика существовала не более столетия. В середине VI в. была сооружена вторая, она лучше сохранилась, фундаменты всех стен уцелели, найдены колонны и капители, мраморные плиты пола, что позволило произвести частичную реставрацию здания. Как у первой, так и у второй базилики с южной ее стороны расположен ряд помещений, связанных по назначению с основным зданием. В одном из помещений хорошо сохранилась купель (размерами внутри 0,85×0,85 *м*, глубина 0,60 *м*); стены ее тщательно сложены из кирпичей на толстом слое раствора, с вымосткой из кирпичей на ребро.

При работах 1949—1950 гг. в насыпи южного нефа и в других помещениях найдено большое количество кусков штукатурки с фресковой росписью — геометрическим и растительным орнаментом и изображением птиц, а также части гипсовых лепных фризов. На некоторых кусках фрески имеются вырезанные надписи, до 10 строк и более. Изучение этих ценных материалов может познакомить нас с архитектурной и живописной отделкой зданий VI—VII вв. В настоящее время мы располагаем многими материалами для научной реконструкции базилики. В нашем распоряжении

[1] Г. Д. Белов, Археологические раскопки в Херсонесе в 1949 г., ВДИ, № 2, 1950, рис. 1.

имеется полный ее плаи, мраморные колонны, дверные перекрытия, капители, базы, алтариые преграды, фризы, куски росписи по штукатурке и пр.

На месте здаиия с винодельней в иачале средиевековья было сооружено новое здаиие, при этом в резервуарах были устаиовлены пифосы, в связи с чем стенки их сильио пострадали, давильиая же площадка оказалась перерезанной стеиой. В IV в. и это здание перестало существовать, а резервуары были засыпаны землей. Вновь возиикший дом покоился на значительиом слое насыпи, колодцы и цистерны не действовали — оии были заброшены, иад вымосткой двора иакопилась также иасыпь, под которой оказались лестиица и проем, ведшие в подвал. Последний, одиако, был использоваи — в ием иаходились пифосы (рис. 7), врытые в толстый слой земли; из них шесть стояли возле стеи и один больших размеров — посередине. При раскопке в подвале найдеио свыше пятидесяти кувшииов одииаковой формы и техиики, железный якорь, рыболовиые крючки и грузила и др. Возле подвала во дворе лежало до трех пудов вара, сохраиившего все свои свойства: характерный запах, тягучесть и размягчение иа солнце. Судя по этим даииым, морские промыслы и рыбиая ловля являлись основиым заиятием жителей дома.

Рис. 7. Пифос в подвале.

На участке раскопок 1949 г. изменился плаи квартала — продольиая улица оказалась застроеиной, возле базилики с южиой стороиы находилась площадь. Помимо архитектурных деталей и обломков, в одиом из помещений была иайдена железная кольчуга, в другом — клад моиет IX—X вв. в количестве 68 экз.

Здания погибают в конце X в. от пожара — картина пожарища раскрывается при раскопках в каждом из кварталов этого района города.

6. После катастрофы, постигшей город в коице X в., сверный райои в течеиие долгого времени ие был восстаиовлеи. На месте разрушенных домов иакопился мощиый слой мусориой насыпи, вывозившейся сюда из центральной части города. Западиая часть города, как выяснено прежиими раскопками, осталась заброшенной и пустыниой. Северный же район, о котором мы можем судить на осиовании двадцатилетиих раскопок, вновь был застроеи ие раиее XII в. Открытые здесь дома, в основном, отиосятся к XIII—XIV вв. Плаировка здаиий, поскольку она происходила иа толстой насыпи, ие связаиа с предыдущими архитектуриыми остатками. Дома

не совпадают в плане с прежними, на месте улиц построены были жилые дома и, наоборот, иногда над остатками домов вверху были проложены улицы и переулки. В плане кварталов и домов часто видна небрежность — линии стен смещены, стены неровные, углы не прямые. Техника кладки стен непрочная — бутовые камни положены на грязи, фундаменты не глубоки и лежат в насыпи, не на материке.

Жилые дома XIII—XIV вв. в нижней своей части сохранились полностью, поэтому план помещений легко устанавливается, а назначение их определяется благодаря большому количеству находящихся в них предметов. Строительные остатки последнего периода жизни города, после его гибели, не подвергались дальнейшему разрушению и перестройкам, и инвентарь помещений оставался на месте. Благодаря этому раскопки открывают довольно полную картину хозяйства и быта жителей.

Рис. 8. Поливная миска.

На участке 1949 г. из трех помещений дома одно являлось подвальной кладовой с пифосами и амфорами, в другом найдены жернова, рыболовные грузила, обломок железной пилы, поливная посуда (рис. 8), прясница, железный крест и др. Все помещения соединены дверными проемами, из одного выход ведет на обширный двор. Жилые комнаты располагались в верхнем этаже, в них вели каменные лестницы, обычно находимые в каждом доме. Помещения нижнего этажа служили кладовыми, подвалами или местом для домашних работ (размола зерна и пр.).

В квартале раскопок 1947—1948 гг., кроме двух жилых домов, была обнаружена усыпальница. Обычно гробницы устраивались в XIII—XIV вв. возле и внутри небольших храмов — часовен. Почти в каждом квартале имеется небольшая часовня с группой гробниц — это характерная черта позднесредневекового Херсонеса. Часовня служила местом совершения некоторых религиозных обрядов для жителей соседних домов, а также и местом их погребения. Кладбище находилось среди жилых домов, что является полной противоположностью городу античной эпохи. В данном случае усыпальница вплотную примыкала к жилому дому.

В усыпальнице были устроены две гробницы, разделенные и покрытые плитами. Особенностью одной является вымостка из черепиц, продырявленных частыми круглыми отверстиями. Помимо костяков, в усыпальнице найдены подвесные цепи для люстры, бронзовая ажурная пластина со

стержнями для свечей, бронзовое наверше хоругви. Перекрытие усыпальницы было арочное, о чем можно судить по найденным клиньям и двум базам для колонн.

Жилые дома XIII—XIV вв., обильно насыщенные всевозможными хозяйственно-бытовыми предметами, заслуживают особого к ним внимания со стороны исследователей. Здесь мы встречаем орудия сельского хозяйства и рыбной ловли, прядения, ткачества, шитья и обработки шерсти и льна. В домах сохранились печи и очаги, а иногда, например в квартале раскопок 1940 г., гончарные обжигательные печи — по выделке черепиц и глиняной посуды. Богато представлена поливная керамика местного производства, разнообразная по форме, технике и художественной отделке. Нередко находились предметы культа и искусства — тонкой резной работы шиферные и бронзовые иконки с позолотой, кресты, костяные пластинки с гравировкой и т. п. Нахождение же крестов с русскими надписями свидетельствует о вывозе предметов художественного ремесла из древней Руси в Херсонес-Корсунь и о торговых и культурных связях между ними.

Раскопки верхнего слоя рисуют картину гибели города, происшедшей в конце XIV в. Повсюду в домах следы огромного пожара и разрушения: сажа и куски угля, обгоревшие предметы, потрескавшиеся камни в дверных проемах, упавшая на пол посуда, рухнувшая с крыши черепица, обвалившиеся стены, камни которых покрыли собою остатки зданий толщиной до 2 *м*.

Археологическое исследование северного района Херсонеса дало богатейший материал, предоставив в наше распоряжение много новых данных, относящихся ко всем периодам жизни города.

Из краткого обзора раскопок мы видели, каких успехов удалось достичь в изучении вопросов об основании города, о существовании здесь поселения тавров, о росте территории Херсонеса, об его этническом составе в различные периоды его жизни и т. д.

Мы имеем теперь представление о плане города, о жилых домах, о предметах хозяйства и культуры в античную и средневековую эпохи. Можем наблюдать за развитием жизни населения, отличая периоды роста города и его владений, подъема производства и торговли. Нам удается также установить и некоторые моменты кризисов, приводивших город в состояние временного упадка.

Разнообразные и обильные материалы, поступающие из ежегодных раскопок, значительно пополняют наши вещественные источники, дают дополнительные штрихи к уже имевшимся ранее контурам, из которых постепенно создаются картины той или иной эпохи. До завершения этих картин еще очень далеко, для этого понадобится раскопать весь город. Однако основные элементы для них уже найдены. Теперь мы имеем уже четкое представление о жилом доме и его инвентаре для эллинистического и римского времени и не смешаем их один с другим, равно как различаем дом IX—X вв. с его содержимым от дома XIII—XIV вв. и т. д.

Помимо обычного рядового материала, разумея под ним как строитель-

ные остатки, так и мелкие вещи и орудия, раскопками были открыты и выдающиеся, а иногда и уникальные памятники. К ним относятся, например, мозаика эллинистического времени с изображением обнаженных женских фигур, мраморные рельефы II в. н. э., две винодельни, мраморные капители и мозаичный пол V в., базилика VI в. с колоннами, с мраморными и мозаичными полами и фресками, средневековые обжигательные печи, баня и многое другое.

Из изложенного выше неизбежно вытекает вывод о том, что для успешного изучения истории Херсонеса необходимо ежегодно и систематически, в расширенном масштабе, продолжать раскопки в северном районе города.

Н. В. Пятышева

СКИФЫ И ХЕРСОНЕС

Взгляд на Херсонес как на чисто эллинский город, не испытавший никакого культурного воздействия со стороны местных племен, уже устарел. Исследование истории Херсонеса, как и любого другого античного поселения нашего юга, может быть осуществлено лишь при учете сочетания элементов греческой и местной культуры в хозяйственной, общественной и культурной жизни города.

Официальный облик Херсонеса, как демократической рабовладельческой общины, вполне установлен[1]. За ним встает другой, гораздо более сложный и оригинальный облик, пока еще недостаточно изученный, но заслуживающий самого пристального внимания.

Робкие попытки, сделанные в этом направлении, тотчас же оставлялись как недоказанные. Материалу из раскопок некрополя и городища, с очевидностью констатирующему тесные связи греков с местными племенами, не придавалось значения. Часто он просто опускался, как не стоящий внимания, или, что еще хуже, — явно противоречащий установившейся традиции.

Но стоит только ближе и объективнее подойти к разрешению вопроса о связях и взаимоотношениях местного населения Таврического полуострова с греками, как тот же материал дает множество дополнительных данных для выяснения особенностей экономической, политической и культурной истории Херсонеса от его возникновения до конца рабовладельческой эпохи.

Вопрос о взаимосвязях Херсонеса с таврами детально рассмотрен нами в специальной работе[2]. В настоящей статье мы сосредоточим внимание на вопросе истории взаимоотношений Херсонеса со скифами.

---

[1] В. В. Латышев, Государственное устройство Херсонеса, ЖМНП, 1884, № 6, июнь; С. А. Жебелев, Возникновение Херсонеса, Сб. Северное Причерноморье, М.—Л., 1953.

[2] Н. В. Пятышева, Тавры и Херсонес, Кандидатская диссертация. Рукопись в архиве ИИМК АН СССР.

История эта делится на два периода: конец V в. — первая половина II в. до н. э. и конец II в. до н. э. — первые века нашей эры.

Положение Херсонеса, находившегося в Таврике, было иным, чем положение других греческих городов Северного Причерноморья. В то время, как Ольвия, Пантикапей, Феодосия и Фанагория были уже сформировавшимися полисами, с определенными сложившимися отношениями с местным населением, — Херсонес, как самостоятельная рабовладельческо-демократическая община, только начинал определять свое место в экономической и политической жизни Северного Причерноморья.

Местное население, непосредственно окружавшее Херсонес, было также иное: это были по преимуществу тавры, тогда как прочие города Северного Причерноморья имели дело в основном со скифами и с племенами, по культуре родственными скифам. Материальная и духовная культура тавров, стоявших на значительно более низком уровне развития, чем скифы, меоты и синды, не могла оказать такого же влияния на Херсонес, какое мы наблюдаем в других городах Северного Причерноморья, окруженных скифскими, а позднее и сарматскими племенами.

Однако связь Херсонеса с таврами прослеживается на протяжении всей истории Херсонеса. Без наличия этих связей немыслимо было бы самое существование Херсонеса как самостоятельного центра.

С конца V и в IV в. до н. э. степной Крым все более и более осваивался скифскими племенами. Скифы были заинтересованы в получении выхода к морю, в частности в районе северо-западного Крыма, где находились зависимые от Херсонеса греческие города Керкинитида и Калос Лимен.

Главной причиной экономической связи Херсонеса со скифами являлась необходимость приобретения земель для создания прочной сельскохозяйственной базы города. Гераклейский полуостров с особенностями его почвы, годной по преимуществу для виноградарства, не мог стать зерновой базой. Экспансия Херсонеса в связи с этим распространилась на запад, и здесь, пока еще неизвестно какими средствами, им была получена территория, ставшая основной житницей города и быстро поднявшая его значение и благосостояние как одного из хлебных экспортеров Причерноморья [1]. Тогда же Херсонесом была подчинена и Керкинитида, город, находившийся на месте теперешней Евпатории, и создан новый город Калос Лимен (рядом с нынешним Черноморском).

Систематические исследования Керкинитиды начались еще до революции и продолжаются и в настоящее время [2].

---

[1] Л. А. Моисеев, Из истории западного побережья Тавриды, ИТУАК, № 54. Симферополь, 1918, стр. 254. Нам кажется, что соображения Л. А. Моисеева по этому поводу не лишены оснований. Он считает, что Херсонес «взял у скифских царей всю равнину, т. е. и северо-западный угол Тавриды, как бы на откуп и стал по отношению к ним в положение арендатора».

[2] Н. Ф. Романчейко, Раскопки в окрестностях Евпатории, ИАК, в. 25, СПб., 1907; П. Н. Шульц, Евпаторийский район, Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., изд. АН СССР, 1941, стр. 265—277; М. А. Наливкина, Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена. См. в настоящем сборнике.

Общность найденного здесь материала с херсонесским поразительна. Ювелирные украшения и терракоты сделаны несомненно в одной мастерской, а большое количество херсонесских амфорных ручек с астномными клеймами и монет Херсонеса и Керкинитиды, притом с именем одного и того же чиновника, — давно уже обратило на себя внимание специалистов [1], так же, как и общие стилевые особенности в иконографии популярного в Херсонесе Геракла [2].

В равнине северо-западного побережья Крыма с городом Керкинитидой и Калос Лименом надо усматривать именно ту «равнину», о которой говорится в присяге херсонесских граждан: «... и хлеба вывозимого с равнины не буду продавать и вывозить в другое место с равнины, но (только) в Херсонес» [3].

Херсонесцы прекрасно понимали жизненно важное значение сельскохозяйственного района в окрестностях Керкинитиды и Калос Лимена. Все благосостояние города зависело от владения территорией, без которой он был обречен не только на обнищание и захирение, но и на систематическую голодовку, что и случалось нередко в эпоху средневековья.

Владеть равниной и расположенными там, на побережье, городами Керкинитидой и Калос Лименом было тем труднее, что она находилась в области, населенной враждебными Херсонесу скифами.

Весьма вероятно, что конфликты между скифами и Херсонесом были довольно часты и приводили к вооруженным столкновениям. Повидимому, к концу III — началу II в. до н. э. нажим на Херсонес со стороны скифов начал возрастать и вынудил Херсонес обратиться к более надежным способам защиты.

Эта обстановка отражена в какой-то мере и в рассказе Полибия об Амаге и Тиргатао [4] и в договоре с Фарнаком [5].

Судя по многим дошедшим до нас эпиграфическим документам, из которых декрет в честь Сниска, договор с Фарнаком и декрет в честь Диофанта наиболее показательны, в период III—II вв. до н. э. отношения Херсонеса со скифами по преимуществу были враждебными. Вместе с тем имеются данные, позволяющие говорить о некоторых исключениях и в этот период.

Это, прежде всего, эпиграфические памятники с упоминанием херсонесских граждан с именем «Скиф», где это имя является показателем этнической принадлежности его носителей.

Скиф упоминается как один из основных покупателей земли, принадлежавшей городу. Скиф этот, повидимому, — богач. Б. Н. Граков в комментариях к одной из опубликованных им надписей замечает, что его

---

[1] А. В. Орешников, Нумизматический сборник, III, стр. 58; Н. Ф. Романченко, ук. соч., стр. 186, рис. 31.

[2] Н. В. Пятышева, О культе Геракла в Херсонесе, ВДИ, № 2, 1948.

[3] IosPE, 1², № 401.

[4] Полибий. XXV, 2; Р. Х. Лепер, ИАК, в. 45, стр. 22 сл.; М. И. Ростовцев, Амага и Тиргатао, 300, т. XXXII.

[5] IosPE, 1², 402.

«превращение в дельфийского проксена — очень вероятно»[1]. Далее Б. Н. Граков пишет: «имя Σκύθας вообще довольно обычно в Херсонесе»[2].

Повидимому, именно с представителем местной, негреческой, знати можно связывать единственный и совершенно не обычный для Херсонеса памятник — курган у Стрелецкой бухты. «К западу от Херсонеса, верстах в трех, — пишет о нем Бертье-Делагард, — существовал довольно значительных размеров курган (высота 4, диаметр 12,5 саж.), давно интересовавший археологов, главным образом потому, что он единственный в окрестностях Херсонеса и даже в юго-западной горной части Крыма вплоть до степей и Феодосии... Курган оказался отделанным внизу в виде кольца правильною и красивою стенкою, в аршин высотою, из больших штук камня. Наружность стеночки чисто обтесана и отделана рустом, внутренность оставлена без отделки. Самый курган насыпан из мелкого камня, добытого при очистке окрестных полей. Не может быть никакого сомнения в том, что это самый обыкновенный могильный курган и ничего более»[3].

К сожалению, раскопки этого «самого обыкновенного могильного кургана», хоть и представлявшего для Херсонеса явление отнюдь не обыкновенное, велись самым небрежным образом. В отчете за 1890 г.[4] нет указаний, каким способом велись раскопки, нет никаких упоминаний какого бы то ни было материала, кроме камней, из которых состояла курганная насыпь.

Материал, найденный в кургане, был передан в Государственный исторический музей, он состоит из упомянутой в отчете витой ручки (рис. 1, *а*) с головой не барана, как ошибочно сказано в отчете, а кабана (рис. 1, *б*), точнее — кабаньей шкуры, дна погребальной бронзовой урны (вазы по отчету) и костей и пепла из той же урны. Сосуд может быть отнесен по времени к III—II вв. до н. э. Все это — остатки захоронения с трупосожжением в насыпном каменном кургане с рустованной крепидой. Рустованные блоки этой крепиды вполне аналогичны по своим размерам и технике рустованным блокам херсонесских крепостных стен III—II вв. до н. э.

В этом памятнике обращают на себя внимание сочетание греческих и скифских черт: греческий погребальный обряд — трупосожжение в бронзовой урне и скифская курганная насыпь из мелких камней, обрамленная каменной оградой.

Вероятно, здесь был похоронен представитель немногочисленной для Херсонеса этого времени скифской знати. Уже отмечалось, что этот большой курган Гераклейского полуострова — памятник единичный, как, впрочем, единичны и свидетельства о скифах в Херсонесе в III—I вв. до н. э.

---

[1] Б. Н. Граков, Материалы по истории Скифии в греческих иадписях, ВДИ, № 3, 1939, стр. 249, № 14.

[2] Там же, стр. 250, см. index nominum, в IosPE, 1².

[3] А. Л. Бертье-Делагард, Раскопки Херсоиеса, МАР, № 12, 1893, стр. 55, табл. II, рис. 12; Н. М. Печенкин, Шверинский курган, ИТУАК, 51.

[4] ОАК, 1890, стр. 35 сл.

Отметим редкое для Херсонеса конское захоронение, найденное в северо-западной части городища, в пределах крепостной ограды. В 1892 г. Косцюшко-Валюжинич, производя раскопки в СЗ части городища, наткнулся на гробницу, высеченную прямо в скале. В гробнице оказались остовы двух лошадей с остатками сбруи и 229 бронзовых бляшек, обтянутых золотом, от конского убора. Вблизи обнаружена другая разрушенная гробница с плитой из песчаника с именем Андрокла, сына Промафиона [1], относящаяся к IV в. до н. э. [2]. Конская могила относится скорее всего к скифскому погребению, вряд ли связанному с гробницей Андрокла [3].

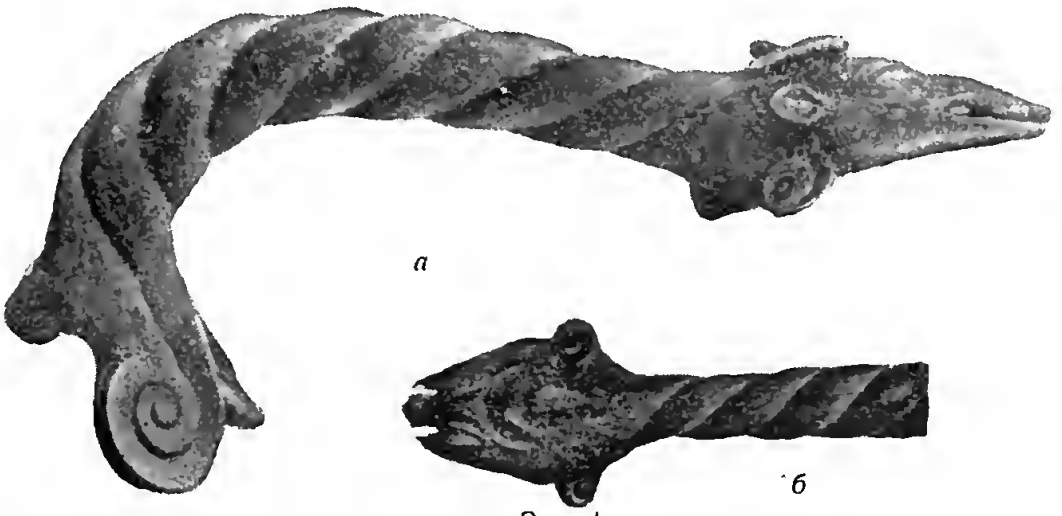


Рис. 1.

а — ручка бронзовой урны из кургана у Стрелецкой бухты. ГИМ; *б* — голова кабана у основания ручки.

На связь Херсонеса со скифами времени IV—III вв. до н. э. в области религиозных верований обратил внимание В. В. Латышев [4].

Ряд памятников свидетельствует о том, что змееногая богиня, олицетворяющая идею скифского великого хтонического божества, культ которого был повсеместно распространен в Скифии и на Боспоре, была принята в херсонесском пантеоне и играла определенную роль в местном культе [5]. То же можно сказать и о культе Геракла в Херсонесе, складывавшемся на двух основах: первая — чисто греческая. Здесь Геракл — герой, эпоним метрополии Херсонеса — Гераклеи Понтийской. Вторая — местная, скифская. Эта последняя сторона сделала Геракла наиболее популярным божеством хтонического культа, в котором Геракл связан со скифским божеством — полуженщиной — полузмеей (Ехидна по Геродоту).

Среди памятников эллинистического периода, связанных со скифами,

---

[1] Архив ГХМ, 1892, № 24; А. Л. Бертье-Делагард, Раскопки Херсонеса, МАР, № 12, табл. I, стр. 35.

[2] IosPE, I², № 463.

[3] ИАК, в. 60, стр. 26.

[4] МАР, № 9, стр. 13.

[5] Н. В. Пятышева, Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе, ВДИ, № 3, 1947.

следует отметить золотой медальон из Херсонеса, найденный в раскопках Косцюшко-Валюжиинча в 1907 г. Медальон представляет собой плоский кружок, размером 22 *мм*, толщиной 1 *мм*, приблизительно $^1/_3$ медальона утрачена (рис. 2). На лицевой стороне изображена в технике зерни фигура бородатого скифа в профиль, обращенного вправо, одетого в кафтан, расшитый бляшками, в узкие штаны до щиколоток, в мягких войлочных сапогах. Голова с длинными волосами ничем не покрыта. У левого бока — горит с луком, в правой поднятой руке — секира с длинной ручкой, которой он замахнулся на нападающего на него какого-то животного; от последнего сохранились только передние ноги, остальное изображение обломано. Вероятно, здесь был изображен кабан, сюжет охоты на которого был распространен в местном искусстве Северного Причерноморья [1].

Рис. 2. Золотой медальон с изображением скифа. ГИМ.

Позади скифа изображено похожее на куст растение. Такое же растение было и впереди, одна из ветвей его заметна под ногами животного. Медальон по краям украшен филигранью в виде спирали восьмеркообразной формы и витых жгутиков. На обороте — следы приклепанной дужки, в которую продевалась лента.

Медальон, найденный в насыпи некрополя, мог служить частью ожерелья или погребального венчика. Аналогии к подобным венчикам, с помещенными в середине медальонами, имеются на Боспоре [2]. Техника и стиль изображения позволяют отнести медальон к кругу привозных изделий первой половины или середины III в. до н. э. [3].

---

[1] ДБК, табл. XIII; П. Н. Шульц, Работы Тавро-Скифской экспедиции (1945—1946 гг.). Памятники искусства, в. 2, М., 1947, стр. 28, рис. 8.

[2] См. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, в 1, СПб., 1889, стр. 40, рис. 48, 49, 50.

[3] См. Б. Н. Граков, Скифский Геракл, КСИИМК, в. XXXIV, М.—Л., 1950; Н. В. Пятышева, Ювелирные изделия Херсонеса, Труды ГИМ, в. 18, Госкультпросветиздат, М., 1956, стр. 14—18.

Исторические события середины II в. до н. э., ознаменованные наступлением скифов под предводительством Скилура, а затем его сына Палака, на греческие города Северного Причерноморья, явились переломом в истории этих городов, в частности, и в истории Херсонеса.

Непрекращавшиеся в течение многих десятков лет военные столкновения со скифами, которые пытались вернуть захваченную херсонесцами западную равнину, повидимому, окончательно обессилили город. Не будучи в силах сопротивляться скифам, подчинившим Ольвию, которым выплачивало дань даже Боспорское царство [1], херсонесцы обратились за помощью к понтийскому царю Митридату VI — Евпатору. Об этом мы узнаем из декрета в честь полководца Митридата — Диофанта [2].

Преодолев с помощью понтийского полководца и понтийских войск наступательное движение скифов, Херсонес вернул Керкинитиду, а затем и Калос Лимен, но попал в тяжелую зависимость от Митридата Евпатора [3].

После Диофантовых войн борьба Херсонеса со скифами прекратилась ненадолго. Скифы неуклонно продолжали стремиться к морю, и Херсонес вынужден был вести с ними непрерывную тяжелую борьбу. В эпитафии Тиберия Плавтия Сильвана (I в. н. э.) говорится, что скифский царь приступил уже к прямой осаде Херсонеса; о подобных фактах сообщают и другие документы [4], из которых в то же время явствует, что теперь херсонесцы все свои надежды на успешный исход в борьбе со скифами возлагают уже на Рим. Дальнейший ход исторических событий показал, насколько ошибочными были расчеты правящего круга херсонесской общины.

Экономический подъем Херсонеса, наступивший в первое время римской оккупации, продолжался недолго.

Уже в конце I — начале II вв. н. э. город начинает остро нуждаться прежде всего в хлебе. Некоторые из найденных в Херсонесе эпиграфических памятников первых веков нашей эры прямо указывают на это обстоятельство [5].

Плодородная западная «равнина» окончательно отпала от Херсонеса [6], и, лишившись своей главной экономической базы, город попадает в бедственное положение.

В этот период, как нам кажется, может считаться вполне естественным усиление экономических связей Херсонеса с Неаполем.

Общность археологического материала некрополей обоих городов в первые века нашей эры подтверждает эту связь, замеченную Косцюшко-

---

[1] С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, Сб. Северное Причерноморье, М.—Л., 1953.

[2] IosPE, 1^2, 352; В. Юргевич, Псефизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, 300, т. XII.

[3] С. А. Жебелев, Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, ВДИ, № 1, 1938, стр. 149 сл.

[4] IosPE, 1^2, 369.

[5] Там же, 355.

[6] П. Н. Шульц, О работах Евпаторийской экспедиции, СА, III, 1937.

Валюжиничем, который писал по этому поводу: «Большая часть предметов, добытых из гробниц херсонесского некрополя, совершенно сходны с предметами того же наименования, добытыми из раскопок некрополя близ Симферополя, на месте предполагаемого скифского Неаполиса. Сходство между собой этих находок, особенно фибул, зубчатых браслетов и колец, колокольчиков, разных амулетов, привесок, пронизей и бус настолько поразительно, что дает право считать все эти украшения изделиями одного и того же времени, а многие — даже одной и той же мастерской... Возможно, что после поражения скифов Диофантом Неаполис составил колонию Херсонеса в интересах его меновой торговли» [1]. Косцюшко пришел к правильному заключению, предполагая наличие одной мастерской, снабжавшей всеми перечисленными предметами население обоих городов и находившейся, очевидно, в Херсонесе. Но сделанный Косцюшко на этом основании вывод, что Неаполь был колонией Херсонеса, конечно, неверен. В эпиграфических и исторических документах нет никаких указаний на какое-то подчинение Неаполя Херсонесу в I—III вв. н. э., а, кроме того, имеющийся у нас материал позволяет думать, что Херсонес этого времени мог кое-как содержать только самого себя и находившийся в нем римский гарнизон, так что говорить о его вмешательстве в дела Неаполя не приходится. По-видимому, связь Херсонеса со скифами в это время была чисто экономической, в виде оживленного товарообмена.

Население города в первые века нашей эры состояло из греков, тавров и скифов, затем сарматов [2].

На основании ряда фактов мы можем говорить, что в первые века нашей эры в Херсонес все более и более начинают проникать скифы. Как уже упоминалось, в херсонесских эпиграфических памятниках встречается имя Скиф [3], служившее показателем этноса, а также имена явно местного происхождения: Икас, Раниас, Бакис, Дорондас и др.

Особенно много данных о скифском происхождении лиц, поименованных в надписях, относится к первым векам нашей эры [4].

Очень интересен в этом отношении и материал некрополя. Только наличием скифов или сарматов можно объяснить встречающиеся в загородном херсонесском некрополе погребения с лошадьми [5]. Далее, к негреческим, скорее всего, скифским элементам херсонесского некрополя относятся могилы, крытые досками. Инвентарь могил относится к I—III вв. н. э. Та

---

[1] Архив ГХМ, 1892, д. 3, л. 19.

[2] Сарматы в Херсонесе представляют тему специального исследования, и касаться ее сейчас мы не будем.

[3] Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 250.

[4] В. В. Латышев, Эпиграфические новости из Южной России, ИАК, в. 27, IosPE, IV, 80; см. также статью В. В. Латышева в ЖМНП, март, 1896, стр. 115—127; МАР, № 23, стр. 64—75.

[5] ОАК, 1893, стр. 5, 70—71, рис. 40; Архив ГХМ, 1893, д. 3, лист. 40; ХС, II, стр. 206, 253 и др.

же особенность — покрытие могил доскамн — встречается в некрополе Ольвнн н характернзует местную, негреческую, группу могил [1].

Для характернстикн скифских элементов в херсонесском некрополе первых веков н. э. следует еще упомянуть о многочисленных находках шейных обручей — грнвн обычного скнфского типа [2]. Большинство их — бронзовые, меньше серебряные. Известна одна золотая грнвна из Херсонеса, найденная в 1899 г. [3] в одном нз богатых прнстенных склепов I—III вв. н. э. Прн знакомстве с погребальным ннвентарем склепа бросается в глаза негреческнй характер многих вещей, среди которых большинство местной работы [4].

Кроме многочисленных находок гривн, в Херсонесе известны изображення грнвн и на некоторых памятниках. К ним прнпадлежит надгробне, о котором в отчете сказано: «Верхняя часть мраморной надгробной стелы... украшенная фронтоном обычного типа. По средине поля сохранилось выпуклое изображенне головы и части плечей женщины, лицом к зрителю, варварского типа, с завнтыми волосами, толстым жгутовидным шейным обручем, с овальными подвесками и накинутым на голову капюшоном от верхней одежды» [5].

В том, что в отчете названо капюшоном, правнльнее внднть высокий головной убор, подобный остроконечному убору у Великой богини на пластинке нз кургана Карагодеуашх [6]. Самая пластина составляла часть такого же высокого ритуального головного убора погребенной там жрицы богннн. В изображении на надгробии можно усмотреть, если н не ритуальный, то во всяком случае парадный головной убор, что вполне вяжется с характером памятника. Тип лица, головной убор, роднящий его со скифскими нзображениямн, и грнвна на шее — все вместе взятое позволяет внднть в этом изображенни скифскую женщину; матернал памятннка (мрамор) и характер одежды говорят, что перед намн женщина нз знатного эллинизированного скнфского рода.

Известно еще несколько женских нзображений из Херсонеса, в которых подчеркнут негреческнй тип лица и показана грнвна на шее [7].

В Государственном историческом музее хранится поясная статуя — мраморное надгробие нз Херсонеса [8] (рис. 3). Это торс мужчины в плаще, отороченном мехом; под ннм кафтан с узкимн рукавами, в руках короткнй скифский меч — акннак. Голова отбнта, но на сохраннвшейся шее внднa

---

[1] С. И. Капошина, Скорченные погребения Ольвии и Хеосонеса, СА, VII.

[2] ОАК, 1892, СПб., стр. 105; Архив ГИМ, д. 53, л. 70; ОАК, 1892, стр. 20—21; ОАК, 1897, стр. 118; ХС, II (склеп Моск. Арх. об-ва).

[3] ИАК, в. 1, СПб., 1901, стр. 9 сл., стр. 13.

[4] Г. Д. Белов, Римские приставные склепы №№ 1013 и 1014, ХС, II, стр. 116, рис. 11. Подробности см. в работе Н. В. Пятышевой, Ювелирные изделия Херсонеса, гл. IV, стр. 71—76.

[5] ИАК, в. 20, стр. 93, рнс. 42.

[6] ИАК, в. 49, табл. II, *1*.

[7] Архив ГИМ, д. 54, л., 109—110; ИАК, в. 25, стр. 117, рис. 16, стр. 139, рис. 28.

[8] Указатель по музею, 1893, стр. 438, № 31.

гривна. Статуя по своим стилистическим особенностям может быть отнесена к I—II вв. н. э. и имеет аналогии на Боспоре [1].

В раскопках 1891 г. на северном берегу городища найдена голова от мужской мраморной статуи почти в натуральную величину. Несмотря на повреждённость лица, отчетливо видно, что это голова варвара [2].

Рис. 3. Статуя воина с гривной на шее. Мрамор. ГИМ.

Следует упомянуть надгробие Скифа, сына Феагена [3]. В изображении так же отчетливо сквозят портретные негреческие черты [4]. В. В. Латышев относит надгробие ко II в. н. э. Характерны еще два памятника из Херсонеса — надгробия с изображением сцены загробной трапезы, датированные III в. н. э. [5]. Первый — мраморное надгробие Сотериха и Коихи [6]. Судя по надписи, Сотерих был связан с культом Девы (Σωτήριχος θεᾶς Παρθένου). В. В. Латышев допускает два толкования — он был или жрецом или рабом при ее храме [7]. Мне представляется возможным говорить о первом. Слишком маловероятна возможность приобретения дорогостоящего надгробия для простого раба. Второй памятник гораздо более примитивен, чем надгробие Сотериха и Коихи. А. П. Иванова пишет о нем: «Это произведение местного херсонесского мастера, почти совершенно не затронутого античным влиянием» [8]. Под «местным» мастером вероятнее всего можно подразумевать скифа. Скифами же по происхождению были и погребенные под этими памятниками жители Херсонеса.

---

[1] Kieserizky und Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909, табл. IV, *739, 745.*

[2] ОАК, 1891, стр. 5; Архив ГИМ, д. 2, л. 4.

[3] В. В. Латышев, Эпиграфические новости из Южной России, ИАК, в. 27; стр. 19.

[4] А. П. Иванова, Херсонесские скульптурные надгробия, СА, VII, 1941; стр. 110, рис. 4.

[5] А. П. Иванова, ук. соч., стр. 115.

[6] IosPE, 1², 457.

[7] В. В. Латышев, ук. соч., стр. 17.

[8] А. П. Иванова, ук. соч., стр. 118.

Возникает вопрос о социальном положении местного населения Херсонеса, погребенного в загородном некрополе и, судя по характеру погребального инвентаря, достаточно приобщенного к греческой культуре.

По материалам некрополя римского времени — надгробиям, золотым и серебряным гривнам, а также декретам с упоминанием имен скифского происхождения — можно говорить о том, что эти эллинизированные туземцы были равноправными гражданами Херсонеса, несущими почетные гражданские обязанности; их имущественное положение определялось, по всей вероятности, владением пригородными виноградниками и хлебородными равнинами на западе, рыболовецкими хозяйствами и всевозможными мастерскими. Все это свидетельствует об этнической неоднородности верхушки населения рабовладельческого Херсонеса.

О занятиях большинства жителей негреческого происхождения говорят предметы погребального инвентаря: рыболовные крючки, во множестве находимые в могилах, раковины, рыболовные грузила, железный серп. Напомним и известняковую плиту — надгробие Дулия с вырезанным на ней виноградным ножом [1] (рис. 4). Наличие бытовых предметов обычного греческого обихода и херсонесских монет в могилах, явно принадлежавших аборигенам, наглядно свидетельствует об ассимиляции не только тавров, но и скифов.

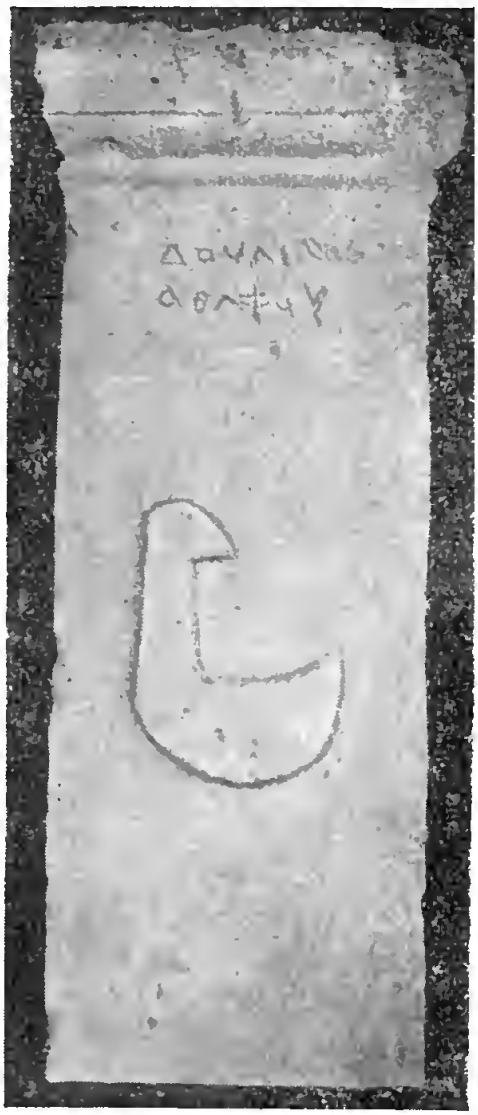


Рис. 4. Надгробие Дулия. Известняк. Херсонесский музей.

Есть еще одна характерная черта херсонесского некрополя: отсутствие деления на греческую и негреческую части. Могилы с захоронениями местных жителей расположены здесь вперемежку с чисто греческими погребениями. К ним относятся могилы, выложенные черепицами с клеймами эллинистического времени, погребение — сожжение, помещенное в краснофигурном кратере с изображением Диониса, датируемом V—IV вв. до н. э. [2], и др.

[1] Найдено Лепером в 1911 г., ГИМ, инв. 4415.

[2] ИАК, в. 15, стр. 107, табл. II; Г. Д. Белов, Краснофигурный кратер из Херсонеса, Государственный Эрмитаж, Труды отдела истории искусства и культуры античного мира, т. I, Л., 1945, стр. 141 сл., табл. I, II.

Большое количество таких гробиц открыто раскопками 1895 г. на участке близ башни Зеноиа[1]. Там же расположены греческие гробницы первых веков нашей эры, с найденными в них железными стригилями при урнах с трупосожжением, и так называемые гробницы «египетской» кладки того же времени[2].

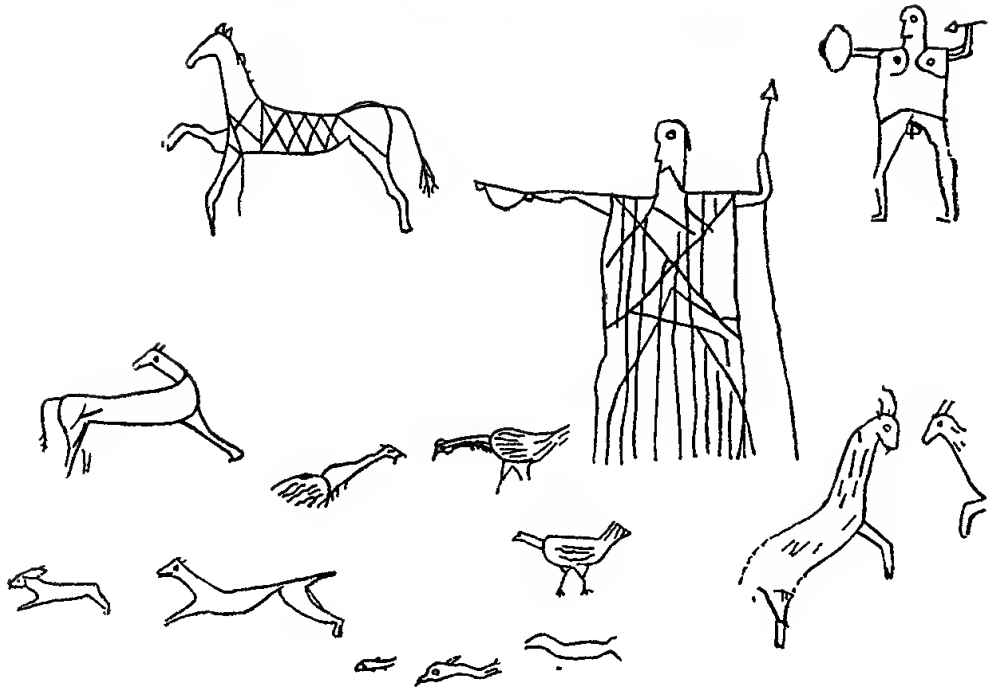
Рис. 5. Плита из Казачьей бухты с изображением пахаря. Мрамор. Херсонесский музей.

Мы видим, что имущественный уровень погребенных не одинаков— приставные склепы обладают многими драгоценностями, напротив, земляные могилы отличаются бедным инвентарем, но первые встречаются как исключения. То же смешение видим мы и в социальном составе: наряду с погребениями палестритов, государственных чиновников и богачей — погребения рыбаков, виноградарей и ремесленников.

Приведенный выше материал некрополя первых веков нашей эры свидетельствует, что местный элемент в культурной и гражданской жизни Херсонеса был значителен. Этот материал может быть пополнен находками с территории городища и Гераклейского полуострова; в слоях городища этого времени[3] найдено большое количество черепков таврской и скифской посуды и изображений тавров и скифов (кроме уже упомянувшихся); при раскопках места предполагаемого акрополя в 1902 г. найдены 2 обломка фриза от плоского мраморного сосуда с рельефным изображением «человеческого лица негреческого типа и головок барана и грифона»[4]; известны костяная пластинка из Херсонеса с резным изображением скифского воина; мраморная плита с изображением врезанными линиями, повидимому, скифа в характерной одежде (рис. 5), найденная на островке в Казачьей бухте в 1890 г. Судя по особенностям костюма — каблуки на обуви — и материалу (прокониесский мрамор) пли-

[1] ОАК, 1895, стр. 105, рис. 255, 258.
[2] ОАК, 1898, стр. 120 сл.; ИАК, в. 2, стр. 2, рис. 2.
[3] ОАК 1892, 1895, 1898 г.; ИАК, в. 25; Г. Д. Белов, Раскопки Херсонеса в 1934 г., стр. 13, 24; его же, Раскопки Херсонеса в 1935—1936 гг., стр. 35.
[4] ИАК, в. 9, стр. 31.

а



б

Рис. 6.

а — краснолаковый кувшин с нацарапанными рисунками; *б* — рисунки на кувшине.

та относится к IV в. н. э. Не лишены интереса рисунки, нацарапанные на стенках краснолакового сосуда II—III в. н. э. из раскопок на хуторе Бермана на Гераклейском полуострове в 1929 г. [1] (рис. 6 *а, б*). На сосуде изображены дерущиеся петухи, бодающиеся козлы, скачущие лошади, одна из них в сбруе, собака, преследующая зайца, в самом низу — рыбы. В центре — изображение человека в длинной до земли одежде, с чашей в одной руке и копьем в другой. Повидимому, это изображен хозяин сельской усадьбы. Правее его другая фигура — полуобнаженный воин со щитом в правой руке и копьем в левой. Несмотря на примитивность исполнения, рисунок очень выразителен. Вооруженные фигуры свидетельствуют о том, что хозяева сельскохозяйственной усадьбы Гераклейского полуострова этого времени были также и воинами.

Рис 7. Терракотовая пластинка с изображением змеиногой богини. Хранится в ГИМ

В религии Херсонеса первых веков нашей эры все больше и больше сквозят скифские черты. Большое значение приобретает роль Геракла в загробном хтоническом культе (культ Геракла в Херсонесе был осложнен скифскими представлениями) [2]. Скифская змеиногая богиня (Ехидна по Геродоту), известная херсонесцам и в эллинистический период, ассимилируется с греко-таврским культом Девы.

Терракотовая пластинка, найденная в 1946 г., с изображением существа с женским туловищем, стилизованными змеевидными ногами, переходящими в растительные завитки, и бычьей головой, с надетым на ней калафом, позволяет говорить о сложных синкретических культах в Херсонесе в первые века нашей эры, основа которых была скифской [3] (рис. 7).

Есть основания также говорить о наличии местного культа Великой богини Матери, иконографические особенности которой, присущие дакам, скифам и сарматам, были встречены и в Херсонесе [4].

На основании приведенного материала мы можем судить о значении скифов в жизни Херсонеса первых веков нашей эры. Имена скифов встречены в списках почетных граждан города, скифское влияние заметно в

---

[1] К. Э. Гриневич, Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова, Севастополь, 1929, стр. 19.

[2] Н. В. Пятышева, О культе Геракла в Херсонесе, ВДИ, № 2, 1948, стр. 197 сл.

[3] Н. В. Пятышева, Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе, ВДИ, № 3, 1947.

[4] ИАК, в. 16, стр. 62, рис. 20.

укладе богатых херсонесскнх фамилий (присленный склеп № 1013 н многие другие). Не случайна н экономическая н культурная связь Херсонеса с Неаполем скифским. В это время скифы были уже не теми, что в эллнни-стнческое время, — сначала Понтийское государство, затем Рим н, наконец, сарматы подорвали их былое экономическое н политнческое могущество. Поэтому ко временн своего сближення с Херсонесом онн уже не могли воздействовать на него с такой силой, как это имело место по отношению к Ольвии н городам Боспора в последние века до нашей эры. В то же время старые аборнгены Херсонеса — тавры составляют значнтельный процент городского населення.

Официальный облик Херсонеса попрежнему оставался греческнм (язык, форма самоуправлення), но все больше и больше проннкали в жнзнь города особенности, связанные с активной местной средой, в которой ведущая роль принадлежала скифам.

Изучение этих особенностей является одной из первоочередных задач советских исследователей Херсонеса.

М. А. Наливкина

РАСКОПКИ КЕРКИНИТИДЫ И КАЛОС ЛИМЕНА (1948—1952) [1].

Одной из задач, стоящих перед исследователями истории Северного Причерноморья, является изучение городов и поселений северо-западного Крыма античной эпохи. Прежние раскопки этих городов, начавшиеся в середине XIX в., носили эпизодический характер. Эти раскопки, лишь частично освещенные в литературе, подготовили почву для начатого в 1948 г. систематического исследования городов и поселений северо-западного Крыма [2].

В результате раскопок П. О. Бурачкова, Н. Ф. Романченко и Л. А. Моисеева в Евпатории и ее окрестностях (1880, 1895—1897, 1917 и 1929 гг.) и А. И. Шмакова (1838 г.) и Л. А. Моисеева (1929 г.) близ с. Черноморского (б. Ак-Мечеть), а также исследований П. Н. Шульца в 1933—1934 гг. в тех же и в некоторых других пунктах северо-западного Крыма, окончательно определился вопрос о местоположении Керкинитиды и Калос Лимена. Древние авторы (Гекатей, Геродот, Арриан, Помпоний Мела, Птолемей и перипл Безымянного) упоминают Керкинитиду и Калос Лимен. Названы эти города и в трех херсонесских надписях [3]. Наиболее крупный из них, Керкинитида, в. IV и III вв. до н. э. чеканил свою монету. Изображения на монетах Керкинитиды сидящего скифа на скале,

[1] Подробные отчеты об этих раскопках хранятся в отделе полевых исследований ИИМК АН СССР в Москве, находки — в Евпаторийском краеведческом музее.

[2] Небольшая литература по городам и поселениям северо-западного Крыма до 1940 г. приведена в моих статьях (ПИДО, в. 9—10, стр. 161 сл.; СА, VI, стр. 107 сл.); см. также статьи П. Н. Шульца (СА, III, стр. 252 сл. и Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 265 сл.). После 1940 г. см. К. Э. Гриневич, Прекрасная гавань в свете новейших данных (ВДИ, 1, 1949, стр. 155 сл.); А. И. Тюменев, Херсонесские этюды (ВДИ, 2, 1950, стр. 487 сл.); Г. Д. Смирнов, Раскопки скифского кургана близ Черноморска (ВДИ, 4, 1952, стр. 187 сл.); а также две мои статьи (КСИИМК, в. XLV, стр. 114 сл., и в. LI, стр. 128).

[3] IosPE, 1^2, № 352, 353 и 401.

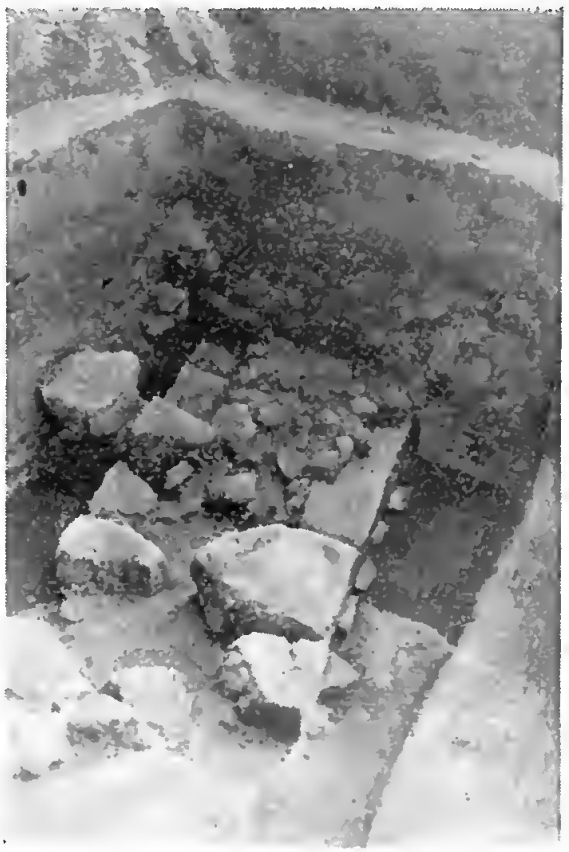
а также скифа на коие являются свидетелями взаимосвязей города со скифским иаселением Крыма [1].

С целью продолжения прерваиного с 1934 г. исследования городов и поселеиий северо-западиого Крыма в 1948 г. в составе Тавро-скифской экспедиции Крымского филиала и ИИМК АН СССР (руководитель П. Н. Шульц) был образован Евпаторийский отряд (руководитель М. А. Наливкиа) [2].

В работах отряда принял деятельное участие Евпаторийский музей.

В 1948 г. раскопки производились отрядом только на Черноморском городище, отожествляемом с древним Калос Лимеиом, и на его некрополе [3]. В 1950 г. раскопки иа городище были продолжеиы.

В 1950 г. отряд работал также и в Евпатории иа месте древней Керкииитиды и ее ближайшей округи. Раскопки Керкинитиды были продолжеиы в 1951—1952 гг. Поскольку краткие иформации об итогах раскопок в Евпатории за 1950—1952 гг. нами опубликоваиы [4], а подробиое издаиие всех материалов по Керкииитиде — дело ближайшего будущего, в даиной статье мы ограничимся лишь кратким изложением основиых результатов раскопок в Керкинитиде и иесколько детальиее остановимся на раскопках последних лет городища Калос Лимеи, в печати еще ие отражеиных.



Рнс. 1. Участок западной обороннтельной стены Керкнннтнды.

---

[1] А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 160 сл., табл. XXXVIII.

[2] Работы отряда в 1948—1951 гг. велись на средства Крымского фнлнала АН СССР и Евпаторнйского музея. В состав отряда, кроме руководнтеля, входнли крымскне работнпкн: С. К. Себекнн, К. А. Трапезаров, А. А. Щепннскнй, М. Е. Кац, А. Г. Фомичев и научн. сотр. Молдавского фнлнала АН СССР Г. Д. Смирнов. Разведочные обследования городищ и селищ в 1948 г. пронзводнлн П. Н. Шульц и Г. Д. Смирнов; в 1950 и в 1951 гг. П. Н. Шульц, М. А. Налнвкина, А. А. Щепннскнй и М. Е. Кац.

[3] Г. Д. Смирнов, ук. соч.

[4] М. А. Наливкина, Раскопки Керкиннтиды и Калос Лнмена в 1950 г., КСИИМК, в. XLV, стр. 114 сл.; она же, Раскопки в Евпаторнн в 1951 г., КСИИМК, в. LI, стр. 128 сл; она же, Раскопки в Евпаторнн, КСИИМК, в. 58, 1955, стр. 63 сл.

Избранный для раскопок в Евпатории в 1950 г. небольшой участок, расположенный на месте б. Карантина, в южной части древнего городища, непосредственно к северу от здания морских ванн Евпаторийского курорта, дал остатки южного отрезка оборонительной стены Керкинитиды IV—III вв. до н. э. (рис. 1). Открытый в 1950 г. участок городской стены позволяет в дальнейшем продолжить расследование стены города в северном направлении и уточнить данные Л. А. Моисеева, полученные им в 1917 г.[1].

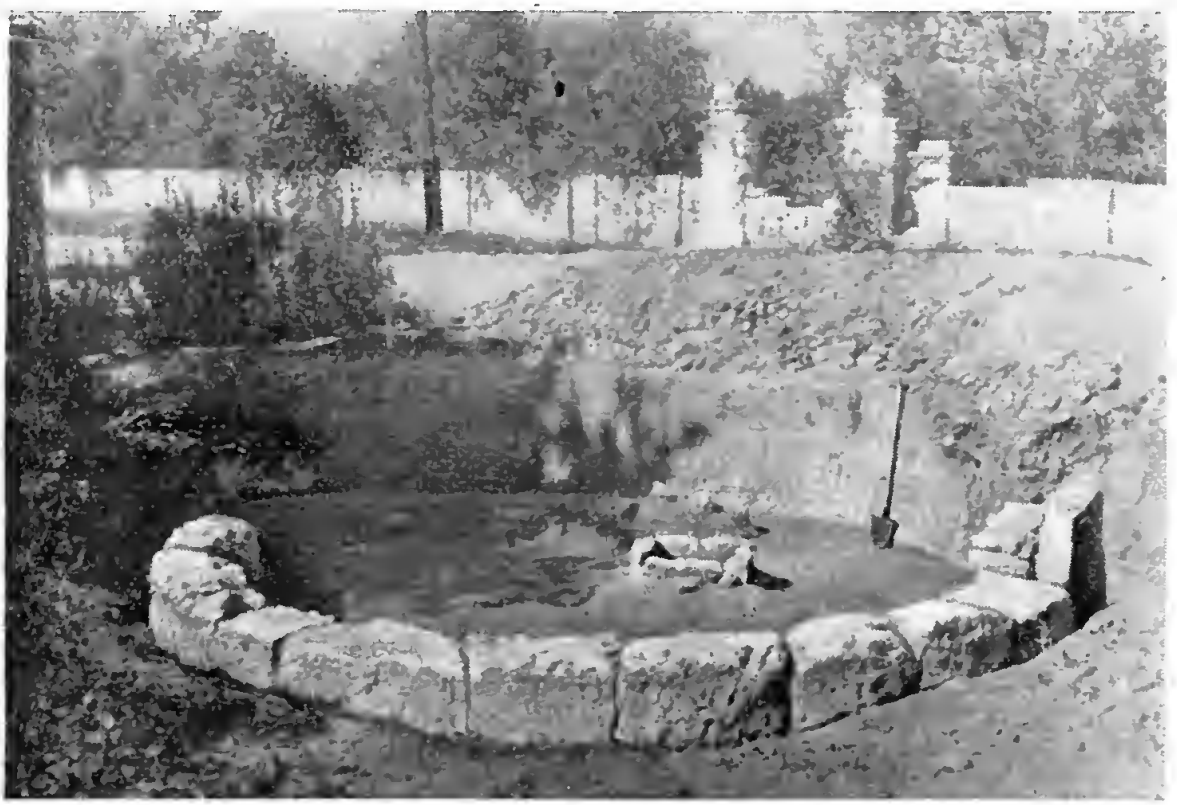


Рис. 2. Остатки круглого сооружения в дачном районе Евпатории

На втором, загородном участке в Евпатории, исследование которого производилось в 1950 и в 1951 гг., была открыта часть круглого в плане (6 *м* в диаметре) сооружения (рис. 2). Оно представляло собою, по всей вероятности, круглую башню типа башен гераклейских укрепленных усадеб IV—III вв. до н. э.[2].

Связанную с этой башней загородную усадьбу Керкинитиды следует искать в ближайшем окружении.

---

[1] Л. А. Моисеев, Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории, ИТУАК, 54, С., 1918.

[2] F. Dubois de Montpèreux, Voyage autour du Caucase et... en Crimèe, v. VI, Paris, 1873, VI, стр. 187 сл. и атлас, табл. XXI; см. КСИИМК, LI, стр. 133.

Особенно интересные и ценные результаты получены при раскопках Керкинитиды в 1952 г.[1]. Расположенный в центральной части городища основной участок раскопок (II) дал отчетливую картину последовательных культурных напластований, общей глубиной в 5,50 *м*. На участке (7,50× × 14 *м*) выявлены признаки жизни, предшествующие основанию города (находки обломков керамики кизил-кобинского типа), открыт слой рубежа VI—V вв. до н. э. с остатками четырех стен южного помещения архаического дома с очагом из сырца (рис. 3).

Рис. 3. Строительные остатки VI—III вв. до н. э. (архаическое здание и подвальное помещение с лестницей); Керкинитида.

Открытие в Керкинитиде впервые остатков дома городского типа с керамическими находками рубежа VI—V вв. до нашей эры свидетельствует о возникновении здесь греческого поселения еще в конце VI в. до н. э., что согласуется с данными Гекатея (Землеописание, фрагм. 153).

Находки из раннего здания залегали в засыпи его южного помещения и на глинобитном полу на глубине 5,30—5,35 *м* от современной поверхности. Пухлогорлые амфоры хиосского происхождения VI и V вв. до н. э. (последние преобладали), а также обломки фасосских амфор V в. до н. э., чернофигурных и чернолаковых сосудов, ионийских

[1] Охранные раскопки в Евпатории в 1952 г. велись на средства Военного Министерства СССР. В состав отряда входили: научн. сотр. ЛОИИМК АН СССР Е. Г. Кастанаян, лаборант Э. Д. Рабинович и лаборант Крымского филиала АН СССР С. К. Себекин, выполнявший чертежи и фото раскопок. Некоторую часть снимков в процессе раскопок сделал студент Киевского университета С. А. Высоцкий. Руководила работами М. А. Наливкина. Отчет хранится в архиве ИИМК АН СССР.

светильников с открытым вместилищем для масла и простых ионийских сосудов заполняли южное помещение по всей его площади и в особенности вблизи очага. По всей вероятности, дом был выстроен в VI в. и продолжал функционировать и в V в. до н. э.

Керамика того же слоя непосредственно за стенами помещения (обломки открытых ионийских светильников и чернофигурных сосудов) не противоречит предложенной датировке здания. Отдельные находки того же времени, в том же слое в других частях раскопа II, к востоку от здания, представленные обломками пухлогорлых амфор с полосами по венчику и с кружкамн на горле, выполненными красной краской, а также обломками терракотовых статуэток, богинь на троне, близких по глине и стилю малоазийскнм типам, также относятся к VI—V вв. до н. э. Судя по находкам, город с начала своего возникновения имел торговые связи с греческими ионийскнми центрамн и с Малой Азией.

На развалнах архаического дома, частичко нспользуя его кладки для фундамента, в конце IV в. до н. э. был построен новый дом со стенами, сложенными из прекрасных рустованных камней. В подвальном помещенни этого дома с лестницей из 9 ступеней был выделен оградой специальный участок, повидимому, для хранення продуктов (рис. 3). Судя по находкам (амфоры и черепицы с клеймами Херсонеса и Синопы) и монетам, дом с подвальным помещением был построен в конце IV в. до н. э. и просуществовал весь III в. до н. э. (находки III в. до н. э. преобладают).

В верхнем позднеэллинистическом слое II раскопа Керкинитнды исследованы: остатки здания с каменным полом и круглым очагом, каменный водосток и отстойник для дождевых вод, а также часть улицы, вымощенной каменными плитами (рис. 4). Дом этот, судя по развалам и следам пожара, погнб в начале II в. до н. э.

На развалинах дома на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. возникли наскоро н небрежно построенные здания; две полуразвалившиеся стенки одной из этих построек с погребением младенца в амфоре были обнаружены в самом верхнем перекопанном слое [1].

Каких-либо иных остатков стронтельства первых веков нашей эры, равно как и средневекового периода, на данном, сравнительно небольшом (7,50×14 *м*) участке древнего города не прослежено, хотя отдельные находки указанного времени и попадались в верхних слоях.

Исследование древнего архитектурного комплекса (раскоп III), к северо-востоку от основного раскопа II выявило остатки по крайней мере трех монументальных зданий IV—II вв. до н. э. (рис. 5) с рустованной кладкой. В нижнем слое раскопа III обнаружены остатки стены, близкой по кладке стенам раннего здания раскопа II.

Дальнейшее исследование этого древнего комплекса даст возможность выяснить планировку центральной частн города времени его наивысшего расцвета.

---

[1] М. А. Наливкина, Раскопки в Евпатории, КСИИМК, в. 58, 1955, стр. 63 сл.

Наблюдения в процессе земляных работ, связанных со строительством санатория, выявили на различных участках городища разного рода строительные остатки: кладки стен, колодцы, вымостки улиц и т. д. Найдены обломки пифосов и другой керамики по преимуществу IV—III вв. до н. э., времени интенсивного строительства Керкинитиды и наибольшего экономического и культурного ее расцвета. К этому же времени относится чеканка

Рис. 4. Строительные остатки III в. до н. э. Керкинитида.

в Керкинитиде собственной монеты и установление теснейших ее связей с Херсонесом и другими центрами античного мира (Синопа, Гераклея, Родос, Фасос и др.). В последующее время жизнь древнего города была менее интенсивной.

Вторым объектом раскопок разведочного характера являлось городище Калос Лимен, находящееся неподалеку (в 1,5 *км*) от с. Черноморского и в 64 *км* к СЗ от Евпатории. Разведочные раскопки на городище производил в 1838 г. А. И. Шмаков[1], в 1929 г. Л. А. Моисеев[2] и в 1934 г.

---

[1] А. И. Шмаков, Пирамидки из глины, найденные в Ак-Мечетской бухте. 300, 1, 1844, стр. 630.

[2] Л. А. Моисеев, Отчет о раскопках в 1929 г., Архив ЛОИИМК АН СССР.

П. Н. Шульц[1]. Эти работы подготовили почву для дальнейшего исследования городища.

В противоположность Евпаторийскому городищу, почти полностью за-

Рис. 5. Строительные остатки рубежа VI и V—III вв. до и. э. Керкинитида

строенному и в большей своей части уже погибшему для науки, Черноморское городище не застроено и вполне доступно для изучения.

[1] П. Н. Шульц, О работе Евпаторийской экспедиции, СА, III, стр. 252 сл.; его же, Евпаторийский район, Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг. М., 1941, стр. 265, сл.

В 1948 г. разведочные раскопки на Черноморском городище велись на двух участках: на берегу моря, в юго-западной частн (раскоп *А*) н в северо-восточной части городища (раскоп *Б*) [1].

Раскоп А. Стратиграфия слоев на береговом раскопе *А*, прослеженная до глубины 1,50 *м*, рисуется следующим образом: первый, верхний глинисто-песчаный слой на глубине 0,20 *м* сменяется слоем песка с небольшим количеством находок времени II—III вв. н. э., а также средневекового времени (керамика салтово-маяцкого типа VIII—X вв.). Строительных остатков в этом слое не сохранилось. Второй, глинисто-зольный слой оказался насыщенным рушеным камнем. В этом слое преобладала керамика II—III вв. н. э.

Все основные строительные остаткн относятся к следующему, третьему, глинистому слою, датируемому на основании особенностей рустованных камней и кладок стен и находок III—II вв. до н. э. [2].

В пределах третьего слоя в раскопе *А* были открыты остатки трех квадратных в плане сооруженнй (рис. 6). Камни кладок отделаны рустом (рис. 7). Назначение данных сооружений ввиду нх фрагментарности определить не удалось.

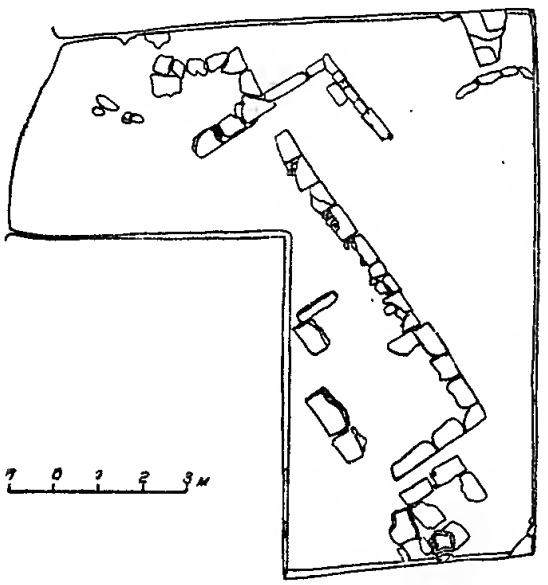


Рис. 6. Пл'аи берегового раскопа (*А*) на Черноморском городище (Калос Лнмеи).

Находки на береговом раскопе мало выразнтельны н представлены архнтектурными фрагментамн, обломками черепицы, посуды, небольшим колнчеством предметов нз металла (бронза н железо) и костями домашних животных. Среди архнтектурных деталей выделяются обломки фронтона и карниза [3].

Сильно размываемый морем береговой участок Калос Лимена потребует проведения в блнжайшие годы дальнейшего расследования как в южном, так и юго-восточном направлениях, до соеднненния с находящимся не-

---

[1] В раскопках Калос Лимена в 1948 г., кроме руководителя отряда М. А. Наливкиной, принимали участие работнпки Крымского фнлиала АН СССР: С. К. Себекии (чертежник и фотограф), К. А. Трапезаров (фотограф), сотрудник Евпаторнйского музея А. Г. Фомичев и иаучн. сотрудник Молдавского филнала АН СССР Г. Д. Смирнов. В работах отряда принимала участие научиый сотрудник тавро-скифской экспедиции В. А. Головкина.

[2] Раскоп А в 1948 г. ие был доведеи до материка в силу того, что открытые иа глубиие 1,50 *м* строительиые остатки нуждались в полной и всесторонией фиксации, что удалось сделать только в коице работ.

[3] Хранятся в фондах Евпаторийского музея.

подалеку участком раскопок Л. А. Моисеева 1929 г.[1]. В дальнейших исследованиях раскоп *А* необходимо довести до материка.

Раскоп Б. Начатые в 1948 г. раскопки у северной линии оборонительной стены (раскоп *Б*) были продолжены в 1950 г. В 1948 г. на данном

Рис. 7. Строительные остатки на раскопе *А*. Калос Лимен.

участке вскрыта площадь в 130 *кв. м*, при глубине 1,70—2 *м*, исследованная до материка.

Стратиграфия участка следующая: за верхним гумусовым слоем шел глинисто-зольный слой, с остатками стен жилых построек, рушеного камня и находками II—III вв. н. э. Третий, самый мощный, слой начинался на глубине 0,90 и доходил до 1,70—2 *м*. Он содержал основные строительные остатки и значительное число находок III—II вв. до н. э.

Здесь исследованы остатки большого эллинистического жилого дома (рис. 8), стены которого ориентированы по странам света. Западная стена (длина 9,29 *м*, ширина — 0,60 *м*) сохранила местами 2 ряда кладки (вы-

[1] Все переданные Л. А. Моисеевым отчетные материалы раскопок 1929 г. хранятся в фотоархиве и в рукописном архиве ЛОИИМК АН СССР и готовятся нами к изданию. Небольшая часть вещей из этих раскопок находится в Евпаторийском музее.

сота 0,60—0,70 *м*). Мелкие камни фундамента лежат на надскальной крошке. Внешняя сторона кладки сложена из больших плит (рис. 9, *а*), а внутренняя из мелкого необработанного камня, на глине. Западный вход в здание (ширина 1,30 *м*), облицованный двумя поставленными на ребро камнями, имеет порог — крупную положенную плашмя плиту. Южная стена (длина 9,50 *м*, высота 0,50 *м*, толщина 0,60 *м*) с наружной стороны, где, очевидно, проходила улица, облицована рустованным камнем (сохранилось 5 камней), напоминающим кладку херсонесских стен нижнего яруса около XV башни [1]. Восточная стена (длина 11,75 *м*, толщина 0,60 *м*) ориентирована с юга на север и имеет тот же характер, что и западная. Кроме трех основных стен дома, выявлены и кладки внутренних стен, делящих его на 5 помещений, соединявшихся входами. Исследование этих помещений начато в 1948 г. и продолжено в 1950 г. Дом, таким образом, имел пять помещений и выходил южным фасадом, видимо, на улицу. Западная и восточная стены своими северными концами упирались, повидимому, в оборонительную стену города, наличие которой в данном месте согласуется с конфигурацией местности. Не исключена возможность, что оборонительная стена служила одновременно и северной стеной дома. Место выбранной кладки стены легко прослеживается по мягкому перекопанному грунту, доходящему до материка. Кладки фундаментов стены, очевидно, покоились на скале.

К северу от предполагаемого местоположения оборонительной стены Калос Лимена, относящейся, судя по раскопкам 1929 и 1933 гг., к III—II вв. до н. э. [2], выявлены остатки позднейшей городской стены, сложенной из мелких рваных камней; возможно, здесь находилась стена города первых веков нашей эры. К этому же времени относятся и обнаруженные на раскопе *Б*, во втором слое, обрывки и развалы стен жилых домов, имеющие иную ориентацию, чем стены нижнего слоя (рис. 8). Связанные со вторым слоем и верхними кладками находки керамики (обломки амфор, краснолаковой посуды и лепной посуды) относятся ко II—III вв. н. э. Характерно, что находок I в. до н. э. и I в. н. э. почти не встречено.

В некоторых помещениях эллинистического дома при его исследовании в 1950 г. выявлен ряд интересных деталей его устройства и сделаны находки, заслуживающие особого внимания.

Так, например, в северо-восточном помещении дома открыт каменный пол из больших, хорошо пригнанных плит. В юго-восточном углу находилось круглое углубление (очаг?), выложенное камнем. На полу найден обломок каменного обрамления окна. Восемь обломков от обрамлений окон были обнаружены при раскопках соседних помещений в 1948 г. (рис. 10). Раскопки показали, что глинобитные полы остальных помещений дома лежали на материковой крошке.

---

[1] К. Э. Гриневич, Стены Херсонеса Таврического, ХС. в. II, С., 1927, стр. 22, рис. 17.

[2] П. Н. Шульц, Евпаторийский район, Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг., стр. 270.

Из находок в помещениях дома следует отметить ступу и жернов (рис. 9, *б*), обломки зернотерок, пряслица для веретен, светильник

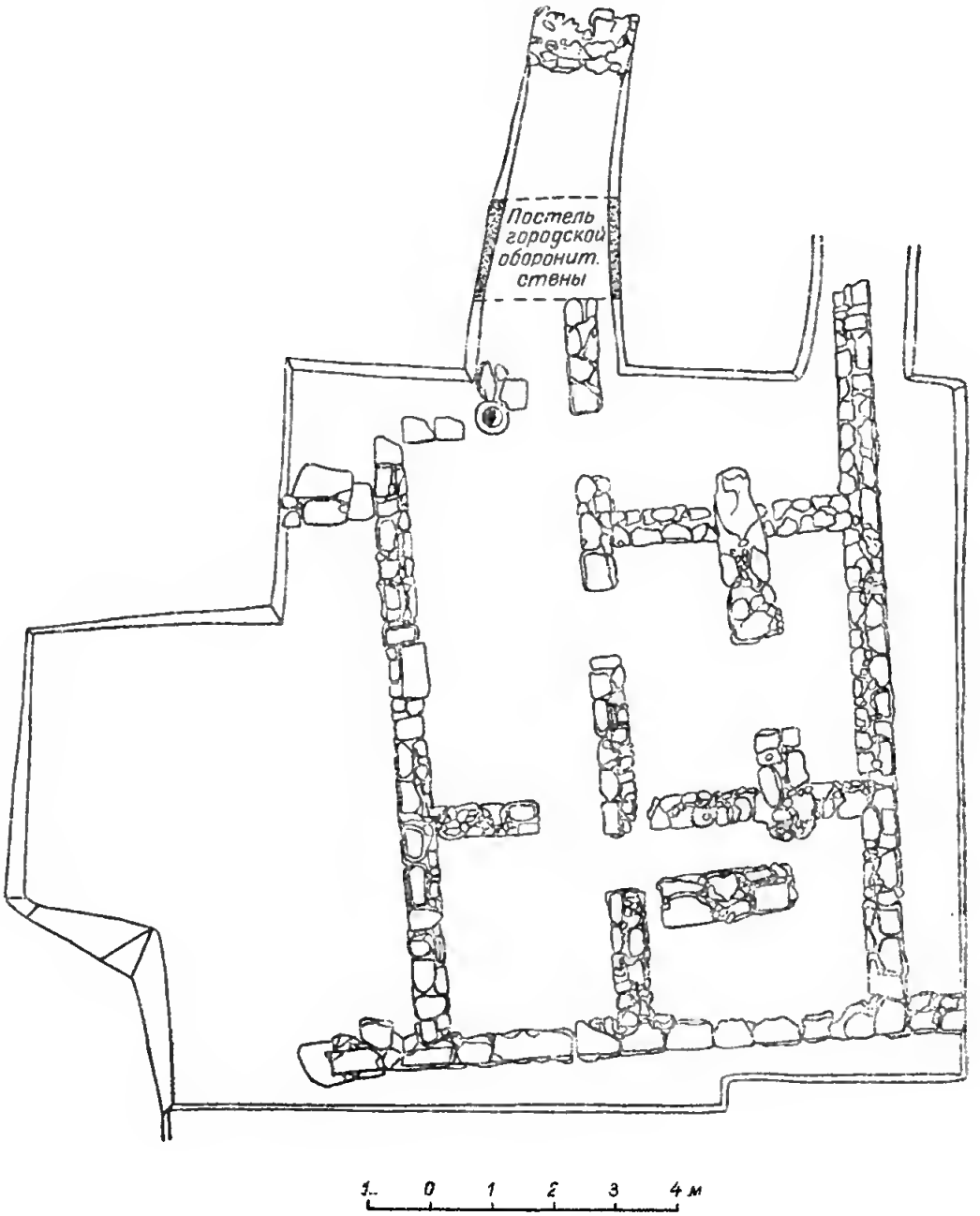


Рис. 8. План раскопа *Б* на Черноморском городище

(рис. 11, *а*), обломки черепиц, чернолаковой, сероглиняной, красноглиняной и лепной керамики.

За пределами южной стены дома найден обломок черепицы с энгли-

фическим негативиым клеймом: имя Γίγωνος[1]. Такого клейма ии в херсоиесской, ии в боспорской керамической эпиграфике пока не обиаружеио. Это обстоятельство придает даниому клейму особый иитерес; глииа близка к боспорской.

Среди иаходок встречено несколько обломков ручек амфор с клеймами Херсоиеса, Родоса, Фасоса и других, датируемых III—II вв. до н. э. На херсоиесских клеймах представлеиы имена следующих астиномов:

1) ΑΠΟΛΛΑ
(им. падеж Ἀπολλᾶς
[ΑΣΤΥ]ΝΟΜΟΥ

2) [ΙΣΤΡΩ]ΝΟΣ
(им. падеж Ἴστρων)
[ΑΣΤΥ]ΝΟΜΟΥ

3) ΒΑΘΥΛΛ[ΟΥ]
(им. падеж Βάθυλλος)
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ (рис. 11, б)[2].

Одио из родосских клейм с именем ΜΙΔΑ (родительиый падеж имени Μίδας), с керикейоиом и с виноградной гроздью имеет аналогии в иаходках Херсоиеса[3] и Керчи, а также и Александрии[4]. То же можно сказать и о другом родосском клейме с имеием ΔΡΑΚΟΤΙΔΑ (родительный падеж имени Δρακοντίδας)[5], найдеином вместе с предыдущим в помещеиии эллиинистического дома Калос Лимена. На фасосском клейме из Калос Лимеиа имеется изображеиие амфоры[6].

Из находок в двух помещеииях дома иадо особо отметить терракоты: Афродиту в раковине, мужскую маску и женскую терракотовую головку с высокой прической (рис. 12, *а, б, в*)[7]. По стилистическим призиакам, терракота, изображающая Афродиту, близка иайденным на Боспоре[8]. Две дру-

---

[1] Повидимому, родительиый падеж имеии Γιγών ср. W. Pape, G. Benseter, Wortrbuch d. griechischen Eigennamen, ч. I, стр. 249. Несколько иной оттенок глиины обломка даиной черепицы по сравиению с боспорской, а также техиика иаложения вдавленного клейма ие исключают и гераклейское ее происхождеиие.

[2] И. Махов, Амфориые ручки Херсоиеса Таврического с имеиами астиномов, ИТУАК, в. 48, стр. 161, 164 и 169; Е. М. Придик, Иивеитариый каталог клейм на амфориых ручках, горлышках и иа черепицах Эрмитажиого собраиия, II, 1917, стр. 139, № 16; Г. Д. Белов, Раскопки в Херсоиесе в 1934 г., 1936 г., стр. 10; о и ж е, Отчет о раскопках Херсоиеса за 1935—1936 гг., 1938, стр. 206 и 224. Известио, что клейма херсоиесского астиома Истроиа были обиаружеиы в большом количестве (28) в 1900 г. в Херсоиесе при исследоваиии самой большой обжигательиой печи, ОАК, 1900, стр. 21.

[3] Е. М. Придик, ук. соч., табл. 1, рис. 23.

[4] E. Breccia, Bulletin de la societé d'Alexandrie, № 9, 1907. стр. 80. (Описаиие см. стр. 83, № 36). Автор статьи сомиевается в родосском происхождении клейма.

[5] Е. М. Придик, ук. соч., стр. 25, № 601; ОАК, 1866, стр. 135, № 31 (ΔΡΑΚΟΝΤΙΔΑ). Не есть ли иачертаиие имеии ΔΡΑΚΟΤΙΔΑ иа клейме из Калос Лимеиа, а ие ΔΡΑΚΟΝΤΙΔΑ, как иа всех привлекаемых аиалогиях, ошибкой мастера, вырезавшего матрицу для клейма?

[6] Е. М. Придик, ук. соч., табл. III, *20*.

[7] М. А. Наливкина, Раскопки Керкииитиды и Калос Лимеиа в 1950 г., КСИИМК, в. XLV, стр. 117, рис. 53.

[8] МИА, № 4, стр. 32, рис. 35; МИА, № 25, стр. 338, рис. 11, *4*.

а

б

Рис. 9.

а — остатки помещений дома III—II вв. до н. э. на раскопе *Б*; *б* — каменная ступа из помещения того же дома. Калос Лимен

гие терракоты близки херсонесским [1] и относятся, как и прочие находки в помещениях, к III—II вв. до н. э.

На остатках эллинистического дома в юго-восточной части раскопа *Б*, во втором слое на насыпи открыты небольшие обрывки стен, относящиеся ко времени первых веков н. э., ориентация которых, как уже говорилось, не совпадает с кладками стен нижнего слоя (рис. 8). Находки второго слоя относятся ко II—III вв. н. э. Это обломки краснолаковых тарелок тусклого лака, по большей части настолько невыразительные, что уловить и восстановить форму сосудов трудно. В находках второго слоя лепная керамика попадалась в большем количестве, чем в предшествующем, нижнем.

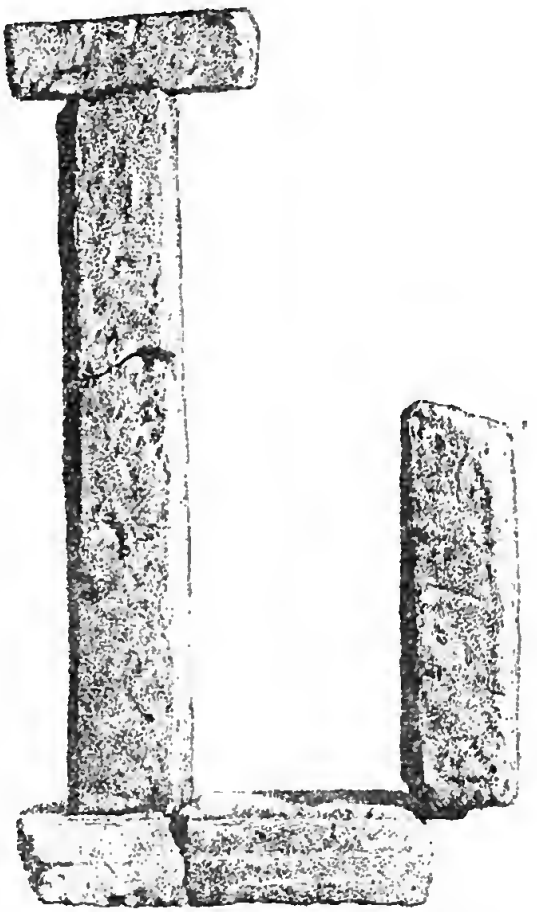


Рис. 10. Каменное обрамление окна из помещений дома III—II вв. до н. э. Калос Лимена (реконструкция).

Из костных остатков обоих раскопов 1948 и 1950 гг. следует отметить кости быка, овцы, домашней лошади и собаки [2].

В заложенном на городище в 1950 г. небольшом разведочном раскопе *В* (в 20 *м* на СВ от раскопа *Б*) прослежены строительные остатки трех периодов (рис. 13). В верхнем слое на глубине 0,30 *м* открыта часть стены средневекового времени, сопровождавшаяся находками керамики салтово-маяцкого типа (VIII—X вв.). В культурном слое первых веков нашей эры, сильно перекопанном, сохранились остатки кладок из рваных камней, возможно принадлежавших городской стене, отмеченной работами 1948 г. на раскопе *Б*. На глубине 1,70 *м* расчищены поставленные на ребро камни, расположенные под прямым углом, часть камней с рустом; судя по найденным здесь обломкам черепицы (одна с неясным клеймом), сооружение это относится к III в. до н. э.

В раскопе *В* впервые удалось обнаружить на городище остатки средневековых сооружений, здесь довольно четко определилась северо-восточная

---

[1] Г. Д. Белов, Терракоты Херсонеса из раскопок 1908—1914 гг., ХС, в. III, 1931, стр. 219, рис. 1, *4* и стр. 220, рис. 2, *2*.

[2] Определение обнаруженных на городище остеологических остатков производил В. Е. Гарутт в палеонтологической лаборатории Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова.

граница Калос Лимена. За пределами раскопа *В* к востоку, повидимому, ни в античное, ни в средневековое время городских построек не было. Раскопки в этом участке следует продолжить в западном направлении, до соединения его с раскопом *Б*.

а

б

Рис. 11. Находки из помещений дома III—II вв. до и. э. Калос Лимена:
а — глиняный светильник III в. до н. э.; *б* — обломок ручки херсонесской амфоры с клеймом.

Таким образом, благодаря раскопкам 1948 и 1950 гг. Калос Лимена и особенно раскопкам Керкинитиды в 1950—1952 гг., проведенным на сравнительно небольших площадях на городище и за его пределами, получены существенные научные результаты: подтвердилось местонахождение этих мало изученных городов и выяснился интересный факт заселения площади, на которой возникла Керкинитида, еще до основания города, определилось и время основания этого города в конце VI — начале V вв. до н. э.

Рис. 12. Терракоты из Калос Лимена:
а — женская головка; *б* — обломок маски;
в — Афродита в раковине.

Находки лепной лощеной керамики с орнаментом из врезанных линий, заполненных пастой, обнаруженные в 1952 г. в слое песка, подстилавшем пол здания Керкинитиды рубежа VI—V вв. до н. э., свидетельствуют о том, что на месте города до его основания жизнь уже была, найденная керамика явно предшествовала постройке здания, что уточняет и ее датировку. Следует отметить, что подобная керамика (лощеная, с резным орна-

Рис. 13. Строительные остатки нижиего слоя раскопа *В* иа Черноморском городище (Калос Лимеи).

ментом, иногда инкрустнрованным белой пастой) все чаще и чаще встречается при раскопках ранних слоев на местах многих античных городов Крыма [1] и относится исследователями к позднему этапу кизил-кобинской культуры [2]. Этническая принадлежность этой керамикн пока еще не определена. Обычно ее связывают с ранними таврамн [3].

Строительные остатки античного периода двух изучаемых городов, особенно хорошо сохранившиеся в Керкинитиде, свидетельствуют об ннтен-

[1] МИА, № 4, стр. 40, рис. 53; стр. 129, рис. 29, *а*, *б*; «Археология и история Боспора», Сборник Керченского ист.-арх. музея, С., 1952, стр. 78, рис. 3.

[2] П. Н. Шульц, О роли местиых племен и иародностей в истории древиего Крыма, Тезисы доклада на майской сессии по истории Крыма, С., 1952, стр. 6.

[3] П. Н. Шульц, ук. соч., стр. 3.

сивном стронтельстве в этих городах в конце IV н III вв. до н. э. От этого времени дошло до нас н большое колнчество керамикн, свндетельствующей о связи обоих городов в период наивысшего нх расцвета с другими центрами античного мнра (Херсонесом, Гераклеей, Родосом, Фасосом н др.).

Необходнмость организацин более шнроких археологическнх раскопок, в первую очередь Керкинтиды, находящейся под угрозой застройки, а также н Калос Лнмена, полностью доступного для нсследований, не вызывает сомнений.

Работы Евпаторнйского отряда в 1948 н в 1950 гг. не ограннчнвались только исследованнем указанных городов. Как уже отмечалось выше, Г. Д. Смнрнов раскопал скифскнй курган близ Черноморского городища[1].

В задачу отряда входнли также археологические разведки на территорнн от устья р. Альмы до Донузлавского озера и от с. Оленьевки (б. Караджа) по северо-западному побережью Крыма до Перекопа. В результате этого обследования добыт материал, уточняющнй расположенне некоторых древнних поселений н укрепленных пунктов на западном н северо-западном побережье Крыма. Результаты разведок послужат основой для органнзацни необходнмых углубленных исследований нанболее значительных древнних поселенний этого района. Это позволнт составнть отсутствующую до сего временн археологнческую карту северо-западного Крыма.

[1] ВДИ, № 4, 1952, стр. 187 сл.

И. И. Бабков

К ВОПРОСУ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ АСАНДРОВА ВАЛА

В литературе по истории и археологии Крыма до сих пор еще фигурируют своеобразные легенды, сообщающие неправильные, подчас даже фантастические сведения о тех или иных исторических местах и памятниках[1]. Так, по нашему мнению, с Ак-Монайским перешейком Керченского полуострова связана одна из таких легенд, а именно — утверждение ряда авторов, начиная с конца XVIII в., о том, что здесь находится «Асандров вал», о котором упоминает Страбон и на которого эти авторы обычно ссылаются. Страбон[2] со слов Ипсикрата передает, что Асандр для защиты от нападения воинственных местных племен отгородил стеною перешеек Херсонеса у Меотиды длиною в 360 стадий и поставил по 10 башен на каждом стадии[3].

Для решения этого вопроса мы попытались выяснить на месте, есть ли вблизи Феодосии, между нею и с. Рыбацким (б. Арабатом), или вообще на Ак-Монайском перешейке следы древнего вала и рва.

О рвах и валах Керченского полуострова имеется несколько сводных работ, на разборе которых мы сначала и остановимся.

В 1941 г. была опубликована большая работа Р. В. Шмидт о валах Боспора[4]. Автор выделяет на Керченском полуострове три древних вала: Керченский, проходящий вблизи г. Керчи от Золотого кургана до Азовского моря; Аккосов вал, проходящий от д. Новоотрадное (б. Аджибай) у Азовского моря до Узунларского озера; Асандров вал, местоположение которого указывается по данным различных авторов. Р. В. Шмидт помещает этот Асандров вал на карте, приложенной к ее статье, между с. Рыбацким (б. Арабатом) и Феодосией, а в тексте, основываясь на литературных источниках, пишет: «вопрос о том, где проходила Асандрова стена, ос-

[1] Об этом нам пришлось уже говорить в одной из статей (И. И. Бабков, Очерки по исторической и культурной географии Крыма, Изв. Гос. Геогр. об-ва, 1939, № 9, стр. 1383—1385).

[2] Strabo, VII, 4, 6.

[3] 1 стадий равен около 200 м.

[4] Р. В. Шмидт, К исследованию Боспорских оборонительных валов, СА, VII, 1941, стр. 268 сл.

тается впредь до проведения систематических археологических рассследований ввиду неясности свндетельства Страбона—Гипсикрата, о т к р ы т ы м»[1] (разрядка везде наша. — *И. Б.*) и далее: «остается не исключенным п р е д п о л о ж е н и е, что Асандр соорудил оборонительные стены... от Феодосии к Азовскому морю у Арабатской стрелки»; в другом месте Р. В. Шмидт пишет: «стена Асандра, проходящая, п о в и д и м о м у, за Феодосией, мимо б. ст. Шибан к Азовскому морю и Арабатской стрелке»[2]. В связи с этим Р. В. Шмндт изображает на карте 1-й и 2-й вал сплошными линиями, а «вал Асандра» — прерывистыми и ставит знак вопроса.

Надо заметить, что Р. В. Шмидт считала расположение «стены Асандра» у Перекопа нанболее соответствующим свидетельству Страбона. Работа Р. В. Шмидт, следовательно, не устанавливает точного местонахождения Асандрова вала.

В 1947 г. В. Д. Блаватский[3] в статье по античной фортификации в Северном Причерноморье также затронул вопрос об Асандровом вале. Следуя Р. В. Шмндт, В. Д. Блаватскнй отмечает налнчие трех оборонительных линий на Керченском полуострове, он пишет: «...имеются еще данные о существовании третьей оборонительной лннии, проходившей от Феодосии к Арабатской косе. До сих пор эта линия остается н е д о с т а т о ч н о о б с л е д о в а н н о й... где проходила эта линия (сооруженная Асандром. — *И. Б.*), в точности н е и з в е с т н о». К этому утверждению мы полностью присоединяемся.

В 1948 г. вопрос об Асандровом вале вновь поднимался в статье К. Э. Гриневича, в которой автор предполагает наличие на Керченском полуострове пятн валов и вал, проходящий от Феодосии до Арабатской стрелки, считает пятым. «...этот пятый вал, — говорит он, — к сожалению, никем и никогда не подвергался раскопкам. Мы судим о нем исключительно на основании свидетельств старинных путешественников: Палласа, Кларка, Муравьева-Апостола, Дюбуа де Монпере и др... сведения о нём настолько неясны, что до проведения исследования этого вала на месте лучше не называть его «Асандровым»[4].

Общий вывод, который мы можем сделать на основании приведенных высказываний, ясен: Асандрова вала никто из современных исследователей не видел. Суждения о нём основываются только на свидетельствах упомянутых выше путешественников. Рассмотрим эти свидетельства.

Нанболее подробным является сообщение Палласа, но оно вызывает ряд вопросов. Во-первых, неясно направление линии вала. Паллас пишет[5], что «линия эта тянется на север до Азовского моря»... «н простирается на восток и на запад», при этом он отмечает: «говорят». Затем он пишет: «ка-

---

[1] Р. В. Ш м и д т, К исследованию Боспорских обороиительиых валов, СА, VII, 1941, стр. 276.

[2] Р. В. Ш м и д т, ук. соч., стр. 277—278.

[3] В. Д. Б л а в а т с к и й, Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье, Учеиые записки МГУ, 1950, стр. 143 сл.

[4] К. Э. Г р и и е в и ч, Оборона Боспора киммерийского на основаии археологического материала. Ученые записки Томского госуниверситета, 1947, № 7, стр. 61.

[5] P a l l a s P. S., Bemerkungen auf einer Reise.., т. II, 1801, стр. 276 сл.

жется она поворачивает более к югу, к Феодосийской бухте». Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что Паллас видел участок Парпачского гребня, идущий в этом месте — вблизи деревень Холмогорка (Шибан) и Ячменная (Парпач) — почти с запада на восток. Об остальном он пишет на основе расспросов. Будучи одним из замечательных по точности и правдивости исследователей конца XVIII в., Паллас по поводу местностей и памятников, которые он лично не наблюдал, делает оговорки «кажется», «вероятно», и «по собранным мною сведениям», «говорят» и т. д.

Из текста Палласа ясно лишь одно, что «древняя Асандрова стена» идет ломаной линией сначала от Азовского моря к югу через Птичную (Корпечь) и Ячменную (Парпач), потом по Парпачскому гребню на запад до Холмогорки (Шибан) и отсюда уже к юго-западу через низину — болото Тюреке на Береговое и Знаменку (Аджигал) к Феодосии.

Неясна ссылка Палласа на Страбона. При сопоставлении с упомянутым отрывком всего текста Страбона, где дается общее описание Херсонеса (т. е. Таврического полуострова), нам представляется возможным предположение, высказанное К. Габлицем, что здесь идет речь о Перекопском перешейке, где К. Габлиц [1] и помещает «стену Асандра». Этот автор, упоминая Старый Крым, пишет: «также видны еще и следы вала и рва, который у п о в а т е л ь н о есть тот самый, о котором пишет Иродот, что сделан был скифскими рабами во время отсутствия господ их, ушедших в Азию... ибо он находится на том самом месте, которое ему сей писатель определяет, имея продолжение свое от Таврических гор до Меотического озера» [2].

В 1803 г. по Крыму путешествовал шпион Наполеона I Рейли. Он вошел в доверие к Палласу (мать Палласа была француженкой) и получил от него лично им составленный путеводитель о примечательных местах в Крыму. В описании своего путешествия Рейли приводит этот путеводитель полностью. В нем имеется запись: «Почтовая дорога из Каффы (т. е. Феодосии. — *И. Б.*) до Керчи замечательна только древней линией Акос, которая была вероятно крайним пределом Боспорского государства» [3].

Все это позволяет утверждать, что тексты Палласа не дают поводов говорить о наличии в районе Ак-Монайского перешейка рва и вала, тем более идущего от Азовского моря к Черному.

На карте, приложенной к сочинению Палласа, указан только один ров и вал, а именно — проходящий около д. Аккоз. Паллас, тем не менее, был первым автором, связавшим Асандров вал с окрестностями Феодосии. Последующие путешественники использовали его утверждение.

Из других путешественников времен Палласа следует упомянуть Ж. Ромма [4], который писал о рвах и валах Керченского полуострова. Он

---

[1] К. Г а б л и ц, Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, 1803, стр. 38 сл. Мнение К. Габлица за последнее время поддержано Н. И. Сокольским (Военное дело Боспора, Автореф. канд. дисс., М., 1954, стр. 15).

[2] К. Г а б л и ц, ук. соч., стр. 39.

[3] J. R e u i l l y. Voyage en Crimée..., 1806, стр. 239. Перевод наш.

[4] Ж. Р о м м, Путешествие в Крым в 1786 году, 1941, стр. 54.

нигде не говорит о «вале Асандрове», но, упоминая об овраге, идущем от Сиваша к Феодосийским горам, высказывает догадку, что последний служит границей между херсонесцами и Боспорским царством [1].

П. Сумароков на своей карте помещает на Керченском полуострове оба вала, а в тексте пишет следующее: «начинающийся отсюда (от с. Рыбацкое, б. Арабата. — *И. Б.)* вал продолжался по перешейку Керченского полуострова. Кажется, что этот вал есть описываемая Гипсикратом Касандрова (sic!) стена, хотя многие полагают ее у Перекопа; ибо он довольно внятно о том изъясняется, говоря, что эта стена была при самом узком месте полуострова. Следовательно Керченского к Босфору» [2].

Сумароков ссылается при этом на Формалеони, который писал, что Асандр провел по всему Перекопскому перешейку большую стену на 60 стадий или 12 верст [3]. Далее Сумароков говорит о рве и вале, идущих от оз. Кояш, и считает его границей боспорских владений [4].

В другом своем произведении Сумароков пишет о двух валах: одном, проходящем вблизи с. Султановка, и другом, окружавшем Арабатскую крепость и вдающемся в Сиваш «по воде версты на полторы» [5].

Из приведенных выписок видно, что Сумароков «вала Асандра» не наблюдал, а поместил его на карту по неясной догадке.

Упоминает об Асандровом вале И. А. Ашик: «Есть еще знаменитый вал, называемый Асандровым: следы его видны близ дер. Шибаи (Холмогорка. — *И. Б.*), он простирается от Арабата до гор Феодосийских к западу и отделяет Керченский полуостров от Крыма» [6].

Перед этим Ашик говорит о трех валах Керченского полуострова. Первый идет к северу от Золотого кургана до Азовского моря, второй — от Азовского моря до соленого озера Акташ-Алчин (Узунларского. — *И. Б.*), третий вал — тот, о котором говорится в приведенной выписке. Очевидно, что Ашик пишет о «вале Асандра», основываясь на словах Палласа.

Интересно сопоставить с этими самыми ранними высказываниями свидетельство А. Фабра [7]. Последний пишет: «Приближаясь (от Феодосии. — *И. Б.)* к находящимся в этой местности по Керченскому почтовому тракту татарскому селению и почтовой станции Парпач [8], зрение обнимает впереди обширную равнину, склоняющуюся от дороги влево, через которую идет след древнего земляного вала. Начинаясь в отдаленности от почтового тракта, у двух древних колодцев, след этот, проходя между деревнями Кой-Гассаи [9] и Хирсиз-Шибан [10], постепенно сближается с дорогою до самого

---

[1] Здесь в рукописи имеется пропуск и перевод К. И. Радкевич в этом месте не ясен. Не следует ли вместо «оврага» читать «ров».

[2] П. Сумароков, Досуги крымского судьи, 1810, стр. 171 сл.

[3] П. Сумароков, Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г., 1800.

[4] П. Сумароков. ук. соч., стр. 102.

[5] Там же, стр. 170

[6] А. Ашик, Боспорское царство, ч. 1, 1848, стр. 25.

[7] А. Фабр, Достопамятнейшие древности Крыма, Одесса, 1859, стр. 60 сл.

[8] Село Ячменное, Кировского района.

[9] Село Фронтовое, Кировского района.

[10] Село Холмогорки, Кировского района.

Парпача. Здесь, переходя почтовую дорогу и постепенно уклоняясь от него влево, вал доходит до 4-х древних колодцев с небольшим продолжением за оные, и тут, между почтовой дорогой и татарским селением Минарели-Шибан [1], исчезает. Не заметно, чтобы он примыкал где-либо к Азовскому или Черному морю, для чего нужно было бы ему сделать поворот в одну или другую сторону, ибо направление его не в поперек, а вдоль перешейка, но не менее того вал этот, с видимым соображением, примкнут к глубоким оврагам и низменностям, в соединении с которыми мог составлять в свое время надежную оборонительную линию между Черным и Азовским морями. Паллас принимает эту черту за остаток стены Асандровой, той самой, которую Габлиц полагает в Перекопе» [2].

Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что А. Фабр говорит о Парпачском гребне. За Асандров вал принимали часть Парпачского гребня — естественной гряды и другие путешественники, в частности и Паллас. Остальное продолжение «вала» указывалось «по соображению», а не по натуре.

Р. В. Шмидт и К. Э. Гриневич приводят без достаточных к этому оснований свидетельство И. М. Муравьева-Апостола [3] о вале и рве, которые находятся «верстах в четырех не доезжая станции Аккоз». А это как раз тот ров и вал, которые нам известны под именем второго или Аккосова вала. Правда, дальнейшие его рассуждения, что вал и ров продолжались до гор, и приложенная карта [4], заставили Р. В. Шмидт сомневаться, не имелась ли в виду какая-то другая деревня Аккоз, а не та, вблизи которой проходил Аккосов вал. Для решения этого вопроса достаточно было бы посмотреть на карту. Но Р. В. Шмидт, к сожалению, не пользовалась точными топографическими картами, как документами, равноценными литературным источникам [5].

Е. Д. Кларк говорит о трех валах и определяет положение третьего вала так: ... «Во время последнего перегона от Керчи до Кафы мы перешли третий, так сказать внешний вал, или границу боспорцев» [6]... Этот «последний перегон» — перегон от Холмогорки (Шибана) до Феодосии. В данном случае опять речь идет о Парпачском гребне. Из текста видно, что сам Кларк не решался отождествлять этот вал с валом Асандра. Он говорит: «расстояние от Азовского моря не так велико, но косое направление вала делает его длину равной той, какую дал Страбон» [7]. Кстати добавим, что Кларк на своей карте не доводит этот вал до Азовского моря.

---

[1] Село Ерофеево, Ленинского района.

[2] А. Фабр, ук. соч., стр. 60 сл.

[3] Муравьев-Апостол, Путешествие по Тавриде в 1820 г., СПб., 1823, стр. 256.

[4] Имеется два ее вариаита.

[5] См., например, замечание Р. В. Шмидт о наличии «у Перекопа какого-то (?! — *И. Б.*) рва и вала, идущих от Черного моря к Сивашу на протяжении более чем на 6 верст» (ук. соч., стр. 277).

[6] E. D. Clarke, Travels..., t. I, 1810, стр. 436, 442.

[7] Там же, стр. 442.

Дюбуа, так же как и Муравьев-Апостол, пишет о 2-ом вале, или «Аккоском», и локализует его в «осьмнадцати верстах от Аргина» [1] (по направлению к Керчи) [2], поэтому нет никакой надобности привлекать его свидетельство.

Ряд высказываний о «вале Асандра» других авторов (Ф. Вигель, Н. Головкинский и др.) повторяет мнение вышеприведенных путешественников и никакой помощи в решении вопроса о местонахождении вала оказать нам не могут.

Следующим видом документов, которые могли бы помочь в локализации вала Асандра, являются географические карты. Древний вал и ров должен был получить то или иное отражение на точных топографических картах. Между тем, на самых лучших, тщательно составленных и очень подробных картах (например, масштаба 1 : 42 000) нанесены первый и второй вал, а в районе Ак-Моная на этих картах нет никакого намека на вал и ров, перегораживающие перешеек.

На картах имеется небольшой вал у Арабатской крепости и следы рва и вала вблизи г. Старый Крым (последний был обследован нами в 1948 г.) [3].

Наглядным доказательством того, что утверждение о существовании на Ак-Монайском перешейке древних рвов и валов — плод фантазии, служит составленная нами карта, где сведены многочисленные варианты воображаемых «рвов и валов» (рис. 1). Сравнение карт с текстом показывает, что тексты авторов и карты к ним расходятся. Причина понятна. М. И. Ростовцев справедливо подчеркивает, что пограничные валы, отделявшие и защищавшие в древности территории Боспора на Керченском полуострове, «...никогда не были предметом точной съемки и специального изучения» [4]. Частично обследован лишь 2-й вал, но материалы до сих пор не опубликованы.

Наконец, последним и наиболее убедительным доводом в пользу отсутствия вала Асандра на Ак-Монайском перешейке являются результаты обследования местности. Нами в 1949 и 1952 гг. были проведены по всему пространству, границы которого указаны выше, многочисленные маршрутные обследования [5].

Неоднократные пересечения местности к югу от Арабатской крепости с востока на запад и в обратном направлении окончательно убедили нас в том, что здесь нет никакой древней оборонительной, пограничной линии, идущей от Азовского моря к Черному, подобной так называемому Аккосову валу (Аксак-Темир-Индек), идущему от Азовского моря к Узунларскому озеру.

---

[1] Село Романово, Ленинского района.

[2] Dubois de Montpereux, Voyage autour du Caucasê. ., т. V, 1848, стр. 239 сл.

[3] И. И. Бабков, Отчет об обследовании стен и рва Старого Крыма в 1948 г. Хранится в архиве КФ АН УССР.

[4] М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 150.

[5] Отчеты о проведенных обследованиях за 1949 и 1952 гг. хранятся в архиве КФ АН УССР.

Второй район, который мы прошли, — это район Ак-Монайского перешейка, т. е. самого узкого места Керченского полуострова к югу от с. Рыбацкого (Арабата).

Ориентируясь на указания Палласа и руководствуясь географической картой, мы проделали маршрут по следующему направленню: ж.-д. станцня Петрово (б. Ак-Монай), с. Ячменное (Парпач), с. Холмогорки (Хнрсиз-

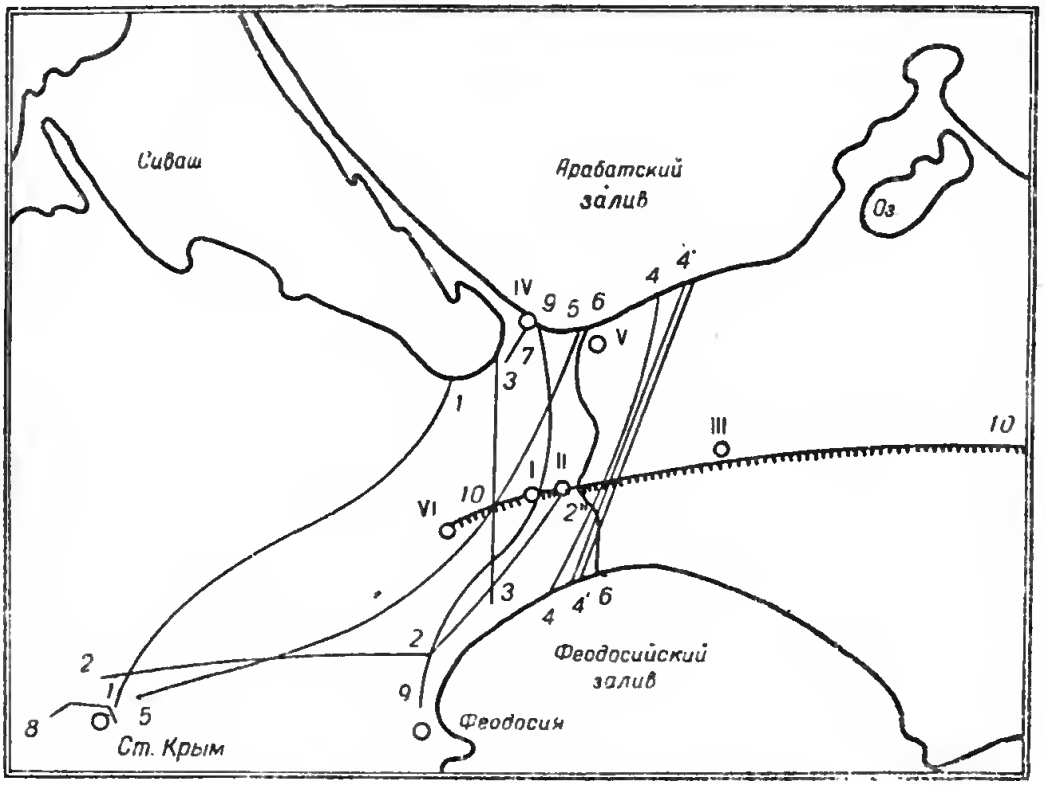


Рис. 1. Локализация Асандрова вала различными исследователями:

I — Фронтовое (б. Кой-Асаи); *II* — Холмогорки (б. Шибви, Хирсиз-Шибан); *III* — Ерофеево (б. Миврели — Шибаи; *IV* — Рыбацкое (б. Арабвт); *V* — Каменское (б. Ак-Монай); *VI* — Владиславовка; *1—1* — «Боспорская канава» по Сестренцевпчу-Богушу и «Вал, сделанный скифскими рабами» по К. Габлицу; *2—2* —«Вал Асандра» по Кларку; *2′—2″* — «Виешиий вал» по Кларку; *3—3*—«Вал» по Сумарокову; *4—4*— «Асвндрово укреплеиие» по Муравьеву-Апостолу; *4′—4′*— «Ров» по Мурввьеву-Апостолу; *5—5* — «Земляной вал» Асандра по Дюбуа де Моипере; *6—6* — следы поздних укреплеиий; *7* — ров и вал от Арабатской крепости к Сивашу; *8* — ров и вал около г. Старый Крым; *9—9*—«Стеив Асандра» на современных картах (Шмидт. Гайдукевич и др.); *10—10* — Парпвчскнй гребеиь.

Шибан), с. Фронтовое (Кой-Асан) и далее до ж.-д. станцин Владиславовки.

От с. Ячменного (Парпач) на запад — юго-запад тянется, как прямая линия, Парпачскнй гребень (рнс. 2). Он сложен пластами известняков, падающих в направленин на север—северо-запад, и ясно выделяется в рельефе местности. Местамн на гребне возвышаются курганы. Этот участок естественного Парпачского гребня от с. Ячменное (Парпач) до пруда у с. Фронтовое (Кой-Асан) и немного далее на запад и представляет собою ту самую

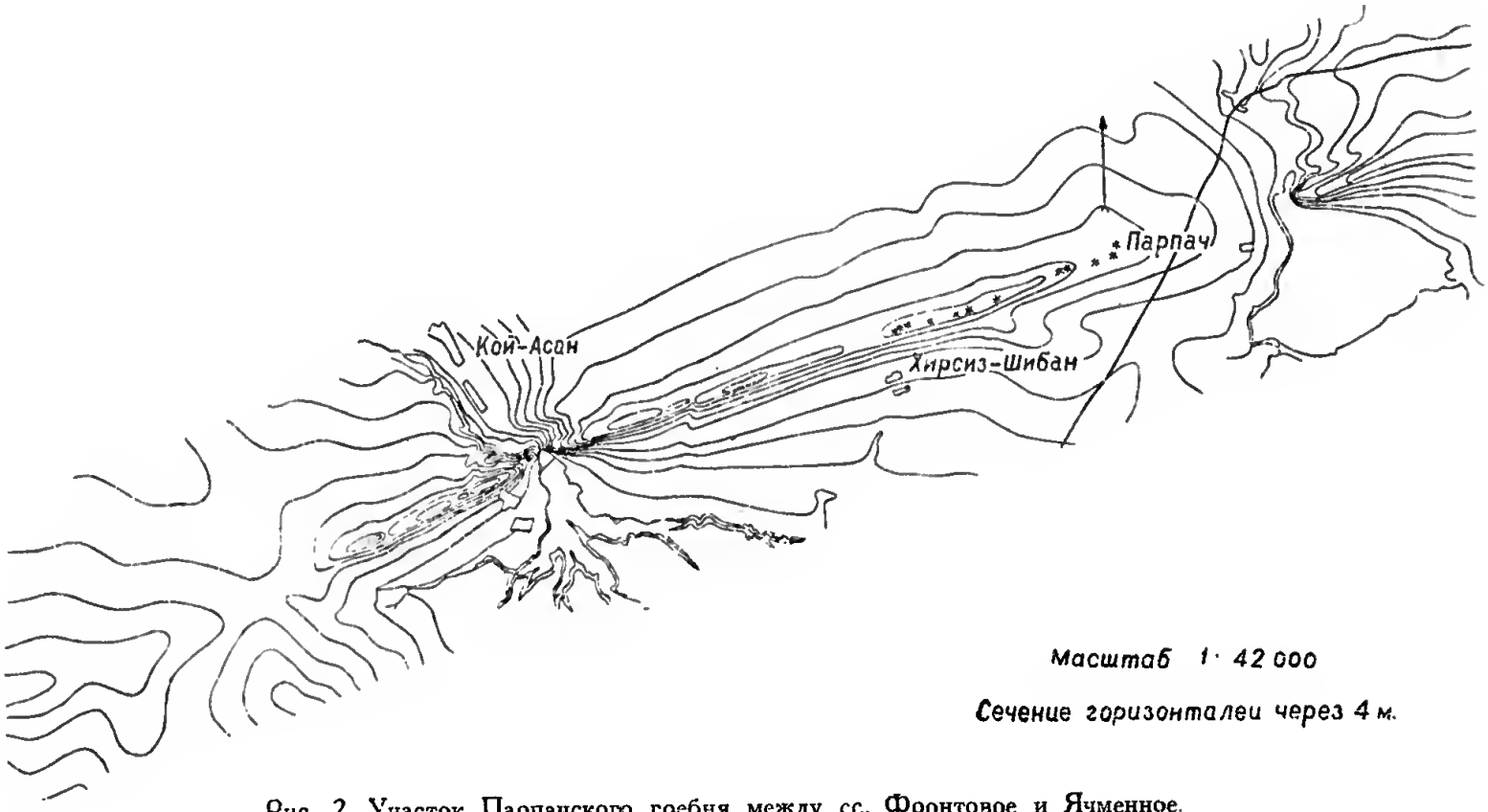


Рис. 2. Участок Парпачского гребня между сс. Фронтовое и Ячменное.

«линию развалин», о которой говорнт Паллас. Двнгаясь по линии гребня, наблюдатель имеет возможность видеть далеко по обе стороны от него окружающую местность. Это выгодное топографнчески положение гребня могло явнться причиной использования его как линии обороны н в древние времена, когда данная местность становилась ареной военных столкновений. Считаем, что этот участок подлежит дальнейшему археологическому нсследованию. Именно об этом участке писал Паллас: «говорят, что лнния эта тянется на север до Азовского моря...» и далее: «кажется она поворачивает более к югу, к Феодосии». Внимательно всматрнваясь в выходы известняков, обнажающихся почти на всем протяжении гребня, мы не заметили следов кладки. Только в одном месте, там, где у с. Холмогорки (Шибан) гребень несколько снижается и где проходит дорога, замечена в небольшой яме облицовка из тесаного камня. Очевидно, здесь был колодец. Подкупающая форма гребня, выходы голых известняковых глыб, повидимому, послужили причиной того, что Паллас принял эту часть Парпачского хребта за искусственное сооружение. Само направление хребта, однако, не совпадает с задачей обороны Боспорских владеннй. Для этого следовало бы перегородить полуостров с юга на север, а данный участок хребта тянется почтн с востока на запад.

Западнее пруда у с. Фронтовое (б. Кой-Асан) гребень тянется еще на 1 *км* и затем постепенно снижается и исчезает. Дальше местность становится почти ровной, продолжение гребня улавливается по легкому повышенню, на котором выделяется цепь курганов. Гребень несколько повышается у северного берега оз. Ачн, вблнзи Владиславовки. У самой станции он обрывается крутым, как бы обрубленным концом. Далее на запад местность совершенно ровная.

Паллас отметил, что древннй вал идет к болоту Тюреке. Для проверки этого нами был осмотрен данный участок. Мы прошлн от Феодосии, мимо станцни Айвазовская (б. Сарыголь), с. Берегового (б. Коронель) и с. Дальнне Камыши к северу, вокруг болота Тюреке. На месте, где Паллас отметнл болото, сейчас располагается обширная низина-котловина, частично заросшая камышом, частично распаханная, южные склоны ее пологие, северные крутые, местами образуют уступы. И здесь нами не было обнаружено ннкакнх заметных следов, которые могли бы принадлежать Асандрову валу.

В результате обследования местности между Рыбацким (Арабатом) и Феодосней мы пришли к неоспоримому выводу, что в данном районе нет никаких следов древнего оборонительного вала и рва, которые поместили здесь Паллас, а за ним и другие авторы под именем вала Асандра илн стены Асандра.

Ровно ничего не дал осмотр местности между Феодосией и Владиславовкой и станцией Кировская (б. Ислам-Терек) н Старым Крымом.

В работе упомянутого выше английского путешественнпка Кларка нмеется карта, на которой вал Асандра показан идущим от г. Старый Крым на восток до г. Феодосии. Намн была осмотрена н эта местность.

Вал и ров, ограждающие г. Старый Крым со стороны степи, не продолжаются за р. Чурук-Су. Мы обошли их по всему протяженню на левом берегу речки. Хотя он плохо сохранился южнее шоссе Феодосия — Симферополь, тем не менее очевидно, что он ограждал только средневековый город. По направлению к Феодосии никаких следов вала и рва нет. Справа от шоссе пролегает хребет Узун-Сырт, который издали может показаться мощной стеной. После небольшого понижения у с. Южного (б. Султановка) эта гряда продолжается уже хребтом Тепе-оба. Не дали ли эти хребты, создающие впечатление мощных валов, повод Кларку считать их продолжением старокрымского вала?

Таким образом, и этот выдвинутый Кларком вариант локализации Асандрова вала в районе Старый Крым — Феодосия тоже является плодом догадок и предположений.

Асандров вал надо искать в другом месте. Не будучи археологом и специалистом по древним текстам, автор данной статьи позволяет себе рекомендовать искать Асандров вал на Перекопе или же отождествить его с валом, проходящим через середину Керченского полуострова, т. е. со 2-м валом (Ак-козским) [1].

Кстати, принятое в литературе наименование этого вала «Аккосовым» мы считаем неправильным. Создается впечатление, что речь идет о вале какого-то «Аккоса», особенно если тут же упоминается о вале «Асандра». Это название произошло от татарской деревни Ак-коз, около которой проходили вал и ров (Темир-Аксак-Индек трехверстной карты). Поэтому правильнее название: Ак-козский или Аккозский вал.

Отметим, что «Асандров» вал никем никогда не воспроизводился ни в рисунках, ни в фотографиях, что совершенно естественно в силу того, что на Керченском перешейке его и не было.

---

[1] Н. И. Сокольский, как уже упоминалось, считает, что при Асандре была построена большая стена или вал в районе Перекопского перешейка. Отождествление вала Асандра с «валом» у Феодосии или с Аккозским валом ему представляется неосновательным (Н. И. Сокольский, ук. соч., стр. 15). Напротив, П. Н. Шульц полагает, что местоположение вала Асандра можно связать с так называемым «вторым Аккосовым валом» (П. Н. Шульц, О комплексных историко-археологических и палеогеографических исследованиях в Северном Крыму, Изв. Крым. отд. Геогр. об-ва Союза ССР, в. 2; 1953, стр. 122).

ВОПРОСЫ РЕСТАВРАЦИИ И КОНСЕРВАЦИИ

О. И. Домбровский

О РЕСТАВРАТОРСКОЙ СЛУЖБЕ ИНКЕРМАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1950 г.

Реставраторская служба Инкермаиской археологической экспедиции делилась на две части: полевую и камеральную. Работа ее на обоих этапах была оргаинзована на базе лабораторни археологической технологии Крымского филиала АН СССР.

ПОЛЕВЫЕ РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ НА РАСКОПКАХ ЧЕРНОРЕЧЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В полевую часть реставрационных работ входила временная консервация особо ценых или сильно разрушеиных иаходок, а также отбор образцов всевозможиых остатков истлевших материалов для химического, ботаико-анатомического и другнх вндов анализов.

Раскопки Чернореченского могильиика дали обнльный н разнообразный археологическнй материал. Это обстоятельство исключало применение стандартных приемов в обработке иаходок и требовало во многих случаях особых и специальных методов работы над каждой вещью. Суммируя опыт полевой реставраторской службы, мы даем общую характеристику произведеиных операций по каждому из видов нзделий, обрабатывавшихся в полевых условиях.

Керамика. Керамические изделия в большинстве случаев былн хорошего обжига н нормального состава керамического теста. Немногие образцы «слабой» керамики, преимущественно лепиой, сильно пропитаиной растворимыми солями почвы и, вследствие кристаллизации последиих, расслаивавшейся, потребовалн особо тщательного предохранения от резкого пересыхания, которое привело бы к полному разрушению материала. Оно достигалось длительным (в течение всего времеии, пока производилась зачистка костяка) увлажиением предметов при помощи примочек из ваты, пропитанных клеевой водой с примесью 5%-ного раствора глицерина в спирту и

небольшой долн тимола в качестве антисептика. Добавленне глицернна, как нзвестно, нужно для смягченя клеевого состава и устранения ломкости сухой клеевой пленки. Спирт добавлялся для более быстрого и тонкого смешення глнцернна с клеем н ускорения подсыхання верхнего слоя ваты; поверхностное подсыхание ваты образовывало корку и тем самым замедляло просыхание внутреннего ее слоя, под которым предмет оставался в увлажненной среде н предохранялся от разрушения, связанного с пересыханием. Когда же при полной просушке ватного слоя и вознпкала крнсталлизацня солей, она была незначнтельной и пронсходнла не в самом веществе предмета, а на поверхностн ватного слоя. Вместе с тем проклеенная ватная оболочка предмета создавала своего рода эластичный футляр, облегчавшнй изъятне предмета из землн без опасення, что он рассыпется в руках.

Серебро и бронза. Изъятне нз землн серебряных и бронзовых изделнй чаще всего не требовало применения каких-ннбудь специальных методов. Особое внимание и осторожность нужны былн прн выемке сломанных, сплющенных под тяжестью землн нли очень снльно коррозированных предметов. В двух случаях прншлось применить заливку парафнном нескольких безнадежно коррозированных фибул, чтобы сохранить их от разрушення хотя бы на время, необходнмое для фиксации.

Своевременным предохраненнем находок от резкого пересыхания удалось сохранить для зарисовкн н фотографнрования даже такне предметы, которые не прншлось реставрнровать вследствие крайней степенн нх разрушения. При постепенном просушиванни таких предметов в вате н опилках коррознвные корки их не утрачнвалн своей плотности н не былн порваны от термнческнх колебаний изменившейся среды.

В процессе раскопок часто необходнмо было оставлять вещи на месте до окончательной расчнстки погребения в целях фнксации полной картины погребального обряда. От сопрнкосновения с воздухом на открытом месте, то под жгучим летнпм солнцем, то, наоборот, в условнях холодной сырой почн, металлнческне предметы подвергались опасностн быстрого разрушения. В такнх случаях прнменялось покрытие отдельных предметов, а нногда и целых погребенпй со всем комплексом погребального инвентаря, компрессамн нз толстой оберточной бумаги в 5—6 слоев, предварительно обильно смоченной водой, а затем тщательно отжатой и расправленной. Бумага накладывалась так, чтобы первый ее слой не плотно прилегал к предмету, а оставлял воздушную прослойку, напитанную влагой. В иных случаях, когда разборка расчищенных погребенпй, в связн с фнксацней, затягивалась на несколько суток, применялась присыпка нх землей поверх досчатых щитов, положенных в внде мостнков над бумажнымн компрессами. Подобного рода временная консервацня позволяет сохранить вещи на местах без заметного изменения до семи суток, при условии регулярного легкого смачивання земли водой.

Железо. Все железо нз погребенпй Чернореченского могильника было найдено в крайне коррознрованном состоянии. Способ извлечения нз земли

железиых вещей был в осиовиом таким же, как и при изъятии броизы и серебра.

В иескольких случаях мы прибегли к стариииому способу гипсовки, описывать который во всех подробиостях нет иеобходимости, поскольку ои стал широко примеияться в археологической практике [1]. Так, иапрнмер, вынимая из земли длииный железиый меч с остатками деревяииых иожеи, мы залили его гипсом поверх плотио прилегающей к иему иакладки из мокрой бумаги (после предварительиого пропитываиия предмета закрепителем) с наложеинем лубков из дранок. Это позволило выиуть меч целиком, иначе ои немиуемо развалился бы иа куски и совершеиио погибли бы его деревяиные ножиы.

Стекло. Особеииостью подавляющего большииства стекляиных предметов из Чериоречеиского могильиика явилось обилие в их составе избыточиой щелочи. Щелочиым характером отличается и груит могильиика, чрезвычайио, к тому же, сырой. Это вызвало сильиейшую ирризацию стекляиных изделий, долго пролежавших в земле.

Вещи очищались от ирризироваииого слоя (иасколько это было возможио в полевых условиях), выдерживались в 1%-ном растворе сериой кислоты для иейтрализации избыточиой щелочи и затем подвергались длительиой промывке в проточиой воде ручья, протекавшего вблизи от раскопок. После просушки целые предметы и осколки тщательио обертывались мягкой папиросиой бумагой и ватой и укладывались в жесткую упаковку.

К стекляииым изделиям по своему составу примыкают миогочислеиные пастовые бусиины; при удалеиии из земли мы не подвергали их обработке сериой кислотой или очистке ирризироваииого слоя, а ограиичивались медлеиией, постепеиией просушкой и тщательиой упаковкой. Сущиость разрушительиого процесса в пастовых изделиях не вполие была ясиа, вследствие того что иеизвестеи химический состав тех разиообразных паст, из которых оии изготовлеиы. Иной, чем в стекляиных изделиях, характер разрушеиий позволяет предполагать и иную сущиость этих разрушеиий. Следует отметить, что пасты разиых цветов (в одиом н том же изделии) разрушаются в различиой степеии, что свидетельствует о разиородиом составе их.

Кожа. В ряде погребеиий Чериоречеиского могильиика были иайдены следы, а в иекоторых случаях и остатки изделий из кожи: обуви, верхией одежды (может быть, меховой), сумок, ремией и т. п. Чаще всего при расчистке погребеиий мы сталкивались с одиими только следами истлевшей кожи в виде чериых пятеи в груите и порой очеиь характериых отпечатков ее фактуры. В этих случаях мы ограиичивались тщательиой фиксацией очертаиий пятеи, как графически, так и фотографироваиием. Задача реставратора заключалась здесь, главиым образом, в том, чтобы суметь при рас-

[1] Главным образом благодаря примеру учеиого-реставратора ИИМК АН СССР А. В. Кирьянова, который весьма плодотворно применил этот способ в своих полевых в камеральных работах.

чистке оставить иеповрежденнымн пятна тлеиа, особенно их края, которые давалн более нлн менее ясное очертание предмета. Складкн кожи наполнялись землей задолго до того, как кожаный предмет окончательно нстлевал. Осторожное удалеиие земли тоикимн слоями (в средием толщиной около 1 см), равномерно по всей площади могилы, позволяло уловить н зафиксировать характер складок н создавало представленне о существенных деталях одежды илн погребального обряда. В редких случаях, когда попадались более нлн менее сохраннвшиеся частнцы кожи, мы собиралн нх н укладывали в коробкн, наполненные ватой, пропитанной глнцернном (во избежанне растрескнвання).

Древесные остатки. В погребеинях могнльника древесные остатки встречались в довольно большом колнчестве, но в самой крайией степени тлеиня. Чнсто деревяиных предметов в погребальном ннвентаре почтн не было. Дерево встречалось главным образом в виде составных частей и деталей металлнческнх н кожаных изделнй (рукоятки н ножны мечей, древки копий, деревянные планкн кожаных носильных сумок, к которым прнкреплялнсь металлнческие петельки и замки). Обычно не прнходнлось и думать о сохраненнн дерева, ввиду его разрушенностн, ио желательно было сохраннть хотя бы призиаки прнкрепления дерева к металлу. Между тем способы консервацнн древесных остатков почтн не совместимы со способами коисервацнн бронзы н железа. В сочетаннях дерева нли кожи с железом мы пропитывалн нх остаткн глицерином с целью сохраиення хотя бы на время, достаточиое для определения породы дерева по волокнам древесны нли сорта кожн по ее остаткам. В некоторых сочетаниях дерева или кожн с бронзой радн сохранения нитересных бронзовых деталей пришлось пожертвовать остатками дерева н кожн. Так, найдеиная в склепе № 7 кожаная носнльиая сумка с железнымн петельками, бронзовым замочком н деревяиными планкамн была взята нз земли способом гнпсовкн. Вслед за тем в подсобной Инкермаиской лаборатории была вскрыта гипсовая оболочка н остатки сумки былн нзучены. После определення ее устройства, размеров и формы былн отдельно закоисервнрованы петли н замочек с ключом. Скудные, разложнвшнеся остатки кожн н дерева, по которым даже не удалось определнть породу дерева н сорт кожи, были уничтожеиы прн очистке металлическнх деталей.

Остатки ткани. В погребеинях Чернореченского могильника остаткн одежды н погребальных покровов встречалнсь непрерывно, но степень сохранности их оказалась еще инже, чем степень сохраиности кожи. Тем не менее поставлена была задача добыть максимальное количество даиных, по которым впоследствин можио будет судить об одежде и пронзводстве тканей древнних обитателей долнны р. Черион.

При зачистке погребеиий с остаткамн тканей земля равиомерно удалялась тем же способом, что и прн изучении остатков кожи. В результате мы получилн возможность в одиих случаях зафиксировать контуры и складки одежды н погребальных покровов, а в других — уловнть н зафиксировать отпечатки самих тканей, дающие представление об их материале и технике

выделки. Как по отпечаткам, так и по частицам тканей, при сильном увеличении, можно было уловить, что ткани были двух видов: шерстяные, типа саржевых, и из растительного волокна. Кроме того, встречались и шерстяные войлоки, иногда весьма тонкие, от которых уцелело довольно много остатков благодаря их относительно большой толщине.

Образцы валяных шерстяных подстилок были взяты для анализа. Кроме того, из нескольких могил вынуты куски грунта с очень четкими отпечатками; для закрепления они были пропитаны спиртовым раствором клея БФ-2.

Остатки пищи. Почти в каждой могиле имелись остатки заупокойных трапез и жертвенной пищи. К сожалению, техника изъятия из земли подобных остатков весьма несовершенна. Высокое качество работы может быть достигнуто при наличии соответствующей технической базы и быстрой доставке взятых на анализ образцов в химическую лабораторию. Не имея нужного оборудования, мы не смогли сохранить все взятые образцы в должной чистоте (многие из них погибли от разрушительного соприкосновения с воздухом) и сумели сделать не более того, что обычно делают археологические экспедиции, не имеющие полевой реставраторской службы.

Остатки пищи бывают двух видов: остатки различных жидкостей и остатки твердой пищи (минерализованные кости домашних животных и птиц, яичная скорлупа). Последние легче исследовать, так как они достаточно прочны. Сложнее извлекать из грунта осадки жидкой пищи, напитков и благовоний в стеклянных и керамических сосудах. Трудность состоит в том, чтобы не допустить загрязнения отбираемых для анализа образцов посторонними примесями. Если бы было возможно произвести химические анализы здесь же, в процессе реставрационных работ, не было бы необходимости сразу все сосуды освобождать от заполнявшей их земли, под которой (на днищах и стенках) сохранились остатки пищи; тогда и вторичное загрязнение этих остатков было бы минимальным. Но мы были приннуждены тут же освобождать сосуды, так как нельзя было медлить с их реставрацией, а возможность анализа остатков содержавшейся в них пищи была лишь в далекой перспективе.

После осторожного постепенного удаления из сосудов земли (образцы ее для выяснения состава также были взяты) чистым инструментом соскабливались изнутри и собирались в стерильные пробирки осадки в виде черного, коричневого или бурого порошка.

Все образцы кожи, древесины, тканей, остатков пищи и др. в количестве 162 экземпляров хранятся в Крымском филиале АН УССР.

Хотя сами химические и прочие анализы образцов выходят за пределы чисто реставрационных задач, мы учитывали их специфику и в соответствии с ней строили методику отбора и консервации остатков, подлежащих дальнейшему исследованию. Так, например, учитывая, что анализ шерсти, кожи, древесины, тканей сводится к микроскопированию и микрофотофиксации, необходимо было добиться по возможности уплотнения подобных остатков и сохранить их в таком состоянии, чтобы можно было затем отде-

лять от них частицы для исследования под микроскопом, получения среза, микрошлифа и т. п. (например, шлиф образца обизвествления ткани, срез волокон древесины и др.). В этих целях шерсть, кожа, древесина, т. е. все материалы, которые нельзя высушивать, пропитывались глицерином, чтобы избежать пересыхания; в ряде случаев мы прибегали к клеевой воде, смешанной с глицерином. Грунт с отпечатками тканей, черепки расслаивающейся керамики в целях сохранения для микроскопического анализа пропитывались более прочными и жесткими веществами: нитро-целлюлозой, растворенной в ацетоне, клеем БФ-2, разбавленным спиртом и др. То, что подлежало химическому анализу, мы отбирали и сохраняли в том виде, в каком оно было найдено.

КАМЕРАЛЬНАЯ РЕСТАВРАЦИОННАЯ РАБОТА

Камеральная реставрационная работа над каждым предметом в отдельности освещена в реставраторских примечаниях к полевой описи находок. Эти примечания являются и своего рода отчетом и документом для дальнейшего контроля за состоянием каждой вещи, переданной на хранение или в экспозицию музея.

Камеральные реставрационные работы разделились на два этапа. На первом этапе происходила реставрация обычным способом [1] большинства вещей, не нуждавшихся в разработке и применении специальной методики. На втором этапе производилась реставрация стекла, железа, бронзы и серебра со стеклянными и пастовыми вставками.

Для очистки от известковых отложений 15 образцов «слабой» керамики был применен медленный и осторожный способ, в основных чертах описанный А. Скоттом [2] и М. В. Фармаковским [3]. Предмет, сперва обработанный начерно при помощи беличьей кисти 2%-ным раствором муравьиной кислоты, после промывки покрывался полусантиметровым слоем кашицы из фильтровальной бумаги, размоченной в дистиллированной воде; в таком виде он подвергался воздушной сушке в обычных комнатных условиях. Это повторялось, и бумажный покров сменялся до тех пор, пока внимательным осмотром под бинокулярной лупой не устанавливалось отсутствие на нем выпота кристаллизующихся солей. После этого бумага размачивалась и тщательно удалялась и предмет, освобожденный от растворимых солей, подвергался сиова сушке, а затем легкому прокаливанию в термостате при температуре не выше 80° С; при этом нагрев загружейного термостата и охлаждение еще не разгружейного велось медленно и плавно, так что весь период прокаливания занимал 6—8 часов. Прокаливанием достигалось полное удаление влаги из толщи керамики.

Затем производилось неглубокое пропитывание внешней стороны сосу-

[1] Как, например, произведенная Е. А. Болотниковой очистка бронзовых и серебряных вещей автоэлектролитическим путем и консервация их при помощи парафина.

[2] А. Скотт, Очистка и реставрация музейных экспонатов, Перев. с английского В. А. Фроловой и В. Е. Фармаковской, М.—Л., 1935, стр. 26—28.

[3] М. В. Фармаковский, Консервация и реставрация музейных коллекций, М., 1949, стр. 40—42.

дов слабым тепловатым раствором желатины (от 3 до 5%), постепенно наносимым мягкой кистью. После просушки поверхность, пропитанная желатиной, подвергалась в течение часа дублеиию парами формалина. Вслед за тем сосуд погружался целиком в тот же самый раствор желатины, постепенно нагреваемый до слабого кипения. Кипячеиие длилось до тех пор, пока из толщи керамики не переставали выделяться пузырьки воздуха. Керамика, пропитанная желатиной, окончательно просушивалась и снова дубилась формалином.

Первоначальное пропитываиие и дубленне внешней поверхности сосудов требовалось для того, чтобы при кипяченнн всей вещи в растворе желатины не разрушить эту поверхность. В предварительных опытах без соблюдения такой меры предосторожности наблюдалось несколько случаев порчи красивой лощеной поверхности, сильно ослабленной в процессе очистки керамики от солей.

Железные вещи из погребений Чернореченского могильника оказались, как уже было сказано, настолько коррозированными, что нельзя было и надеяться на восстановление их первоначальной формы. Однако относительное размягчение и удаление коррозивных корок было произведено тем общепринятым способом, описание которого есть у М. В. Фармаковского [1].

Растрескавшиеся и рассыпающиеся лигнитовые бусы были закреплены путем пропитывания их спиртовым раствором клея БФ-2.

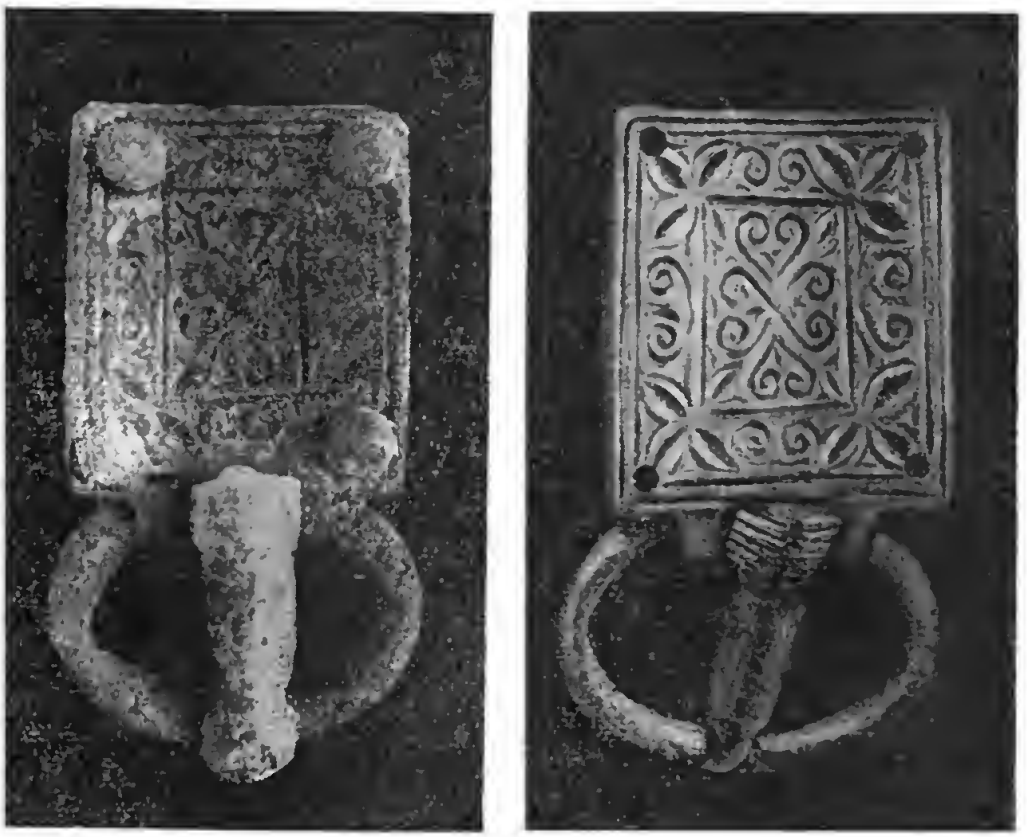
Янтарные бусы и подвески были обработаны погружением в нагретую смесь очищенного скипидара с ксилолом (две трети скипидара, одна треть ксилола) и покрытием после сушки горячим мастичным лаком. Рассыпавшийся до этого при малейшей неосторожности янтарь после такой обработки делался вполне прочным, и к нему в значительной степени возвращались его характерный цвет, прозрачность и блеск. Только поверхность, блестящая от лака, оставалась изрытой бороздами и «раковинами» — следами неизбежного выкрашивания частиц янтаря при очистке от земли.

Разрушение янтаря внешне очень напоминает расстекловывание силикатных паст типа так называемого финикийского, египетского стекла или фритты. Под микроскопом видно, что янтарь распадается на мельчайшие кристаллические частицы; каждая из них в отдельности сохраняет свой цвет, прозрачность и блеск, но в сумме они производят впечатление серой, непрозрачной и тусклой массы, благодаря некоторому их смещению, происходящему от расширения пространства между ними. Когда такой янтарь подвергается нагреву в скипидарно-ксилоловой ванне, его разошедшиеся частицы в какой-то мере спаиваются между собой благодаря одновременному плавлению и растворению янтаря. Для достижения максимального эффекта эту операцию иногда приходится повторять по нескольку раз, внимательно следя за тем, чтобы растворение и плавление янтаря не зашло чересчур далеко — до деформации янтарного изделия. Лакировка янтаря преследует цель заполнения родственным ему материалом — прозрачной

[1] М. В. Фармаковский, ук. соч., стр. 70—72.

смолой — раковин и глубоких трещин, образовавшихся не только на поверхности, но и в толще предмета.

В число вещей, обработку которых взяла на себя сотрудник экспедиции Е. А. Болотникова, вошли несколько пряжек с разноцветной пастовой инкрустацией и серебряные перстни со стеклянными вставками. Комбинация



а *б*

Рис. 1. Пряжка V в. и. э. из раскопок Чернореченского могильника. Реставрация Е. А. Болотниковой:

а — до реставрации; *б* — после реставрации.

стекла и пасты с сильно коррозированным металлом ставила реставратора в затруднительное положение и сильно осложнила процесс реставрации, так как способы восстановления бронзы и серебра плохо совместимы со способами реставрации стекла. Главная опасность заключалась в том, что уменьшение объема металла, очищаемого от продуктов коррозии, неминуемо должно было вызвать ослабление связи между оправой и вставками и повлечь за собой выпадение последних. Устранить эту опасность можно было путем введения закрепителя под вакуумом, но вакуумного аппарата у нас не было. Поэтому очистка данных вещей велась обычными способами. Консервацию и очистку этих предметов нельзя считать вполне доведенной

до конца; она прекращена была в тот момент, когда можно стало разобрать орнамент оправы, узор и расцветку вставок. В таком виде вещи эти и вошли в научный обиход, и основную цель реставрации можно считать в данном случае достигнутой.

Что касается второй задачи реставратора, консервации вещей для длительного хранения в фондах музея, то парафинирование этих недочищенных вещей дало, как и следовало ожидать, недолговечные результаты. Через два года после обработки парафином они снова покрылись свежей «дикой патиной», образования которой местами разорвали парафиновый покров. У вышеназванных и многих других авторов не раз описаны эти явления; добавим несколько слов о наблюдениях, сделанных в данном конкретном случае.

Исследование парафинированной поверхности металла под микроскопом показало, что даже длительное выдерживание вещей в горячей парафиновой ванне без вакуума не привело к полному вытеснению расплавленным парафином воздуха из раковин и трещин коррозированной поверхности. Присутствие воздуха под слоем парафина вызывало продолжение коррозии в этих местах; отложение продуктов коррозии под парафином привело к разрыву парафинового покрова и дальнейшему развитию коррозии металла. Особенно опасно оно в местах, где металлическая оправа соприкасается со стеклянными и пастовыми вставками; кончиться оно может лишь одним — выпадением мелкой инкрустации, в которой как раз и заключается основной интерес данных вещей.

Предварительная очистка и временная консервация замечательных бронзовых и серебряных вещей, инкрустированных стеклом и пастой, сыграли свою положительную роль; в продолжение нескольких лет эти вещи изучались специалистами, вошли в экспозицию музея, приобрели большую известность. Теперь было бы целесообразно попытаться довести до конца очистку и консервацию их.

Реставрация стеклянных изделий, произведенная автором настоящей статьи совместно с В. М. Малиновым, потребовала разработки нескольких новых приемов, ввиду этого следует осветить данную работу подробно.

Одним из основных условий успешной реставрации древних стеклянных изделий является полное удаление с их поверхности продуктов ирризации стекла. Путем простого соскабливания и протирки различными абразивами не удается полностью избавиться от мельчайших частиц ирризированного слоя, остающихся в микроскопических раковинах, которыми изрыта поверхность стекла. К тому же, имея дело с большим количеством очень тонких и хрупких обломков стеклянной посуды, среди которых имелись орнаментированные фрагменты, фигурные ручки и т. п., мы не имели времени обрабатывать каждый обломок отдельно до полной очистки. Требуемых результатов удалось добиться путем кипячения очищаемого стекла в дистиллированной воде с тонко отмученным кварцевым песком.

Сначала стекло подвергалось легкому проскабливанию ножом и очистке мягкой широкой кистью с последующим длительным прополаскиванием

в чистой проточной воде. Затем оно погружалось в эмалированный сосуд с горячей дистиллированной водой, в которой предварительно взмучивалось некоторое количество песка (не менее $^1/_3$ всего объема смеси). Кипячение с песком продолжалось до тех пор, пока осмотром под бинокулярной лупой не устанавливалось полное отсутствие продуктов ирризации на поверхности стекла. Мельчайшие песчинки, увлекаемые конвекцией кипящей воды, непрерывно ударяются о поверхность стекла и, проникая в мельчайшие от-

Рис. 2. Группа стеклянных сосудов III—IV вв. н. э. из раскопок Чернореченского могильника. Реставрация В. М. Малижова.

верстия и раковины, стирают собой остатки ирризированного слоя. Надо сказать, что после этого в извилинах орнаментов, в глубоких раковинах и т. п., которые всегда имеются в древнем стекле, оставалось немного песчинок, желтоватый цвет которых придавал стеклу неопрятный вид. Песок приходилось удалять путем длительного кипячения в чистой воде.

Стекло, очищенное указанным способом, слегка прокаливалось для полной просушки, а затем склеивалось так же, как и керамика, клеем БФ-2 или БФ-4. Реставрация завершалась покрытием стеклянного изделия с обеих сторон мастичным лаком или раствором пихтовой смолы в ксилоле.

Несмотря на то что обычно клей БФ плохо соединяется со стеклом и склеивание им разбитой стеклянной посуды со свежей и гладкой поверхностью излома не удается, в данном случае он оказался вполне применим. Это объясняется тем, что почти все обломки сосудов, еще в древности раздавленных обвалившимся грунтом внутри подбойных могил и склепов,

имели ирризированную поверхность излома, которая после очистки оставалась матовой. К матовому же стеклу клей БФ пристает не хуже, чем к фарфору или фаянсу. В двух случаях, когда склеивались толстостенные сосуды, разбитые в процессе раскопок, свежая поверхность излома их осколков была матирована путем осторожной обработки наждаком. Разумеется, этой операции были подвергнуты только обломки толстостенной посуды; что же касается тонкостенных изделий, то реставрировать их было сложнее.

С 1951 г. в лаборатории филиала разрабатывалась рецептура такой прозрачной пленки, которую можно было бы применять для реставрации стеклянных изделий — покрывать ею изделия целиком, заполнять лакуны, выделывать из нее прозрачные модели сосудов, служившие своего рода каркасом для наклейки на них обломков, в тех случаях, когда последние чересчур тонки для непосредственной склейки между собой. Пленки целлулоидного происхождения нами были отвергнуты из-за их сложной технологии, недоступной для подавляющего большинства музейных и экспедиционных реставраторских мастерских. Нашей задачей было подыскать пленку из таких компонентов, которые легко достать, которые недорого обходятся и просты в обращении. Были произведены многочисленные опыты с желатиной, клеем БФ, мастичным лаком, фисташковой и пихтовой смолами. Желатина безупречно соединяется со стеклом, но имеет вредное свойство ломкости и способность легко размокать и загнивать; в клее БФ, плохо прилипающем к стеклу, но хорошо пристающем к желатине, ценны его нейтральность, влагостойкость, эластичность, а вредным качеством является коричневый цвет, слишком интенсивный даже в полумиллиметровом слое. Смолы фисташковая, пихтовая и мастика чересчур хрупки при высыхании, но ценны тем, что одинаково со стеклом преломляют свет и поэтому незаменимы для снятия матовости ирризированного стекла.

В результате ряда опытов мы убедились в том, что комбинация этих трех пленок — желатины, клея БФ и какой-либо из названных смол — вполне подходит для реставрационных целей. Недостатки желатиновой пленки до некоторой степени удается исправить путем добавления в раствор желатины нескольких капель растительного масла и формалина. Масло играет роль мягчителя, придающего эластичность высохшей желатиновой пленке, а формалин является дубителем, сообщающим пленке влагоупорность. Количество формалина и масла в растворе зависит от степени его концентрации и толщины получаемой пленки. Для более толстых пленок нужно брать более густой раствор желатины, а чем гуще раствор, тем больше в него нужно добавлять масла и формалина.

Основой комбинированной пленки является желатиновая, в свою очередь скомбинированная из нескольких слоев чистой желатины и желатины с добавкой масла и формалина. Главной задачей является подбор состава желатиновой пленки для каждого сосуда, в зависимости от толщины стекла.

Основным критерием качества желатиновых пленок является их способность противостоять колебаниям температуры и влажности окружающего воздуха, т. е. не подвергаться деформации при пересыхании или увлажне-

нии. Так как этого рода деформации вызываются изменением объема пленки при усыхании, то по изменению объема можно судить о степени пригодности пленки в каждом данном случае.

Простейшим приспособлением для испытания степени деформации пленки является гипсовый конус, покрытый парафином (для того, чтобы наносимая на него желатина не прилипала к конусу). Размеры конуса и соотношение диаметра его основания и высоты должны приблизительно соответствовать величине и пропорциям реставрируемого сосуда. Вершину конуса следует делать закруглением для удобства полива желатиной, раствор

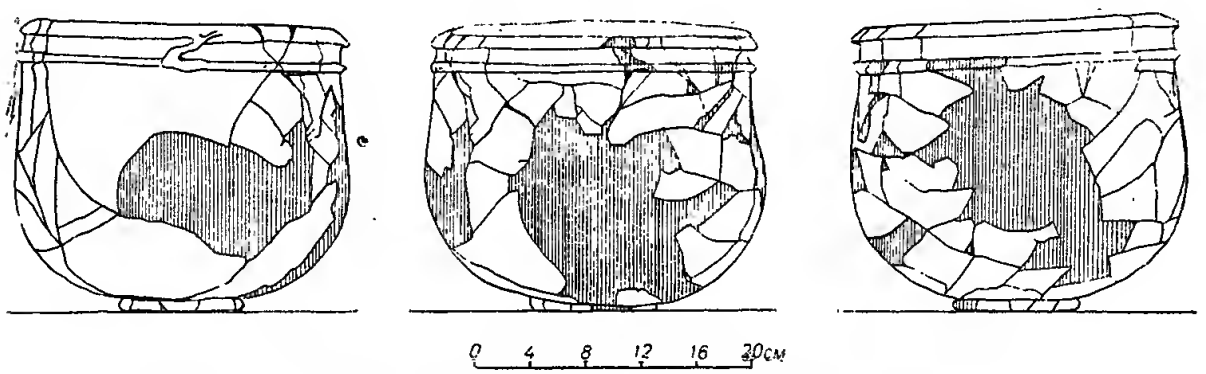


Рис. 3. Заполнение лакун склеенного стеклянного сосуда. Реставрация при помощи комбинированной пленки.

которой наносится сверху мягкой акварельной кистью. Полив производится столько раз, сколько нужно для получения требуемой толщины пленки (сообразно с толщиной стекла). Чередование слоев желатины должно быть нечетным, — начинать и заканчивать нужно не простым, а сложным раствором; каждый последующий полив производится после окончательного просушивания предыдущего полива.

Просушивание каждого слоя пленки ведется в нормальных комнатных условиях, а затем, когда просохнет последний слой, пленка разрезается лезвием бритвы через весь конус от вершины к основанию по линейке. Вслед за этим производится резкая сушка конуса в сушильном шкафу при температуре от 30 до 40° С. При резкой сушке пленка, не удовлетворяющая необходимым требованиям, сильно сократится в объеме и края надреза у основания конуса значительно разойдутся. Наиболее подходящей явится такая пленка, у которой края надреза при резкой сушке конуса совсем или почти не разойдутся.

После того как желатиновая пленка подобрана, можно произвести заливку сосуда, который для этой цели должен быть сперва собран на его гипсовой, покрытой парафином модели. Такая модель делается по внутреннему профилю стекляннного сосуда. Во многих случаях это является самой сложной задачей реставратора, потому что определить профиль сосуда по его несклеенным обломкам очень трудно. Если сосуд чересчур заматирован после снятия ирризированного слоя стекла, обломки его нужно с обеих

сторон покрыть тончайшим слоем смолы, растворенной в ксилоле, сперва (если позволяет толщина стекла) склеив его клеем БФ.

Вслед за тем желатиной заполняются сначала лакуны в сосуде, а затем и весь он с внешней стороны от 3 до 5 раз покрывается сплошь желатиной. Полив сосуда желатиной ведется в той же последовательности, что и полив конуса, и с такой же тщательной просушкой каждого слоя. После желатинирования сосуд подвергают легкому прокаливанию для полной сушки и с обеих сторон покрывают раза три-четыре клеем БФ-2 или БФ-4, быстро нанося его очень тонким слоем. Поверх клея наносят один или два раза раствор смолы в ксилоле, и этим дело кончается.

По описанному способу В. М. Маликовым были восстановлены полностью 5 сосудов разной толщины стекла и 4 частично восстановлены. Все эти стеклянные изделия до реставрации были настолько раздроблены, что подлежали изъятию из фондов и инвентарных списков музея.

Один из этих сосудов котлообразных очертаний с краем, украшенным «змейкой» (рис. 2), настолько оригинален по форме и по материалу, что заставляет думать о существовании в древности в Херсонесе или его окрестностях местного стекольного производства. Два другие сосуда, уникальные по форме и технике выделки, имеют большое значение для истории стеклоделия в Крыму в позднеантичный период.

Наряду с относительной успешностью наших опытов нужно признать, что комбинированная пленка, которую мы применили, еще очень далека от совершенства и имеет по крайней мере два явных недостатка. Первый из них — мягкость пленки, делающая заполнение крупных лакун недостаточно прочным; второй недостаток — склонность нашей пленки к некоторому, хотя и очень слабому, сокращению объема.

Сущность метода комбинированных пленок заключается, таким образом, в том, что различные вещества, из которых составляется комбинация, компенсируют недостатки друг друга, взаимно погашая свои отрицательные свойства и соединяя положительные. Поскольку этот способ уже дал какие-то практически полезные результаты, он может быть принят, но его следует лучше разработать и довести до совершенства. Может быть, ключ к этому лежит в применении каких-либо иных материалов, кроме тех немногих, на которых мы остановили свой выбор только потому, что они имелись у нас в неограниченном количестве.

Много общего с реставрацией стеклянной посуды заключала в себе реставрация стеклянных и пастовых бусин. Она состояла из трех операций: очистка бусин от ирризированного слоя путем кипячения в дистиллированной воде с отмученным песком; склейка клеем БФ тех бусин, которые развалились на куски; покрытие мастичным лаком поверхности бусин снаружи и внутри проушин.

Особую группу составили стеклянные бусины с золотой накладкой и кантарелью — тонким покровным стеклом, лежащим поверх золота. При термических колебаниях окружающего воздуха оба стекла, расширяясь по-разному, отделялись одно от другого. Кроме того, вследствие несовер-

шенства техннкн кантарель при сварнванин ее с золотом была, как видно, остужена н менее прочно прикипела к золоту. Этнм и объясняется ее отслаивание от золотой накладкн.

При налични трещнн в покровном стекле и особенно — нензбежных щелей вокруг обоих отверстнй буснны воздух н влага местами проникали между золотом и кантарелью и вызывали довольно значнтельную внутреннюю нрризацню кантарели. Сочетанне этого явления с сильной внешней нррнзацней в нных случаях делало невозможной н без того затруднительную реставрацию.

У некоторых буснн кантарель настолько нстончилась от внешней нрнзацин и сопровождающего ее шелушення стекла, что оказалась разорванной под напором продуктов внутренней нрризации. Прн первой же попытке соскоблнть ирризированный слой такая кантарель рассыпалась. К счастью у большинства буснн этот процесс не зашел еще так далеко; путем кнпячения в особо тонко отмученном песке были счнщены не только продукты внешней, но и внутренней нррнзации кантарели, а оставшиеся под ней песчннки были удалены кипячением в чистой воде.

После этого возннкло второе затруднение: еслн снятие матовости на внешней поверхностн кантарели н проушнне легко достигалось покрытнем мастнчным лаком нлн пнхтовым бальзамом, то внутреннюю матовость кантарели долго не удавалось устранить. Пихтовый бальзам илн мастичный лак, даже снльно разбавленные ксилолом, не проникалн под кантарель, хотя после внутренней очистки под ней оставались довольно значительные пустоты: воздух, заполнивший пространство под кантарелью, препятствовал проникновенню туда лака. Кроме того, лак быстро начинал густеть, затягнвая все микроскопнческие отверстня кантарели твердой смолнстой коркой; вместо снятня получалась консервация матовости.

Несмотря на эту неудачу, мы не сочли возможным совсем отказаться от введения под кантарель какой-либо из названных смол, потому что оно нмеет значение не только для снятня матовостн. Заполнение прозрачной бесцветной смолой пустот под кантарелью и проходящнх сквозь нее микроскопических отверстий предохраняет кантарель от дальнейшей нррнзацин и загрязненнй, приклеивает ее к золотой накладке н прочно соединяет со стеклом основы. В результате консервация изделия получается полной и окончательной. Известно, что такую консервацию можно осуществить путем погруженння предмета в раствор под вакуумом с последующнм нагнетанием воздуха, давленне которого вгоняет лак во все пустоты под кантарелью н в ней самой. Эта операция была отложена за неимением аппаратуры. Была произведена временная консервацня с обязательным снятием матовостн кантарелн, для того, чтобы археологн могли нметь полное представление о действительном характере этих нзделий. Для этой цели был применен горячнй раствор борного вазелнна в ксилоле. Специфические свойства разжиженного вазелина позволяют ему легко распространяться по любой поверхностн. Таким образом, хотя пустоты под кантарелью н не былн освобождены от воздуха, матовость была снята; кроме того, вазелин явился кон-

сервантом кантарели от дальнейшей ирризации. Внешняя матовость была удалена обычным путем при помощи мастичного лака; затвердевший мастикс плотно закрыл все микроскважины в кантарели и изолировал пространство под ией от внешнего воздуха, влаги и загрязнителей.

Мы остановились столь подробно на методике реставрации одного типа бусин потому только, что до этого, насколько известно, в аналогичных случаях не было попыток довести дело до коица, т. е. до очистки кантарели изнутри. Вследствие этого среди археологов сложился неправильный взгляд на такого рода стеклянные изделия, как на имитацию жемчуга. Тепловатый проблеск металла сквозь радужно-матовую дымку недочищенной кантарели действительно очень красив; при недостаточно ясном представлении о сущности разрушительных процессов это может повести к ошибочным умозаключениям о выделке в древности особого вида изделий из стекла. В действительности же эти бусы и другие, подобные им стеклянные вещи имитируют не жемчуг, а золото. Эта отрасль стеклоделия находится в тесной связи с важнейшей отраслью мозаичного дела — смальтоварением. Совпадение технических приемов и материала здесь настолько велико, что само приводит к предположению о том, что оба эти производства могли совмещаться в одних и тех же мастерских.

Сталкиваясь довольно часто с подобного рода недоразумениями, нельзя не выразить сожаления о том, что в повседневной практике большинства археологов до сих пор еще не занял должного места метод микроскопического исследования.

* *
*

Несмотря на все недостатки, имевшие место в полевых реставрационных работах Инкерманской экспедиции, в значительной мере обусловленные первым опытом организации таких работ в Крыму, этот опыт можно считать в основном удавшимся.

Полевая лаборатория на раскопках Чернореченского могильника и постоянное участие реставратора в полевых работах оправдали себя тем, что большое количество находок, которые не могли бы уцелеть без их немедленной консервации, удалось сохранить до камеральной обработки. Большое значение имело участие реставраторов в раскопках погребений, особенно при извлечении из земли сильно разрушенных предметов, что в ряде случаев потребовало тут же разработки и применения специальных приемов.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

А. А. Щепинский

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ КУРЦОВО-САБЛОВСКОЙ ДОЛИНЫ в 1950 г.

1. *Памятники неолита, бронзы и начала железа.* Курцово-Сабловская долина тянется на 13—15 *км* с северо-востока на юго-запад вдоль второй гряды Крымских гор, между долинами Салгира и Альмы. Здесь и обнаружены археологические памятники, наиболее древние из которых относятся к неолиту, бронзе и кизил-кобинской культуре (рис. 1).

Стоянка эпохи бронзы (рис. 1, № 1) обнаружена в 1 *км* к юго-западу от с. Украинка (Курцы), на невысоком длинном бугре, вытянутом к северу и лежащем вдоль русла ручья. По бугру с северо-востока на юго-запад цепочкой тянется группа из восьми курганов. Шесть из них находятся на расстоянии 3—5 *м* друг от друга, седьмой — несколько дальше; все курганы не выше 2 *м* (рис. 2).

Восьмой, наиболее крупный курган по этой линии, самый отдаленный, возвышается на краю обрыва над ручьем. К юго-востоку от него находится пять небольших курганов, а затем, в 0,5 *км*, еще четыре. В подошве одной из насыпей обнажились большие (длиной до 1 *м*) неотесанные плиты каменного ящика.

Рядом на пашне на протяжении более полукилометра часто встречаются обломки лепных глиняных сосудов, большинство которых орнаментировано глубоко процарапанными линиями. С внутренней стороны на многих черепках видны полосы гребенчатого заглаживания (рис. 3, 9). Близ седьмого кургана подобран обломок сосуда с отколотым налепом и с узором в виде елочки и полос, расходящихся наподобие лучей (рис. 3, 5). Встречаются также обломки с неглубокими круглыми (диаметром до 3 *мм*) углублениями (рис. 3, 4).

Там же, где находки керамики были наиболее многочисленными — на протяжении 200 *м* от седьмого кургана, — подобраны круглая терка из песчаника (диаметр 7,5 *см*), черная галька овальной слегка приплюснутой формы (6—8 *см*), со стертой рабочей поверхностью и фрагментированный

человеческий череп. Попадаются и кости животных (некоторые с признаками обожженности). Здесь же найдены шесть кремневых ножевидных пластинок (рис. 4, *15—20*), несколько кремневых ядрищ со следами от отделенных от них длинных пластин, кремневые отщепы и обломки. Перечисленные находки, повидимому, указывают на то, что на площадке между курганами, на высоте 10—15 *м* над руслом речки, находилась стоянка эпохи бронзы. Вопрос об отношении курганной группы к этой стоянке остается открытым.

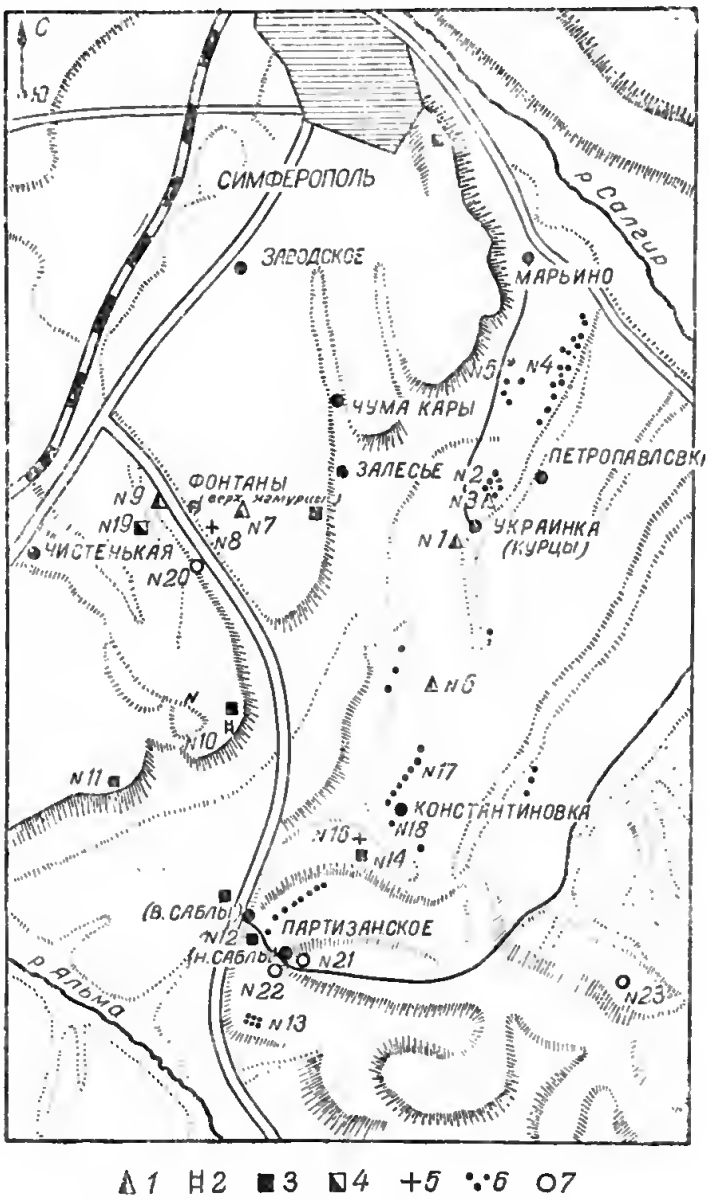


Рис. 1. Схема расположения археологических памятников Курцово-Сабловской долины.

1 — памятники неолита и бронзы; *2* — каменные ящики; *3* — скифские городища; *4* — скифские селища; *5* — грунтовые могильники; *6* — курганы; *7* — средневековые памятники.

В 1 *км* к северо-востоку от с. Украинка, на сложенной из вулканических пород гряде, вдоль круто обрывающегося юго-восточного склона хребта, тянутся 15 небольших курганов (их высота от 0,50 до 1,50 *м*, диаметр 10—15 *м;* рис. 1, № 2). Здесь между курганами по хребту на протяжении 200—250 *м* подобраны десять ножевидных пластинок, три кремневых наконечника стрел (длина до 1,5 *см* и ширина в нижней части до 2 *см*), обломки скребков (рис. 4, *3—5, 9, 14*) и кремневые ядрища — нуклеусы. Керамического материала не обнаружено.

Состав находок (кремневые орудия, отщепы и ядрища) при отсутствии керамики позволяет, повидимому, видеть в этом памятнике небольшую мастерскую кремневых орудий (рис. 1, № 3).

Дальше по этому же хребту к северо-северо-востоку от с. Петропавловка, в 2 *км* от нее, над самым обрывом тянется другая цепочка из 22 курганов (рис. 1, № 4).

Восточнее хребта, между сс. Марьино и Украинка, по распахаиному полю вдоль дороги тянутся курганы высотой до 3—3,5 *м* (рис. 1, № 5). Самый большой из иих — у дорогн, не доходя с. Украиики.

Третья, иебольшая открытая стоянка или мастерская (рис. 1, № 6) находится между с. Украинка и с. Констаитиновка, в 1,5 *км* от первой стоянкн на левом низком берегу того же ручья. На свежераспаханном поле вдоль ручья на площади в 15—20 $м^2$ собрано более 30 ножевидиых пластинок

Рис. 2. Группа курганов у стоянки эпохи бронзы иа окраине с. Украинка.

и орудий (в том числе миииатюрный кремневый вкладыш — рис. 4, *6*). Керамики ие встречено.

Кроме этих стоянок и мастерскнх попадаются едииичные кремневые орудия. На одном из курганов к юго-востоку от с. Константиновки подобраи двусторонне обработанный кремиевый вкладыш (рис. 4, *13*); у кирпичного завода, близ Белого хребта — иакоиечинк дротика (рис. 4, *7*); иа одной из улиц с. Нижиие Партизаны — трехграниая кремиевая пластинка (рис. 5, *15*); иа «Долгом бугре» на окраиие с. Партизаиское — кремневый наконечник стрелы (рис. 4, *2*); кремневые орудия встречеиы и в других местах балки (рис. 4, *1, 8, 10—12*).

Напомним и о двух стоянках кизил-кобинской культуры, обиаруженных в этом районе в 1915 г. С. И. Забниным[1]. Эти стояики, расположеи-

[1] С. И. Забнин, Находки каменного века в Крыму, ИТУАК, 54. С., 1918.

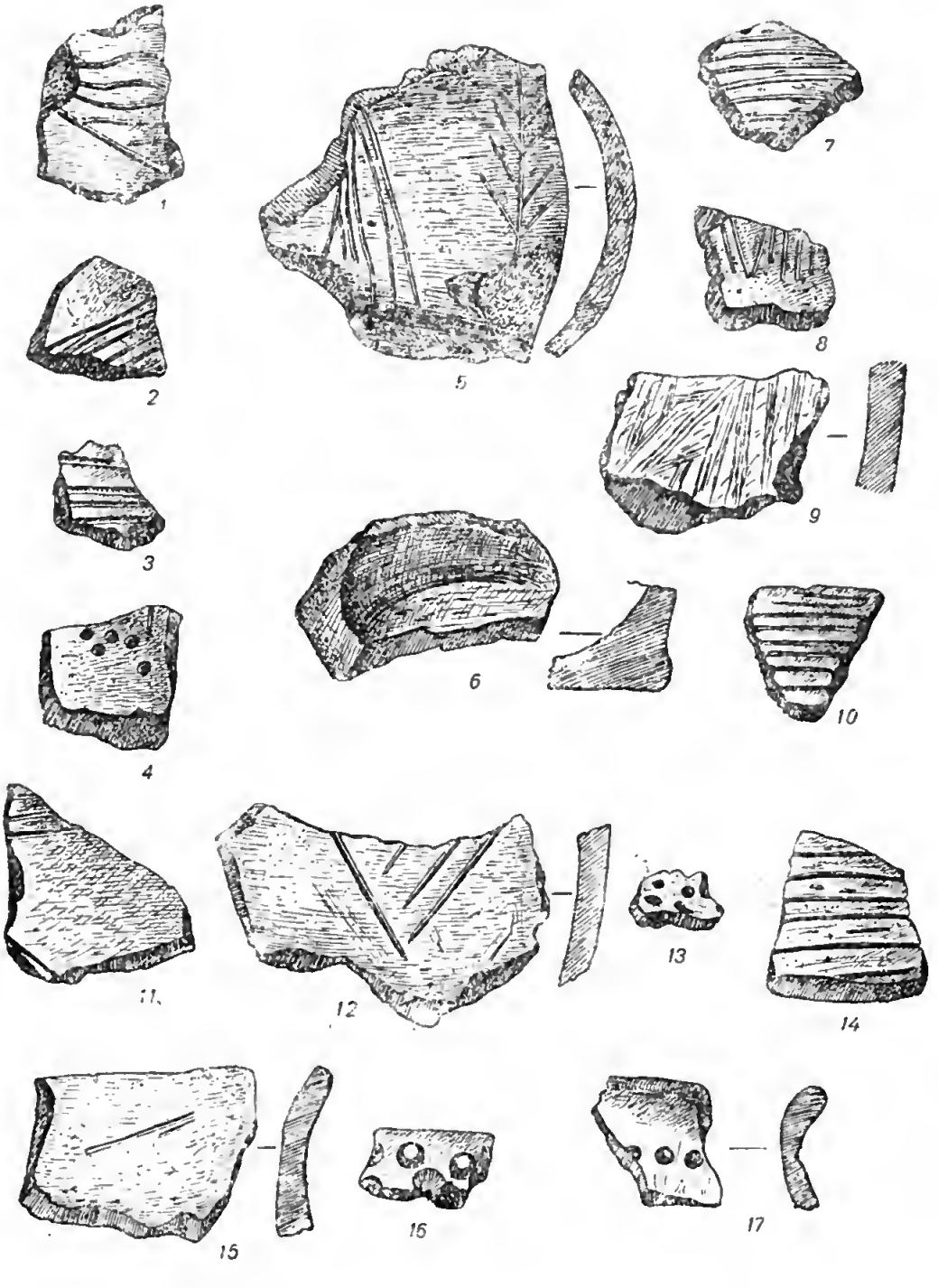


Рис. 3. Обломки лепных сосудов эпохи бронзы и начала эпохи железа:
1—10 — стоянка близ с. Украинка; *11—17* — Холодная и Чумакаровская балки и Змеиная пещера.

ные в 1,5 *км* друг от друга, находятся в окрестностях с. Партизанское (Саблы), т. е. на границе слияния Сабловской долины с долиной р. Альмы. Здесь С. И. Забниным собраны кремневые орудия (скребки, пилки, наконечники и т. д.), масса осколков кремня, костяные поделки, черепки глиняной посуды, орнаментированной вдавленными линиями и пр.

Ряд находок был сделан также в прорезающих вторую гряду Крымских гор балках, примыкающих к Курцово-Сабловской долине.

В Чумакаровской балке (рис. 1, № 7) встречены кремневые орудия (в том числе — два наконечника ямно-катакомбного типа — рис. 5, *1, 3*) и обломки кизил-кобинских лепных сосудов, орнаментированных резными линиями и ямочными вдавлениями (рис. *3, 16, 17*). Повидимому, здесь находится стоянка кизил-кобинской культуры.

На вспаханных полях, примыкающих к балке с одной стороны и к сс. Ново-Николаевка и Верхние Фонтаны (быв. с. Верхние Ягмурцы) — с другой, собрано 8 ножевидных пластинок, один наконечник дротика (рис. 5, *2, 14, 16, 17*), миниатюрный наконечник стрелы катакомбного типа с вогнутым основанием (рис. 5, *4*), обломок наконечника стрелы, трапеция и обломки других орудий (рис. 5, *5—11*). Часто попадается лепная керамика, орнаментированная резными линиями. Повидимому, данная стоянка относится к неолиту или эпохе бронзы и была перекрыта поселением кизил-кобинской культуры.

Возможно, некоторую связь с этой стоянкой имеет и обнаруженный в 1948 г. на южной окраине с. Верхние Фонтаны (рис. 1, № 8) в 0,5 *км* от места находок орудий, в срезе оврага, детский скорченный костяк, ориентированный головой на восток. Он находился на глубине 1,10 *м* под завалом камней, на светлой глиняной подстилке. В северо-западном конце глинистая подстилка, как и находившийся здесь камень, слегка обожжены. В обрезе над костями оказалось шесть обломков лепных сосудов (рис. *3, 15*).

К юго-западу от Чумакаровской балки вторую гряду Крымских гор прорезает в том же направлении Холодная балка. На юго-восток от с. Нижние Фонтаны, на склоне плато имеется ряд обнажений. В обрезе одного из них на глубине 0,25—0,30 *м* замечены лепная скифская керамика и обломки реберчатых амфор; дальше, вдоль южного обреза, по темному заполнению в слое светложелтой глины выявляется контур ямы (рис. 1, № 9). Прослеженная ее глубина 0,70 *м*, ширина в верхней части — 1,40 *м*, внизу 1,50 *м*. Из ямы извлечены кремневая ножевидная пластинка длиной в 5 *см* и обломки кремня. На поверхности поляны, у обнажения, видны небольшие земляные валы и холмики.

На противоположном склоне балки найден кремневый скребок полукруглой формы (рис. 5, *13*), обломки других орудий и отщепы. Дальше к югу, на склоне, в промытой водой канаве подобраны ножевидная пластинка и трапеция со струганной спинкой (рис. 5, *12*).

Аналогичные находки сделаны юго-западнее, на полях, примыкающих к Холодной балке, а также на территории скифского и раннетаврского городищ Таш-Джаргана. Кроме кремневых орудий на городищах и в осо-

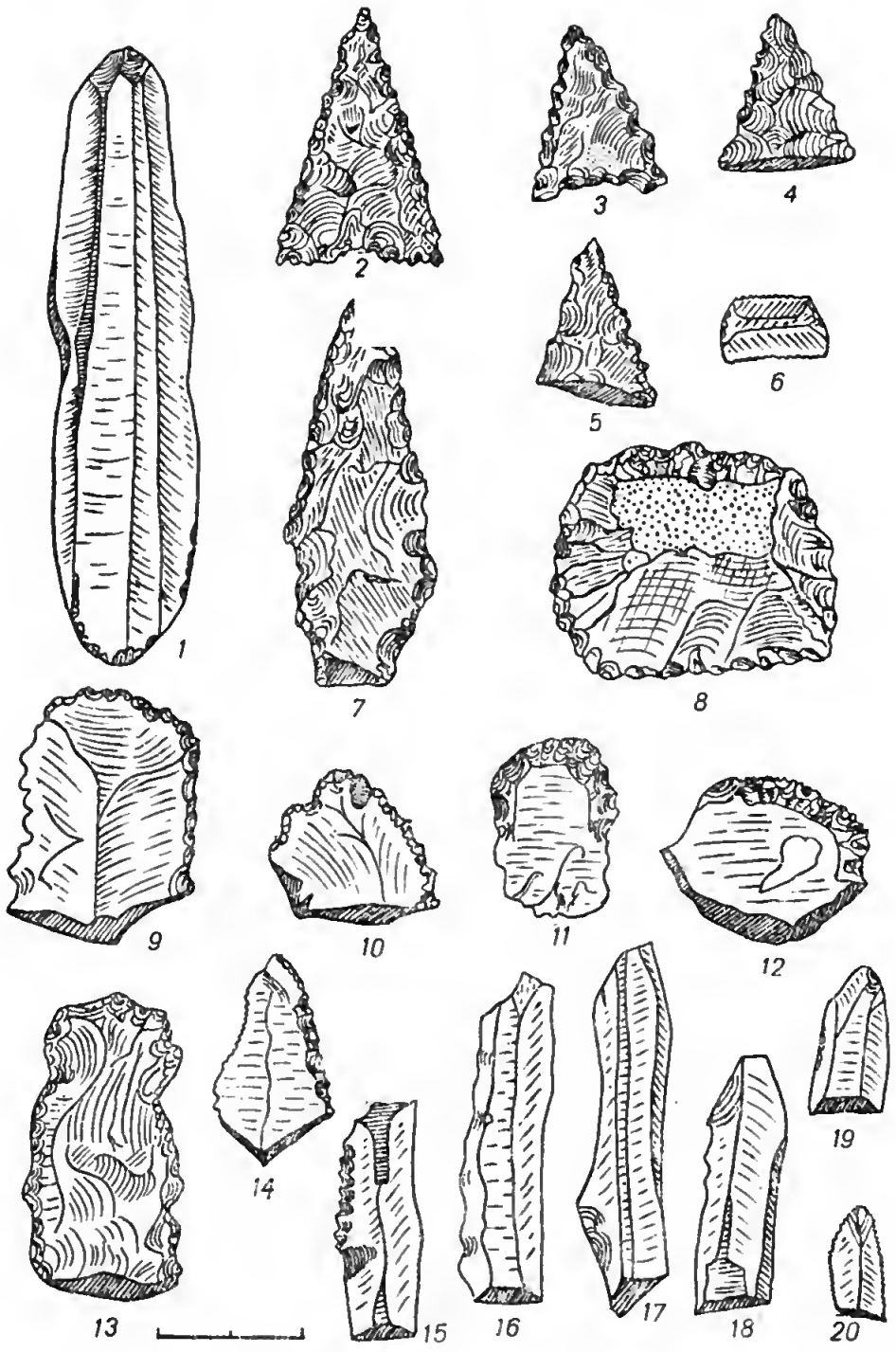


Рис. 4. Кремневые орудия, собранные в Курцово-Сабловской долине.

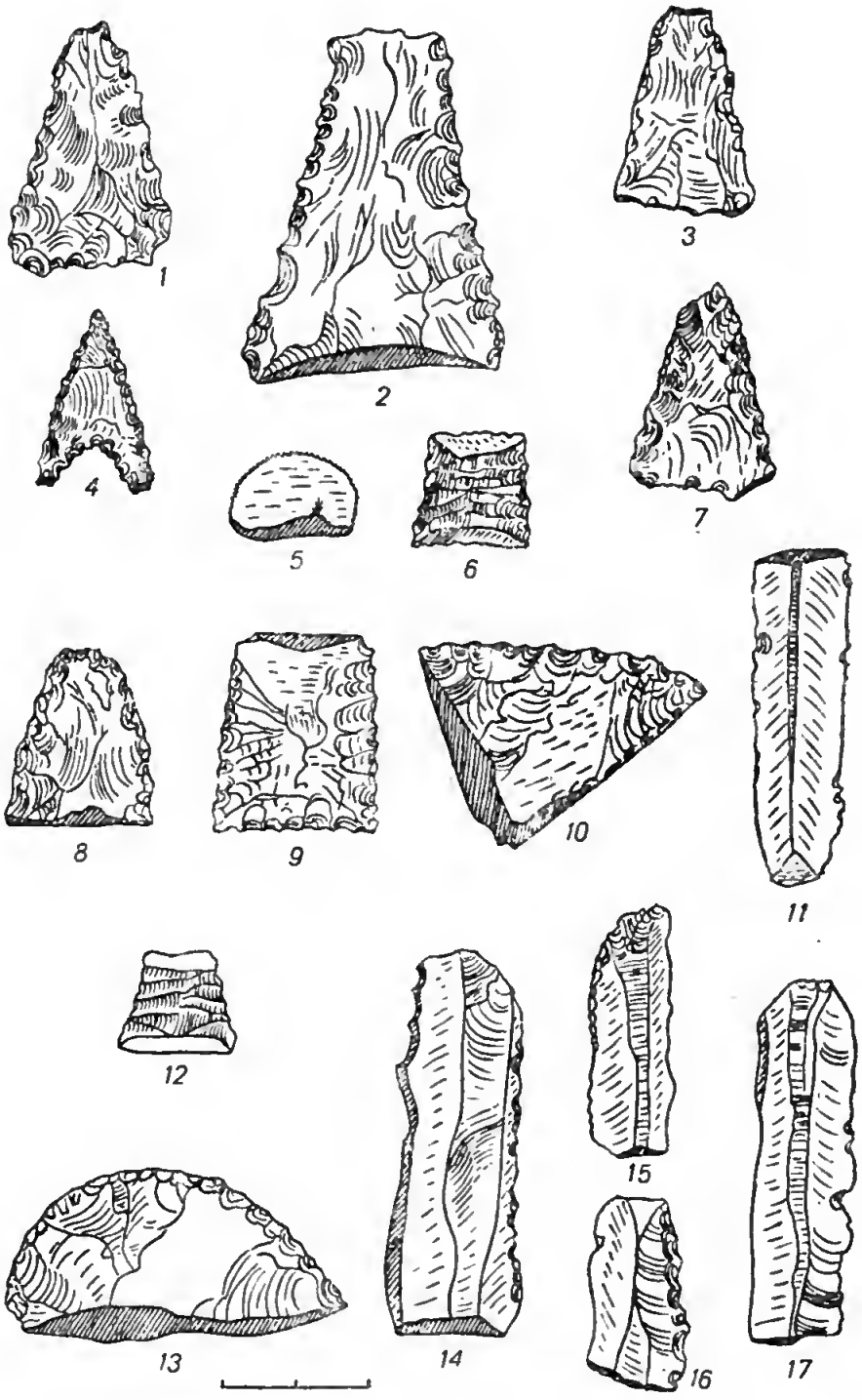


Рис. 5. Кремневые орудия, собранные в Холодной и Чумакаровской балках.

бенности в Холодной балке собраны обломки лепных сосудов, орнаментированных врезными линиями, углублениями и, иногда, сквозными отверстиями в стенках (рис. 3, 11, 13, 14).

Таким образом, можно думать, что в Холодной балке имеется стоянка эпохи бронзы и раннего железа. Рядом на плато находилось укрепленное поселение кизил-кобинской культуры, которое предшествовало скифскому городищу.

Рис. 6. Раннетаврский каменный ящик в урочище Таш-Джаргаи.

На восточной, заросшей лесом окраине этого городища, недалеко от скал, круто обрывающихся в Курцово-Сабловскую долину, обнаружена группа раннетаврских каменных ящиков (рис. 1, № 10) и каменных оград типа небольших овальных кромлехов, сложенных из крупных неотесанных камней. Ящики различных размеров — небольшие, квадратные и продолговатые, сложены из тонких необработанных плит. Наименьший из этих ящиков размером 0,44×0,64 *м*. Иногда ящики с наружной стороны обложены камнем.

Многие ящики полуразрушены. При зачистке одного такого ящика (1,10×0,45 *м*) на глубине 0,26—0,30 *м* попались фрагментированные разбросанные и сильно истлевшие человеческие кости и зубы. На глубине 0,55 *м* находился слой материковой щебенки.

Ящик сложен из 4 поставленных на ребро неотесанных каменных плит толщиной 18—20 *см*). Его ось ориентирована с юго-востока на северо-запад (рис. 6).

2. *Памятники скифского периода.* Мыс, на котором расположены Таш-Джарганские раннетаврское и скифское городища, с юго-востока заканчивается отвесными скалами, обрывающимися в Калиновую балку, за которой высится следующий мыс. На нем расположено последнее по этой линии городище, под названием Зменное (повидимому, скифское; рис. 1, № 11) [1].

[1] А. А. Щепинский, Некоторые новые археологические находки в Симферопольском и Черноморском районах Крымской обл., Изв. Крым. отд. Геогр. Об-ва Союза ССР, в 1, 1951, стр. 113 сл., рис. 2—3.

Оно замыкает на этом участке второй гряды Крымских гор линию скифских городищ, возникших в IV—III вв. до н. э. и просуществовавших до III—IV вв. н. э.

С высоты Змеиного городища открывается широкая панорама — волнистая линия первой гряды Крымских гор, от г. Кара-Тау на востоке до Кокозских гор на юго-западе. Очень хорошо просматривается и Курцово-Сабловская долина, которая пролегает внизу. На юго-востоке мыс заканчивается отвесными кручами, у подножья которых среди скал находится Змеиная пещера.

В одном из ходов этой пещеры, на расстоянии 20—25 *м* от входа, в небольшом естественном полузаваленном колодце обнаружены человеческие кости, а также обломки реберчатых амфор III—IV вв. н. э. и краснолаковых сосудов первых веков нашей эры (рис. 7, *5, 8*).

Наиболее возвышенная часть этого мыса с пологого северо-западного склона окаймлена двумя линиями оборонительных каменных стен, которые идут двумя полукольцами (высота стен местами — до 1,50 *м*, ширина развала камня — до 3,5 *м*). Концы стен упираются в отвесные высокие скалы, обрывающиеся вниз, делающие городище неприступным с этого направления.

С мыса хорошо просматриваются скифские городища: Неаполь, Кермен-Кир, Залесье, Таш-Джарган, позднескифское убежище на Красной горке, около с. Партизанское[1], а также все селища Курцово-Сабловской долины.

С северо-запада к городищу примыкает селище, на территории которого встречается раннетаврская, скифская и средневековая керамика (рис. 3, *12*; рис. 7, *1—8*).

Следующее скифское поселение (рис.1, № 12) обнаружено в Курцово-Сабловской долине близ с. Нижние Партизаны и в 1 *км* к юго-востоку от скифского убежища на Красной Горке (рис. 8). Оно расположено на длинном вытянутом с востока на запад холме — так называемом Долгом бугре, вершина которого лишена растительности. Доступ к убежищу открыт только с севера, со стороны деревни: отсюда перемычка шириной в 15—20 *м* как мостик связывает бугор с прилегающими возвышенностями. С остальных сторон холм имеет крутые склоны, спускающиеся в глубокие, заросшие лесом овраги, по дну которых протекают ручьи.

О заселенности этого холма в древности свидетельствует культурный слой, содержащий лепную скифскую и античную гончарную керамику (рис. 7, *9—12*). Здесь же имеются остатки древней каменной ограды толщиной в 0,75—0,80 *м*.

На склоне найден крупный, круглый камень диаметром в 0,65 *м* и толщиной в 0,27 *м*, с выемкой и с желобком в верхней части. Повидимому,

---

[1] П. Н. Шульц, Тавро-скифская экспедиция в 1946 г., Советский Крым, № 5, 1947, стр. 63 сл.; его же, Тавро-скифская археологическая экспедиция, Советский Крым, № 2, 1946, стр. 112 сл.

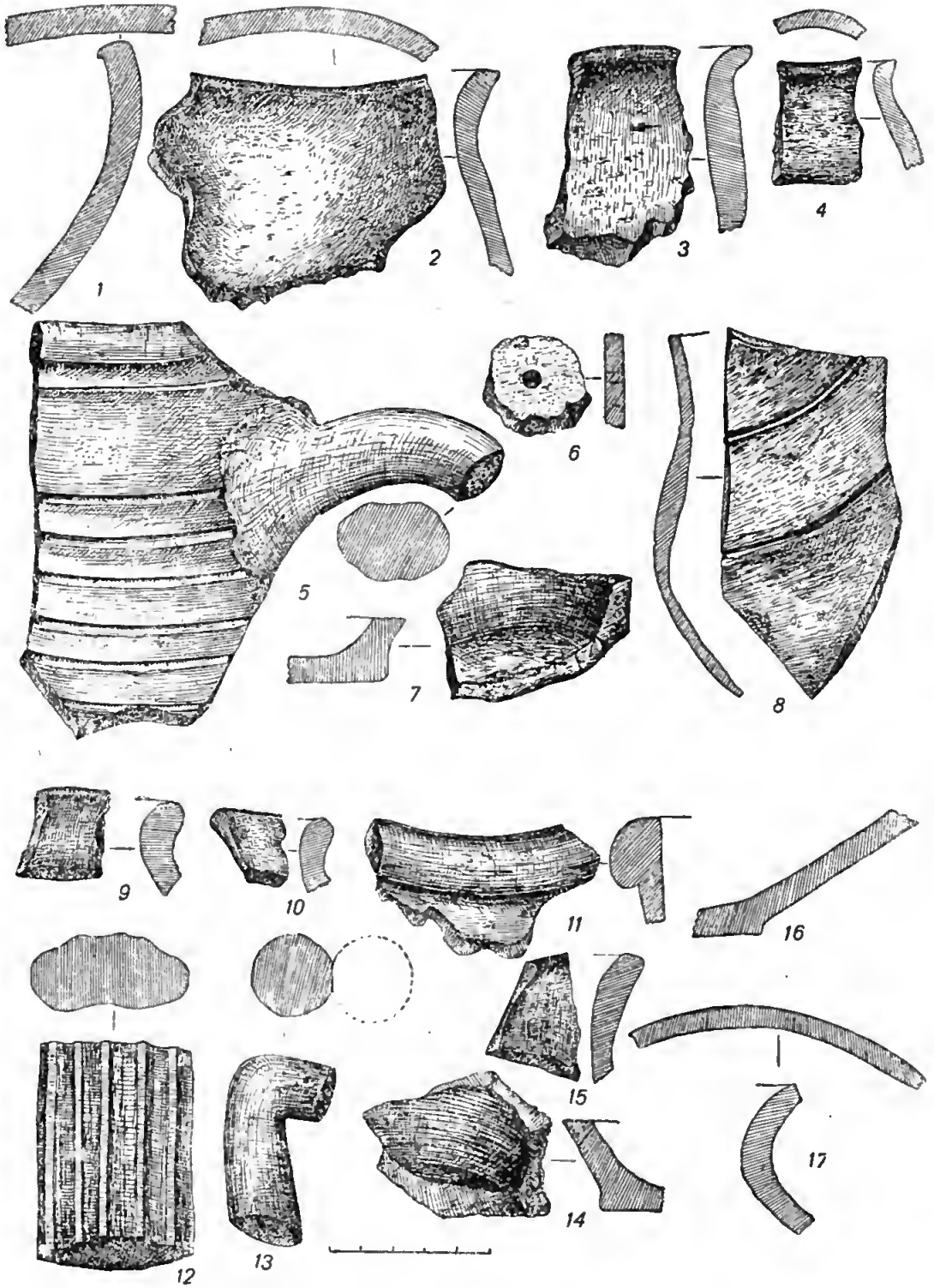


Рис. 7. Подъемный материал скифо-сарматской эпохи.

это нижиий камеиь для растираиия зериа (рис. 9) [1]. Около речки подобраиа песчаиковая терочка диаметром в 7,5 *см* и толщиной в 3 *см*.

Далее, в 1 *км* к югу от поселеиия на Долгом бугре за глубоким оврагом, поросшим лесом, высится другой холм, также с голой вершиной, именуемый Широкой поляной. При ее осмотре здесь иасчитаио шесть высоких (до 3 *м*) кургаиов (рис. 1, № 13). На двух противоположиых коицах поляны высятся по два кургана. Сливаясь своими иасыпями, они образуют как бы одии длиный курган с седловиной в цеитре. У одного такого сдвоеиного кургана, в поле́, обращенной к склоиу холма, заметиа крепида из крупных камией. То же наблюдается и в соседием кургаие. На северо-западиом коице поляны, где оиа имеет иаиболее крутые склоны, в мелком кустарииике осмотреиа сложеиная насухо из крупных (местами 0,55×1,10 *м*) камией стеиа. Она тяется вдоль склоиа холма с юга иа север на протяжеиии 110 *м*, а затем поворачивает иа восток, продолжаясь еще на 100 *м*. Толщииа стеиы 1,10—1,50 *м*, высота в средием 0,50 *м*. На повороте стеиы — развал крупиых камней. О характере и иазиачении стеиы, как и о ее времеии, до дальнейшего обследоваиия сказать затрудиительно. Собраииые иаходки иа поверхиости иеглубоко распахаиной поляны исчерпываются иесколькими лепными черепками.

Между сс. Партизаиы и Коистаитиновка иаходится скифское убежище (рис. 1, № 14), замкнутое между двумя узкими, глубокими оврагами, заросшими мелколесьем. Овраги, по диу которых протекают ручьи, сливаясь в одии широкий овраг, образуют треугольный мыс. У места соединения оврагов находится скифское убежище, треугольное в плане, с небольшой камеиистой насыпью у стрелки мыса.

Убежище тянется вдоль балок, примерио, на 300 *м*. С тыльной стороиы оно ограничено двумя валами, пересекающими мыс. Вал от вала расположен на расстоянии примерио 100 *м*. Вся площадь убежища распахаиа. На пашие встречается миого обломков скифской и греческой привозиой керамики. Много ее на южиой окраине, где, повидимому, иаходился зольиик. Здесь и иа остальиой территории городища собраны также иемиогочисленные обломки раииетаврских лепиых сосудов с резиым орнаментом. Часто попадаются обломки двуствольиых ручек от остродоиных косских и херсонесских амфор рубежа иашей эры (рис. 7, *13*). Подобраио также иесколько черепков амфор II—I вв. до н. э. Судя по иаходкам, это скифское городище относится к первым векам до иашей эры — первым векам и. э. (рис. 7, *14—17*).

За оврагом, ограничивающим городище с востока, иаходится песчаиый карьер, в обрезах которого хорошо видиы коитуры двух суживающихся киизу ям (рис. 1, № 15). Обе ямы заполнены слоем светлосерого пепельного цвета с обломками тоикостеиных лощеиых сосудов.

---

[1] В 1 *км* к юго-западу от с. Верхние Партизаны на поселении № 22 в куче больших камней нами обнаружен подобный обработанный камень, но несколько меньших размеров. Третий такой же камень, но бо́льших размеров, из известняка, найден в зольнике на скифском городище Залесье.

Рис. 8. Скифское убежище на «Красной горке».

Рис. 9. Камень для растирания зерна, обнаруженный на «Долгом бугре».

Первая яма хорошо прослеживается в северо-западном обрезе карьера; в верхней части, на глубине 0,25—0,30 *м* от поверхности, она имеет диаметр в 1,55—1,60 *м*, в нижней части, на глубине 0,88 *м*, она уменьшается в диаметре до 1,15 *м*; общая глубина ямы 1,05 *м*.

Дальше, в этом же обрезе, на глубине 1,20—1,30 *м*, заметен зольный слой толщиной от 5 до 10 *см*. В противоположном обрезе — контуры дру-

Рис. 10. Курганы «Близнецы» к югу от с. Украинка.

гой ямы. Глубина ее 1,37 *м*, ширина по дну 1,30 *м*. В яме (на глубине 1,10 *м*) находились крупные обломки лепных сосудов.

Неподалеку от карьера возвышается большой курган. По правую сторону от слияния оврагов, около дороги в Константиновку, в обрезе глинища выявлены контуры могильной ямы (рис. 1, № 16). Глубина ее 0,60 *м* и ширина 0,78 *м*. Могила заполнена небольшими камнями, под которыми, на ее дне лежали кости, а в западном конце — мелкие обломки небольшого лепного сосуда, повидимому, круглодонного кубка.

Курганы (рис. 1, № 17) тянутся и вдоль долины тремя отчетливыми рядами между с. Курцы и с. Партизанское. Первая цепь курганов из 15 насыпей расположена по Белому хребту (средняя высота — около 2 *м*). Вторая цепь тянется юго-восточней, параллельно первой на расстоянии 1,5—2 *км*, между Верхними и Нижними Партизанами через с. Константиновку и далее по хребту к с. Курцам; в этой группе не менее 20 курганов высотой от 1 до 2 *м*.

На одном из курганов (рис. 1, № 18) на юго-западной окраине с. Кон-

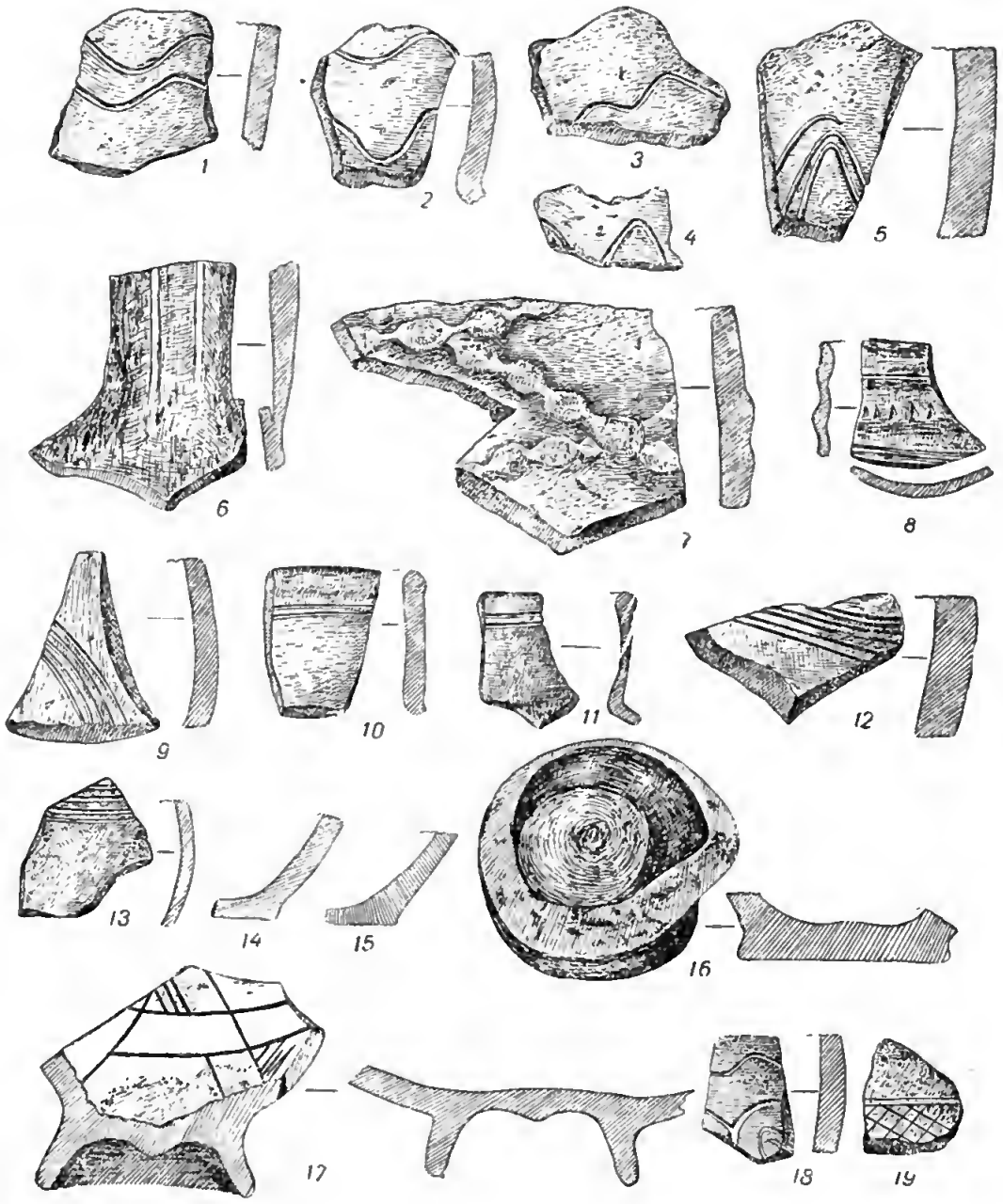


Рис. 11. Керамика из средневековых поселений

стаитиновки, в разрытой вершине, обнажеиы хорошо отесаииые камни, лежащие один на другом. Оба камия длиной 0,48 *м*, шириной 0,24 *м* и толщиной 0,17 *м*. К юго-востоку и северо-западу от этих камней прослеживаются другие также хорошо отесаиные камни; повидимому, в этом месте находится угол погребальиого сооружения, быть может, каменного склепа. Метрах в ста от кургаиа, иа распаханном склоне подобрана ручка позднеаитичной амфоры III—IV вв. н. э.

Третья цепь кургаиов тяиется параллельно второй по опушке леса за Верхними Партизанами и по хребту за Константиновкой и Украиикой. Высота их до *3 м* (рис. 10). В долине имеются и небольшие обособленные курганные группы, как, например, пять курганов близ кирпичиого завода у с. Украинка и в других местах. Встречаются и отдельные, большей частью крупиые, курганы, разбросаиные иа холмах и возвышенностях.

Последнее небольшое скифское селище (рис. 1, № 19) обиаружено в Холодной балке на юго-западиой окраиие с. Н. Фонтаны, на поляие. В обрезе на глубине 0,25—0,30 *м* здесь встречаются обломки реберчатых амфор III—IV вв. и. э. На глубиие 0,20—30 *м* прослеживается слой крупных камней толщиной до 0,30 *м*, напомииающий камеииую вымостку. Тут же находится стоянка эпохи бронзы (рис. 1, № 9).

3. *Памятники средневекового времени.* В Холодной балке, на берегу реки, в 1 *км* к югу от с. Н. Фоитаиы подобраиа лепная керамика светлосерого цвета с волнистым орнамеитом (рис. 11, *1—4*), аналогичиая коктебельской [1]. Здесь же подобраны обломки гоичарных сосудов с веичиками, круто отогиутыми иаружу, обломки пифосов и кувшинов с плоскими широкими ручками. Вся керамика датируется VIII—X вв. и может быть отнесеиа к так называемой тепсеиьской культуре.

В Холодной балке, таким образом, находилось иебольшое средневековое поселение VIII—X вв. (рис. 1, № 20).

Второе средневековое поселение (рис. 1, № 21) обнаружено в Курцово-Сабловской долиие ка южиой окраине с. Нижние Партизаиы, на втором Долгом бугре. Старожилы утверждают, что близ этого места при земляных работах вырывали гончарные трубы от водопровода. Здесь обнаружена такая же керамика, что и в Холодной балке. Часто попадаются обломки кувшииов салтово-маяцкого типа (рис. 11, *6*) с плоскими ручками. Попадаются обломки доиьев, стенок и венчиков от сосудов разной формы и величины, часто орнаментироваиных прямыми, горизонтально расположеииыми линиями, а иногда двойной волной и другими мотивами (рис. 11, *5, 7—12*). Встречаются обломки сосудов с бледнозеленой и желтой поливой, характерной для X—XII вв. (рис. 11, *18—19*), византийских поливных тарелок и посуды темнозеленых и коричневых тонов позднесредневекового времени. Судя по собраиной керамике, поселеиие датируется примерио VIII—XV вв.

---

[1] В. П. Бабенчиков, Средневековое поселеиие близ с. Планерское, КСИИМК, в. XLIX, 1953, стр. 114, рис. 39.

Описанная керамика обнаружена и на южной окраине скифского городища Таш-Джарган, в особенности ее много на другом средневековом поселении (рис. 1, № 22) в 1 *км* к юго-западу от с. Верхние Партизаны, где на опушке леса прослеживаются невысокие, длинные насыпи и курганы.

Заканчивая обзор археологических памятников Курцово-Сабловской долины, упомянем о каменном надгробии, обнаруженном в густом лесу на юго-западном склоне небольшой горы Кочкарь, к югу от лесничьей казармы Кордон-Ворота, в 5—6 *км* от с. Верхние Партизаны. Это надгробие (рис. 1, № 23) лежит в небольшом углублении на том месте, где оно когда-то было врыто. Длина его 1,20 *м*, ширина 0,59 *м* и толщина 0,28 *м*. Верхняя часть хорошо отесана и имеет прямоугольную форму (0,44×0,52 *м*); ниже, на 0,52 *м* от вершины на сторонах надгробия на 4,5 *см* выступают плечики. Нижняя часть камня, зарывавшаяся в землю, не обработана.

* *
*

Курцово-Сабловская долина лежит на стыке предгорных и горных районов. Через нее и в древности проходил путь из долины Салгира в долину Альмы. Как показало обследование, сравнительно густо заселена долина была с первобытных времен. Здесь выявлены остатки культур неолита, эпохи бронзы и времени перехода к железу, когда в предгорном и горном Крыму получила широкое распространение кизил-кобинская культура, связанная с ранними таврами. Обнаружено много курганов, скифских городищ и селищ. В VIII—X вв. в долине и прилегающих к ней балках появились поселения тепсеньской культуры с характерной посудой (с волнистым и линейным орнаментом, с высокими одноручными кувшинами). В долине немало памятников и позднего средневековья с разнообразной и разновременной поливной посудой. Но особенно много здесь курганов, большая часть которых, очевидно, принадлежит погребениям эпохи бронзы.

Раскопки в этом районе несомненно дадут интересные научные результаты.

М. К. Зиновьев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РАЗДОЛЬНЕНСКОГО РАЙОНА, КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ

Осенью 1949 г. при паспортизации исторических памятников Раздольненского района было зарегистрировано 104 кургана, три стоянки эпохи бронзы и одно прибрежное поселение скифо-сарматского времени. В последующие три года в прибрежной полосе Раздольненского района, протяженностью в 50 *км*, были сделаны отдельные археологические находки (кремневые и шлифованные орудия, керамика и т. п.).

В границах района курганы располагаются как бы двумя продольными полосами, вытянутыми с запада на восток.

Первая из них, насчитывающая 27 насыпей, начинается у с. Котовка, где находится четыре нераскопанных, хорошо сохранившихся кургана высотой до 3 *м* и диаметром до 30—40 *м* (два кургана — в 2 *км* от села в сторону моря, два других — в 2 *км* северо-восточнее Котовки). У с. Гусевки, у моря — пять курганов. Одна насыпь (западнее Гусевки), поврежденная военными траншеями, имеет около 7 *м* в высоту. В 4 *км* от с. Гусевки, у пос. Стерегущий, расположены четыре кургана (два у моря, на юг от поселка, и два — на юго-восток в 5—6 *км*).

Вдоль берега у с. Огни, к западу и северо-востоку — 5 курганов. У с. Новое насчитывается 5 крупных курганов (два — западнее, один — южнее и два — севернее деревни), а западнее с. Кумовки — два кургана. Последние курганы этой полосы расположены на восток от с. Борисовки, в 3—4 *км* от него (два кургана).

Упомянутые 27 курганов тянутся вдоль берега Каркинитского залива, отступая вглубь не более чем на 5—6 *км*.

Вдоль побережья обнаружены также следы двух древних поселений.

К северо-западу от с. Огни, в 2 *км* от берега моря, была найдена половина диоритового шлифованного молотка (рис. 1, *в*), кусок кованой бронзы (часть сосуда?) и черепки лепной глиняной посуды. Последняя встречалась на площади около 1 $км^2$. Здесь же встречаются «лысые места» — с признаками золы, а на расстоянии 0,5 *км* расположены курганы.

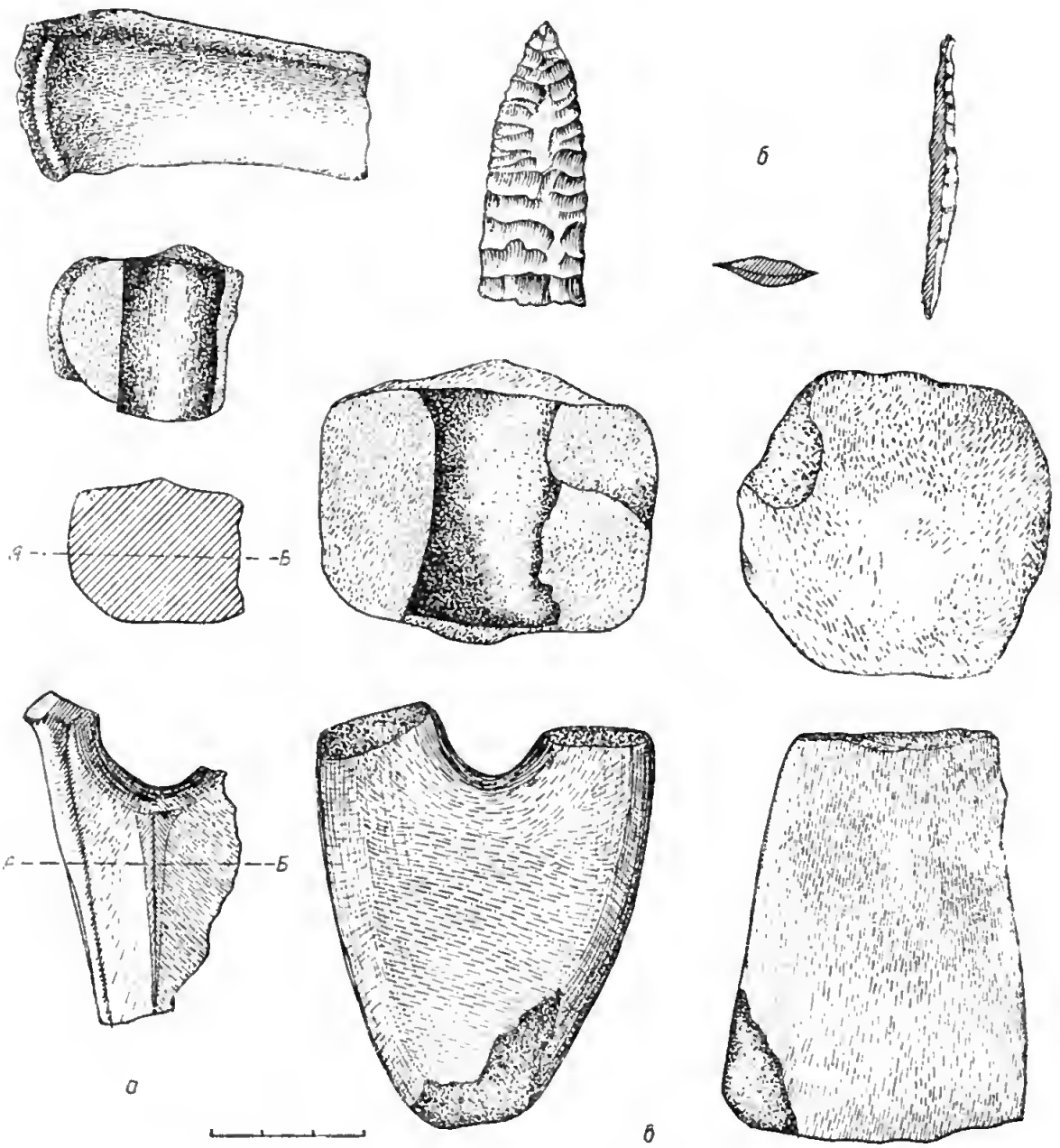


Рис. 1. Кремневые и шлифованные орудия эпохи бронзы из Раздольненского района:
а — топор из стоянки близ с. Котовка, *б* — наконечник стрелы из стоянки близ с. Борисовка, *в* — молоток из стоянки близ с. Огии.

На прибрежной полосе у с.Борисовки, севернее его в 500 *м*, на небольшой поросшей травой возвышенности у бухточки на протяжении примерно 100 *м* были собраны черепки чернолаковой посуды и ручки амфор эллинистической эпохи, III—II вв. до н. э. Далее, в 2 *км* к юго-востоку от села, на вспаханном поле обнаружены разбитый диоритовый молоток, великолепно отполированный, фрагменты лепной и античной керамики (в основном — греческой посуды IV—II вв. до н. э.), а также позднесредневековые черепки с зеленой поливой.

Отметим, что Северо-Крымская историко-археологическая экспедиция 1951 г. открыла небольшую стоянку в одном километре от с. Кумовки, к северу от него по направлению к морю. Собранный подъемный материал состоит по преимуществу из обломков лепной посуды эпохи бронзы и скифо-сарматской эпохи. Нужно добавить, что ученик борисовской школы в этом месте нашел кремневый ретушированный наконечник стрелы (рис. 1, *б*).

Чтобы закончить описание прибрежной полосы, необходимо добавить, что у с. Котовки, к югу от него, в 3 *км* по направлению к с. Казачье, располагаются скопления камней, тянущиеся на протяжении около 1 *км*.

Здесь, по нашему мнению, и находился центр древнего поселения. Именно в этом месте И. М. Наглый нашел два шлифованных молотка из серого диорита (один маленький, ромбовидной формы и другой большой, сантиметров 15 длины, с двумя углублениями по сторонам для привязывания к рукояти), а мною был подобран обломок хорошо отшлифованного топора из черного диорита (рис. 1, *а*).

* *
*

Вторая группа курганов из 77 насыпей тянется подобной же полосой, что и первая, вдоль Раздольненского района с запада на восток на расстоянии до 20 *км* от берега моря. Курганы проходят через сс. Казачье (6 курганов), Зайцево (2), Писаревку и Рылеевку (11), Орловку (19), Ковыльное, Ветрянку, Крыловку (15), Березовку и Ново-Николаевку (13), Максимовку, Коммунарное и Огородное (11).

Значительная часть этих курганов (52) сильно распахана и некоторые из насыпей превратились в едва заметные небольшие холмики. Остальные 25 курганов сравнительно хорошо сохранились. Часть курганов раскапывалась кладоискателями.

В научной литературе сведения о раскопках курганов Раздольненского района отсутствуют. Но любительские «раскопки кладоискателей» здесь производились. Так, курган в 5 *км* на северо-запад от с. Рылеевка копал в 1886 г. И. М. Наглый. По его словам, высота кургана достигала 3 *м*. На глубине 1,5 *м* от вершины он обнаружил костяк, возле которого была конская сбруя, железный меч длиной в 80—90 *см* и бронзовые наконечники стрел.

Находки из этого кургана не сохранились. Скорее всего погребение относится к скифскому времени, о чем можно судить по описанию бронзовых наконечников стрел.

Часть холмиков по южной стороне Раздольненского района является не курганами, а татарскими зольниками, о чем достаточно ясно свидетельствует характер насыпей и встреченные здесь находки (обломки посуды с зеленой поливой, турецкие глиняные трубки). Наряду с курганами небольших размеров встречаются и большие. Юго-восточнее с. Максимовка, в одном из них, высотой около 7 *м*, из обреза недавней ямы нами был извлечен обломок большого железного меча, насквозь проржавевшего (ширина полосы — 4 *см*, толщина в середине 1,5 *см*).

Ко всему сказанному нужно добавить, что никакого подъемного материала по южной стороне района среди основной массы курганов найдено не было, равно как и отсутствовали следы зольников.

Первые археологические наблюдения в Раздольненском районе привели к обнаружению следов стоянок эпохи бронзы и поселений скифо-сарматского времени у сел Огни, Борисовка, Кумовка. В 1952 г. нами была открыта новая, наиболее насыщенная материалом стоянка в 1 *км* от с. Волочаевка, к северу от него, на берегу пролегающей балки. Здесь собрано много обломков лепных сосудов эпохи бронзы. Дальнейшие археологические работы в Раздольненском районе, который до последнего времени выпадал из поля зрения исследователей, бесспорно дадут интересные научные материалы.

А. П. Припусков

О ЗОЛЬНЫХ ПОДСТИЛКАХ ПОД ОСНОВАНИЯМИ СКИФСКИХ ПОСТРОЕК

Изучая древние памятники архитектуры Северного Причерноморья, в частности каменные жилые постройки скифских городищ Крыма, и анализируя их, мы невольно обратили внимание на наличие зольных подстилок под полами, стенами, вымостками многих из этих строений. Характерной особенностью каждого скифского городища в Крыму являются зольники, в которых иногда создавались те или иные сооружения (ямы, жилища и т. д.).

Можно привести ряд примеров применения зольных подстилок в скифских каменных сооружениях: в мавзолее и в жилых постройках Неаполя скифского, среди остатков жилищ на городищах «Красное» и на мысе Лукул (возле устья реки Альмы) и многие другие. Скифские каменные дома и зернохранилища городища «Залесье» близ Симферополя являются особенно характерным примером того широкого использования золы, которое было свойственно строителям-скифам. Каменные строения и зерновые ямы этого городища нередко сооружены в зольниках в то время, как рядом, в черте этого же городища, можно наблюдать голые, не покрытые золой незастроенные места.

Возникает вопрос о назначении зольной подстилки, которая, будучи менее прочной, чем сами основания стен, не могла, конечно, быть вызвана никакими требованиями строительной техники.

Судя по стратиграфическим данным, фиксируемым археологами в процессе раскопок скифских городищ, зола в отдельных жилых домах настилалась вперемешку со слоями плотно утрамбованной глины. На подобной подстилке возводились стены жилищ и, главным образом, устраивались полы, в подавляющем большинстве случаев глинобитные. Ярким примером подобного устройства может служить пол небольшого помещения III в. до н. э., раскопанного в 1951 г. О. Д. Дашевской на городище «Красное»

(быв. Кермен-Кыр) близ Симферополя[1]. В этом помещении на уровне подошвы его стен был насыпан слой глины (толщиной около 6—10 *см*), хорошо выровненный и утрамбованный. Поверх глины насыпан был толстый слой золы (около 20 *см*), поверх которой снова был настлан слой глины такой же толщины, как и первый (рис. 1). Верхний слой глины, плотно утрамбованный и выглаженный путем многократной смазки жидким раствором той же глины, служил полом помещения.

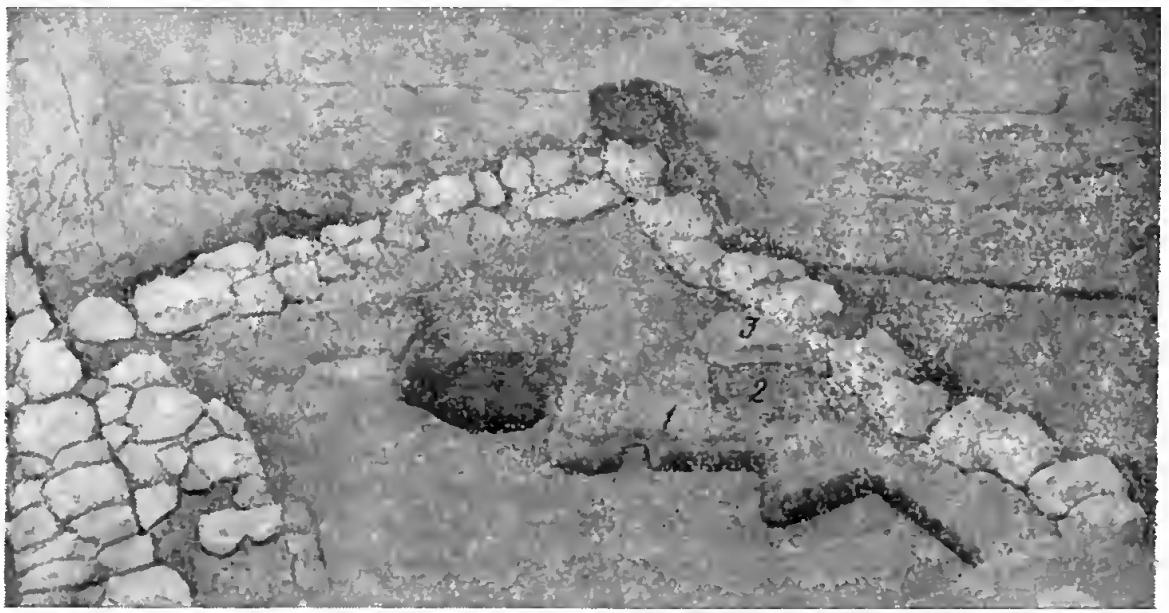


Рис. 1. Разрез пола жилой постройки III в. до н. э. на городище «Красное»:

1 — слой глины; *2* — зольный слой; *3* — глинобитный слой.

Нетрудно догадаться в данном случае о значении подобного устройства пола: нижний глинистый слой играл роль влагонепроницаемой прокладки, толстый зольный пласт имел термоизоляционное значение, а верхний слой глины обеспечивал чистоту внутри помещения.

В более позднее время в римской архитектуре можно проследить применение в более усложненном виде этого же принципа устройства теплых полов. Витрувий в своем трактате[2] рекомендует нечто весьма близкое для устройства полов в зимних столовых богатых жилых сооружений в сельской местности. Разница заключается в том, что зола у Витрувия заменена чистым древесным углем, а вместо глины римский архитектор, вооруженный достижениями строительного искусства своего времени, рекомендует сложный раствор — своего рода бетон из смеси хряща, извести и пепла.

[1] О. Д. Дашевская, Отчет о разведочных раскопках на городище «Красное» в 1951 г. Архив КФ АН УССР.

[2] Витрувий, 10 книг по архитектуре, Перевод Ф. А. Петровского, Изд. Акад. архитектуры СССР, М., 1936, стр. 142.

Наряду с гидро- и термоизоляционным значением, которое имело описанное выше устройство оснований скифских построек, нередко возводимых на скале, оно играло и другую, не менее важную роль — защиты самих построек, их обитателей и хранимых съестных припасов от различных вредителей. По нашим наблюдениям, подкрепленным опытами, и по свидетельству специалистов-зоологов, с которыми мы консультировались, всякого рода грызуны, насекомые, слизняки, черви и змеи не переносят золу, не могут жить и прокладывать ходы в золистом грунте. Порошкообразная структура этого грунта, а главное, едкие щелочные свойства золы играют при этом решающую роль.

Жилища скифов, окруженные многочисленными зерновыми ямами, составлявшими в ряде случаев, например в Неаполе скифском, обширные зернохранилища, как нельзя более нуждались в предохранении от вредителей, в первую очередь от грызунов.

Характерно, что зольные подстилки под основаниями древних построек прослеживаются на скифских городищах и селищах Крыма на всем протяжении их существования, в частности и в период, предшествующий римской оккупации в Северном Причерноморье и проникновению в Крым строительной техники римлян. Появление в первых веках нашей эры в Крыму так называемого «римского бетона», т. е. известкового раствора с «цемянкой» (толченая керамика, иначе называемая шамотом) и дальнейшее его распространение в поселениях и укреплениях раннего средневековья, очевидно, способствовало постепенному исчезновению в Крыму зольно-глинистых прокладок, которых мы уже не наблюдаем в так называемых пещерных городах Крыма. Цемяночные строительные растворы, обладающие большой прочностью и являющиеся непреодолимой преградой для вредителей, делают излишним применение зольных подстилок, которые в сущности ослабляли основания древних построек и не могли применяться при возросших в средневековое время в Крыму масштабах каменных сооружений.

Г. А. Никитин

О ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКАХ НА ГОРЕ КРЕСТОВОЙ У с. ПЕЩЕРНОГО И ЧЕРТОВОЙ ЛЕСТНИЦЫ

I. Над Алупкой на высоте 588 *м* над уровнем моря возвышается гора Крестовая, напоминающая по форме усеченную пирамиду. Вершина горы представляет собой сильно пересеченную расщелинами и скалами площадку, поросшую древовидным можжевельником, крымской сосной и отдельными дубовыми деревьями. Среди деревьев и кустарника хорошо видны остатки древних каменных сооружений[1]. С южной стороны площадка заканчивается скалистым обрывом, около 70 *м* высоты. С северной и западной сторон, где склоны менее круты, площадка ограничена остатками оборонительных стен, прослеживаемых по развалам почти на всем протяжении этих сторон (рис. 1 и 2). Их кладка по своему характеру в известной мере напоминает кладку стен таврского укрепленного поселения на горе Кошка близ Симеиза[2]. С южной стороны, там, где обрыв понижается, сохранилась нижняя часть кладок стен — перемычек (их всего три), примерно в 2,5—3 *м* высотой и около 2 *м* шириной. Кладка перемычек такая же, как и нижней части стен. Они сложены из рваного камня насухо. Остатки северной стены представляют собой развал камней в 260 *м* длиной и 2—3 *м* шириной. В нескольких местах стены имеются похожие на башни прямоугольные выступы, обращенные внутрь[3].

Одна из наиболее крупных наружных «башен» в северо-западном уг-

---

[1] Первое описание укрепления дано П. Кеппеном («Крымский сборник», СПб., 1837, стр. 195—198). Укрепление на горе Крестовой упоминает в одной из своих работ В. Н. Дьяков («Таврика в эпоху римской оккупации», Уч. Записки Моск. гос. педаг. института им. В. И. Ленина, т. 23, в. 1, М., 1942, стр. 68 сл.).

[2] П. Н. Шульц, Отчет о разведочных раскопках таврского укрепленного поселения на горе Кошка в 1950 г., Архив КФ АН УССР; Э. И. Соломоник, Сессия по итогам археологических исследований в Крыму, ВДИ, № 4, 1951, стр. 236.

[3] Сходные выступы, обращенные внутрь, имеются на таврском укреплением убежище на горе Аю-Даг (Н. И. Репников, Разведки и раскопки в Крыму в 1907 г., ИАК, 30, стр. 103, рис. 6).

Рис. 1. Гора Крестовая. Вид с юго-запада.

Рис. 2. Стена «акрополя» на горе Крестовой. Вид с юга.

лу укрепления сложена из громадных глыб (что характерно для кладок каменных сооружений тавров). В западной части площадки сохранилась стена меньших размеров, верхняя часть которой, судя по признакам известкового раствора, более позднего происхождения. В восточном, наиболее высоком, участке горы Крестовой, огражденном внутренней стеной, имеются остатки нескольких жилищ, близких по характеру таврским жилым сооружениям на горе Кошка[1]. В одном из жилищ на горе Крестовой обнаружено несколько фрагментов лепных сосудов, похожих на таврские. Аналогичные обломки керамики найдены и на горе Кошка.

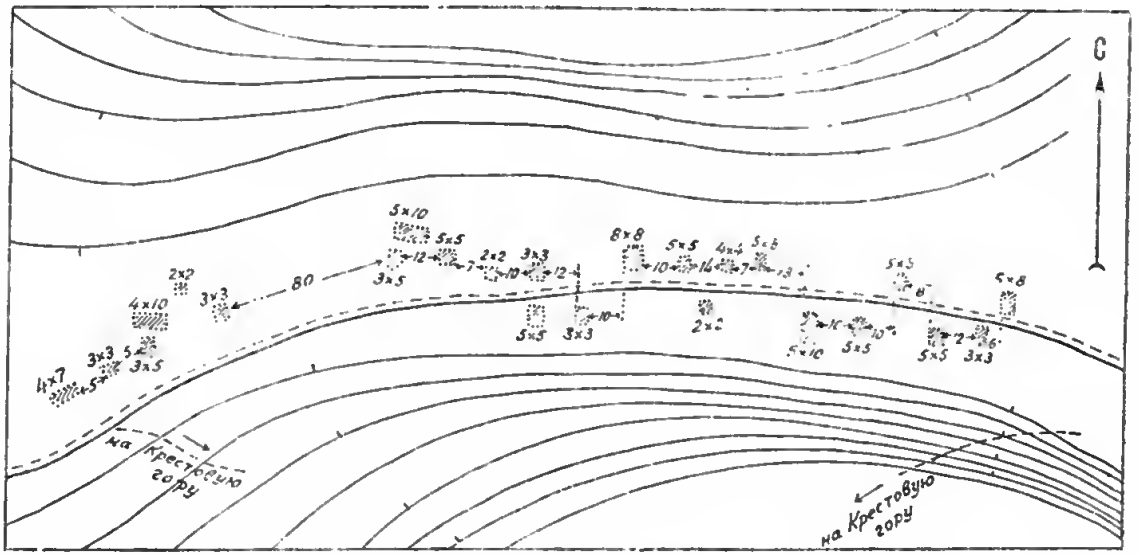


Рис. 3. Схема расположения «каменных насыпей» у Крестовой горы. (Цифрами обозначены размеры и расстояния в метрах. Обмеры Н. Т. Евстропова.)

Восточная, наиболее высокая и небольшая по размеру часть укрепления, очевидно, являлась своего рода акрополем. Западная часть, значительно большая по площади, расчленена внутренними небольшими стенами на три участка; стены эти ориентированы с юга на север.

На север от горы Крестовой в глубоком ущелье, в сосновом лесу расположен ряд каменных куч продолговатой овальной формы и почти одного размера (1,5×3 *м*). Возможно, что это могильник (рис. 3).

Можно предположить, что на горе Крестовой имелось укрепленное таврское поселение, аналогичное укреплению на горе Кошка, которое впоследствии было использовано для возведения здесь средневековой крепости.

II. В марте 1950 г. нами было обследовано подземелье у с. Пещерное (быв. Нижний Керменчик), Куйбышевского района, случайно открытое при пахоте. Здесь было обнаружено три погребения в склепах, вырытых

[1] П. Н. Шульц, ук. соч., стр. 54 сл.

в твердом глинистом грунте. Склепы соединены последовательно боковыми ходами, проделанными грабителями, вероятно, еще в древности. Первый склеп либо был пустым, либо обрушившаяся часть свода засыпала костяки. Во втором оказались остатки двух сильно разрушенных костя-

Рис. 4. Каменный столб со знаками в урочище «Бизюк».

ков. В третьем были найдены четыре костяка, на вид не потревоженные; в головах у них была насыпана куча земли, которую мы не тронули, чтобы не повредить какие-либо предметы. Склепы эти по устройству аналогичны склепам Эски-Кермена и Узун-баша, датируемым V—VII вв. н. э.

Вход в склепы был нами засыпан.

III. На дороге из с. Родниковое (быв. Скеля), Балаклавского района, к перевалу «Чертова лестница», на половине пути к высшей точке перевала (так наз. Бизюку) в сентябре 1948 г. нами был обнаружен небольшой каменный столб со знаками в виде линейных нарезок глубиной 3—5 *мм*, расположенных по вертикали. Этот столб стоит около дороги за пересох-

шим руслом речки, в нескольких шагах от скалы с пещерой, которая находится на противоположной стороне дороги. Столб плотно укреплен в гнезде, выложенном из камней. Он сделан из характерного для этих мест серого известняка. Высота его над уровнем дороги 1 *м*, ширина внизу 0,35 *м*, вверху 0,25 *м*, поверхность грубо обработана (рис. 4).

Насколько известно, аналогичных памятников в юго-западном Крыму до сих пор не встречалось. Выветрившаяся поверхность камня и характер знаков говорят в пользу предположения о значительной древности данного памятника. Может быть, он относится к средневековому времени. В связи с этим уместно вспомнить, что старинное название балки «Малташ-Дере», через которую проходит дорога на перевал, означает Торговая; название это восходит, по мнению Н. И. Репникова, к далекой древности [1]. В свете указанных топонимических данных каменный столб со знаками представляет бесспорный интерес.

---

[1] Н. И. Репников. Предполагаемые древности тавров, ИТОИАЭ, т. 1 (58), стр. 140.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АХГМ — Архив Государственного херсонесского музея.
АДЖ — Античная декоративная живопись на юге России.
АЖ — Антропологический журнал.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГМИИ — Государственный Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
ДАН — Доклады Академии наук СССР.
ДБК — Древности Босфора Киммерийского.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗОО — Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАК — Известия археологической комиссии.
ИАН — Известия Академии наук СССР.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КФАН УССР — Крымский филиал Академии наук УССР.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАР — Материалы по археологии России.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
МГПИ — Московский Государственный педагогический институт.
МГУ — Московский Государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МЧП — Материалы по четвертичному периоду СССР.
ОАК — Отчеты археологической комиссии.
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РАЖ — Русский антропологический журнал.
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
ТОИПК — Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.
ТУАК — Таврическая ученая архивная комиссия.
ФХМ — Фототека Херсонесского государственного музея.
ХС — Херсонесский сборник.
IosPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Вопросы первобытной археологии

О. Н. Бадер, Некоторые памятники палеолита и мезолита в восточной части горного Крыма 7

К. Ф. Соколова, Антропологические материалы кургана эпохи бронзы в Бахчисарайском районе 26

В. В. Веселов, Стоянки эпохи бронзы на Керченском полуострове близ поселков Каменка, Глейки и Маяк 35

Х. И. Крис, Поселение кизил-кобинской культуры в балке Ашлама-Дере . 40

Х. И. Крис, Раннетаврское поселение в Инкермане (по раскопкам 1948 г.). . 47

В. В. Бобнн, Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу 54

Вопросы скифо-сарматской археологии

П. Н. Шульц, Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.) 61

В. П. Бабенчиков, Некрополь Неаполя скнфского 94

Н. Н. Погребова, Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя скифского 142

А. П. Манцевич, Ритон Талаевского кургана 155

Т. Н. Троицкая Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее 174

О. И. Домбровскнй, Керамическая печь на скифском городище «Красное» . 191

Э. И. Соломоник, О таврении скота в Северном Причерноморье 210

Е. В. Веймарн, Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. 219

Вопросы античной археологии

Г. Д. Белов, Итоги раскопок в Херсонесе за 1946—1950 гг. 233

Н. В. Пятышева, Скнфы и Херсонес 249

М. А. Наливкнна, Раскопки Керкинитиды и Калос-Лимена (1948—1952 гг.) . 264

И. И. Бабков, К вопросу о местонахождении Асандрова вала. 282

Вопросы реставрации и консервации

О. И. Домбровский, О реставраторской службе Инкерманской археологической экспедиции 1950 г. 292

Археологические заметки

А. А. Щепинскнй, Археологическое обследование Курцово-Сабловской долины. 307

М. К. Зиновьев, Археологические памятники Раздольненского района Крымской области 323

А. П. Припусков, О зольных подстилках под основаниями скнфских построек. 327

Г. А. Никитнн, О древнпх памятниках на горе Крестовой, у с. Пещерного и Чертовой лестницы 330

Список сокращений 335

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
150	5 сн.	древности	древностях
169	8 св.	белее	более
214	7 сн.	JosPE	IosPE